UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

BOOK CARD

Please keep this card in
book pocket

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

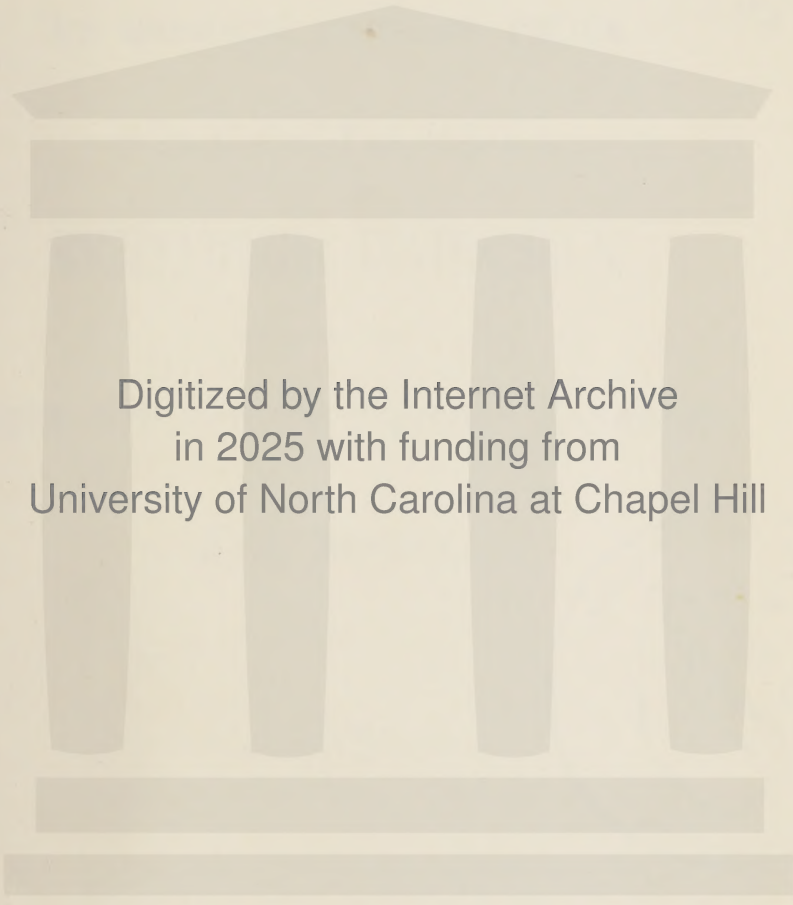
HF1557
.F57

C

SEP 3 0 1979

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
Form No. 513			



Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/pravitelstvoiobs00firs

Глубокоуважаемому Василію Иванов
Покровскому
от

ПРАВИТЕЛЬСТВО И ОБЩЕСТВО

Pravitel'stvo i obshchestvo

ВЪ ИХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

HF1557
.F57

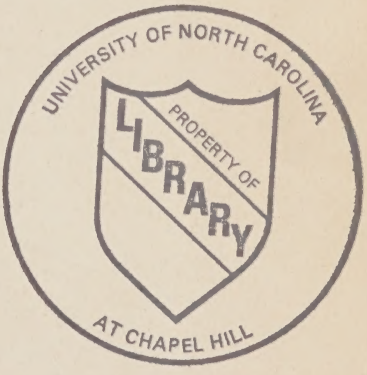
КЪ ВНѢШНЕЙ ТОРГОВЛѢ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

Очерки изъ исторіи торговой политики

Н. Н. Фирсова.



КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1902.

Печатано по опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

И. д. Декана *Д. Корсаковъ.*

ПАМЯТИ

СВОЕГО ОТЦА

НИКОЛАЯ АЛЕКСѢЕВИЧА ѲИРСОВА

Авторъ посвящаетъ этотъ трудъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Когда исключительныя привилегіи даются на мануфактуры, уже усовершенствованныя или на такія, которыя и безъ всякихъ привилегій могутъ притти въ совершенство; когда въ исключительное пользованіе раздаются торговые пути, уже всѣмъ извѣстные, чрезъ которые и прежде шла свободная торговая дѣятельность и которые можно довести до высшей степени торговаго процвѣтанія только свободною торговлею; когда привилегіи раздаются одному или двумъ только лицамъ, не имѣющимъ опытности, которые дѣйствуютъ единственно чрезъ своихъ повѣренныхъ, обыкновенно отличающихся ненасытною жаждою пріобрѣтенія и жестокосердіемъ и отсюда совершенною безчувственностью къ бѣдствіямъ народа; когда эти привилегіи наконецъ даютъ фаворитамъ по расчетамъ фаворитства (par faveur) или за оказанныя услуги, но такія, которыя конечно могли бы быть вознаграждены инымъ, болѣе выгоднымъ для государства, способомъ, даютъ безъ всякихъ условій, безъ ограниченія даже временемъ опредѣленнымъ: тогда можно сказать, что торговля уби-

981747

та, промышленность и соревнованіе подавлены, всякій гнетъ безнаказанъ и государство на пути къ погибели. Доказательство тому на лицо: наша имперія находится въ такомъ жалкомъ состояніи». Такъ въ іюнѣ 1761 года писали о печальныхъ результатахъ торгово-промышленной политики императрицы Елизаветы Петровны и другихъ, управлявшихъ Россіею послѣ Петра Великаго [1])... Какова была означенная политика въ подробностяхъ, на этотъ вопросъ главнымъ образомъ и отвѣчаетъ мое прежнее сочиненіе: «Русскія торгово-промышленныя компаніи въ 1-ю половину XVIII стол.» (очерки изъ исторіи торгово-промышленной политики и соотвѣтствующихъ общественныхъ отношеній, Казань, 1896 г.). Теперь предлагаемая работа представляетъ попытку изучить вопросъ о внѣшней торговой политикѣ императрицы Екатерины II-ой въ связи съ болѣе или менѣе примыкающими сюда мнѣніями и проектами современниковъ. Мнѣ казалась нелишней такая постановка вопроса, такъ какъ она можетъ способствовать вообще лучшему уясненію дѣятельности государства и общества въ одну изъ наиболѣе знаменательныхъ эпохъ нашей исторіи. Имѣя въ виду эту общую точку зрѣнія, я преслѣдовалъ прежде всего, разумѣется, спеціальную задачу,—именно, старался изобразить, какъ правительство и общество д у м а л и «исправить» внѣшнюю русскую тор-

---

[1]) Н. А. Ѳирсовъ: Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ новой Россіи до 1762 г. и колонизація закамскихъ земель въ это время. Казань. 1869., стр. 94.

говлю, вывести ее изъ жалкаго состоянія, въ какомъ она находилась, и поставить на надлежащую высоту... Сообразно съ этой задачей, я ввожу въ изложеніе цѣлый рядъ «коммерческихъ» разсужденій и «плановъ», большею частью изъ архивныхъ источниковъ, частью же изъ разсѣянныхъ по мало извѣстнымъ большой публикѣ изданіямъ; а затѣмъ, группируя правительственныя распоряженія и законодательные акты въ связи (тамъ, гдѣ это возможно) со спеціальными мнѣніями и проектами, сосредоточиваю свое вниманіе на сопоставленіи тарифовъ и важнѣйшихъ мѣропріятій Екатерины, касающихся до внѣшней торговли,—съ главнѣйшими теченіями въ сужденіяхъ о русской коммерціи и вообще съ экономическими идеями даннаго момента, учрежденія, класса, лица.

Ограничиваясь здѣсь лишь этими замѣчаніями, я считаю пріятнымъ долгомъ принести глубокую благодарность историко-филологическому факультету, давшему мнѣ возможность напечатать предлагаемый трудъ въ «Ученыхъ Запискахъ Императорскаго Казанскаго Университета».

Авторъ.

25-е августа 1902 г.

ПРАВИТЕЛЬСТВО И ОБЩЕСТВО

ВЪ ИХЪ

ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ ВНѢШНЕЙ ТОРГОВЛѢ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II-ОЙ

Очеркъ первый.

Мнѣнія и вопросы объ улучшеніи состоянія русскихъ купцовъ и торговли въ проектахъ и планахъ общаго характера.

I.

Краткая характеристика финансоваго и экономическаго положенія Россіи при воцареніи Екатерины II-ой. Учрежденіе коммиссіи для разсмотрѣнія торговли Россійскаго государства.

Торговля имѣетъ очень тѣсную связь съ государственными финансами; тѣмъ ближе была эта связь встарину, когда правительства смотрѣли на торговлю, особенно на внѣшнюю, какъ на одно изъ видныхъ средствъ „пополненія казны". Финансовое положеніе Россіи, которое Екатерина II-я получила въ наслѣдство отъ своихъ предшественниковъ, было весьма не блестяще. Екатерина сама впослѣдствіи мѣтко охарактеризовала это положеніе. „Въ 1762 году, при вступленіи моемъ на престолъ", вспоминала потомъ императрица, „я нашла сухопутную армію въ Пруссіи, за двѣ трети жалованье не получавшую... Въ штатсъ-конторѣ именные указы на выдачу 17 милліон. рублей не выполненные... Почти всѣ отрасли торговли были отданы частнымъ людямъ въ монополію... Таможни всей Имперіи Сенатомъ даны

были на откупъ за 2 мил. Монетный дворъ со времени царя Алексѣя Михайловича считалъ денегъ въ обращеніи 100 милліоновъ, изъ которыхъ 40 мил. почитали вышедшими изъ Имперіи вонъ и натурою отправленными; понеже тогда вексельнаго оборота либо вовсе не знали, либо мало употребляли... Блаженной памяти государыня императрица Елизавета Петровна, во время Семилѣтней войны, искала занять 2 мил. рублей въ Голландіи, но охотниковъ на тотъ заемъ не явилось, слѣдовательно кредита или довѣрія къ Россіи не существовало" и проч. [1]). Это Екатерина II-я писала послѣ 21-го мая 1779 г.; но еще раньше, въ 1763 году, одно изъ лицъ, уполномоченныхъ „размышлять" о Россійской коммерціи, въ запискѣ, представленной императрицѣ, дало весьма вразумительную картину финансоваго и экономическаго положенія Россіи. „Что Ваше величество, спрашиваетъ авторъ записки, „нашли при вступленіи своемъ на престолъ"? И отвѣчаетъ: „Государственные доходы пребѣдные и въ крайнемъ безпорядкѣ; казну расхищенную и лишенную немалой части надежнѣйшихъ прибытковъ; разные доходы безъ всякой причины отданные партикулярнымъ людямъ, слабое управленіе; никакой непосредственной коммерціи съ иностранными государствами; никакого учрежденія для развозу на Россійскихъ судахъ товаровъ; и внутреннюю коммерцію вездѣ связанную; народъ и безъ того немногочисленный войною еще больше уменьшенный, мануфактуры вмѣсто того, чтобы въ большее совершенство приходить, въ прежнемъ незнаніи пребывающія; монеты одного званія, но различной внутренней доброты. Коммерцъ—коллегію и магистратъ изъ незнающихъ людей составленные и наконецъ дворянство, обременен-

[1]) Сб. Имп. Русск. Ист. Общ., т. 27, стр. 170: «Записка Екатерины II-ой объ учрежденіяхъ, введенныхъ въ Россіи въ ея царствованіе, послѣ 21-го мая 1779 года; см. также т. 28, стр. XIII.

ное безполезною роскошью, а народъ, страдающій отъ притѣсненія и бѣдности (1) за неимѣніемъ промысловъ и способовъ къ рукодѣліямъ". (2) Анонимный авторъ записки убѣжденъ, что онъ ничего не преувеличилъ въ этой картинѣ, набросанной, какъ видимъ, съ большимъ жаромъ и захватившей всю „экономію" Россіи. „Ваше Величество", говоритъ авторъ далѣе, „безъ сомнѣнія во все сіе (т. е. во всѣ указанные недостатки экономическаго положенія Россіи) вникнуть изволили, и будучи увѣрены, что народъ благополучія своего тамъ найти не можетъ, гдѣ толикіе безпорядки происходятъ, желаете все сіе наискорѣе поправить". Отдавъ этими словами должное императрицѣ, авторъ отмѣчаетъ и тѣ общія условія, подъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ коихъ Россія впала въ столь безпорядочное матеріальное состояніе. „Нераченіе нѣкоторыхъ государей, говоритъ онъ, „приватная корысть и лакомство нѣкоторыхъ министровъ и недостатокъ познанія о истинныхъ нашихъ прибыткахъ держали насъ въ вышеписанномъ худомъ состояніи". Отсюда-то, какъ онъ думаетъ, произошли „всѣ законы, и указы противорѣчущіе и здравому разсужденію противные",—назначеніемъ которыхъ было служить „единственно" временной пользѣ. Вотъ „для отвращенія впредь таковыхъ неудобствъ" авторъ и предложилъ „на разсмотрѣніе сей новой коммиссіи" „цѣлый рядъ „пунктовъ", „дабы въ свое время разобраны и постановлены были безпристрастно и со всякою точ-

---

(1) Не даромъ императрица впослѣдствіи писала: «Внутри Имперіи заводскіе и монастырскіе крестьяне почти всѣ были (при вступленіи Екатерины II-ой на престолъ) въ явномъ непослушаніи властей и къ нимъ начинали присоединяться мѣстами и помѣщичьи» (С. И. Р. И. О. т. 28, стр. XIII).

(2) Эта цитата, приводимая мною изъ рукописной записки (Арх. д-та там. сб., д. к. о ком. № 207, 11 связка), имѣется у г. Лодыженскаго (Истор. русск. там. тар., стр. 102) съ глухою ссылкой на архивныя «дѣла»; г. Лодыженскій, впрочемъ, и ограничивается только этой цитатой изъ разматриваемаго здѣсь и далѣе любопытнаго документа.

ностью, какой требуютъ таковыя дѣла“ (1). Коммиссія, о которой здѣсь упоминается, это—та самая коммиссія, которая была учреждена именнымъ указомъ, даннымъ 8-го декабря 1763 года дѣйствит. тайн. совѣтникамъ И. И. Неплюеву, князю Я. П. Шаховскому и гр. Эрнсту Миниху; здѣсь было заявлено: ...„учреждаемъ васъ... дабы общимъ трудомъ разсмотрѣли всю коммерцію Россійскаго государства, въ чемъ оная утѣсняется или въ чемъ недостаточна, и постановили оную на такихъ принципіяхъ или основаніяхъ, отъ которыхъ бы открылся прямой путь къ торгу свойственному нашимъ областямъ“. Этотъ сложный урокъ, заданный коммиссіи, затѣмъ въ указѣ разбивается на двѣ основаныхъ задачи: коммиссія должна 1) „всѣми удобовозможными способами“ стремиться къ увеличенію русскаго вывоза, 2) заботиться о томъ, чтобы русское купечество имѣло „надежный кредитъ“ внутри и внѣ государства. Въ этомъ, по мнѣнію, выраженному въ указѣ, заключаются главнѣйшія „основанія“ торговли, и „благосостояніе“ „Россійскаго торга“ можетъ вытекать только отсюда. Преподавъ важнѣйшія „принципіи“, указъ объяснилъ членамъ коммиссіи, что они могутъ или собираться вмѣстѣ, или „по домамъ, каждый особенно, въ своихъ размышленіяхъ трудиться“; но однако всё то, что приготовлено для разсмотрѣнія и апробаціи императрицы, должно быть предварительно обсуждено на общемъ совѣтѣ коммиссіи; вслѣдствіе чего собранія ея „по временамъ“ являются обязательными (2).

Президентомъ этой коммиссіи былъ назначенъ кн. Я. П. Шаховскій, членами, кромѣ тѣхъ, на имя коихъ былъ данъ

---

(1) Архивъ департамента тамож. сбор., № 247, 11 связка.

(2) П. С. З., XVI, № 11, 985; Арх. д-та там. сб., № 207, связ. 11, ср. Чулковъ: Историч. описаніе Россійск. ком., т. II-й, стр. 250.

именной указъ объ учрежденіи коммиссіи, еще слѣдующія лица: статскій совѣтникъ Клингштетъ, коммерцъ-коллегіи прокуроръ Пушкинъ, надворный совѣтникъ Одаръ. Эти члены перечислены въ отмѣченомъ указѣ 8-го дек.; но изъ другого указа мы узнаемъ, что въ этой коммиссіи императрица повелѣла быть графу Андрею Шувалову, „которому и имѣть мѣсто за столомъ съ присутствующими“; изъ того же указа мы узнаемъ о болѣе важномъ назначеніи: „тутъ же присутствовать для производства всего дѣла и статскому дѣйствительному совѣтнику Теплову“. Таковъ былъ составъ коммиссіи, поставленной въ „единственное вѣдѣнье и покровительство“ самой государыни (1). Впослѣдствіи этотъ составъ, конечно, измѣнился, и о новыхъ членахъ мы узнаемъ тогда, когда станемъ знакомиться съ ихъ мнѣніями. Въ коммиссію императрица передала и всѣ записки о коммерціи, поступившія къ ней раньше. Екатерина указывала членамъ коммиссіи на эти записки, какъ на пособіе при ихъ собственномъ обсужденіи тѣхъ же вопросовъ, но отнюдь не какъ на инструкціи, которымъ непремѣнно должна была бы слѣдовать коммиссія. Екатерина II-я умѣла умно трактовать разные вопросы теоретическаго знанія и практики, въ томъ числѣ экономическіе и въ частности коммерческіе, и ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что она и отъ членовъ коммиссіи о коммерціи требовала продуманнаго взгляда на порученное дѣло и критическаго отношенія къ чужимъ мнѣніямъ. Въ теченіе всего времени существованія коммерческой

(1) Ар. д-та т. сбор., д. к. к., № 207, связка 11. Ср. Соловьевъ: Истор. Россіи, XXV, стр. 291 и Лодыженскій: Ист. русск. там. тар., 109 стр. Какъ извѣстно, первая коммиссія о ком. была закрыта въ 1749 году. Предложеніе объ учрежденіи новой коммиссіи о коммерціи было сдѣлано еще въ 1760 г. гр. П. И. Шуваловымъ. 27-го сентября въ Сенатѣ слушали предложеніе этого елизаветинскаго вельможи: упразднить учрежденную при Сенатѣ коммиссію о пошлинахъ (которой большая часть дѣлъ уже кончена), «а вмѣсто того учредить при Сенатѣ коммиссію о коммерціи». Сенатъ согласился. (Арх. д-та т. сб. д. к. о к., № 133, связка 7). Чулковъ свидѣтельствуетъ, что эта коммиссія по указу изъ правительствующаго Сената» отъ 28-го іюля 1762 г. была «отставлена», а ея членамъ и служителямъ было приказано «явиться въ прежнихъ мѣстахъ, откуда кто опредѣлены»—(этого

коммиссіи такихъ мнѣній поступило въ ея канцелярію не мало, какъ отъ императрицы, такъ и отъ другихъ лицъ; не мало и сама коммиссія поработала надъ составленіемъ разныхъ проектовъ и „плановъ“ для усовершенствованія русской торговли. Познакомиться хотя съ нѣкоторою частью этой „коммерческой“ литературы въ высшей степени любопытно; но прежде чѣмъ обратиться къ этому предмету, мы въ общихъ чертахъ познакомимся съ нашимъ крупнымъ купечествомъ и съ экономическими воззрѣніями въ Россіи изучаемой эпохи.

II.

Отсутствіе солидарности между русскими крупными купцами и ихъ плохое культурное состояніе. Недостатокъ купеческихъ капиталовъ въ Россіи и причины этого явленія. Частыя банкротства, какъ послѣдствіе всего этого.

Умные русскіе люди второй половины XVIII столѣтія съ горечью указывали на старинную нравственную язву, которою болѣло русское общество и которая задерживала промышленный и торговый ростъ нашей страны, указывали на неумѣніе соотечественниковъ дѣйствовать сообща, солидарно, правильно разграничить интересы и взаимно не подрывать ихъ неразумнымъ соперничествомъ и съ другой стороны—на крайнюю эгоистичность поползновеній и стремленіе забрать у другого все хотя бы цѣной потери всего своего. Въ коммиссіи для составленія проекта Новаго Уложенія (1767 г.) депутатъ отъ коммерцъ-коллегіи Сергѣй Мечениновъ, между прочимъ, говорилъ: „...нашъ русскій народъ... подобенъ птицамъ, которыя, найдя кусокъ хлѣба, до тѣхъ поръ одна у другой его отнимаютъ, пока, раскроша на самыя мелкія крупинки, смѣшаютъ ихъ съ пескомъ или съ землею и совсѣмъ растеряютъ“ (1). Почтенный „ар-

указа нѣтъ въ Пол. Собр. Закон.). См. Историч. описаніе Россійской коммерціи, т. XII, стр. 7. «Новая» (значитъ, 3-я) коммиссія была учреждена не при Сенатѣ, а при дворѣ ея Импер. В-ва. (Чулковъ: Историч. Опис., т. X, стр. 164—166).

(1) Сб. Русск.. Ист. Общ., т. 8, стр. 50 и 51.

хангелогородскій гражданинъ“ Василій Крестининъ, много послужившій родному городу и краю своими историческими трудами, въ сочиненіи, напечатанномъ въ 1792 году, свидѣтельствуетъ о „безперерывномъ согласіи иностранныхъ и всегдашнемъ несогласіи нашихъ купцовъ“. „Взаимная ревность, „нашихъ купцовъ“, говоритъ этотъ писатель, „всё согласіе между ними разрушаетъ“. Плодомъ этой „ревности“ являлась ярая конкуренція между архангельскими купцами „при самой покупкѣ морскихъ звѣрей изъ первой руки у промышленниковъ, въ поморскихъ деревняхъ“. По разсказу Крестинина, здѣсь конкуренція походила на аукціонъ, а результатомъ ея было то, что сальная торговля архангельскаго купечества большею частью оканчивалась „не барышами, а накладами“; естественно, купцы „приводили себя въ оскуденіе“ и „препятствовали“ „обществу приходить въ цвѣтущее состояніе“ (1). Неизвѣстный авторъ одной коммерческой записки, составленной въ концѣ царствованія Екатерины II-й, сдѣлалъ русскимъ честь, сказавъ, что они „нѣсколько походятъ на американцевъ“: русскіе не возятъ своихъ товаровъ за границу, а къ нимъ пріѣзжаютъ иностранные купцы и берутъ у нихъ то, чего пожелаютъ; но онъ также былъ убѣжденъ и въ томъ, что намъ изъ такого пассивнаго состоянія во внѣшней торговлѣ выйти „весьма трудно“ и въ силу такихъ условій трудно, изъ за которыхъ авторъ уже не увидалъ въ насъ сходства съ американцами. Онъ въ этомъ случаѣ сравниваетъ русскихъ купцовъ вообще съ иностранными купцами и находитъ, что у послѣднихъ „есть въ торгѣ единодушность“, тогда какъ „у насъ разномыслiе и великая у купцовъ нашихъ между собою ненависть“ (2). Такія, противныя

(1) Краткая Исторія о городѣ Архангельскомъ, стр. 65 и 66.

(2) ...«что всего удобнѣе видѣть можно на ярмонкахъ, гдѣ богатые купцы угнетаютъ маломочныхъ, а сіи послѣдніе пониженіемъ цѣнъ на свои товары и другими разными зломышленными обманами, дѣлаютъ подрывъ богатымъ и чрезъ то часто какъ ихъ, такъ и самихъ себя, въ конецъ разоряютъ.

хорошо поставленной торговлѣ, отношенія между русскими купцами были „примѣчены“ не только на внутреннихъ ярмаркахъ, но и „въ торгѣ съ Китайцами на Кяхтѣ“, также „въ торгѣ съ Хивинцами и Бухарцами“, гдѣ отсутствіе единодушія среди русскихъ купцовъ „повредило цѣну нашихъ товаровъ“; такимъ своимъ настроеніемъ не меньшій вредъ принесли русскіе купцы русской торговлѣ и въ Константинополѣ; здѣсь авторъ самъ лично наблюдалъ ихъ „торгъ“ съ турками и можетъ „сказать, что купцы наши непорядочною своею тамъ торговлею, несогласіемъ и пустыми хлопотами болѣе причиняли министрамъ нашимъ заботы, нежели пограничныя дѣла“ (1).

Другимъ тормозомъ развитія русскаго торговаго капитала было закоренѣлое невѣжество русскаго купечества, его незнаніе самыхъ элементарныхъ коммерческихъ пріемовъ и даже подчасъ приличій.—Съ купеческимъ невѣжествомъ боролся еще великій преобразователь Россіи, но оно было на лицо и при Екатеринѣ II-ой, да и позднѣе... Въ 1765 году одинъ изъ чиновниковъ коммерцъ-коллегіи во мнѣніи своемъ—отъ 18 января—отмѣтилъ, что данное Петромъ Великимъ повелѣніе о посылкѣ купеческихъ дѣтей за границу учиться коммерціи, „чрезъ 40 лѣтъ безъ исполненія оставлено“. По мнѣнію этого чиновника, русская торговля была бы „совсѣмъ въ другомъ видѣ“, если бы петровское повелѣніе „тогдажъ“ было исполнено (2). На примѣръ Петра Великаго по части заграничныхъ образовательно-коммерческихъ командировокъ ссылались и купеческіе депутаты въ коммиссіи Новаго Уложенія и присовокупляли, что мѣры Петра, которыми онъ хотѣлъ „не только сравнить“ русское купечество, „но и возвысить“ его „надъ европейскими купцами, зная достовѣрно, какъ нужна

(1) Госуд. арх. XIX, № 287.
(2) Чулковъ: Историч. опис. Росс. Комм., XII т., 243 и 244 стр.

коммерція государству", не были продолжены преемниками перваго императора (1). Сами же русскіе купцы плохо усвоили петровскіе совѣты. „Посылали ли" купцы, спрашивалъ въ той же коммиссіи кн. Щербатовъ, „своихъ дѣтей" за границу „учиться торговлѣ? Нѣтъ! Они ничего этого не сдѣлали" (2).

Не умѣя и въ подавлявшемъ большинствѣ случаевъ и не желая умѣть вести торговлю цивилизованными путями, русскіе купцы придерживались своей родной рутины, сводившейся къ искусству обманывать иноземныхъ торговцевъ у себя дома: почему нисколько не удивительно, что у иностранныхъ писателей и во 2-ой пол. XVIII вѣка наши купцы слыли далеко не стыдливыми обманщиками въ торговлѣ, надѣвавшимися въ критическіе моменты (и не безъ основанія) на покрытіе ихъ плутней за взятку туземной администраціей (3). А русскіе люди подтверждали справедливость нелестнаго мнѣнія иностранцевъ о русскихъ купцахъ (4). Во всякомъ случаѣ культурный обликъ россійскаго купца-капиталиста и этого времени довольно первобытенъ. Были, разумѣется, и исключенія (5).

---

(1) Сб. Росс. И. О., т. VIII, стр. 38.

(2) Ibid., стр. 64. Также въ сочин. князя Щербатова, изд. 1898 г., т. I, стр. 106.

(3) Scherer: Histoire raisonnée du commerce de la Russie, Paris, 1788 г., ч. I, стр. 140, 112

(4) «Купечество наше», говоритъ одинъ прожектеръ 90-хъ годовъ, «чрезъ свои обманы давно потеряло свой кредитъ у иностранныхъ, которые ихъ упрекаютъ, что они въ канаты вмѣшиваютъ паклю, въ клей загибаютъ сомовину, въ паюсную икру закладываютъ каменья и дресву, въ соленые мяса кладутъ головы съ рогами, ноги съ копытами и другіе подобные сему дѣлаютъ подлоги, также сказываютъ, что нѣкогда Голландцы жаловались, что въ проданной имъ русскими купцами паюсной икрѣ былъ на днѣ бочки цѣлый мертвый калмыкъ». Госуд. арх. XIX, № 287.

(5) Тотъ же авторъ, изъ котораго выписана сейчасъ приведенная (прим. 4) цитата, замѣчаетъ, что судить о всѣхъ русскихъ купцахъ какъ о дурныхъ людяхъ, никоимъ образомъ нельзя: «между ими, говоритъ онъ, «какъ я и самъ довольно знаю, есть много такихъ честныхъ, добродѣтельныхъ и въ торговлѣ

но въ общемъ это тотъ самый типъ, который стойко держался въ русской жизни до временъ Островскаго, начавъ постепенно исчезать лишь послѣ общественныхъ реформъ Александра II-го. При значительной природной сметливости и умѣніи прикидываться „сиротою“,—прилаживаться къ власти и выпрашивать у нея разныя льготы, екатерининскій купецъ-капиталистъ былъ прежде всего духовно безсиленъ предъ иноземнымъ купцомъ, оперировавшимъ на русскомъ рынкѣ. Иностранецъ сверху внизъ смотрѣлъ на русскаго даже тогда, когда тотъ былъ состоятельнѣе его. „Когда иностранный купецъ стоитъ съ русскимъ“, говорилъ одинъ изъ депутатовъ коммиссіи Новаго Уложенія, „то кажется какъ будто онъ стоитъ съ своимъ слугою и обращается съ нимъ свысока. Между тѣмъ русскій купецъ имѣетъ болѣе собственнаго капитала, нежели чужестранецъ“. Такое неравенство въ отношеніяхъ депутатъ выводилъ изъ того, что русскій купецъ не украшенъ шпагой, и просилъ о пожалованіи русскому купечеству этой „чести“, „послѣдствіемъ“ чего, будто-бы, возникнетъ „прославленіе государства“ (1); но несомнѣнно, что въ болѣе значительной степени означенное неравенство обусловливалось неравенствомъ культурнымъ... Отсюда понятно, почему „русскіе купцы“, какъ заявилъ въ коммиссіи Новаго Уложенія кн. Щербатовъ, были *„не весьма тщательны ко внѣшней торговлѣ*, а это, по его мнѣнію, и есть „дѣйствительная торговля, обогащающая государство“ (2). Дѣйствительно, русское купечество само „обогащалось“ плохо, и слѣдовательно о томъ, что оно обогащало государство, не могло быть и рѣчи. Въ

свѣдущихъ, что и другимъ въ томъ могутъ служить похвальнымъ примѣромъ». Ibid. Но всетаки это исключенія, хотя, можетъ быть, и нерѣдкія. Общая характеристика автора въ томъ же смыслѣ, въ какомъ предложена въ текстѣ.

(1) Сб. Р. И. Общ., 8 томъ, 95 стр.

(2) Ibid, стр. 61; Сочинен., изд. 1898 г., I т. стр. 102.

этомъ купечествѣ было мало крупныхъ капиталовъ, а культурное состояніе его очень мало давало ему возможности увеличивать ихъ путемъ раціонально поставленныхъ внѣшнихъ оборотовъ. Такимъ образомъ русскому купечеству и суждено было вращаться въ заколдованномъ кругѣ духовного и матеріальнаго слабосилія: недостатокъ крупныхъ капиталовъ въ Россіи, вытекая вообще изъ ея экономической и культурной отсталости, долгое время поддерживался именно невѣжествомъ русскаго купечества и въ свою очередь являлся не устранимымъ, при тѣхъ же условіяхъ, препятствіемъ къ успѣшному развитію, какъ производительныхъ силъ, такъ и внѣшней торговли страны. На недостатокъ среди русскаго купечества капиталовъ мы встрѣчаемъ въ источникахъ много указаній и жалобъ, идущихъ и отъ своихъ, и отъ чужихъ. Такъ въ концѣ 1-ой половины XVIII ст. самъ Сенатъ засвидѣтельствовалъ о „плохомъ состояніи россійскаго купечества и крестьянства“, какъ объ явленіи, „довольно всѣмъ извѣстномъ“ ([1]). Въ одномъ разсужденіи „о россійской торговлѣ“ 1762 г. мы находимъ слѣдующее показаніе: „весьма мало да почти и совсѣмъ нѣтъ у насъ въ купечествѣ хорошихъ капиталовъ, которые бы въ состояніи были знатные съ иностранными государствами торги отправлять“ ([2]). Въ бумагахъ коммиссіи о коммерціи (1763 г.) имѣется документъ, который даетъ тоже отрицательную характеристику общаго состоянія русскаго купечества, какимъ оно было въ началѣ царствованія Екатерины II-ой. „Въ Россіи, читаемъ мы здѣсь, считатся 214,000 купцовъ; изъ того великаго ихъ числа должно бъ заключить, что коммерція Россійская весьма пространна или по меньшей мѣрѣ, что богатыхъ, искусныхъ и порядочныхъ купцовъ очень много; однако къ сожалѣнію признаться должно, что нѣтъ ни того, ни другого“.

([1]) Патлаевскій: Денежный рынокъ въ Россіи (Записки Импер. Новороссійкаго Университета, т. II, стр. 239).

([2]) Государств. арх., XIX, № 287.

Далѣе поясняется, почему въ Россіи нельзя признать ни обширной торговли, ни хорошаго въ матеріальномъ и культурномъ смыслѣ купечества, не смотря на значительное количество лицъ, входящихъ въ составъ этого общественнаго класса. Дѣло въ томъ, что большинство таковыхъ вовсе не купцы, а просто чернорабочіе или уличные разнощики и мелкіе торговцы ([1]): они „купецкое токмо званіе на себѣ несутъ“. Если, слѣдовательно, изъ „того великаго числа“ исключить чернорабочихъ, разнощиковъ, да еще лавочниковъ и сидѣльцевъ (которые, кромѣ гораздо знатныхъ, въ иныхъ государствахъ и въ число купцовъ не ставятся), то останется самая малая часть людей, кои по настоящему купеческому званію себя и дѣла свои ведутъ“ ([2]). Съ этимъ документомъ вполнѣ гармонируютъ „примѣчанія отставного маіора Ѳранца Вернизобра „о распространеніи собственно собою коммерціи россійскаго купечества въ Европѣ“ [3]),—„примѣчанія“, поданныя авторомъ въ коммиссію о коммерціи. Въ нихъ мы находимъ указаніе на „недостатокъ у Россійскаго купечества въ капиталахъ“, какъ на первое препятствіе къ развитію внѣшней торговли Россіи, и этотъ первый „пунктъ“ объясняетъ торговую бѣду не хуже, чѣмъ отсутствіе пороха, какъ первая причина капитуляціи крѣпости въ извѣстномъ анекдотѣ. Далѣе, въ проектѣ объ учрежденіи въ Нижнемъ Новгородѣ хлѣб-

---

([1]) ....«большую часть помянутаго числа составляютъ такіе, которые пропитаніе себѣ получаютъ не купечествомъ, но нужною бурлацкою и протчею черною работою, или такими торгами и промыслами, которые и къ купечеству причислить стыдно; а именно мясо, рыбу, птицы и протчее тому подобное по улицамъ продаютъ, въ маркетантахъ и тому подобныхъ промыслахъ находятся».

([2]) Ар. д-та т. сбор., д. к. о к., № 207, связка 11. Кн. Щербатовъ въ одномъ своемъ «предложеніи» въ коммисс. Нов. Улож. упоминаетъ, что въ Россіи «считается не съ большимъ двѣсти тыс. купечества, а изъ того числа сумнительно найти 40 тыс. торгующихъ»; къ этому послѣднему числу онъ условно прибавлять столько-же—40 тыс.; и такъ, всѣхъ «торгующихъ» 80,000 (Сб. Р. И. Об. 8 т., стр. 63; Сочинен. т. I, стр. 105 и 106).

([3]) Ар. д-та т. сб. д. к. о к. № 207, связка 11.

ной торговой компаніи (1767 г.) съ собственноручными резолюціями Екатерины II-ой встрѣчается показаніе о „безкапитальности русскихъ купцовъ“ ([1]). Кн. Щербатовъ по вопросу о купеческихъ капиталахъ въ Россіи въ одной изъ своихъ статей замѣтилъ слѣдующее: „Если мы разсмотримъ капиталы купцовъ, продающихъ товары при портахъ и покупающихъ оные, то ясно увидимъ, что у купечества нашего нѣтъ довольно капиталовъ, дабы своими собственными деньгами торгъ сей производить“ ([2]). Въ 1782 г. англійскій посланникъ сообщалъ своему правительству, что въ Россіи „нѣтъ ни значительныхъ купцовъ, ни банкировъ, ни вообще денежныхъ людей“ ([3]). Иностранный историкъ русской торговли въ книгѣ, вышедшей въ 1788 году, объяснялъ, что торговыя предпріятія въ Средиземное море по разнымъ причинамъ оставлялись русскими безъ продолженія и, между прочимъ, вслѣдствіе недостатка средствъ (ressources) ([4]). Неумѣніе соединиться для общей торговой борьбы съ иностранцами, отсутствіе коммерческихъ знаній и вообще плохое культурное и матеріальное состояніе крупнаго купечества въ Россіи, невозможность, вслѣдствіе всего этого, конкурировать съ иностранцами, всѣ эти и другія обстоятельства приводили многихъ купцовъ къ банкротству.

Извѣстно, что въ елизаветинское и болѣе раннее время купеческіе капиталы очень сильно подрывались правительственными и частными монополіями, господствовавшими тогда въ Россіи и прямо таки разворявшими непричастныхъ къ нимъ крупныхъ русскихъ купцовъ. Такъ, архангельскіе купцы, не имѣя возможности торговать туземными товарыми, весьма прибыль-

---

([1]) Сб. Русск. И. Общ., т. 10, стр. 198.

([2]) «Размышленія о ущербѣ торговли, происходящемъ выхожденіемъ великаго числа въ дворяне и въ офицеры»,—Сочин., I, 624.

([3]) Русскій арх., 1874 г., кн. II, стр. 868; Бржесскій: Государств. долги въ Россіи, 1884, стр. 57.

([4]) Scherer, цит. соч., ч. I, стр. 164.

ными и потому очутившимися въ монополіяхъ, „устремилися, разсказываетъ Крестининъ, „торговать почитай одними товарами чужихъ земель и покупать оные изъ первой руки дорого, а продавать дешево“. Дорого покупали иностранные товары потому, что русскіе купцы ихъ брали въ кредитъ, и цѣна на нихъ „при портахъ“ устанавливалась сплоченно дѣйствовавшими иностранцами, а не разрозненными русскими. При своемъ „согласіи“, тѣ-же иностранцы имѣли полную возможность на внутреннемъ рынкѣ установить низкую цѣну на товары, дорого проданные ими въ портѣ русскимъ купцамъ; такъ это и было, и послѣдствіемъ такого положенія вещей было то, что около 1747 г. въ Архангельскѣ явилось „множество банкрутовъ“ [1]). Разныя фискальныя требованія, съ давнихъ поръ предлагавшіяся правительствомъ купечеству, въ особенности служенія при казенныхъ сборахъ, усилившіяся съ 1731 года, тяжелымъ бременемъ ложились на наиболѣе состоятельныхъ купцовъ; какъ справедливо указывали сами купцы, эти служенія вмѣстѣ съ монополіями тоже значительно способствовали „истощенію“ купеческихъ капиталовъ [2]).

Не могла не затруднять русскихъ купцовъ, часто бравшихъ свой товаръ въ кредитъ, манера русскихъ дворянъ тоже, въ свою очередь, брать у нихъ товаръ въ кредитъ и не платить своихъ лавочныхъ долговъ. Въ 1774 году прусскій посланникъ Сольмсъ сообщалъ Фридриху II-му о жалобахъ купцовъ въ обѣхъ столицахъ на то, что они ничего не продаютъ и не получаютъ денегъ за проданный товаръ отъ русскихъ дворянъ, проводящихъ жизнь въ роскоши и увеселе-

---

(1) Кратк. ист. Крестинина, стр. 20.

(2) Ibid., стр. 250. Кн. Щербатовъ въ цитированной выше статьѣ доказываетъ, что торговый капиталъ страны сильно уменьшался и вслѣдствіе выхода многихъ купцовъ-капиталистовъ изъ купеческаго званія, выхода, повлекшаго за собой и выходъ «великихъ капиталовъ изъ торговаго обращенія» («Размышл. о ущербѣ торг. и пр., Сочин. I, 623—628).

ніяхъ [1]). Означенная дворянская безцеремонность по отношенію къ купеческому карману усугубляла тяжесть тѣхъ условій, подъ дѣйствіемъ которыхъ состоятельному русскому купцу частенько приходилось обращаться въ банкрота, и усугубляла именно въ царствованіе Екатерины II-ой, когда дворянству принадлежала совершенно исключительная роль въ управленіи страной. Какъ бы то ни было русскій историкъ XVIII ст., написавшій многотомное „историческое описаніе Россійской коммерціи“, въ своемъ трудѣ приводитъ весьма длинный списокъ московскихъ купеческихъ домовъ, обанкротившихся въ теченіи XVIII-го столѣтія. Чулковъ полагаетъ, что всѣ названные имъ „капитальные“ купеческіе дома „пришли въ упадокъ большею частью отъ неразумѣнія, отъ нерадѣнія и отъ недержанія купеческихъ книгъ или отъ незнанія генерально купеческой науки“. Перечисливъ 150 фирмъ, этотъ авторъ укоризненно заключаетъ: „Вотъ слѣдствіи препебреженія необходимыхъ въ коммерціи правилъ“ [2])... Само собою разумѣется, не только ука-

---

([1]) Сб. И. Г. И. Общ., т. 72, стр. 548.

([2]) Списокъ обанкротившихся купеческихъ домовъ въ Москвѣ въ XVIII стол.: Абрамовы, Абросимовы, Абумовы, Алмазниковы, Андреевы, Андроновы, Артемьевы, Афонасьевы, Бабаевы, Бабровщиковы, Балашовы, Бибины, Болотины, Бороздины, Буевы, Бумажниковы, Бѣльскіе, Бѣляевы, Вандышниковы, Васильевы, Васильковы, Варашанины, Веселовскіе, Волковы, Волковы, Высоцкіе, Голиковы, Горбуновы, Гордеевы, Гребенщиковы, Губины, Гусятниковы, Гущины, Демидовы, Дорофеевы, Дроздовы, Дудоровы, Евреиновы, Егорловы, Еремѣевы, Желѣзниковы, Жилины, Журавлевы, Завязошниковы, Заикины, Замяшнины, Земскіе, Зеркальщиковы, Зубковы, Зыковы, Иконниковы, Ильины, Исаевы, Кафтанниковы, Квасниковы, Клюевы, Комлехины, Кондиковы, Константиновы, Корабейниковы, Короткіе, Кострикины, Красафьевы, Красноселовы, Крупенины, Крупенниновы, Крюковы, Кудрявцовы, Кузнецовы, Куныны, Купреяновы, Лакомкины, Лакостевы, Лихонины, Логиновы, Лосевы, Лукины, Мавроидіевы, Максины, Маликіе, Малыгины, Малюковы, Малышовы, Мамонтовы, Марковы, Мартыновы, Масленниковы, Маторины, Мачеловы, Медовщиковы, Можжухины, Мушниковы, Мыльниковы, Нагаевы, Нестеровы, Никифоровы, Носыревы, Овошниковы, Орешниковы, Переплетчиковы, Пигоревы, Пираговы, Пичюгины, Плавильщиковы, Подо-

занными Чулковымъ причинами обусловливались многочисленныя банкротства нашихъ крупныхъ купеческихъ фирмъ XVIII стол. Совокупность всѣхъ намѣченныхъ нами въ общихъ чертахъ условій произвела въ русскомъ купечествѣ столь великія экономическія опустошенія. Едва ли подлежитъ сомнѣнію и то, что иныя русскія банкротства явились отголоскомъ европейскихъ торгово-промышленныхъ кризисовъ. Но при всемъ томъ, культурная косность русскаго купечества, отмѣчаемая почтеннымъ коммерсіалистомъ екатерининскаго вѣка, была однимъ изъ важнѣйшихъ неблагопріятныхъ условій, задерживавшихъ развитіе крупной торговли „Россійскихъ“ купцовъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ царствованіе Екатерины II-ой, какъ и раньше, немногіе русскіе купцы, ведшіе заграничную торговлю, дѣйствовали, вообще говоря, въ разбродъ, были малокультурны и въ сущности малокапитальны. Въ гармоничномъ соотвѣтствіи съ такимъ состояніемъ купечества и торговаго капитала находилось и состояніе русскаго торговаго флота. Въ Россіи еще можно было указать корабли для внутреннихъ морей ([1]), но торговаго флота, годнаго для океаническаго плаванья, у насъ не было совсѣмъ, и русское купечество даже не помышляло о таковомъ флотѣ въ теченіи всего царствованія Екатерины II-ой. Въ 1770 году въ этомъ смыслѣ дѣло было представлено совѣщательнымъ

шевниковы, Полуярославцевы, Пороховщиковы, Пружинскіе, Пучниковы, Расторгуевы, Ревельскіе, Репейщиковы, Рыбинскіе, Рюмины, Сайкины, Саноговы, Сарофанниковы, Сахаровы, Семеновы, Симоновы, Ситниковы, Слизовы, Старцовы, Струговщиковы, Сусловы, Счеголины, Счеколюшины, Сырейщиковы, Сысоевы, Семенниковы, Сѣрые, Телешневы, Томилины, Третьяковы, Трофимовы, Турчаниновы, Темная Деньга, Фатьяновы, Филатьевы, Филиповы, Халковы, Харины, Цивилины, Черные, Чертенковы, Шатерниковы, Шемахановы, Шмаковы, Шошины, Шустовы. Вотъ слѣдствіи пренебреженія необходимыхъ въ Коммерціи правилъ, которыхъ въ Иностранномъ Европейскомъ городѣ послѣдовать столь много и вдругъ не можетъ». (Чулковъ: «Историч. опис. Россійск. ком., т. I, стр. 50—53).

([1]) Чулковъ, цит. соч., т. IV стр. 475

по торговымъ вопросамъ учрежденіемъ: въ одномъ докладѣ коммиссіи о коммерціи мы читаемъ: „собственные россійскіе купецкіе корабли еще таковы“, что вслѣдствіе „худого своего строенія“ и „малости ихъ“, они „для океана вовсе не надежны“. Вдобавокъ, по сообщенію коммиссіи, эти „ненадежные“ корабли вмѣщали въ себѣ „крайне еще неспособныхъ матросовъ“. Такое состояніе флота коммиссія выводила изъ того обстоятельства, что русскіе купцы „не имѣютъ никакой охоты, ни склонности“ торговать самостоятельно, „безъ посредства чужестранныхъ здѣсь купцовъ, въ отдаленныя другія государства, *и ни мало о томъ не помышляютъ*“ (1). Чрезъ 10 лѣтъ, послѣ этого оффиціальнаго донесенія, самъ Потемкинъ не усумнился сдѣлать англійскому посланнику слѣдующее неоффиціальное признаніе: „Вы видите, что корабли наши съ трудомъ могутъ выйти изъ Балтійскаго моря; какъ же вы хотите, чтобы они переплыли Атлантическій океанъ (2)“? Если такъ можно было русскому государственному человѣку говорить и о нашемъ военномъ флотѣ, то что́ же другое слѣдовало сказать о нашемъ купеческомъ флотѣ, кромѣ того, что высказала коммиссія о коммерціи? Конечно, ничего!

Всѣ отмѣченныя въ этой главѣ отрицательныя условія внѣшней торговли Россіи хорошо сознавались многими съ самаго начала царствованія Екатерины II-ой; на почвѣ этого пониманія выростали и тѣ проекты, которые, „разсматривая“ внѣшнюю торговлю „Россійскаго государства“, стремились разными способами двинуть ее впередъ; пониманіе же печальнаго состоянія этой торговли обусловливалось, какъ самыми жизненными фактами и явленіями, сильно бившими въ глаза, такъ и экономическими воззрѣніями, которыми проник-

(1) Чулковъ, цит. соч., т. XII, стр. 575 и 576.
(2) Русск. Арх., 1874 г., кн. 8, стр. 436.

лась Екатерина II-я, а за нею и наиболѣе просвѣщенные люди ея времени.

III.

Общія экономическія воззрѣнія времени. Взгляды на торговлю и торговую политику въ статьяхъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій, къ пользѣ и увеселенію служащихъ». Мнѣнія Екатерины о земледѣліи, торговлѣ и торговой политикѣ. Отношеніе императрицы къ казеннымъ торгамъ, откупамъ и монополіямъ. Отношеніе къ откупамъ и монополіямъ въ русскомъ обществѣ. Экономическія и въ частности коммерсіальныя воззрѣнія въ литературѣ, значительно оживившейся при Екатеринѣ II-ой.

Въ XVIII стол. не только въ европейской торговой политикѣ, но и въ экономической литературѣ меркантилизмъ далеко еще не считался сданнымъ въ архивъ. Сущность меркантильной системы хорошо извѣстна. Національное богатство, учили меркантилисты, увеличивается внѣшней торговлей; поэтому правительство, при помощи охранительныхъ тарифовъ, должно поставить эту торговлю такъ, чтобы балансъ ея былъ всегда благопріятенъ для управляемой имъ страны, т. е. чтобы вывозилось товаровъ больше, чѣмъ привозилось: разница, въ суммахъ привоза и вывоза, остающаяся въ государствѣ, и будетъ изъ года въ годъ увеличивать его богатство: при помощи тѣхъ же тарифовъ и иныхъ мѣръ, какъ-то казенныхъ субсидій, привилегій, монополій, должна пользоваться государственной протекціей и національная промышленность, особенно мануфактурно-фабричная, какъ въ интересахъ экономической независимости государства отъ иностранцевъ, такъ и для того, чтобы усилить вывозъ и слѣдовательно увеличить привлеченіе денегъ въ страну. Однако не это старинное эко-

номическое ученіе было исповѣдуемо европейской передовой публикой въ XVIII-мъ стол. Таковымъ было ученіе, построенное на совершенно иныхъ принципахъ, и это новое экономическое ученіе (физіократизмъ) явилось естественной реакціей старому—меркантилизму. Въ основу физіократизма, какъ извѣстно, былъ положенъ принципъ свободной человѣческой личности, величайшій принципъ „естественнаго права", придуманнаго философами для безпощаднаго суда надъ современностью и надъ историческимъ прошлымъ. Идея естественнаго права была тогда свѣточемъ при поискахъ новыхъ формъ жизни,—именно „естественныхъ", а не подобныхъ тѣмъ, которыя искусственно сложились въ теченіе длинной исторіи, лишь извратившей первоначальныя болѣе справедливыя человѣческія отношенія. Свобода религіозная, политическая и экономическая явилась въ глазахъ передовой интеллигенціи XVIII вѣка тѣмъ культомъ, которому она сама усердно служила и призывала послужить правящихъ и управляемыхъ. Призывъ къ экономической свободѣ былъ лишь однимъ изъ частныхъ моментовъ протеста вообще противъ всѣхъ устарѣвшихъ или казавшихся таковыми путъ и стѣсненій. Ученіе физіократовъ тоже хорошо извѣстно, почему здѣсь можно ограничиться только самыми существенными его чертами исключительно ради связности изложенія. Богатство народовъ, учили физіократы, создается трудомъ земледѣльца: „только земледѣльческій трудъ производитъ прибавку къ суммѣ матеріаловъ, идущихъ на удовлетвореніе потребностей человѣка; лишь въ земледѣльческомъ промыслѣ, за покрытіемъ издержекъ производства, остается извѣстный излишекъ, чистый доходъ, который и присоединяется къ народному богатству" (1). Обрабатывающая промышленность и торговля, по мнѣнію физіократовъ, никоимъ образомъ не увеличиваютъ народнаго богатства: первая лишь видоизмѣняетъ продукты земледѣльче-

(1) Чупровъ: Исторія политической экономіи, 1892 г., стр. 122.

скаго труда, а вторая лишь перемѣщаетъ ихъ—и въ сыромъ, и въ обработанномъ видѣ. Отсюда и вытекало, что всякія поощрительныя и стѣснительныя мѣры относительно промышленности и торговли совсѣмъ не нужны: такія мѣры только вредятъ земледѣлію, а слѣдовательно и самой промышленности и торговлѣ. Государство и вообще не должно вмѣшиваться въ экономическую жизнь страны, положившись вполнѣ на свободную конкуренцію, какъ въ сферѣ земледѣльческаго, такъ и мануфактурнаго производства, но „всего меньше основаній для вмѣшательства государства въ сферѣ торговли“ (1). Физіократы были убѣждены, что торговля, предоставленная самой себѣ, пойдетъ, какъ ей и надлежитъ идти, по закону спроса и предложенія, и будетъ такой, какая въ данный моментъ нужна потребителямъ. Laisser faire, laisser passer: вотъ знаменитый совѣтъ, который физіократы дали правительствамъ для ихъ экономической, въ особенности для ихъ торговой политики.

Пропаганда идеи свободной торговли на родинѣ Кэне, во Франціи, велась уже въ 1-ой половинѣ XVIII стол. (2); но, не смотря на это, и ученіе меркантилистовъ, хотя и потеряло свой авторитетъ непогрѣшимости, но все же, какъ замѣчено выше, не сдавалось въ архивъ даже учеными теоретиками, и не только въ 1-ой, но и во 2-ой половинѣ XVIII стол. имѣло не мало сторонниковъ во Франціи, да и въ другихъ государствахъ. Такъ, напр., Монтескьё, замѣчательнѣйшій изъ мыслителей XVIII-го вѣка, высказался противъ безусловной свободы торговли: „La liberté du commerce“, говоритъ онъ въ своемъ классическомъ трудѣ, n'est pas une faculté accordée aux négocians de faire ce qu'ils veulent: ce seroit bien plutôt sa servitude“. При этомъ Монтескьё указываетъ на „примѣръ Англіи и на ея ограничительные законы“:

---

(1) Ibid., стр. 123

(2) М. М Ковалевскій: Происхожденіе современной демократіи, изд. 2-е, 1901 г., стр. 485 и 486.

„Elle gêne le négociant: mais c'est en faveur du commerce“ (¹).

Старые взгляды, продолжая жить и отдѣльно, въ большинствѣ случаевъ причудливо перемѣшивались съ новыми, и умы, уступая требованьямъ жизни и въ то же время не будучи въ состояніи отказаться отъ привычныхъ „аксіомъ“. старались согласить то и другое, не замѣчая того, что впадаютъ сами съ собой въ рѣзкія, непримиримыя противорѣчія. Въ Англіи Адамъ Смитъ, одинъ изъ самыхъ послѣдовательныхъ и горячихъ приверженцевъ свободной торговли. „дѣлалъ нѣсколько исключеній изъ общаго правила“: иногда, по его мнѣнію, „вообще выгодно налагать нѣкоторую тягость на иностранцевъ для поощренія домашней промышленности“: такъ, онъ восхваляетъ охранительные, такъ называемые навигаціонные законы Англіи, полагая, что отъ нихъ именно зависитъ „развитіе морскихъ силъ государства“ (²).

Подобное же обращеніе старыхъ и новыхъ экономическихъ идей мы можемъ наблюдать и въ Россіи. Здѣсь съ 50-хъ годовъ XVIII-го в., подъ европейскимъ вліяніемъ, возникаетъ весьма внимательное отношеніе къ экономическимъ вопросамъ вообще и къ вопросу о торговлѣ, о наилучшей торговой политикѣ въ частности. Единственный тогда въ Россіи научно-литературный журналъ („Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія“) наполняется компилятивными и переводными экономическими статьями, довольно хорошо отражающими въ себѣ оба теченія европейской экономической мысли: старое—меркантильное и новое—физіократическое. Приведемъ нѣсколько мнѣній, имѣющихъ своимъ предметомъ торговлю и торговую политику. Въ одной, составленой по двумъ иностраннымъ книжкамъ, компиляціи мы находимъ со-

---

(¹) Oeuvres complètes de Montesquieu, Paris, 1862, I, 280 (De l'esprit des lois); Henri Cons: Précis d'histoire du commerce, 1896, II, 5.

(²) Янжулъ, Англійская свободная торговля, 1876, вып. 1-й, 174.

вѣтъ „не утѣснять вольности торговъ“ даже ради „изобрѣтателей полезныхъ дѣлъ“. И понятно почему. Вотъ какія „основанія“ выставляются въ этой компиляціи для „всякихъ учрежденій и уставовъ, до коммерціи касающихся“: „трудолюбіе происходитъ отъ вольности, продажа товаровъ отъ дешевой цѣны, дешевая цѣна отъ множества работниковъ или продавцевъ, а отъ продажи товаровъ изобиліе въ народахъ и многолюдство, чрезъ что единое приводятся государства въ цвѣтущее состояніе“ ([1]). Предъ нами—новое экономическое ученіе, кладущее въ основу національнаго богатства трудолюбіе народа: „не въ золотѣ, не въ серебрѣ состоитъ главнѣйшее богатство человѣческаго рода“ ([2]). Физіократическія идеи проводятся и въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ ([3]). Но журналъ предлагаетъ своимъ читателемъ также статьи, излагающія „правила“ меркантилизма. Къ числу такихъ статей принадлежитъ „экстрактъ“ изъ сочиненія: „Англійскій купецъ“. Это сочиненіе было написано какимъ-то англичаниномъ по заказу „знатнѣйшихъ“ лондонскихъ купцовъ, которые желали „показать правительству и народу опасность“ для ихъ торговли „отъ купечественнаго трактата“, заключеннаго между Англіей и Франціей въ 1713 году послѣ Утрехтскаго мира. „Экстрактъ“ изъ означеннаго сочиненія поучалъ русскихъ читателей, что тогда коммерція „убыточна, вредительна, худа“, „когда привозятся такія вещи, кои единственно служатъ къ роскоши и къ удовольствованію прихотей“ или „такія кои не только что всѣ у насъ расходятся, но еще препятствуютъ расходу такого же количества вещей домашняго произращенія“, или „такіе товары, какіе у насъ дѣлаются“ и проч. Наоборотъ, „та коммерція безпорно хороша, которою отпускаются изъ государства

([1]) Ежем. Соч., 1755 г., Іюль, стр. 125 и 126.

([2]) Ibid., стр. 119. Цитируемая компиляція въ Ежемѣс. сочин. озаглавлена въ «О прибыткахъ и убыткахъ коммерціи въ Англіи и Франціи».

([3]) Указаны у г. Лодыженскаго, цит. соч., 101 и 102 стр.

мануфактуры, сдѣланныя единственно изъ домашнихъ произращеній", коммерція, „способствующая расходу нашихъ избытковъ", „привозу иностранныхъ матеріаловъ для домашнихъ манафактуръ", сбереженію денегъ въ государствѣ и т. под. (1). Въ „Размышленіяхъ о коммерціи вообще", переведенныхъ изъ 2-ой части сочиненій шведской королевской академіи наукъ (1740) и принадлежащихъ „знатному шведскому купцу Ѳомѣ Пломгрену", мы находимъ два рода коммерціи: „партикулярную" и „національную или государственную". „Партикулярнымъ торгомъ", говоритъ авторъ, „называю я тотъ, который хотя партикулярнымъ людямъ прибыточенъ и пользу приноситъ, но обществу самому вреденъ, и оное истощаетъ". Это—коммерція, ведомая чрезъ иностранныхъ посредниковъ и на чужеземныхъ корабляхъ, „отчего... ежегодно великое число денегъ изъ государства выходитъ". Сюда же авторъ относитъ „и привозъ въ государство различныхъ непадобныхъ и излишнихъ товаровъ, отчего жители гордѣе и роскошнѣе становятся", а „деньги, ежели государственныхъ товаровъ не довольно,... изъ государства вывозятся". Національною коммерціею авторъ называетъ ту, которая производится „на собственныхъ государственныхъ судахъ" оттуда и туда, гдѣ можно дешевле купить и дороже продать: „отъ такой-то, а не отъ другой какой коммерціи можетъ земля быть богатою, благополучною и сильною".... Торговлю „въ дальнія и незнаемыя мѣста" авторъ устанавливаетъ „чрезъ торговыя компаніи указомъ опредѣленныя"; однако полагаетъ, что эти компаніи должны быть „такъ учреждены", чтобы онѣ приносили пользу „всему государству, а не нѣкоторымъ токмо немногимъ людямъ". Авторъ вообще считаетъ благополучнымъ то государство, гдѣ

(1) Ежемѣс. соч., 1756 г., Мартъ, 251—255 и слѣд., ср. Лодыженскій, цит. соч., 101 стр.; здѣсь отмѣчено переведенное съ нѣмецк. сочиненіе Юсти о мануфактурахъ съ меркантильными симпатіями.

земля хорошо воздѣлана и изобильно производитъ хлѣбъ и другія полезныя произращенія, гдѣ правительство заботится о приращеніи коммерціи и мореплаванья, гдѣ гражданское устройство таково, что „жители знатно умножаются“, гдѣ, наконецъ, „экономическими законами и установленіями“ коммерція направляется къ „истинной пользѣ государства“, а отнюдь не къ „партикулярной корысти“. „Благополучно государство то, заключаетъ авторъ, „гдѣ пріемлются такія полезныя мѣры и гдѣ оныя какъ противъ внутреннихъ, такъ и противъ иностранныхъ покушеній довольную защиту себѣ находятъ“ (1).

Въ переводномъ „Разсужденіи“ „знатнаго римскаго купца Гіэронима Беллони о коммерціи и монетѣ“ достойны вниманія сужденія объ отношеніи. существующемъ между торговлею и вексельнымъ курсомъ: „цѣна иностранной монеты или вексельный курсъ показываетъ намъ, въ равновисіи ли состоитъ коммерція наша съ иностранными или на которую сторону есть перевѣсъ“: „ежели бы кто хотѣлъ точно вѣдать, въ какомъ состояніи находится государство въ разсужденіи входящей и изходящей коммерціи, то сего... инымъ образомъ надежнѣе узнать не можно, какъ по вексельному курсу“ (2).

Намъ казалось нелишнимъ отмѣтить экономическія идеи, нашедшія себѣ мѣсто въ „Ежемѣсячн. сочиненіяхъ“: эти идеи пользовались среди русской публики полнымъ правомъ гражданства въ царствованіе Екатерины II-ой. Достаточно упомянуть, что нѣкоторыя статьи коммерческ.

---

(1) Ежемѣс. соч., 1757, Сентябрь, стр. 271, 274—276, 279 и 280, 282 и 283.

(2) Ibid., Октябрь, 1755 г., стр. 328, 330.

содержанія изъ „Ежемѣсяч. сочин.“ были перепечатаны Чулковымъ въ „Историч. описс. Россійск. Коммерціи“. При Екатеринѣ II-ой вниманіе къ вопросамъ экономическимъ и въ частности къ коммерческимъ еще болѣе возросло въ русскомъ обществѣ. Прежде всего сама императрица самымъ близкимъ образомъ интересовалась этими вопросами. Екатерина II-я вообще придерживалась физіократическихъ взглядовъ. Это видно изъ ея „Наказа“, опредѣленно выражающаго ея заботу о „распространеніи земледѣлія“ (XIII, ст. 294—316): „земледѣліе, заявляетъ, между прочимъ, императрица, „есть первый и главный трудъ, къ которому поощрять людей должно; вторый есть рукодѣліе изъ собственнаго произращенія“ [1]). Мысли свои о торговлѣ и торговой политикѣ Екатерина II-я изложила въ томъ же знаменитомъ Наказѣ. Разумѣется, она противъ притѣсненій торговли, но, съ другой стороны, она (гл. XIII ст. 317. 319), стоитъ не за безусловную свободу торговли, слѣдуя въ этомъ отношеніи не физіократической извѣстной формулѣ, а ограничительному замѣчанію о торговой вольности Монтескьё, и вообще выбирая изъ этого писателя нужныя ей мѣста: „вольность торговли не то, когда торгующимъ дозволяется дѣлать, что они захотятъ; сіе было бы больше рабства опыя. Что

[1]) И въ другомъ мѣстѣ «Наказа» (297 ст.): «Земледѣліе есть самый большой трудъ для человѣка; чѣмъ больше климатъ приводитъ человѣка къ избѣжанію сего труда, тѣмъ больше законы къ оному возбуждать должны». См. De l'esprit des lois, кн. XIV: гл. VI. Это же мнѣніе, что правительство должно всякими способами развивать земледѣліе, Екатерина высказывала и позднѣе, въ своихъ экономическихъ запискахъ, гдѣ она весьма умно и обстоятельно выясняетъ также преимущество кустарнаго, мелкаго производства предъ фабричнымъ, крупнымъ, какъ съ частной, такъ и съ государственной точки зрѣнія. (Лодыж., цит. соч., 107 и 108 стр.).

стѣсняетъ торгующаго, то не стѣсняетъ торговли“ (ст. 321). Въ концѣ концовъ императрица высказывается за точную середину между „таможнею и торговлею“, („чтобы сіи двѣ вещи одна другой не запутывала“, полагая, что, при такомъ благоразумномъ союзѣ между „сими вещами“, „люди“ и „наслаждаются вольностью торговли“ (ст. 323).

Очевидно, это — золотая середина, и для постояннаго „держанія“ ея пришлось бы въ торговой политикѣ балансировать подобно тому, какъ это дѣлалось въ Англіи: „торговый пошлинный уставъ ея“, сочувственно указываетъ императрица на примѣръ этотъ страны, „перемѣняется, такъ сказать, при всякомъ засѣданіи парламента чрезъ особыя пошлины, которыя она налагаетъ и снимаетъ. Чрезмѣрное имѣя всегда подозрѣніе на торговлю, въ ея землѣ производимую, мало когда съ другими державами обязуется договорами, й ни отъ чьихъ, кромѣ своихъ законовъ, не зависитъ“ (ст. 324). Что касается внѣшнихъ торговыхъ сношеній, то императрица помнитъ „истинное правило не исключать никакого народа изъ своей торговли безъ весьма важныхъ причинъ“ (ст. 328), хотя и думаетъ, что „лучше дѣло имѣть съ такимъ народомъ, который взыскиваетъ немного, и который по нуждамъ торговли нѣкіимъ образомъ самъ привязанъ къ намъ; съ такимъ народомъ, который по пространству своихъ намѣреній или дѣлъ знаетъ, куда дѣвать излишніе товары: который богатъ, и можетъ для себя взять много вещей: который за оныя г о т о в ы м и д е н ь г а м и з а п л а т и т ъ; который, такъ сказать, принужденъ быть вѣрнымъ: который миролюбивъ по вкорененнымъ въ немъ правиламъ; который ищетъ прибыли, а не завоеваній“ ст. (326). Къ казенной торговлѣ „Наказъ“ относится вполнѣ отрицательно: въ образецъ поставленъ императоръ Ѳеофилъ, который сжегъ корабль, нагруженный товарами для его супруги, и при этомъ сказалъ ей: „Я императоръ, а ты меня

дѣлаешь господиномъ надъ стругомъ. Чѣмъ же могутъ бѣдные люди пропитать жизнь свою, если мы вступимъ еще въ ихъ званіе и промыслы"? Къ этому заявленію Ѳеофилъ могъ бы прибавить: „кто можетъ насъ воздержать, если мы станемъ входить въ откупы? Кто насъ заставитъ исполнять наши обязательства? Торги, нами производимые, видя, захотятъ производить и придворные знатные люди: они будутъ корыстолюбивѣе и несправедливѣе насъ. Народъ имѣетъ довѣренность къ намъ въ разсужденіи нашего правосудія, а не богатства нашего; столько податей, которыя ихъ приводитъ въ бѣдность, явно свидѣтельствуютъ о нашихъ нуждахъ" (ст. 332) (1). Приведенныя цитаты показываютъ, что императрица, будучи послѣдовательницей физіократизма, въ то же время, подобно многимъ людямъ ея эпохи, не разрывала связи и съ нѣкоторыми идеями меркантилистовъ: она, мы видимъ, до извѣстной степени ограничиваетъ торговую „вольность" и не чужда заботы о привлеченіи денегъ въ государство путемъ внѣшней торговли. Въ числѣ вопросовъ, которые Екатерина II-я, рѣшала вполнѣ въ физіократическомъ духѣ, несомнѣнно стоитъ вопросъ о казенной промышленности и торговлѣ, объ откупахъ и монополіяхъ. Кромѣ того, что объ этомъ мы узнаемъ изъ Наказа императрицы, мы имѣемъ цѣлый рядъ ея сужденій по означенному вопросу въ рѣзко отрицательномъ направленіи. Такъ, въ томъ же, 1767 году Екатерина одну казенную фабрику назвала „безполезной" и, вопреки Петру Великому, полагавшему, что, когда люди охотою въ дѣло не идутъ, то и „неволею" можно достигнуть многаго, ученица Вольтера высказалась въ томъ смыслѣ, что „всякія дѣла, касающіяся до торговли и фабрикъ, не можно завести принужденіемъ": „дешевизна, говорила она, „родится только отъ великаго числа продавцевъ

(1) П. С. З., XVIII, № 12,949, Іюля 30, 1767 г. См. также «De l'esprit des lois», кн XX, гл. XII, XIII, VII, IX, VIII, XIX (Oeuvres complètes de Montesquieu, Paris, 1862 г., стр. 280, 278, 279, 283).

и отъ вольнаго умноженія товара“ (1),—вольнаго, конечно, не безусловно, а такъ, какъ императрица понимала это слово. Въ 1769 году на одинъ проектъ о заведеніи торговли Россіи съ восточною Индіею Екатерина отвѣтила такъ: „Купцамъ предложить торговать, гдѣ они хотятъ. Что касается меня, то я не даю ни людей, ни кораблей, ни денегъ и отказываюсь на вѣчныя времена отъ всѣхъ земель и владѣній въ Восточной Индіи и въ Америкѣ“ (2).

Къ откупамъ и монополіямъ „партикулярныхъ“ лицъ Екатерина относилась съ большимъ негодованіемъ. Въ годъ вступленія своего на престолъ императрица, разсмотрѣвъ докладъ Сената объ отдачѣ купцу Суслову на откупъ торговлю игральными картами за 60,000 руб. ежегоднаго взноса въ казну, начертала на поляхъ этого доклада: „Чортъ возьми съ откупомъ: всѣхъ купцовъ стревожите и скажутъ, что въ Сенатѣ есть склонность къ откупамъ“ (3).—Въ 1769 году по поводу проекта нѣкоего графа Редерна объ учрежденіи привилегированной морской компаніи императрица написала: „У насъ болѣе, чѣмъ въ другихъ земляхъ терпѣть не могутъ исключительныхъ привилегій“. Самый проектъ такой компаніи она назвала „бѣшенымъ“ (4). Въ 1773 году Екатерина такъ говорила Дидро о монополіяхъ: Je haïs jusqu' au nom de monopole. Le père de Pierre-le Grand avait fait mettre dans le ban de l'église tous les monopoleurs. Je me tiens a ce reglement sage“ (5). Этихъ указаній достаточно, чтобы видѣть, какъ

---

(1) С. Р. И. Общ., т. 10, стр. 258 и 259 и въ П. С. З., XVIII, № 13018.

(2) С. Р. И. О., т. 10, стр. 385 и 386.

(3) Соловьевъ: Исторія Россіи, XXV т., стр.291.

(4) С. Р. И. Сбш., 10 т., стр. 358 и 359.

(5) Русск. Архивъ, 1891 г., т. III, стр. 613. Въ 1794 году Державинъ, бывшій тогда президентомъ коммерцъ-коллегіи, представилъ Екатеринѣ «прошеніе знатныхъ лицъ, обѣщавшихъ казнѣ доходу 10 мил за дозволеніе взять нѣкоторыя произведенія на откупъ; императрица отвергла это предложеніе, написавъ: «Прожектерамъ знать неизвѣстно, что на подобные

монополіи и откупа, бывшіе въ „авантажѣ“ въ царствованіе Елизаветы Петровны, были откровенно осуждены Екатериной II-ой: императрица хорошо понимала, что „правила“ „всѣхъ монополистовъ“—„все захватить въ свои руки, не смотря на разореніе людей, отъ того послѣдуемое (1)“. Отрицательный взглядъ на откупа и монополіи императрица раздѣляла со многими современниками. Въ одной запискѣ, переданной въ коммиссію о коммерціи, мы читаемъ: „монополіи и откупы и необычайныя фабрики почитать можно подрывомъ купечества“. Такъ же, какъ впослѣдствіи императрица Екатерина II въ Наказѣ, авторъ этой записки еще въ 1760 году не одобрялъ торговли, „позволенной“ „знатнымъ господамъ“: они „могутъ всѣ законы перетолковывать въ свою пользу, что отъ его Величества Государя Петра 1-го наикрѣпчайшими указами запрещено“. „Великій вредъ коммерціи“, по мнѣнію автора, происходитъ и отъ системы запрещеній, практиковавшейся тогда во внѣшней торговлѣ Россіи (2). Въ другой запискѣ (3) 1763 года мы встрѣчаемся съ отрицательнымъ отношеніемъ къ компаніямъ: „компаніи“, говоритъ авторъ, „по справедливости“ „почитаются“ „за обиду всему обществу прочихъ купцовъ“ даже тамъ, гдѣ онѣ находятся въ лучшемъ состояніи, чѣмъ у насъ, въ Россіи (4). Извѣстный кн. Щербатовъ, не мало думавшій и писавшій по экономическимъ вопросамъ, былъ тоже горячимъ противникомъ откуповъ и монополій: (5) словомъ, учрежденія такого рода были очень непопулярны: таково было настроеніе времени. Недаромъ въ „наказѣ“ отъ жителей Москвы,

---

откупы и прожекты въ Успенскомъ соборѣ на престолѣ въ Москвѣ положено проклятіе въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича; понеже имперіи и торгу разорительны, чего имъ объявить». (Ibid. и за 1887 г., II, 518).

(1) Мое соч.: «Русскія торгово-пром. комп.», стр. 206.

(2) Арх. Д-та Т. Сб., Д. К. и К., № 137, связка 7.

(3) Къ этой запискѣ мы еще возвратимся ниже.

(4) Ibid., № 207, связка 11.

(5) Сборн. Р. И. О., 8 томъ, 66 стр.

посланномъ въ коммиссію Новаго Уложенія, между прочимъ, было сказано:—„просимъ,... чтобы по здѣшнему городу ничего въ монополію отдаваемо не было, кромѣ обыкновеннаго отъ казны на откупъ отдаваемаго“ (1).

Подъ вліяніемъ увлеченія, возникшаго въ русскомъ обществѣ 2-ой пол. XVIII в., экономическими вопросами, увлеченія, выразительницей коего была Екатерина II-я, въ ея царствованіе чрезвычайно оживилась экономическая литература, переводная и оригинальная. Для „поощренія въ Россіи земледѣлія и домостроительства“ правительствомъ было основано „Вольно-экономическое общество“ (1765 г.), „труды“ котораго и были посильной данью русскаго общества основному положенію физіократизма. Люди различныхъ политическихъ и соціальныхъ убѣжденій сходились въ признаніи физіократическаго пониманія роли земледѣльца въ общей экономіи страны, указывая лишь разные пути, ведущіе къ развитію земледѣлія. Въ этомъ смыслѣ физіократами были, напримѣръ, такіе, не похожіе другъ на друга люди XVIII вѣка, какъ кн. Щербатовъ (2) и Радищевъ: одинъ—большой русскій баринъ, твердо стоявшій на стражѣ дворянскихъ крѣпостническихъ интересовъ и роли дворянства, какъ „благороднаго“ привилегированнаго сословія въ государствѣ (3), правда, баринъ просвѣщенный и даже ученый, отчасти проникнутый европейскимъ раціонализмомъ и сильно недо-

---

(1) Ibid., т. 93, стр. 133.

(2) Другой историкъ эпохи Болтинъ, знаменитый критикъ Исторіи Россійск. Щербатова, въ вопросѣ о значеніи земледѣлія не расходился съ передовыми современниками: «художества и ремесла, къ роскоши служащія, должны», говоритъ онъ, «не прежде по мнѣнію моему заводимы быть когда ремесла, нужныя для замледѣльцевъ и обработыванія земли своея произведеній, до такой степени распространены и усовершенствованы, что въ покупкѣ таковыхъ у иностранныхъ нужды не будетъ и когда собственныхъ произращеній необдѣланныхъ оставаться не будетъ и проч. (Примѣч. на Исторію древн. и новой Россіи г. Леклерка, 1788, т. II, стр. 334).

(3) Сочин., I: «Предлож.» и «Разсужд.» въ коммиссіи Нов. Улож. 87—88, 157, 158 и слѣд.; статья: «Примѣч. вѣрнаго сына отечества», 269—334 и др.

вольный „нравами“ правящихъ лицъ; другой—убѣжденный космополитъ мечтатель о всеобщемъ братствѣ и счастіи и въ тоже время русскій народникъ, печальникъ о горѣ крѣпостничества и провозвѣстникъ свободнаго народнаго труда,—оба этихъ писателя исповѣдывали ту „великую истину“, что земледѣліе „наиполезнѣйшій трудъ“, что земледѣлецъ наиполезнѣйшій членъ общества [1]); оба они видѣли препятствія, стоявшія на пути къ развитію этого труда; только одинъ сводилъ ихъ къ „нерадѣнію крестьянъ и помѣщиковъ“, особенно къ „невѣдѣнью, лѣнности и упрямству“ крестьянъ, а другой объединялъ эти препятствія въ „рабствѣ“, столь „вреднымъ“ для „размноженія произрастеній и народа“. [2]). Радищевъ радовался, видя на Вышневолоцкомъ каналѣ барки, „нагруженныя“ „хлѣбомъ“ и другимъ товаромъ, приготовленныя къ „дальнѣйшему плаванью до Петербурга;“ ему было пріятно сознавать, что въ этомъ торговомъ зрѣлищѣ „видно было истинное земли изобиліе и избытки земледѣлателя“, что „тутъ видѣнъ былъ во всемъ своемъ блескѣ мощный побудитель человѣческихъ дѣйствій—корыстолюбіе;“ но, увы, это сознаніе гармоніи зрѣлища съ усвоенными новыми экономическими идеями было разрушено горькимъ воспоминаніемъ, „что въ Россіи многіе земледѣлатели не для себя работаютъ.“ [3]).

Не одно земледѣліе было предметомъ экономическихъ размышленій и изученія русскихъ людей того времени. Въ равной мѣрѣ таковымъ предметомъ явилась торговля; при чемъ къ внѣшней торговлѣ наши экономисты относились съ наибольшимъ вниманіемъ, что, разумѣется, было данью старымъ меркантильнымъ идеямъ. Сама императрица Ека-

---

(1) Сочин. кн. Щербатова, I, 634—«Разсужд. о нынѣшнимъ въ 1788 г. почти повсемѣтномъ голодѣ въ Россіи; Путешествіе изъ Петербурга въ Москву Радищева, изд. 1858 г., стр. 226.

(2) Сочиненія кн. Щерб., I, 635, 643. Цитиров. соч. Радищева, стр. 231. и слѣд.

(3) Цит. соч. Радищева, 238 стр.

терина относилась къ торговлѣ весьма неравнодушно, даже, можно сказать, нѣжно: „торговля—мое дитя“, сказала она однажды (1780 г.) въ разговорѣ съ англійскимъ посланникомъ ([1]). Неудивительно, отсюда, что въ ея царствованіе секретаремъ государственной коммерцъ-коллегіи Михаиломъ Чулковымъ были собраны богатые матеріалы для исторіи русской торговли, названные имъ „Историческимъ описаніемъ Россійской Коммерціи“, посвященные генералъ-прокурору Сената и видному финансисту екатерининскаго царствованія кн. А. А. Вяземскому и напечатанные академіей наукъ. Мы не разъ уже цитировали этотъ трудъ и дальше будемъ цитировать, ибо это весьма цѣнный фактическій источникъ; что же касается идей, то отъ коллектора Чулкова нельзя ждать по этой части какой-либо самостоятельности; и дѣйствительно, онъ не столько размышляетъ о торговлѣ, сколько собираетъ о ней чужія статьи и мнѣнія, иногда указывая свои источники, иногда обходясь и безъ этого ([2]). Чулковъ вообще придерживается того афоризма, что „торговля есть дочь вольности“, но такъ какъ она также и „верховная обладательница судьбины человѣческаго рода“, то „прилежать къ ней“ „есть дѣло самыхъ высочайшихъ особъ достойное“ ([3]). Профессія купца въ книгѣ Чулкова восхваляется, правда, съ чужого

([1]) Русск. Арх., 1874 г., кн. 8-я, 426.

([2]) Такъ, напр., вышеотмѣченная статья «о прибыткахъ и убыткахъ коммерціи въ Англіи и Франціи» была перепечатана Чулковымъ изъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій», подъ заглавіемъ: «объ англійской и французской торговлѣ въ сравненіи съ Россійской», какъ предисловіе къ 19 тому Историческаго описанія Россійской коммерціи (3—40), безъ указанія источника; предисловіе къ 3-му тому тоже взято изъ Ежемѣсячн. сочин.; но на этотъ разъ со ссылкой на означенный журналъ и проч.

([3]) Историч. опис., т. III, стр. 2. См. предисл. Семена Башилова къ переводному трактату: «Политическій опытъ о коммерціи».

голоса, до небесъ, какъ наиполезнѣйшая для общества, для котораго купцы являются истинными благодѣтелями ([1]).

Относительно привилегированныхъ компаній Чулковъ ссылается на новые либеральные взгляды: „...по мнѣнію лучшихъ нынѣшнихъ временъ исчислителей“, говоритъ онъ въ предисловіи къ 1-му тому своего громаднаго труда, „компаніи признаны болѣе вредными, нежели полезными“ ([2]).

Другой ученый чиновникъ, Башиловъ, далъ русской публикѣ переводный (съ французскаго) трактатъ о торговлѣ, посвятивъ его вице-президенту коммерцъ-коллегіи Николаю Ивановичу Неплюеву; это: „Политическій опытъ о коммерціи“ (1768 г.). Въ предисловіи къ этому сочиненію переводчикъ весьма наивно прославляетъ торговлю: „коммерція, не удовольствовавшись тѣмъ, что снабдѣваетъ человѣка, который изъ утробы своей матери ничего, кромѣ своего тѣла, не выноситъ, всѣмъ тѣмъ, что къ продолженію и сохраненію не только жизни, но и благоденствія потребно, умножаетъ еще и внутреннія его силы, и устрояетъ душевное спокойствіе“ и пр. и пр. Далѣе, въ самомъ сочиненіи изложены, слѣдующія главныя мысли. Торговую свободу авторъ сравниваетъ со свободою политическою и приходитъ къ тому заключенію, что въ обоихъ случаяхъ она далеко не абсолютна.—„Въ правленіи“ можно дозволить лишь то, что „не противно“ общей пользѣ, а не все, что только ни захочетъ каждый: такъ „и вольность коммерціи не должна состоять въ *безразсудномъ позволеніи* купцамъ вывозить и принимать свободно всякаго рода товары, но высылать и принимать только такіе, которые бы въ сходственность описанія коммерціи подавали средство всякому гражданину промѣнивать свое излишнее на надобное, котораго

([1]) Ibid. I, 59.

([2]) Ibid. I, 29.

ему недостаетъ“ (1). На привилегированныя компаніи авторъ имѣетъ средній взглядъ. Онъ считаетъ исключительныя компаніи „потребными“ „въ двухъ только случаяхъ:“ 1) при всѣхъ новыхъ предпріятіяхъ, „какъ для награжденія изобрѣтателей, такъ и для ободренія тѣхъ, которыя за оныя учрежденія принимаются“, 2) „когда приватные люди, соединенные подъ верховною властью, не находятъ въ себѣ довольно силъ къ совершенію великаго какого-нибудь заведенія“, не будучи въ состояніи выдержать конкуренціи съ другими подобными же предпріятіями, вслѣдствіе чего можетъ получится убытокъ для всей „коммерціи народа“. „Таковы, прибавляетъ авторъ, „были начатки всѣхъ компаній въ Европѣ“. „Исключительность“, говоритъ далѣе авторъ, „представляется купечеству въ ненавистномъ видѣ, угрожающемъ отнять у него вольность; но когда по разсужденіямъ и опытамъ вольность оказывается для народа предосудительною, тогда сія исключительность весьма будетъ надобна“. Это замѣчаніе авторъ иллюстрируетъ примѣромъ англійскихъ и голландскихъ компаній для торговли съ Индіею, которыя были снабжены „исключительными и съ того времени до сихъ поръ всегда подновляемыми привилегіями“ (2). Къ роскоши авторъ относится умѣренно, считая ее, при избыткѣ рабочихъ рукъ, скорѣе полезной, чѣмъ вредной: „когда государство имѣетъ въ себѣ потребное число людей для земледѣлія, войны и мануфактуры“, тогда излишекъ населенія долженъ быть направленъ на производство предметовъ роскоши, иначе удѣлъ этого излишка — праздность (3). Въ таможенной политикѣ авторъ—убѣжденный протекціонистъ. По его мнѣнію, необходимо запретить вывозъ сырья, слѣдуя примѣру Англіи, запрещающей вывозъ шерсти; (4) вообще же, по примѣру этой страны, надо одинаково

(1) Политическій опытъ о коммерціи, 1768 г., стр. 113 и 114.
(2) Ibid., стр. 45 и 46.
(3) Ibid., стр. 81 и слѣд.
(4) Ibid., стр. 99.

„споспѣшествовать“, какъ вывозу, такъ и ввозу, зорко слѣдя за тѣмъ и другимъ въ цѣляхъ своевременнаго поощренія посредствомъ „опредѣленныхъ“ премій (1).

Изъ приведенныхъ цитатъ видно, что авторъ трактата, при нѣкоторыхъ уступкахъ новымъ вѣяніямъ, въ общемъ стоитъ за покровительствуемую промышленность и торговлю. Выборъ для перевода и посвященія вице-президенту коммерцъ-коллегіи такого иностраннаго сочиненія о торговлѣ, въ которомъ выражены столь очевидныя протекціонисткія симпатіи, можно счесть весьма знаменательнымъ: значитъ въ русскомъ обществѣ, не смотря на наплывъ сюда новыхъ экономическихъ идей, все же пользовались большимъ уваженіемъ и меркантильно-протекціонисткія воззрѣнія, больше, какъ чувствовалось, подходившія къ наличнымъ между-народнымъ отношеніямъ и къ существующему строю государственной и общественной жизни.

Другой свой переводъ иностраннаго сочиненія, имѣющаго отношеніе до экономіи же („Пользы Европейскихъ народовъ“), Башиловъ посвятилъ генералъ-прокурору кн. А. А. Вяземскому, который, какъ увидимъ ниже, высказывался и о Россійской торговлѣ. О послѣдней въ 1793 году вышло отечественное сочиненіе протекціонисткаго направленія, (2) напечатанное „иждивеніемъ“ К. Г. Б. и посвященное генералъ-прокурору Александру Николаевичу Самойлову, принявшему завѣдываніе русскими финансами послѣ кн. Вяземскаго. Всѣ эти изданія указываютъ, что русское общество въ значительной мѣрѣ

---

(1) Ibid., стр. 112 и 113.

(2) Его заглавіе: «Купецъ или всеобщее разсужденіе о торговлѣ, паки открытой и далѣе распространяемой новыми видами и способами къ обогащенію нашихъ подданныхъ, съ основательными разсужденіями о состояніи нынѣшней необходимости у насъ, за изобиліемъ, ненужныхъ въ Россіи чужестранныхъ товаровъ и о проведеніи въ лучшее состояніе торговли и рукодѣлія къ обогащенію ихъ и цѣлаго государства».

проникло́сь интересомъ къ обсужденію вопросовъ о торговлѣ. Было бы невѣроятно, если бы интересъ этого рода остался совершенно чуждъ русскому купечеству, какою косностью оно ни отличалось бы... Такимъ позоромъ наше купечество себя не покрыло. И въ этомъ „темномъ царствѣ“ нашлись въ екатерининское время отдѣльныя личности, для которыхъ торговля не личное только, болѣе или менѣе прибыльное, занятіе, а общее дѣло роднаго края и всего государства. Вспомнимъ, напр., архангельскаго гражданина Василія Васильевича Крестинина, мечтавшаго о промысловомъ и торговомъ процвѣтаніи Бѣломорья и сдѣлавшаго въ своихъ печатныхъ трудахъ замѣчательную для его времени попытку прослѣдить исторію бѣломорской торговли въ связи вообще съ исторіей русскаго Сѣвера ([1]). Упомянемъ еще архангельскаго же купца Александра Ивановича Фомина, тоже, какъ и Крестининъ, обратившаго на себя вниманіе ученыхъ своими историко-экономическими трудами ([2]).

IV.

Мнѣнія анонимныхъ прожектеровъ о поправленіи русскаго купечества и коммерціи.

Обращаемся теперь къ рукописнымъ торговымъ проектамъ, сохранившимся при „дѣлахъ“ по „исправленію Россійской коммерціи“.

([1]) О В. В. Крестининѣ см: у Огородникова: Очеркъ исторіи города Архангельска, стр. 223, примѣч.

([2]) Ibid., стр. 222—225; см., напр., статью Фомина: „Достовѣрное извѣстіе о худыхъ успѣхахъ сельдяной бѣломорской компаніи, составленное изъ несумнительныхъ свидѣтельствъ и опытовъ», прекрасно характеризующую заботы этого купца о пользѣ общей (Труды Вольно-экон. общ., 47 ч., 34—40 стр.).

Вотъ, напр., предъ нами—„Меморіалъ Россійской коммерціи“ (при дѣлѣ коммиссіи о ком. отъ 8-го дек. 1763 г.). Авторъ „меморіала“ оч. хорошаго мнѣнія о способности Россіи развиваться въ торговомъ отношеніи: онъ даже не считаетъ нужнымъ „пространно изъяснять“, „сколь Россія способна къ великой коммерціи и сколь изобильно одарена произращеніями, какъ для внѣшней, такъ и для внутренней коммерціи удобными“... Это очевидно уже изъ того, „что внѣшняя коммерція (вывозъ здѣшнихъ товаровъ) съ самаго ея начала ежечасно, такъ сказать, ростетъ и умножается“. Такъ оптимистически смотря на русскую внѣшнюю торговлю,(1) авторъ является большимъ пессимистомъ по адресу тѣхъ, которые по службѣ были обязаны о ней заботиться,—по адресу „нарочно къ тому приставленныхъ надзирателей и управителей“. Эти послѣдніе, вмѣсто оказанія „вспоможеній“ русской внѣшней торговлѣ, „не стыдились (когда то согласовалось съ собственною ихъ корыстью) оную всякими образами притѣснять“. Внѣшняя торговля Россіи всетаки развивалась, „не взирая“ на такое печальное „управленіе“. Этимъ-то и доказывается, что Россія можетъ имѣть „знатную коммерцію“. Благодаря же сознанію этой возможности, „разные люди“ „были возбуждены къ сочиненію плановъ и представленій“. „Иныя“ изъ такихъ „сочиненій“ написаны „съ похвальными намѣреньями“, но тѣмъ не менѣе нашъ авторъ ими не доволенъ, ибо въ нихъ нѣтъ знанія „внутреннихъ обстоятельствъ“ и много ссылокъ на „другія государства“, вслѣдствіе чего „невозможное“ „почтено“ „за возможное или еще и за легкое“.

Нашъ авторъ объясняетъ, какіе это люди, которые дали правительству непрактическіе, по его мнѣнію, совѣты: „такіе

---

(1) Мнѣніе о цвѣтущемъ состояніи русской торговли высказывалось и раньше,—о цвѣтущемъ, разумѣется, сравнительно съ прежнимъ ея состояніемъ, см. въ «Ежемѣсячныхъ сочин.» оригинальную «переписку между двумя пріятелями о коммерціи», 1755 г., Мартъ, стр. 336.

суть, кои предполагаютъ всю Россійскую коммерцію производить генеральными компаніями и думаютъ завесть пространное кораблеплаванье, банки, страховыя конторы и проч. тому подобное". Нашъ авторъ является противникомъ „генеральныхъ" компаній, обижающихъ остальное купечество, и не вѣритъ въ полезность преждевременныхъ новшествъ въ торговлѣ; онъ указываетъ на примѣръ Англіи, Франціи и Голландіи, говоря, что эти страны „исподволь" „коммерціи свои" „довели до нынѣшняго цвѣтущаго состоянія:" лишь чрезъ „долговременное искусство" онѣ могли „ввести и утвердить" упомянутыя, дѣйствительно „весьма нужные способы" „для пространной коммерціи". Авторъ готовъ согласиться, что и тѣ „планы", которые раньше были составлены въ цѣляхъ вспоможенія русской торговлѣ могутъ быть полезны „благоразумному правительству;" но онъ убѣжденъ, что и такое правительство никогда не рѣшится эти планы „круто въ дѣйство производить". Лично онъ рекомендуетъ „выбрать" изъ плановъ то, что „сходствуетъ" съ условіями русской жизни, и вводить въ Россію сначала „легчайшее", а потомъ, „со временемъ", можно будетъ ввести и то, что въ настоящій моментъ „большому затрудненію подвержено". „Однако", заключаетъ онъ это объясненіе, „при такихъ случаяхъ то достойно сожалѣнія, что отъ усмотрѣнія трудности въ произведеніи такихъ плановъ вообще въ дѣйство, оныя вовсе отложены бываютъ, и польза, которая бы могла произойти отъ удобныхъ частей тѣхъ плановъ, теряется". Съ большимъ негодованіемъ говоритъ далѣе нашъ авторъ о прожектерахъ и другаго характера, предлагающихъ „къ поправленію коммерціи" лишь „такіе способы", которые „сходствуютъ или съ настоящею, или съ будущею чаемою ихъ прибылью". Эти люди „не стыдятся" увѣрять, что нѣтъ иного „способа къ исправленію россійской коммерціи", какъ только тотъ, чтобы всю торговлю „производить" „чрезъ ихъ руки". Они желали бы добиться этого „подъ

именемъ коммиссіонерской конторы или генеральныхъ прикащиковъ“ (но они, прибавляетъ въ скобкахъ авторъ, „черезъ то сдѣлались бы генеральными хозяевами, а не прикащиками“). „Эти прожектеры очень желали бы добиться такого положенія въ русской торговлѣ для того, чтобы имъ „за то со всѣхъ купцовъ и продавцевъ получать плату;“ однако и этого своекорыстнымъ прежектерамъ показалось мало: они еще „почли себя достойными имѣть чины и ранги“. Таковы два рода предшествовавшихъ нашему автору торговыхъ прежектеровъ; одинъ въ его характеристикѣ представляетъ крайнихъ западниковъ, не считающихся съ русскими условіями, другой—безтыдныхъ дѣльцовъ, желающихъ единственно погрѣть руки и опериться около „россійской коммерціи“. Вслѣдствіе такого свойства прожектеровъ, планы“ первыхъ „оставлены и забвенію преданы“ „за невозможностью“ ихъ осуществленія, а планы вторыхъ „достойно и праведно презрѣны и отринуты бываютъ“. Нашъ авторъ не опасается „подобной участи“, именно потому, что онъ далекъ отъ своекорыстныхъ „намѣреній“, далекъ и отъ непрактичности первыхъ прежектеровъ, ибо „предпочитаетъ возможное невозможному, полезное великолѣпному“. Въ своихъ собственныхъ указаніяхъ пользъ „для пространной коммерціи, слѣдовательно и для государства“, нашъ авторъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на вопросѣ объ устроеніи купечества: надо „постараться, говорить авторъ, о заведеніи, кѣмъ производить торговлю, т. е. учредить потребное число настоящихъ купцовъ“. Общество „настоящихъ купцовъ“, которое, по мнѣнію автора, можетъ быть образовано лишь по тщательномъ распредѣленіи купечества на отдѣльные разряды по промысламъ и „сколько возможно“ „по капиталу или достойнству“, ([1]) это—купцы 1-ой и 2-ой гильдій. Только этимъ

([1]) «Въ первую гильдію» «назначить» «всѣхъ знатныхъ заводчиковъ, фабрикантовъ, капиталистовъ и къ портамъ, при портахъ и внутреними

купцамъ и должна быть предоставлена торговля, которая настоящему „купечеству прилична“. Всѣмъ остальнымъ, какъ попавшимъ за штатъ „купцамъ, къ купечеству неспособнымъ“, такъ „крестьянамъ, промышленникамъ тульской оружейной слободы, сокольнымъ помытчикамъ, ямщикамъ, живодерамъ и тому подобнымъ чинамъ“, авторъ проектируетъ запретить занятіе торговлей „подъ опасеніемъ смертной казни“ за ослушаніе. Ссылаясь на Соборное Уложеніе и на „многіе именные указы“, запрещающіе торговать („а наипаче въ розницу“) крестьянамъ и разночинцамъ „подъ тягчайшимъ наказаніемъ“, авторъ увѣдомляетъ, что, „не смотря на сіе, пристрастіе нѣкоторыхъ знатныхъ господъ къ крестьянамъ своимъ такъ велико, а настоящее купечество такъ безоборонно, что всѣ тѣ узаконенія доселѣ безъ дѣйствія остались:“ „многіе крестьяны подъ имянами господъ своихъ и купцовъ торгуютъ“. Благодаря этому, купечество разоряется. Такъ отъ крестьянъ, торгующихъ въ лавочкахъ, въ погребкахъ и чрезъ разнощиковъ, петербургскіе „овошенные купцы“ „почти всѣ въ крайнюю нищету приведены“. Можно допустить къ торговлѣ и изъ другихъ „чиновъ, которымъ указами позволено торговать“, но съ тѣмъ, чтобы таковые, имѣющіе капиталы и „способные къ купечеству“, выходили изъ прежняго своего званія и записывались бы въ купечество ([1]). Такимъ путемъ нашъ авторъ предполагалъ создать классъ настоящихъ купцовъ, безъ коего

валовыми торгами промышляющихъ купцовъ; во 2-ю гильдію положить всѣхъ протчихъ купцовъ и лавочниковъ, которые по достаточному и справедливому освидѣтельствованію имѣютъ чистаго капитала (за заплатою всѣхъ своихъ долговъ) не меньше 500 рублевъ. Оставшимъ маломощнымъ и къ купечеству неспособнымъ впредь неписаться купцами, но посадскими и остаться имъ въ нынѣшнемъ положеніи на ихъ окладѣ, и учредить по всѣмъ городамъ особливый для нихъ судъ» и проч.

([1]) ...«а которые въ купечество вписаться не захотятъ, таковымъ оставаться въ упражненіяхъ и промыслахъ, званіямъ ихъ приличныхъ, а не торгахъ».

нельзя и помышлять о „пространной коммерціи“. „Настоящихъ купцовъ“, по его мнѣнію, слѣдуетъ исключить изъ подушнаго оклада: „и какъ рекрутъ, такъ и лошадей и протчаго тому подобнаго съ нихъ не брать и ни въ какія службы, кромѣ магистратскихъ, не опредѣлять“. Для „настоящихъ купцовъ“ авторъ проектировалъ особое и при томъ „одно судебное мѣсто“ „подъ такимъ именемъ, какое за лутчее и приличнѣйшее признано будетъ“[1]).

Нѣтъ сомнѣнія, въ процитированномъ меморіалѣ отразилось pium desiderium русскаго купечества, такъ ярко проявившееся въ коммиссіи Новаго Уложенія—въ купеческихъ наказахъ и „голосахъ“ и состоявшее главнымъ образомъ именно въ исключительномъ правѣ купцовъ на торговлю([2]).

Стремясь монополизировать торговлю для своего класса, ограничивая его въ числѣ членовъ, освобождая отъ подушнаго оклада и соединенныхъ съ нимъ „тягостей“, „настоящіе“

([1]) «...вмѣсто нынѣшнихъ бергъ, коммерцъ, мануфактуръ—коллегіи и главнаго магистрата». Госуд. арх. XIX, № 287; арх. д-та сбор., д. к. о ком., № 207, связка 11, въ этомъ документѣ и приведенныя выше свѣдѣнья о числѣ русск. купечества.

([2]) См. Сборн. Им. Русск. И. Общ., т. 8-й, стр. 193—198, 211, 214, 226—227, 257—258, 293, 313—314; томъ 93-й, стр. 102, 165, 166, 215, 216, 231—232, 299—301, 331—332, 337, 358—359, 384, 391—393, 397—403, 449—451, 487, 528—530, 535, 548—551. «Торги, промыслы, подряды и откупы», заявляли купцы въ коммиссіи Новаго Уложенія, «должны быть исключительнымъ правомъ купечества (Сб. И. Р. И. Общ., т. 93, стр. 181, 248): «купеческое право благородному дворянству ни мало не принадлежитъ» (Ibid., стр. 203). Говорилось въ коммиссіи Новаго Уложенія и о томъ, что «многіе изъ купечества люди даютъ отъ себя разночинцамъ и крестьянству для торга кредитныя письма, которые именемъ тѣхъ купцовъ на себя производятъ немалые торги и отпуски, а другіе купцы дозволяютъ въ своихъ лавкахъ подъ именемъ своимъ торговать». Разумѣется, предлагалось наложить запрещеніе на «кредиты и вѣрющія письма» для разночинцевъ и крестьянъ (Ibid., стр. 339, 351, 393, 403, 404, 420—421, 517, 529).

купцы обѣщали правительству, что когда всё это дѣйствительно получитъ купечество, только тогда на Руси будетъ заведена „настоящая“ торговля, обогащающая государство.

Въ другой запискѣ, встрѣтившейся намъ въ архивныхъ бумагахъ,—въ нѣкоемъ „Патріотическомъ мнѣніи о пользѣ торговой“, анонимный авторъ предлагаетъ упорядочить купечество, разбивъ его на 5 классовъ и предоставивъ торговлю тремъ первымъ классамъ [1]). Неупорядоченность купечества ведетъ, по мнѣнію автора, къ хаотическому состоянію торговли къ портамъ, что̀, конечно, тормозитъ развитіе вообще внѣшней торговли Россіи: „не послѣдняя худоба“ говоритъ онъ, „въ томъ состоитъ, что къ портамъ торгуетъ, кто токмо захочетъ безъ всякаго разбору и правилъ—дворяне, купцы, крестьяне и всякіе разночинцы; словомъ сказать, всѣ обращаются въ хаосѣ“. Рекомендованное раздѣленіе купечества устранитъ, де, этотъ хаосъ и улучшитъ русское коммерческое дѣло. Разсаживая купечество по мѣстамъ въ торговлѣ, авторъ однако не прикрѣпляетъ купцовъ къ этимъ мѣстамъ, давая имъ право изъ низшихъ классовъ переходить въ высшіе съ пріобрѣтеніемъ надлежащаго капитала для болѣе широкихъ торговыхъ операцій [2]). Въ виду привилегій перваго класса, лишь это право могло поощрять коммерческую предпріимчивость, вѣнцомъ которой являлась заграничная торговля.

---

[1]) 1-й классъ ведетъ заграничную торговлю, исключается изъ подушнаго оклада, освобождается отъ рекрутскихъ поборовъ, и купцы этого класса «всякіе могутъ содержать откупы»; 2-й и 3-й классы ведутъ внутреннюю крупную торговлю, къ портамъ и имѣютъ право на подряды, изъ подушнаго класса исключаются, но платятъ съ капитала своего нѣкоторую сумму; 4-й классъ торгуетъ въ лавкахъ и по уѣзду мелочными товарами; 5-й занимается мастерствами—цехи.

[2]) Государств. арх., XIX, № 287.

Такъ думали „исправить“ россійскую коммерцію посредствомъ особой соціально-финансовой реформы, посредствомъ „исправленія“ купеческаго сословія. Но съ другой стороны подчеркивались и тѣ мѣры, которыя прямо брали быка за рога. стремились непосредственно къ улучшенію торговли, при помощи чего предполагалось „исправить“ не только торговый классъ. но и Россію.

Для примѣра возьмемъ „Разсужденіе о Россійской торговлѣ“, относящееся къ 1762 г., тоже неизвѣстнаго автора. Здѣсь, по обыкновенію, отмѣчаются разныя препятствія, тормозящія развитіе русской торговли: „у насъ“ нѣтъ „ни на морѣ купеческихъ кораблей. ни на сухомъ пути хорошихъ и безопасныхъ дорогъ“; страдаемъ мы и безкапитальемъ; (см. выше, стр. 13); мѣшаетъ намъ и глубокое невѣжество нашихъ купцовъ въ торгѣ; кредита они въ другихъ государствахъ не имѣютъ вовсе и сомнительно. чтобы они имѣли его и „въ своемъ“, а между тѣмъ „кредитъ—душа коммерціи“: гдѣ нѣтъ кредита. „тамъ добрая коммерція и никогда возстановлена быть не можетъ и всѣ о томъ попеченія завсегда оставаться будутъ безполезными“. Авторъ полагаетъ, что Россія должна развивать тѣ торги, которые соотвѣтствуютъ „ея мѣстоположенію“, „климату и особенно ея продуктамъ“. Намъ не указъ, „каковъ торгъ“ могутъ имѣть „въ Азіи—Смирна, Алепъ и Александрія, а въ Европѣ—Венеція, Лисабонъ, Лондонъ, Амстердамъ и другіе нѣкоторые города“: у насъ есть с в о и условія для выгодной торговли; мы только не знаемъ, какъ найти ихъ, подобно тѣмъ людямъ, которые, прочитавъ на челѣ одной древней статуи: „отступи 4-ре ступени и удари во главу копіемъ, тамо обрящеши сокровища злата много“, буквально исполнили этотъ совѣтъ, но „сокровища“ не нашли, а лишь отбили у статуи носъ и уши; между тѣмъ надо было отмѣрить 4-ре шага, не бить статуи, а просто рыть тамъ, гдѣ приходилась „глава“ ея тѣни: „тако и мы“, поучаетъ авторъ, разсказавъ эту притчу,

„по сокровищу ходимъ, но обрѣсти не можемъ“. Надо намъ понять, въ чемъ заключаются выгодныя условія для нашей торговли, и сумѣть ими воспользоваться; для этого необходимъ намъ „вождь, который бы къ тому прямой путь показалъ“... Лично авторъ указываетъ путь чрезъ Азовское море. Онъ горячій сторонникъ возстановленія порта и коммерціи на этомъ морѣ, полагая, что указываемый имъ путь и есть „прямой путь“ къ обогащенію Россіи: „способомъ сего Азовскаго моря“, говоритъ онъ, „Россія сдѣлалася бы центромъ коммерціи между Азіи и Европы, такъ чтобы одна ея рука касалась востока, а другая запада и учинила бы чрезъ то невольными себѣ данниками многія другія земли и народы и привлекла бы къ себѣ знатную часть индѣйскихъ и американскихъ сокровищъ“. Этотъ путь, обогащая всю Россію, ближайшимъ образомъ послужитъ къ экономическому развитію Малороссіи и близкихъ къ ней „великороссійскихъ провинцій“: эти области получатъ возможность сбывать „хлѣбъ и другіе разные земные прозябени, которые нынѣ“ тамъ „за ничто пропадаютъ и гдѣ денежная монета столь рѣдка, что многіе“ изъ мѣстныхъ жителей „серебряной и не видывали“ [1]). „Таковъ „способъ“, особенно, по мнѣнію цитируемаго автора, ведущій къ цѣли—къ развитію русской торговли, обогащающей купечество и государство.

Но вопросъ о русской торговлѣ, объ этомъ, по выраженію прожектера „гордіинскомъ узлѣ“, для „разрѣшенія“ коего „былъ необходимъ вождь“, не такъ легко было покончить. Екатерина II-я и ея соподвижники-экономисты и финансисты, при всѣхъ ихъ многочисленныхъ достоинствахъ, не были Александрами Македонскими, да ничего путнаго нельзя было бы совершить въ

---

[1]) «весьма часто бываетъ, что посланные изъ города для сбору подушныхъ денегъ бьютъ людей на правежѣ изъ одной только полтины, гдѣ сплошь случается, что и той бѣдному крестьянину достать не можно за неимѣніемъ въ оныхъ мѣстахъ коммерціи». Госуд. арх., XIX, № 287.

этомъ дѣлѣ тѣмъ рѣшительнымъ способомъ, къ которому прибѣгнулъ македонскій герой, въ раздумiи остановившiйся предъ гордiевымъ узломъ. Тѣмъ не менѣе въ царствованiе Екатерины II-ой не одинъ „вождь“ пытался такъ или иначе „разрѣшить“ мудреный вопросъ о способахъ улучшенiя русской торговли; какъ увидимъ ниже, на тему „о поправленiи Россiйской коммерцiи“ немало размышляли и заинтересованные члены общества, и правительственные чиновники разныхъ ранговъ, и цѣлыя учрежденiя; не мало и сама императрица пеклась объ отечественной торговлѣ. Въ хлопотахъ и заботахъ прошли десятки лѣтъ. Россiя пріобрѣла Крымъ и послѣ 2-ой Турецкой войны утвердилась на сѣверномъ берегу Чернаго моря, а мы снова въ обширной запискѣ о русской торговлѣ встрѣчаемся всё съ тѣмъ же самымъ вопросомъ во всей его первоначальной трудности и, какъ бы, даже недоступности. Записка эта—цѣлое сочиненiе подъ заглавiемъ: „Обозрѣнiе торговли и способовъ служащихъ къ обогащенiю россiйскаго купечества и всего государства“. Въ предисловiи къ этому сочиненiю мы читаемъ восхваленiе императрицы Екатерины II-ой за ея попеченiе, которое она „имѣть изволитъ“ „о Россiйской торговлѣ“; о „попеченiи“ „свидѣтельствуютъ многiе регламенты и учрежденiя, относящiяся до коммерцiи“, и между послѣдними „учрежденная при дворѣ Ея Имп. Высочества коммиссiя о коммерцiи; о томъ же свидѣтельствуютъ „учиненные со всѣми европейскими державами трактаты, на выгодныхъ кондицiяхъ для Россiйской торговли сдѣланныя, сдѣланная особливая сибирская монета для лучшей способности сибирскихъ торговъ, не упоминая о многихъ другихъ указахъ въ разное время изданныхъ“ „Сверхъ же всего“, присовокупляетъ авторъ, „Россiйская коммерцiя безмѣрно одолжена Великой Екатеринѣ пріобрѣтенiемъ Таврической области со множествомъ на Черномъ морѣ способныхъ портовъ и другихъ безчисленныхъ выгодъ“.

Далѣе въ самомъ сочиненiи указывается, что „въ царствованiе Великой Екатерины славно заключенный съ Оттоман-

скою Портою миръ, присоединеніе Таврической области и Бессарабіи [1]) къ Россійской имперіи открылъ намъ путь къ новой и весьма полезной торговлѣ не только на Черномъ, но и на другихъ моряхъ". Не смотря однако на это, русская торговля оставляетъ желать весьма многаго, собственно того же самого, о чемъ русскіе коммерческіе прожектеры не уставали мечтать со временъ Петра Великаго—освобожденія русской внѣшней торговли отъ иностранной зависимости. „Наши торги съ иностранными народами", заявляетъ и этотъ прожектеръ, „*попынь* производятся за море по большей части чрезъ чужія руки и на чужихъ судахъ": иностранцы „сами привозятъ къ намъ потребные для насъ товары, а отъ насъ берутъ тѣ, которые имъ удобны". Внѣшняя торговля образовала у русскихъ людей привычку къ иностраннымъ товарамъ, и кромѣ того, иностранцы сумѣли устроить такъ, что въ результатѣ отъ этой торговли „отечество наше терпитъ великій и общій вредъ". „Мы давно", говоритъ авторъ, „пріобыкли одѣваться чужимъ, а теперь носимъ даже иностранную обувь, пьемъ иностранное, украшаемъ домы иностраннымъ и дѣлаемъ вообще то, чего не дѣластъ ни одинъ народъ". Воспитавъ въ состоятельныхъ русскихъ потребителяхъ такіе космополитическіе вкусы, внѣшняя торговля не воспитала въ русскомъ купечествѣ торговой предпріимчивости, склонности къ торговой независимости отъ иностраннаго купца. Послѣдній нашелъ пути „обратить" торговый оборотъ въ Россіи исключительно („толико") „въ свою пользу". Однако, по мнѣнію нашего автора, отъ насъ зависитъ, положить этому „преграду". Для лучшаго уясненія того, какими „способами" обратить внѣшнюю торговлю въ пользу Россіи и русскаго купечества, авторъ предварительно даетъ истори-

---

[1]) Авторъ, конечно, имѣетъ въ виду земли между Ю. Бугомъ и Днѣстромъ, отошедшія къ Россіи по миру въ Яссахъ въ 1791 году.

ческое обозрѣніе всемірной торговли: тутъ мы можемъ прочитать „о торговлѣ древнихъ“, „о торговлѣ иностранныхъ народовъ среднихъ и новыхъ временъ“, затѣмъ „особливыя примѣчанія о Россійской торговлѣ“ и, наконецъ, о „торговыхъ компаніяхъ“. Авторъ сторонникъ протекціонизма и привилегированныхъ торговыхъ компаній. Свое мнѣніе о пользѣ, которую послѣднія могутъ принести торговлѣ, авторъ подкрѣпляетъ ссылкой на опытъ иностранныхъ государствъ: привилегированныя колоніальныя компаніи Англіи и Франціи онъ считаетъ спасительнымъ примѣромъ, коимъ воспользовались другія европейскія государства „и тѣмъ самымъ коммерцію свою весьма распространили и въ лучшее привели состояніе“. Впрочемъ, этотъ авторъ полагаетъ, что есть „великое различіе между компаніями исключительными и такими, которыя и другимъ порознь торговать не препятствуютъ“, хотя „при первомъ взглядѣ всякая компанія покажется нѣкоторымъ образомъ монополіею“. Авторъ объясняетъ, что такое монополія: „монополь есть слово греческое, точно значущее по русски откупъ“. Иллюстрируется этотъ вольный переводъ греческаго слова интереснымъ указаніемъ на русскіе винные откупа: „какъ, напр., говоритъ авторъ, „у насъ въ Россіи винные откупы, гдѣ многіе купцы соединяся въ компанію или и одинъ богатый человѣкъ беретъ на откупъ какой-либо городъ или цѣлую губернію, съ такою привилегіею, чтобы окромѣ его никто въ томъ городѣ или губерніи виномъ не торговалъ“. Такія компаніи — обладательницы монополіи, если и „не разорительной, то весьма вредной для многихъ тысячъ частныхъ людей“. Правительство это „довольно знаетъ“, но дозволяетъ единственно для того, что „такіе откупы“ даютъ „не малый государственный доходъ“. Бываютъ однако и другія промышленно-торговыя компаніи съ исключительными привилегіями, приносящія болѣе пользы частному человѣку, нежели обществу: таковыя, „конечно, терпимы быть не должны“. Но есть, впрочемъ, случаи, когда и „такого рода компаніи нужны,

а именно 1) при заведеніи новой торговли въ отдаленныя страны, 2) при первыхъ предпріятіяхъ для открытія новыхъ земель и острововъ, 3) когда частные люди по неимѣнію довольнаго капитала сами не въ силахъ предпріять какого-либо большого торгу или основать въ отдаленныхъ мѣстахъ новыя заведеніи, поселеніи и плантаціи или гдѣ предвидится опасность, чтобы другіе торгующіе народы ихъ слабую торговлю совсѣмъ не разорили". „Во всѣхъ таковыхъ случаяхъ", заключаетъ авторъ, „компаніи необходимо нужны и заслуживаютъ того, чтобы правительство снабдило ихъ на такой конецъ самыми выгодными привилегіями". Вообще авторъ убѣжденъ, что „излишняя вольность" пагубна для торговли, тогда какъ „законный порядокъ", „благоразумныя и твердыя правила" могутъ способствовать ея развитію [1]). Перейдя къ русской внѣшней торговлѣ, авторъ отмѣчаетъ въ ней въ прошломъ и настоящемъ большіе недостатки, касающіеся какъ до торговой политики правительства предшествующаго Екатеринѣ II-ой времени, такъ и до самого, участвующаго въ этой торговлѣ, русскаго купечества. Очень онъ недоволенъ привилегіями, полученными когда-то, въ 1746 г., отъ русскаго правительства венеціанскою компаніею для торговли на Азовскомъ и Черномъ моряхъ, а также и въ Россіи: „здравая политика", говоритъ онъ, „нигдѣ не дозволяетъ имѣть неограниченную въ торговлѣ вольность и наравнѣ съ своими подданными, а при томъ еще и внутри своего государства"; потому „данное венеціанской компаніи дозволеніе торговать на Черномъ морѣ и внутри Россіи, подобно какъ Агличанамъ чрезъ Россію на Каспійскомъ морѣ, доказываетъ

---

[1]) «Эпоха благосостоянія аглинской торговли точно съ того времени началася, когда излишняя въ торговлѣ вольность приведена была въ законный порядокъ и учреждены кампаніи на благоразумныхъ и твердыхъ правилахъ основанныя... ...Прежде же того времени торговля ихъ была весьма безпорядочна».

крайнюю нашу въ торговлѣ помощь, и для того, гдѣ бы намъ самимъ пользоваться, мы принуждены уступить на то свое право другимъ". Между тѣмъ именно отъ Черноморской торговли Россія и должна ждать „обогащенія", особенно послѣ отмѣченныхъ авторомъ территоріальныхъ пріобрѣтеній въ царствованіе Екатерины II-ой: здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ, на русскомъ теперь Югѣ, открытъ намъ „путь къ новой и весьма полезной торговлѣ не только на Черномъ морѣ, но и на другихъ моряхъ, ибо... оное имѣетъ сообщеніе съ Бѣлымъ и Средиземнымъ морями". „Посредствомъ" же всѣхъ этихъ морей „мы можемъ торговлю производить совсѣми восточными и полуденными странами и отвозить наши товары прямо въ Италію и на Африканскіе берега, даже и до самого Египта и отъ нихъ получать тѣ товары, кои намъ потребны, которые до насъ доходятъ уже чрезъ тысячу мытарскихъ рукъ и за весьма дорогую цѣну". И далѣе приводится та формула мечтаній о могущественномъ русскомъ транзитѣ, которая намъ уже извѣстна изъ предшествующаго изложенія, только теперь это торговое величіе, центральное посредничество Россіи въ торговлѣ между Европой и Азіей, достигается въ думахъ прожектера при помощи не одного Азовскаго моря, а и Чернаго, Средиземнаго и Бѣлаго [1]).

Ко взглядамъ, выраженнымъ въ разсмотрѣнныхъ безымянныхъ проектахъ, болѣе или менѣе примыкаютъ и другія писанія того же рода; поэтому мы и ограничиваемыя лишь приведенными цитатами, довольно отчетливо характеризующими главныя теченія коммерческой мысли русскаго общества въ екатерининскую эпоху. Теперь мы должны перейти, наконецъ, къ тому, какимъ образомъ разсмотрѣніе коммерціи Россійскаго государства ставилось завѣдомо уполномоченными лицами и въ государственныхъ учрежденіяхъ.

---

[1]) Госуд. арх., XIX, № 287.

V.

Записка неизвѣстнаго, но уполномоченнаго лица. Мнѣніе о русской торговлѣ Теплова, Клингштета и И. И. Неплюева. «Планъ» о приведеніи русской торговли въ лучшее состояніе, составленный Клингштетомъ изъ разныхъ проектовъ и предложенная имъ метода для обсужденія въ коммиссіи о коммерціи вопросовъ о торговлѣ. Планъ о томъ же отъ коммерческой коммиссіи и редактированье его Тепловымъ. Участіе коммерцъ-коллегіи въ составленіи программъ для улучшенія русской торговли: мнѣнія Н. И. Неплюева, Меженинова и Фербера.

На первыхъ порахъ мы однако обращаемся, хотя и къ завѣдомо уполномоченному, но тоже анонимному автору. Выше, въ первой главѣ, были приведены выдержки изъ одной записки, въ которой предъ Екатериной открывалась яркая, но невеселая картина экономическаго состоянія Россіи. Анонимный авторъ записки, какъ было тогда упомянуто, высказалъ убѣжденіе, что онъ ничего не преувеличилъ въ нарисованной имъ мрачной картинѣ: по его мнѣнію, „самое повелѣніе“, данное ему государыней, доказываетъ справедливость его отрицательной характеристики. Въ запискѣ прямо не говорится въ чемъ именно заключилось это „повелѣніе“, но можно думать, что во исполненіе его и была представлена самая записка. Въ своей запискѣ авторъ набросалъ предъ Екатериной, такъ сказать, примѣрную программу вопросовъ, которые, какъ онъ полагалъ, слѣдовало бы предложить на обсужденіе коммиссіи о коммерціи. Сначала въ этой программѣ помѣщенъ отдѣлъ подъ заглавіемъ: „внутренняя коммерція“. Открывается этотъ отдѣлъ общей сентенціей о необходимости покровительства торговлѣ со стороны верховной власти, откуда, по мнѣнію нашего автора, и вытекаетъ первая задача для коммиссіи— обсудить вопросы, относящіеся до государственныхъ учрежде-

ній, на обязанности коихъ лежитъ завѣдыванье торговлею страны. „Понеже, читаемъ мы здѣсь, „никакая коммерція не можетъ съ успѣхомъ производится безъ всегдашняго и непосредственнаго покровительства отъ самаго государя или отъ управляющихъ въ лицѣ его приставленныхъ мѣстъ, то первое разсужденіе касается до самыхъ тѣхъ государственныхъ мѣстъ, почему должны разсмотрѣть 1) ихъ число, 2) порядокъ въ производствѣ дѣлъ, 3) ихъ пользу, 4) нравъ и знаніе присутствующихъ, 5) ихъ жалованье 6) мѣста, гдѣ имъ пребывать для большей выгоды коммерціи“. Далѣе авторъ говоритъ о необходимости поощрять земледѣліе, „особливо то, которое доставляетъ намъ продукты, въ коихъ состоитъ наиглавнѣйшая надобность и отъ коихъ зависитъ умноженіе народа“. Два „способа“ видитъ авторъ для поощренія земледѣлія: 1) чтобы земледѣльцы „могли надѣяться отъ своихъ трудовъ и заботъ“ на „пропитаніе честное, надежное, и сколько государственныя установленія дозволяютъ, независящее отъ воли и упрямства другихъ“; 2) чтобы земледѣльцы могли пользоваться „надежнымъ развозомъ и продажей“ своихъ „продуктовъ по цѣнамъ равно прибыточнымъ, какъ продавцамъ, такъ и покупающимъ для своего обиходу“. Для полученія такихъ условій, въ свою очередь, необходимо: 1) въ исправности содержать большія дороги, 2) проселочныя дороги вездѣ устроить такъ, чтобы можно было по нимъ ѣздить съ возами, 3) улучшить рѣчныя русла для „судового хода“, 4) прорыть каналы „для сообщенія рѣкъ“, 5) отмѣнить „внутренніе сборы, таможни, осмотры внутри государства“, устранить „прочія, сему подобныя трудности, отягчающія коммерцію и дѣйствія ея останавливающія“ и проч. Предложивъ эту общую программу для развитія торговли и вообще экономической жизни, авторъ записки затѣмъ ставитъ цѣлый рядъ вопросовъ, относящихся до торговли и подлежащихъ обсужденію въ коммиссіи. Приведемъ наиболѣе важные изъ нихъ. „Прибыточнѣе ли“, спрашиваетъ авторъ, „нѣкоторые продукты иностраннымъ продавать

не въ дѣлѣ или въ дѣлѣ?“ „Казна“, отмѣчаетъ онъ далѣе, „имѣетъ монополію разныхъ продуктовъ, которые на откупъ отдаются“, и спрашиваетъ: „не возможно ли ихъ пустить въ вольную коммерцію и наградить какимъ-нибудь другимъ способомъ прибытокъ, который казна отъ того получала?“. Относительно таможенъ нашъ авторъ предлагаетъ рѣшить — коммиссіи: быть имъ въ казнѣ или на откупу? О роскоши рекомендуется „подумать, до какого градуса“ ее „дозволить можно и въ чемъ именно оная дозволительна быть можетъ?“ Подумать слѣдуетъ, по мнѣію автора, также и томъ, „не будетъ ли полезно отдать на нѣсколько времени на откупъ доходы отъ нѣкоторыхъ частей коммерціи и въ которыхъ провинціяхъ?“ Озабоченъ нашъ авторъ и вексельнымъ курсомъ: „стараться“, совѣтуетъ онъ, „учредить вексельный курсъ въ разныя знатнѣйшія мѣста, приводя оный до того, чтобы не четвертыми, но осьмыми долями, а буде возможно еще меньшими частьми возрасталъ и упадалъ“. Большая часть этихъ утвержденій и вопросовъ столько же относятся до внутренней торговли, сколько до внѣшней, а нѣкоторые — до послѣдней даже болѣе, чѣмъ до первой и ихъ было бы умѣстнѣе включить подъ вторую рубрику автора: „внѣшняя коммерція“. Здѣсь вниманію коммиссіи предложены слѣдующія задачи. Прежде всего коммиссія обязана разсмотрѣть вопросъ о пристаняхъ и портахъ: надежны ли они?“ Затѣмъ въ ея обязанность входитъ „показать“ русскимъ людямъ „экономическую коммерцію, въ которой намъ не мало способствовать могутъ производимые съ Китаемъ, Персіею и Турецкою Землею торги“. Далѣе необходимо „подумать о купеческомъ флотѣ“ и рѣшить вопросы: „не будетъ ли полезно“ посылать молодыхъ людей за границу „учиться коммерціи“ и „не нужно ли будетъ завесть особливую страховую компанію?“ Авторъ записки полагаетъ, что коммиссія должна „исходатайствовать и доставить всякую безопасность кораблеплаванью и

коммерціи нашей націи, также и всякія выгоды Россійскимъ подданнымъ въ другихъ государствахъ"; этого можно добиться при томъ условіи, если для иностранцевъ, поселившихся въ Россіи будутъ объявлены „издаваемыми о томъ общими регламентами" торговыя „вольности", за каковыя правительство пріобрѣтетъ право требовать „отъ другихъ націй равнаго взаимства"; если же отъ какой либо изъ націй, не смотря на это, послѣдовалъ бы отказъ, то изъ сферы русскихъ торговыхъ „вольностей" „исключить" тѣхъ иностранныхъ подданныхъ, правительства которыхъ не проникнутся ожидаемымъ „взаимствомъ". Вопросъ о коммерческихъ трактатахъ съ иностранными государствами ставится такъ: „*не лучше ли* не имѣть никакого купечественнаго трактата съ кѣмъ бы то ни было? ибо по добрымъ основаніямъ не должно оныхъ заключать, кромѣ самой необходимости, тѣмъ паипаче, что Россія не имѣетъ нужды связывать у себя руки и подвергать себя такимъ затрудненіямъ и обязательствамъ". Въ заключеніе авторъ заявляетъ: „изъ всѣхъ выше показанныхъ мною пунктовъ, можетъ быть, ни единаго нѣтъ, который не заключалъ бы въ себѣ крайней важности, и не требовалъ бы прилежнаго разсмотрѣнія учреждаемой коммиссіи" [1]).

Въ настоящее время, при неполнотѣ имѣющихся на лицо данныхъ, я не рѣшаюсь опредѣленно отвѣтить на естественный вопросъ: кто же былъ авторомъ процитированной анонимной записки по „предложенію о учрежденіи новой коммиссіи". Я могу только отмѣтить слѣдующее. Въ архивныхъ бумагахъ мнѣ попались „пункты", намѣченные Тепловымъ для разработки въ коммерческой коммиссіи: эти „пункты" повторяютъ пункты проекта „о коммерціи", составленіе

---

[1]) Арх. д-та там. сборн., д. к. о ком., № 207. 11 связка

коего справедливо приписывается Теплову [1]); въ этомъ проектѣ, въ свою очередь, мы находимъ мѣста, сходныя съ соотвѣтствующими „пунктами“ анонимной записки [2]). Отсюда ясно, что если только интересующая насъ анонимная записка не принадлежитъ Теплову, какъ первоначальный набросокъ основныхъ вопросовъ о торговлѣ, написанный этимъ лицомъ для императрицы, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что эта записка была для Теплова однимъ изъ важнѣйшихъ источникомъ при составленіи имъ руководящихъ указаній для коммиссіи о коммерціи.

Какъ въ этой запискѣ, такъ и въ обширномъ проектѣ Теплова „о коммерціи“ вѣетъ физіократизмомъ. Исходя изъ той мысли, что главной основой нашей внѣшней торговли служитъ изобиліе сырыхъ продуктовъ, въ которыхъ нуждаются другія государства, Тепловъ въ своемъ проектѣ „о коммерціи“ рекомендуетъ стараться объ умноженіи земледѣль-

---

[1]) Проектъ «о коммерціи» былъ довольно подробно реферированъ г. Шпилевскимъ въ Журн. «Бесѣда», 1872 г., кн. I, стр. 154—168, но неправильно приписанъ имъ Ломоносову, на что проф. Шпилевскому было указано тогда же покойными академиками Пекарскимъ и Бычковымъ (С.-Петербургск. Вѣдом., 1872 г., № 92). Г. Лодыженскій на основаніи знакомства съ архивнымъ экземпляромъ этого проекта объяснилъ, что онъ былъ составленъ Тепловымъ въ качествѣ инструкціи для коммиссіи о коммерціи (Истор. Русск. Там. Там., стр. 99, примѣч. 1). См. также А. Лаппо-Данилевскій, Русскія промыш. и торговыя комп. въ Ж. М. Н. Пр., 1899 г. CCXX, стр. 528, примѣч.

[2]) Такъ въ проектѣ «о коммерціи, болѣе обработанномъ, сравнительно съ анонимной запиской, также, какъ и въ послѣдней, признается необходимость особаго управленія коммерціею, страховыхъ конторъ, исходатайствованія русскимъ купцамъ у всѣхъ морскихъ державъ безопасности мореплаванья съ обѣщаніемъ того же самаго и имъ; здѣсь также ставится вопросъ о таможенномъ содержаніи: быть ли ему на откупу или на вѣрѣ, т. е. отъ казны? Здѣсь также рекомендуется: «вексельный курсъ такъ учредить буде можно въ знатнѣйшія мѣста, чтобы не четвертьми, но восьмыми долями и меньше упадалъ и возвышался».

цевъ и объ исправленіи искусства въ земледѣліи. Однако на самое состояніе русской торговли Тепловъ смотритъ вполнѣ отрицательно: русское купечество не имѣетъ своего флота, оно не понимаетъ своей пользы и вообще не умѣетъ торговать на раціональныхъ началахъ. „По сіе время“, говоритъ Тепловъ, „купцы россійскіе ни что иное: какъ прямые наемщики или, лучше сказать, извощики купцовъ иностранныхъ“. Для исправленія купечества и торговли Тепловъ, слѣдуя западнымъ образцамъ, рекомендуетъ, цѣлый рядъ всевозможныхъ мѣръ общаго характера, начиная съ поощренія къ заведенію купеческаго флота и кончая учрежденіемъ банка съ капиталомъ изъ многихъ милліоновъ или, по крайней мѣрѣ, „устройствомъ мѣдныхъ банковъ для транспорту денегъ билетами“, т. е. введеніемъ ассигнацій. Тепловъ сторонникъ свободной торговли, какъ внутренней, такъ и внѣшней: онъ совѣтуетъ уничтожить всѣ оставшіеся еще внутренніе сборы съ товаровъ и отмѣнить досмотры по дорогамъ и переправамъ, чтобы „внутри Россіи торговля была неутѣсненная и свободная“, онъ совѣтуетъ разрѣшить свободный выпускъ хлѣба за границу, а иностранный ввозъ ободрить всѣми мѣрами, при разсмотрѣніи же тарифа позаботиться не объ одномъ умноженіи казенныхъ сборовъ съ торговли, но и о пользѣ всенародной. Сверхъ того, Тепловъ является противникомъ всякой монополіи, хотя и рекомендуетъ вести заграничную торговлю, особенно съ Китаемъ, обществами торговыми или компаніями изъ мѣщанъ, купцовъ, дворянъ и даже иностранцевъ. Но, при все томъ, тепловская торговая „вольность“ такъ же условна, какъ и та, которая исповѣдуется въ „Наказѣ“ Екатерины. Довольно было бы указать на заботу Теплова о правительствѣ для коммерціи и въ частности на рекомендованнаго имъ „особаго знатнаго опекуна“ для покровительства коммерціи, который, въ свою очередь, находился бы подъ особымъ попеченіемъ императрицы. Но можно указать, напр., и на то обстоятельство, что самое ободреніе иностранцевъ къ привозу товаровъ

въ Россію Тепловъ считалъ временнымъ, пока плоха русская внѣшняя торговля: „но когда“, говоритъ онъ, „обстоятельства измѣнятся, то мы будемъ вольны—какую хотимъ пошлину на товары налагать“, будемъ вольными и надъ „вольностью“. Тепловъ полагалъ также, что слѣдуетъ разсмотрѣть: какихъ товаровъ выпускъ и привозъ слѣдуетъ запретить и какихъ товаровъ производство необходимо особо поощрить? Вообще Тепловъ, былъ такой же эклектикъ, какъ сама императрица: не даромъ она именно его отличила наибольшимъ довѣріемъ въ предпринятомъ ею дѣлѣ исправленія Россійской торговли, именно ему, а никому другому, поручивъ производство всего дѣла коммиссіи о коммерціи.

Въ своей запискѣ, представленной этой коммиссіи, другой ея членъ, Клингштетъ, высказалъ совершенно противоположные, сравнительно съ Тепловымъ, взгляды, на общее состояніе русской торговли и на ближайшія задачи торговой политики. При замѣчаемыхъ въ русской коммерціи недостаткахъ, Клингштетъ находилъ ея состояніе цвѣтущимъ, въ виду ежегодной прибыли, которую Россія получаетъ въ торговомъ балансѣ: а что торговый балансъ ежегодно благопріятенъ для нашего отечества, это свое положеніе Клингштетъ доказывалъ ссылкой на курсовыя вѣдомости: на основаніи выгоднаго для Россіи вексельнаго курса этотъ авторъ приходилъ къ заключенію, что „вывозъ изъ Россіи превышаетъ ввозъ“. Представляя себѣ русскую торговлю, какъ величину положительную, Клингштетъ естественно вооружается противъ радикальныхъ, рѣшительныхъ мѣръ, рекомендуемыхъ для скорѣйшаго коммерческаго преуспѣянія Россіи: онъ думаетъ, что такія мѣры лишь повредятъ „нынѣшней цвѣтущей торговлѣ“ [1]).

---

[1]) Лодыженскій, цит. соч., стр. 102 и 103. Замѣч. Клингшт. въ дѣлахъ ком. о ком. 1763 года.

По вопросу о разсмотрѣніи въ „новой коммиссіи“ разныхъ „коммерческихъ“ „матерій“ долженъ былъ высказаться предъ императрицей и знаменитый колонизаторъ Оренбургскаго края И. И. Неплюевъ [1]). Этотъ государственный дѣятель подалъ (1763 г.) императрицѣ мнѣніе о томъ, „какимъ образомъ коммиссіи о коммерціи и о государственныхъ доходахъ за сходно признается къ разсмотрѣнію приступить“. Свое мнѣніе И. И. Неплюевъ представилъ при особой бумагѣ, въ которой кратко и довольно мѣтко охарактеризовалъ отношеніе къ промышленности и торговлѣ Петра Великаго и слѣдующихъ за нимъ правительствъ Россіи. Первый императоръ весьма заботился объ увеличеніи государственныхъ доходовъ, „о умноженіи мануфактуръ и коммерціи“, „что̀ по регламентамъ и указамъ его само собою вопіетъ“. Но, къ сожалѣнію, онъ рано умеръ: „краткость жизни Его Величества не допустила въ желаемое состояніе привести“ начатое Петромъ на пользу государственнаго и народнаго хозяйства. Потомъ, по смерти преобразователя, хотя „коммерція и другіе доходы прибавились“, но „и расходы вящше умножились, такъ что, наконецъ, немалый въ деньгахъ недостатокъ былъ“: однако „при всемъ томъ“ регламентъ Петра Великаго, „не задолго до кончины его“, въ 1724 году данный коммерцъ-коллегіи, „мало исполняемъ былъ“. Вмѣсто того „главные государственные доходы (кромѣ подушнаго сбору)“, какъ то: „заводы и проч.“ были „розданы разными случаями и манерами“ „въ откупы и монополіи“, „въ партикуляр-

[1]) Императрица пригласила И. И. Неплюева высказаться по означенному вопросу слѣдующимъ письмомъ: «Иванъ Ивановичъ! Намѣреніе мое есть учредить коммиссію для разсмотрѣнія коммерціи, которой присовокупленъ будетъ трудъ разсмотрѣть всѣ государственные доходы, однимъ словомъ всё, что до финанціи касается. Я желаю, чтобы Вы подали мнѣ письменно и для единственнаго моего извѣстія Ваше мнѣніе, какъ Вы думаете, что служить можетъ къ инструкціи для той коммиссіи» (Русск. Арх., 1884 г., I, 262)

ныя руки"; очевидно эти „руки" были очень цѣпкія, ибо „ежели, говоритъ И. И. Неплюевъ, въ то вникнуть, то осязательно можно усмотрѣть болѣе то дѣлано въ пользу партикулярныхъ людей, а не казенную"; тоже самое, по мнѣнію И. И. Неплюева, слѣдуетъ сказать и „о умноженіи мѣдной монеты" [1]), —намекъ въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ кн. Шаховскій и кн. Щербатовъ говорили о „дирекціи" гр. П. И. Шувалова [2]). Въ своемъ „мнѣніи" о предстоящихъ коммерческой коммиссіи работахъ И. И. Неплюевъ поставилъ нѣсколько вопросовъ и высказалъ нѣсколько соображеній о видимыхъ имъ пользахъ для русской торговли и государственной экономіи. Приведемъ, наиболѣе замѣчательные изъ этихъ вопросовъ и соображеній. И. И. Неплюевъ считалъ весьма важнымъ обсудить въ коммиссіи о коммерціи вопросы: „въ которыя государства здѣшнимъ продуктамъ и товарамъ и какъ торговать сухимъ путемъ или моремъ и въ которое чѣмъ именно, и что вывозить?" Лично Неплюевъ „мнитъ, что въ Азіи сходнѣе искать распространенія, ибо извѣстно, что въ Европейскихъ государствахъ" „купцы довольствуются" двумя или тремя съ половиною $^0/_0$ прибыли, вслѣдствіе „великости капиталовъ: „а здѣшнимъ истого торговать не можно"; но указывая на Азію, въ каковомъ направленіи торговля хорошо была извѣстна Неплюеву по его управленію Оренбурскимъ краемъ, этотъ маститый совѣтникъ указываетъ также на возможность пользоваться барышами въ Польшѣ; Европы онъ вообще не устраняетъ, „если способъ найдется". Неплюевъ убѣжденъ, что слѣдуетъ „раз-

---

[1]) «А что касается единственно до таможеннаго откупу, какимъ образомъ онъ отданъ и производимъ о томъ нераспространяю яко имѣлъ честь Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше доносить со изъясненіемъ 31-го декабря прошлаго 1762 г.» Подписано рукой И И. Неплюева: Всеподданѣйшій рабъ Иванъ Неплюевъ.

[2]) Записки князя Якова Петров. Шаховскаго, С.-Пет., 1872 г., стр. 142, 146; «О поврежд. нрав.» кн. Щербат., изд. 1858 г., стр. 89.

смотрѣть“ вопросъ „о здѣшнемъ и отзейскомъ тарифѣ и сколько можно соображать, чтобы одинъ другому подрыву не дѣлалъ“. Полагая, что „здѣшній настоящій“ тарифъ дѣлаетъ „тягость“ „обществу, а не купцамъ“, „ибо съ товару только имя купеческое, а платятъ пошлину тѣ, которые покупаютъ“, Неплюевъ, въ силу этихъ соображеній, спрашиваетъ: „не соизволено ль будетъ нужные намъ товары пошлиною облегчить, а къ роскоши касающіеся отяготить или вовсе воспретить“? Онъ желалъ бы, чтобы правительство стремилось „изъ обычая роскошь и ненужное выводить, довольствуяся своими фабриками, развѣ чего еще нѣтъ или нужно“. При пониженіи тарифа на привозимые „нужные товары“ нѣтъ основанія, по мнѣнію И. И. Неплюева, ожидать уменьшенія государственныхъ доходовъ. „Симъ порядкомъ“, говоритъ онъ, „нечаятельно, чтобы пошлина знатно уменьшилась, ибо кто сколько имѣетъ, тотъ болѣе обыкновеннаго употреблять будетъ, а за дороговизною всячески и отъ нужнаго, кто о себѣ помнитъ, воздерживаться принужденъ“. Напротивъ, „нужные“ отпускные товары Неплюевъ совѣтуетъ взять подъ бдительный контроль правительства: „желѣзо и мѣдь множествомъ не одѣшевить въ отпускъ, а внутри государства цѣну и пропорцію положить“; „о выпускѣ лѣсовъ за море прилежнѣе прежняго разсмотрѣть, дабы въ будущія времена самимъ не оскудѣть“. О лѣсахъ Неплюевъ сдѣлалъ пророческое замѣчаніе, на каковое навело его лѣсное наше хозяйство въ послѣ—петровскае время XVIII ст. Хищническая расточительность по отношенію къ лѣсамъ и тогда обнаруживала предъ наблюдательнымъ и искреннимъ патріотомъ свои печальные результаты: „въ Петербургѣ, сообщаетъ Неплюевъ, „цѣна на лѣсъ въ теченіи 10 лѣтъ почти вдвое поднялась“, а въ Нарвскомъ краѣ по рѣкамъ, впадающимъ въ море, лѣсовъ „весьма мало остается“. И. И. Неплюевъ, сверхъ всего этого, считалъ необходимымъ „всякія монополіи и привилегіи прежнія Сенатомъ данныя и контракты учиненные разсмотрѣть и въ законную форму привесть“, а

„купеческій банкъ освидѣтельствовать“; послѣднее надо сдѣлать въ интересахъ законности и общественной пользы: „съ такою ль пользою“ для общества и узаконеннымъ ли порядкомъ употребляется этотъ банкъ? Кстати слѣдуетъ рѣшить и болѣе частный вопросъ о купеческомъ банкѣ: не надо ли его учредить также и въ Архангельскѣ? [1]).

Изъ представленнаго обзора экономическихъ замѣчаній И. И. Неплюева видно, что этотъ дѣятель былъ хозяинъ, впитавшій въ себя завѣты Петра Великаго, своего учителя, память котораго была священна для маститаго колонизатора. Будучи очевидцемъ того громаднаго вліянія, которое оказала на русскую жизнь государственная власть въ рукахъ преобразователя, Неплюевъ, разумѣется, не могъ не быть сторонникомъ тщательной опеки правительства надъ экономіей страны: меркантилизмъ съ его покровительственными мѣрами въ эпоху Петра далъ Россіи не мало, и Неплюевъ, конечно, всего болѣе сочувствовалъ этому направленію въ экономической политикѣ. Но имѣя всегда предъ своимъ умственнымъ взоромъ, по примѣру своего царственнаго учителя, одну общую государственную пользу, И. И. Неплюевъ не могъ также не видѣть тѣхъ злоупотребленій, которые подъ меркантильно-протекціонисткимъ флагомъ вторглись въ русское государственное хозяйство съ тѣхъ поръ, когда не стало верховнаго хозяина Россіи, и ученикъ Петра Великаго, этотъ уже физически одряхлѣвшій, но твердый въ своихъ принципахъ старикъ, возсталъ противъ хозяйства „партикулярныхъ рукъ“, растаскивавшихъ государственное и народное добро „разными случаями и манерами“. Человѣкъ, проведенный Петромъ „чрезъ огонь и воду“, не могъ быть узкимъ теоретикомъ въ политикѣ: И. И. Неплюевъ, какъ и его великій учитель, былъ прежде всего практикъ, умѣвшій не теряться во всякой обстановкѣ, подмѣтить новыя потребности времени и найти подходящія

[1]) Арх. д—та т. сбор., д. к. о к., № 905, связка 50. Подписано собственноручно: Иванъ Неплюевъ.

средства для ихъ удовлетворенія. Вотъ почему „ученикъ“ оказался чуткимъ и къ новымъ экономическимъ вѣяніямъ и, по старому ратуя противъ роскоши, въ то же время высказывался за облегченіе ввоза нужныхъ товаровъ *въ интересахъ общества*, небезразличныхъ, впрочемъ, и для таможенной политики Петра Великаго [1]).

Письмо и записка И. И. Неплюева были переданы императрицей въ коммиссію о коммерціи. Мнѣній и проектовъ накопилось здѣсь достаточно: одинъ прожектеръ выдвигалъ на первый планъ одни вопросы, другой другіе, не было согласія и въ основныхъ точкахъ зрѣнія на торговлю и на задачи торговой политики, какъ это, конечно, и слѣдовало ожидать. Коммиссія скоро почувствовала необходимость разобраться во всѣхъ этихъ мнѣніяхъ и проектахъ и на первыхъ порахъ выработать „планъ“ или программу вопросовъ, разработкой которыхъ коммиссія должна была бы заняться спеціально. Предложеніе въ этомъ смыслѣ было сдѣлано коммиссіи ея предсѣдателемъ княземъ Яковомъ Петровичемъ Шаховскимъ, 14-го февраля 1764 года. Въ этомъ же смыслѣ высказались И. И. Неплюевъ, Минихъ и Клингштетъ. Послѣдній даже выработалъ подробный „планъ о приведеніи россійской торговли въ лучшее состояніе“, представивъ его на разсмотрѣніе коммиссіи въ 1765 году. Остановимся на этомъ произведеніи, общая схема котораго сдѣлалась схемой „плана“, „сочиненнаго“ въ коммиссіи. Всѣ „матеріи“, о которыхъ слѣдовало трактовать въ коммиссіи, Клингштетъ раздѣлилъ на классы, при чемъ „старался“ раздѣлить ихъ такъ, чтобы въ 1-мъ классѣ были „тѣ пункты, которыхъ польза очевидна и вѣрна и которые, повидимому, легко можно привесть въ дѣйствіе“, во 2-мъ „тѣ матеріи, отъ которыхъ пользы только со временемъ ожидать надлежитъ,

---

[1]) Лодыженскій, цит. соч., 62.

однакожъ польза, чаемая отъ нихъ, столь неоспорима и извѣстна, что не должно ни мало время терять для начатія оныхъ нужными приготовленіями", въ 3-мъ классѣ „тѣ учрежденія, которыя хотя сами по себѣ и полезны, но будучи связаны съ другими главными государственными учрежденіями, имѣютъ еще нынѣ много препятствій въ исполненіи, чего ради съ великою должны быть трактованы осторожностью". Въ первый классъ Клингштетъ зачислилъ слѣдующіе „пункты": 1) „изысканіе лучшихъ и способнѣйшихъ средствъ для прекращенія убытка, причиняемаго множествомъ ходящихъ въ торгу мѣдныхъ денегъ". Предлагается учредить „надежный и на народномъ кредитѣ основанный банкъ" и ввести „вѣрные банковые билеты, которыхъ бы число никогда не превосходило дѣйствительно находящейся въ банкѣ суммы". 2) „Изобрѣтеніе лучшихъ способовъ для увеличенія нынѣшняго государственнаго купеческаго банка": надо открыть отдѣленія этого банка „по знатнѣйшимъ торговымъ мѣстамъ Россійской Имперіи" и поставить банкъ такъ, чтобы онъ служилъ „на пользу общую всего національнаго купечества, а не нѣкоторыхъ только" изъ него лицъ, „чтобы казенные проценты были вѣрны, а при томъ бы бѣдные, но прилежные и честные купцы могли онымъ пользоваться". 3, 4 и 5 пункты ставятъ вопросы о внутренней торговлѣ, объ улучшеніи и удешевленіи путей сообщенія внутри государства и съ портами. 6 и 7-й пункты касаются до сочиненія новаго тарифа и до разсмотрѣнія таможеннаго устава; необходимо изыскать и принять мѣры, которыя, „сколько возможно", положили бы предѣлъ „какъ всякимъ подлогамъ противъ казеннаго интересу, такъ и всѣмъ, ненужнымъ задержкамъ при собираніи пошлины, всякой излишней запискѣ и обыкновеннымъ взяткамъ нижнихъ таможенныхъ служителей"; надо устранить тотъ таможенный порядокъ, при которомъ даже „знатный и порядочный купецъ" идетъ на подлогъ, „находя для себя таможенную очистку труднѣе пошлинной платы". Тому, кто взялся бы разработать этотъ

вопросъ, слѣдуетъ обратиться къ русскимъ и иностраннымъ купцамъ, дабы получить отъ нихъ точныя свѣдѣнія о подробностяхъ и затѣмъ все узнанное сообщить коммиссіи, а та уже изобрѣтетъ мѣры. 8) о способахъ „для пресѣченія зловредной скупли“, которая обогащаетъ немногихъ, но приноситъ убытокъ всему обществу и ведетъ къ возвышенію цѣны на всѣ съѣстные припасы и на рабочія руки: 9-й, 10, 11 и 12 пункты о крѣпостныхъ людяхъ для пользы русскаго купечества, о сочиненіи банкрутскаго устава, купеческаго лексикона и книгъ на русскомъ языкѣ о земледѣліи и домашнемъ хозяйствѣ, а также вообще о способахъ, которые вели бы къ развитію земледѣлія и помѣщичьей заботливости о сохраненіи крестьянскихъ дѣтей. Въ 13-мъ пунктѣ указывается на необходимость возстановленія украйнской торговли и ставится вопросъ: не надо ли для прекращенія контрабанды запретить, подъ опасеніемъ конфискаціи, привозъ всякихъ шелковыхъ и другихъ негромоздкихъ товаровъ чрезъ Украйну, Смоленскъ и вообще чрезъ „всѣ тамошнія страны“, значитъ чрезъ западную сухопутную границу. Въ 14-мъ пунктѣ предлагается разсмотрѣть: какимъ образомъ сдѣлать болѣе полезнымъ для Россіи торгъ Китайскій, Персидскій, Барбареской и Турецкій; особенно не нужно ли при этомъ поощрить русскихъ купцовъ къ учрежденію собственной китайской торговой компаніи, произведя такимъ путемъ опытъ, можетъ быть, болѣе прибыльнаго торга чрезъ продажу китайскихъ товаровъ другимъ европейскимъ народамъ, подобно тому, какъ ведутъ это дѣло иностранныя китайскія компаніи, учрежденныя въ Швеціи, Даніи, Эмденѣ и другихъ мѣстахъ? 15-й пунктъ ставитъ вопросъ: какимъ образомъ поднять совсѣмъ упадшій торгъ Оренбургскій, какъ о томъ заявлено въ представленіяхъ Рычкова, находящихся въ коммиссіи? Въ 16-мъ пунктѣ высказывается желаніе не только разсмотрѣть, но и отвратить тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ въ нѣсколько лѣтъ очевидно уменьшилась торговля въ разныхъ городахъ завоеванныхъ провинцій, какъ то: въ Ревелѣ,

Нарвѣ, Пернавѣ, Выборгѣ и Фридрихсгамѣ; этого дѣла нельзя откладывать тѣмъ болѣе, что казна, въ силу промедленія, ежегодно теряетъ великую сумму въ пошлинномъ сборѣ сравнительно съ прежними годами, и если дальше продолжится этотъ упадокъ торговли, то тѣмъ труднѣе будетъ ее возстановить. Наконецъ, послѣдній 17 пунктъ 1-го класса трактуетъ о необходимости возбудить въ жителяхъ стараніе о развитіи земледѣльческаго хозяйства со всѣми его натуральными продуктами; это можно сдѣлать, обѣщая „жителямъ“ свободный безпошлинный выпускъ, напримѣръ, пшеницы и ржи, на нѣсколько лѣтъ изъ С.-Петербургскаго порта. Въ 1-мъ пунктѣ 2-го класса рекомендуется убѣдить купцовъ въ необходимости воспитанія ихъ дѣтей, дабы они были способны къ торговлѣ: „надлежитъ уговорить отцовъ, чтобы они научили дѣтей своихъ нѣкоторымъ иностраннымъ языкамъ, ариѳметикѣ и бухгалтеріи, ибо торговля, если желаешь получить отъ нея пользу, по самой природѣ своей, требуетъ сношеній съ иностранцами. 2-й пунктъ указываетъ путь, ведущій къ насажденію въ русскомъ купечествѣ коммерческаго образованія и европейскихъ коммерческихъ навыковъ: надо разными льготами склонять купцовъ, чтобы они своихъ сыновей, уже познакомившихся съ иностранными языками и нужной для купца бухгалтеріей, посылали за границу учиться въ большимъ купеческихъ конторахъ, по обыкновенію, на 7 лѣтъ; усвоивши правила и пріемы европейской торговли, молодые коммерсанты могли бы вступать въ компанію съ иностранными купцами и съ бывшимъ своимъ хозяиномъ или возвратиться въ отечество и учредить собственныя конторы. 3-й пунктъ предлагаетъ прилежно обдумать всевозможныя средства, какъ завести купеческій флотъ. По мнѣнію Клингштета, въ этомъ дѣлѣ не слѣдуетъ поступать слишкомъ рѣзко, употреблять какія-либо рѣшительныя, крайнія мѣры, но, напротивъ, надо дѣйствовать убѣжденіемъ и поощреніемъ, чтобы купцы по своей волѣ заводили корабли, сами увидавъ всю пользу торговли съ ино-

странными государствами на собственныхъ судахъ. Въ 4-мъ пунктѣ ставится вопросъ о собственныхъ вольныхъ морскихъ людяхъ для купеческаго флота; при томъ отмѣчается, что этотъ вопросъ слѣдуетъ такъ разсмотрѣть, чтобы заведеніе такихъ людей согласовалось съ остальными русскими учрежденіями и отнюдь не вредило бы ни государеву флоту, ни государству. Въ 5-мъ пунктѣ спрашивается: прилично ли для общей государственной пользы дозволить свободный выпускъ хлѣба изъ Россійскихъ портовъ и съ какимъ ограниченіемъ? И въ послѣднемъ, 6-мъ пунктѣ, 2-го класса совѣтуется разсудить, не надо ли въ наиболѣе значительныхъ иностранныхъ торговыхъ городахъ учредить консуловъ для пользы нашей торговли? Клингштетъ не думаетъ, что можно скоро ожидать установленія непосредственной торговли съ иностранными народами; но, принимая во вниманіе, что нѣтъ точныхъ извѣстій о заграничной торговлѣ русскими товарами, полагаетъ, что польза отъ учрежденія за границей консуловъ могла бы явиться и въ данный моментъ, далекій еще отъ заведенія русскаго купеческаго флота и непосредственнаго торга съ иностранцами: консулы могли бы давать въ Россію точныя и вѣрныя свѣдѣнія о движеніи торговли, о чемъ коммерцъ-коллегія, въ свою очередь, увѣдомляла бы отечественныхъ купцовъ, и тогда польза отъ консуловъ была бы столь велика, что съ избыткомъ покрывала бы расходы, необходимые на содержаніе этой должности. А то въ концѣ концовъ мы не знаемъ даже и того, что получаемъ изъ-за границы свои собственные, хотя и „передѣланные“ иностранцами, товары, не знаемъ, что иные товары къ намъ поступаютъ изъ четвертыхъ рукъ, когда мы, если бы знали, могли бы получать ихъ изъ первыхъ.... 1-й, 2-й и 3-й пункты 3-го класса ставятъ вопросы: 1) объ освобожденіи, но безъ нарушенія интересовъ правительства, купечества отъ разныхъ повинностей, задерживающихъ развитіе торговыхъ промысловъ, 2) о заведеніи особаго низшаго мѣщанскаго класса, и 3) о воспрещеніи крестьянству заниматься торговлею

и промыслами, какъ мѣщанскими, такъ особливо купеческими; послѣдній пунктъ надо обставить такъ, чтобы не возникло нарушенія правъ господъ надъ крестьянами и той пользы, которую первые, по ихъ мнѣнію, могутъ извлекать изъ послѣднихъ. Въ 4-мъ пунктѣ предлагается на обсужденіе вопросъ: не слѣдуетъ ли уравнять кредиторскія права „короны“ съ остальными кредиторами нашихъ купцовъ, какъ то водится во всѣхъ другихъ европейскихъ государствахъ; до тѣхъ поръ, пока, у насъ „корона“ будетъ взыскивать свой долгъ съ купца не въ конкурсѣ съ остальными кредиторами, а въ внѣ конкурса, пользуясь своимъ преимуществомъ, русскій купецъ, какъ бы онъ ни былъ богатъ, за границей не пріобрѣтетъ довѣрія, ибо иностранцы всегда должны опасаться не замѣшанъ ли онъ въ какое казенное дѣло. Въ 5-мъ пунктѣ предлагается запретить вступать въ купечество всѣмъ фабрикантамъ, откупщикамъ и другимъ людямъ, имѣющимъ деревни и чины. 6-й пунктъ рекомендуетъ разсмотрѣть два вопроса: 1) до какой степени можно дозволить роскошь въ государствѣ съ хорошимъ торговымъ балансомъ и 2) полезно ли дѣйствительно „при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, совершенное ограничиванье“ роскоши? Въ силу 7-го пункта, коммиссіи о коммерціи сообща съ президентами и членами мануфактуръ—коллегіи необходимо выработать средства для поощренія и развитія полезныхъ фабрикъ. Самъ Клингштеъ думаетъ, что всего скорѣе это можно сдѣлать при помощи одного или двухъ знатнѣйшихъ господъ, истинныхъ патріотовъ, которымъ слѣдовано бы ввѣрить фабрики для защиты и покровительства подъ непосредственнымъ покровительствомъ самой императрицы. Наконецъ, по 8-му пункту коммиссія должна рѣшить вопросы: полезно ли съ иностранными государствами заключать коммерческіе трактаты, съ какими именно и какія при этомъ надлежитъ преслѣдовать выгоды, какъ для нашего купечества, такъ и для продажи нашихъ продуктовъ? Матеріаломъ при составленіи перечисленныхъ пунктовъ Клинг-

штегу, какъ онъ и самъ сообщаетъ, послужили разные поданные въ коммиссію и находящіеся въ ея канцеляріи проекты, а также его собственныя предложенія. Сверхъ всего этого, Клингштетъ предложилъ установить опредѣленную методу для выработки „матерій“, подлежащихъ разсмотрѣнію коммисіи о коммерціи. Сущность этой методы состоитъ въ томъ, чтобы „важнѣйшія“ и нужнѣйшія матеріи раздѣлить между членами и сначала вырабатывать каждому члену свою „матерію“ дома, а уже потомъ, по внимательномъ, безъ отклоненія отъ темы, разсмотрѣніи (и въ случаѣ надобности опять на дому) постановлять по каждой матеріи въ общемъ собраніи окончательное рѣшеніе, которое и должно быть записано въ протоколъ ([1]).

Въ одномъ изъ протоколовъ коммиссіи мы читаемъ: „1765 года, октября 15-го, въ учрежденной при дворѣ Ея Импер. Величества коммиссіи о коммерціи разсуждаемо было о методѣ для трактованія матерій, разнесенныхъ подъ разные классы, и опредѣлено: 1-е членамъ брать каждому особливо нѣкоторыя матеріи вырабатывать дома, призывая къ себѣ пристойныхъ для того помощниковъ, 2-е: выработавши матерію, увѣдомить перваго члена коммиссіи (т. е. предсѣдателя), который прикажетъ повѣстить полное собраніе, 3-е: въ полномъ собраніи дѣло, выслушавъ, рѣшить или сумнѣвающемуся дать съ оного копію съ тѣмъ, чтобы подалъ свое мнѣніе въ слѣдующее собраніе, 4-е: потомъ записать оное въ протоколъ и отдать въ канцелярію для надлежащаго производства подъ особливымъ надзираніемъ того члена, который матеріи вырабатывалъ, 5-е: въ недѣлю только 2 раза имѣть собраніе, во вторникъ по утру и въ субботу послѣ обѣда, одинъ день для ординарныхъ текущихъ дѣлъ, а другой день для дѣлъ входящихъ чрезвычайно въ коммиссію; въ случаѣ жъ нужды по общему

([1]) Чтен. Общ. Истор. и Др. Росс., 1863 г., кн. II-я, 45—55.

согласію собираться и въ 3-й разъ“ ([1]). Такимъ образомъ, какъ видимъ, коммиссія приняла методу, предложенную Клингштетомъ ([2]). Еще важнѣе то обстоятельство, что коммиссіей было принято и клингштетовское дѣленіе „матерій“ на классы. Но что касается до самыхъ „пунктовъ“, намѣченныхъ Клингштетомъ въ его планѣ“, то по поводу нихъ нужно имѣть въ виду слѣдующее. „Пункты“, поставленные Клингштетомъ, какъ мы уже знаемъ изъ его собственнаго заявленія,—ничто иное, какъ плодъ коллективной работы разныхъ прожектеровъ. Эта работа продолжалась въ коммиссіи и послѣ составленія Клингштетомъ извѣстнаго намъ „плана“. Такъ въ засѣданіи своемъ 18-го октября (1765 г.) коммиссія опредѣлила: пунктъ, поставленной въ 1-мъ классѣ — „о прекращеніи убытка отъ мѣдныхъ денегъ“ и проч. (см. выше) вычернить и поставить вмѣсто того: „Учрежденной нынѣ въ государствѣ мѣдной монеты опредѣлить по купечеству циркуляцію такимъ способомъ, чтобъ оная отяхченія въ торговлѣ не дѣлала“. Вычерненное указаніе, датированное 14-мъ февраля 1764 года и потомъ вошедшее въ „планъ“ Клингштета, принадлежало Теплову. Бо́льшая часть другихъ вопросовъ, вошедшихъ въ „пункты“ клиншетовскаго „плана“, еще раньше была поставлена Тепловымъ въ сочиненной имъ программѣ коммерціи, въ программѣ, вопросы которой извѣстны намъ и изъ голаго ихъ перечня вмѣстѣ съ вопросами кн. Я. П. Шаховскаго и И. И. Неплюева ([3]). Но Клингштетъ, взявши изъ тепловской про-

([1]) Арх. д-та там. сбор., д. к. о ком., № 346, связка 20.

([2]) Коммиссія, правда, сдѣлала нѣкоторыя несущественныя добавленія въ подробностяхъ веденія дѣла.

([3]) Г. Н. Тепловъ предложилъ на обсужденіе коммиссіи о коммерціи слѣдующіе вопросы, относящіеся какъ до внутренней, такъ и до внѣшней торговли: объ учрежденіи купеческаго банка, объ оживленіи внутренняго торга, объ улучшеніи внутреннихъ сообщеній, о сочиненіи тарифа, о предотвращеніи «зловредной скупли» продуктовъ, о сочиненіи банкрутскаго устава, объ обращеніи на пользу Россіи азіатскаго торгу (который многіе

граммы большую часть вопросовъ, оставилъ совсѣмъ въ сторонѣ или иначе поставилъ тѣ вопросы изъ нея, которые уже слишкомъ не вязались съ его умѣренными,—такъ сказать, либерально-консервативными воззрѣніями. Въ этомъ, вѣроятно, заключается причина, почему въ коммиссіи была составлена

считаютъ выгоднѣе, чѣмъ торговля съ европейскими государствами, Бесѣда, 1872 г., 1, 161 стр.), о жалобахъ на уменьшеніе торга въ разныхъ городахъ завоеванныхъ провинцій, о выпускѣ хлѣба (свободный выпускъ поведетъ лишь къ полезнымъ послѣдствіямъ: 1) дома за безцѣнокъ не будетъ расходится, 2) сосѣди, привыкнувъ покупать хлѣбъ, сами меньше будутъ упражняться въ земледѣліи, а землю и трудъ употреблять на иное, 3) деньги будутъ входить въ государство, Ibid., 164), объ учрежденіи консуловъ, о коммерческихъ трактатахъ съ иностранцами (полезно ли будетъ или нѣтъ заключать коммерческіе трактаты? Ibid, 161), о раздѣленіи купцовъ на классы, объ освобожденіи купцовъ во время проѣзда съ товарами отъ насильствъ внутри Россіи, о транспортѣ Россійскихъ продуктовъ въ чужія государства и о провозѣ оттуда товаровъ на Россійскихъ корабляхъ (для развитія внѣшней торговли Россіи—транспортъ на своихъ корабляхъ, а чтобы создать россійскій купеческій флотъ, необходимо: 1) дать нѣкоторыя привилегіи тѣмъ купцамъ, которые будутъ вести заграничную торговлю на собственныхъ корабляхъ, 2) построеніе таковыхъ поощрить, 3) учредить также матросскія купеческія слободы, жители которыхъ ни чѣмъ инымъ не промышляли бы, какъ мореплаваньемъ. Эти слободы тоже д. б. надѣлены разными привилегіями; Ibid, 160), о вольности коммерціи, объ учрежденіи краткихъ и праведныхъ судныхъ процессовъ въ купечествѣ, о вспоможеніи купечеству въ недостаткѣ капитала, о соли (о дозволеніи вывозить за границу русскую соль, съ доказательствомъ, что это не повредитъ государственнымъ доходамъ. Ibid. 163), о рыбной ловлѣ (на Сѣверно-ледовит. океанѣ, какъ о важной отрасли торговли, Ibid.) о приисканіи новыхъ источниковъ коммерціи («посредствомъ произращенія и обработки сырыхъ продуктовъ, для чего необходимо заставить знающихъ людей сочинять проекты» Ibid, 164), о добротѣ выпускаемыхъ товаровъ, о разведеніи виноградниковъ, о торговлѣ лѣсомъ (не слѣдуетъ ли прекратить или ограничить отпускъ лѣса изъ Малороссіи и Архангельска въ видахъ сохраненія лѣсовъ; Ibid., 164), о купцахъ нынѣшнихъ россійскихъ (купечеству предоставить «болѣе свободы и почтенія»—распредѣлить его по гильдіямъ и, исключивъ изъ подушнаго оклада, собирать съ него годовую дань по состоянію промысловъ, уничтожить привилегіи многихъ мнимыхъ фабрикантовъ, освободить купечество отъ казенныхъ службъ, оградить его отъ знатныхъ господъ, берущихъ товаръ въ кредитъ и не платящихъ долга; дѣтей купеческихъ учить

другая, болѣе полная редакція „плана“, исправленная затѣмъ Тепловымъ довольно характерно. Перечислимъ вопросы коммиссіонной редакціи плана и отмѣтимъ пункты, вписанные или измѣненные рукою Теплова: тогда разница ком-

---

сначала въ особыхъ школахъ, а потомъ коммерческой практикѣ за границей въ теченіи лѣтъ 7, Ibid.), о вексельномъ и банкрутскомъ уставахъ (пересмотрѣть векс. и банкр. устав., Ibid., 165), о курсѣ вексельномъ, о портахъ купеческихъ, о непосредственной купеческой корреспонденціи съ иностранцами, объ учрежденіи страховой конторы, о разборѣ товаровъ къ отпуску и привозу. Необходимо также, по мнѣнію Теплова, «разсмотрѣть»: нѣтъ ли въ области производства и торговли чего такого, что слѣдовало бы отдать на откупъ? быть таможнямъ на откупу или на вѣрѣ? что въ натурѣ и что въ рукодѣльѣ отпускать за границу? Не полезно ли нѣкоторые казенные товары въ вольную продажу пустить? Наконецъ, Тепловъ полагалъ, что коммиссія должна еще подумать: объ открытіи новыхъ путей для русской внѣшней торговли (новые пути найти при помощи изученія карты Россійск. Импер., не граничитъ ли она съ народами, нуждающимися въ русскихъ товарахъ? на такихъ новыхъ путяхъ учредить таможни «съ нѣкоторымъ облегченіемъ на первый годъ», Ibid., 166), о пересмотрѣ регламентовъ мануфактурамъ, объ ярмонкахъ, о призывѣ купцовъ для освѣдомленія (т. е. о призывѣ русскихъ и иностранныхъ купцовъ для совѣщанія, такъ какъ иной разъ они могутъ дать полезные для торговли совѣты, Ibid., 168), объ учрежденіи главнаго правительства для коммерціи, о сложеніи внутреннихъ сборовъ съ товаровъ, объ отмѣнѣ досмотровъ при переправахъ и добромъ учрежденіи при торгахъ (вообще необходимы хорошія установленія для внутренней торговли *ради увеличенія* выгодъ отъ внѣшней: исправить пути сообщенія, назначить «таксу ямщикамъ, извощикамъ и лоцманамъ», облегчить «перевозку тяжелыхъ мѣдныхъ денегъ посредствомъ введенія въ употребленіе вѣрныхъ и безопасныхъ билетовъ и посредствомъ чеканки мелкихъ денегъ на подобіе французскихъ су и нѣмецкихъ крецеровъ», уравнять «мѣры и вѣсы для предупрежденія обмановъ въ торговлѣ» Ibid., 162), о сочиненіи купеческой карты и объ учрежденіи въ отдаленныхъ портовыхъ городахъ коммерціальныхъ конторъ, подсудныхъ главному правленію. Таковъ длинный рядъ вопросовъ, поставленныхъ предъ коммиссіей Тепловымъ, вопросовъ, извлеченныхъ нами изъ бумагъ этого учрежденія (отъ 1764 и 1765 гг.) и пополненныхъ изъ проекта Теплова «о коммерціи». Въ томъ же перечнѣ «вопросовъ» за кн. Я. П. Шаховскимъ записаны два: 1) «о распространеніи свойственныхъ для Россіи мануфактуръ и о размноженіи продуктовъ предпочтительно заведенію разныхъ фабрикъ не изъ домашнихъ продуктовъ (14-го Февр. 1764 г.) 2) о воспрещеніи крестья-

миссіонной и тепловской редакцій отъ клингштетовской будетъ видна сама собой. Такъ первый же пунктъ 1-го класса (1) коммиссіоннаго „плана“ вставленъ Тепловымъ: „о учрежденіи магистратовъ, правъ ихъ и доходовъ“; второй пунктъ о мѣдной монетѣ въ извѣстной намъ коммиссіонной формулировкѣ;

3-й о купеческихъ по городамъ банкахъ;

4-й пунктъ „объ облегченіи внутренней коммуникаціи“ Тепловъ вычеркнулъ, замѣтивъ: „сей пунктъ такъ какъ весьма дальновидной по моему мнѣнію въ нынѣшнемъ вѣкѣ невозможнымъ кажется и потому не выставить ли его изъ плана?“ „Усумнившись“ въ своевременности такой задачи, Тепловъ однако, какъ видно изъ дальнѣйшаго, не выставилъ этого пункта изъ „плана“, а лишъ вставилъ во 2-ой классъ.

5-й: о собраніи разныхъ свѣдѣній отъ губернаторовъ;

6-й: о сочиненіи тарифа;

7-й пунктъ вписанъ Тепловымъ: „о сокращеніи обрядовъ таможенныхъ, о учрежденіи извѣстной платы работникамъ и другимъ таможеннымъ служителямъ;

8-й: о разсмотрѣніи таможеннаго устава;

9-й: объ отвращеніи зловредной скупли... „*продуктовъ:*“ послѣднее слова прибавлено Тепловымъ;

въ 10-мъ пунктѣ вмѣсто словъ: „о дозволеніи имѣть“ Тепловъ написалъ: *о разсмотрѣніи имѣть ли* купцамъ крѣпостныхъ людей, и еще приписалъ: „*тоже и фабрикантамъ*“.

намъ мѣшаться въ мѣщанскіе торги и промыслы (4-го мая 1764 г.); за И. И. Неплюевымъ три: 1) о собраніи вѣдомостей о состояніи русскаго купечества, 2) потребовать отъ купцовъ письмен. представленіе о тягостяхъ ихъ и о средствахъ къ отвращенію оныхъ и 3) о разсмотрѣніи, съ которыми государствами сходно торговать (Арх. д-та там. сбор. д. к. о к., № 346, связка 20).

(1) Въ коммиссіонномъ планѣ читаемъ: «Въ 1-мъ классѣ быть тѣмъ пунктамъ, которыхъ польза очевидна и вѣрна и которые повидимому легко можно привесть въ дѣйствіе, а сверхъ того пріемлются тѣ, которые какъ бы ни трудно было исполненіе, но зло отъ нихъ столь велико во всей коммерціи происходитъ, что годъ отъ году въ большую силу возрастаетъ.

11-й: о сочиненіи банкрутскаго устава;

12-й: о сочиненіи русскаго купеческаго лексикона.... *и ландкарты*, приписалъ Тепловъ;

13-й: объ учрежденіяхъ, касающихся до земледѣлія, до сочиненія и книгъ потребныхъ къ домашнему хозяйству и до сохраненія крестьянскихъ дѣтей; ([1])

14-й: о возстановленіи украйнскаго торгу, ([2]) „*а паче*, вставилъ Тепловъ, *черезъ Черное море*, и о просѣченіи (Тепловъ вписалъ: „тамъ“) тайнаго провоза;

15-й пунктъ вставленъ Тепловымъ: „о поощреніи въ Малой Россіи къ земледѣлію и заведенію фабрикъ и мануфактуръ изъ собственныхъ тамошнихъ продуктовъ“;

16-й: о возстановленіи торгу Оренбургскаго;

17-й: о учрежденіи консулей, „гдѣ, прибавилъ Тепловъ, „на нынѣшнее время необходимо оные надобны“;

18-й: о избавленіи купцовъ отъ тягостей и службъ ([3]);

19-й: о заведеніи нижняго мѣщанскаго класса;

въ 20-мъ пунктѣ Тепловъ написалъ: „*о крестьянскомъ торгѣ—быть ли ему или не быть и на какомъ основаніи*“, зачеркнувъ здѣсь: о воспрепятствованіи крестьянамъ мѣшаться въ мѣщанскіе торги и промыслы;

въ 21-мъ было: о томъ, чтобъ корона надъ купцомъ, обязавшимся съ оною, не имѣла преимущества надъ прочими кредиторами; Тепловъ зачеркнулъ это и написалъ: „*о обязательствахъ купеческихъ съ казною государственною и партикулярными, въ какомъ оные уваженіи быть должны въ разсужденіи короны и партикулярныхъ кредиторовъ*“;

въ 22-мъ пунктѣ было: о запрещеніи и пр., Тепловъ зачеркнулъ это слово и вставилъ, вмѣсто него,—„*мѣшаться*

([1]) Здѣсь помѣчено, что это предложеніе принадлежитъ Теплову.

([2]) Помѣчено тоже самое.

([3]) Помѣчено, что предложеніе принадлежитъ кн. Я. П. Шаховскому (14-го Февр. 1764 г.).

ли“... фабрикантамъ и откупщикамъ, не причисляющимся къ купечеству, въ купеческіе промыслы;

23-й пунктъ: о раздѣленіи свойственныхъ для Россіи мануфактуръ съ несвойственными и о поощреніи первыхъ, Тепловъ приписалъ: „*о умѣреніи другихъ*“;

24-й: о раздѣленіи купцовъ на классы;

25-й о учрежденіи цеховъ;

26-й: о торговлѣ рыбою и лѣсомъ, о китовыхъ и сельдяныхъ промыслахъ и генерально о пріисканіи новыхъ источниковъ въ коммерціи;

27-й: о строгости брака для доброты товаровъ о вѣсахъ и мѣрахъ „*и что дѣлать*“, прибавилъ Тепловъ, *съ товарами выбракованными, а паче съ пѣстными и питейными*“:

28-й: о разсмотрѣніи вексельнаго устава;

29-й: о курсѣ вексельномъ;

30-й: о пересмотрѣ регламентовъ мануфактурамъ и суднаго купеческаго порядка;

31-й: о ярмонкахъ;

32-й: о сочиненіи купеческой карты;

1-й пунктъ 2-го класса: (1) о воспитаніи купческихъ дѣтей (2);

2-й: о поощреніи (3) купцовъ посылать дѣтей своихъ въ чужіе краи (4).

3-й: о заведеніи купеческаго флота;

въ 4-й пунктъ Тепловъ къ своему же мнѣнію о заведеніи вольныхъ морскихъ людей вписалъ: „*о учрежденіи какимъ*

---

(1) «Во второмъ классѣ поставить тѣ матеріи, отъ которыхъ пользы только современемъ ожидать надлежитъ, однакожъ польза чаемая отъ нихъ неоспорима и извѣстна, что не должно ни мала время терять для начатія оныхъ нужными пріуготовленіями».

(2) Помѣчено: мнѣніе Теплова.

(3) «О поощреніи» написано Тепловымъ, было: «о склоненіи.

(4) Помѣчено: мнѣніе Ив. Ив. Неплюева, 1764, Февраль.

бы образомъ купцамъ можно было пользоваться казенными матросами за вольную плату во время мирное“;

5-й: о коммерческихъ трактатахъ съ иностранцами, Тепловъ приписалъ: „*полезны ли они и съ кѣмъ*;“

Въ 6-мъ пунктѣ, зачеркнувъ: „о снабженіи каждаго россійскаго порта и пограничнаго торговаго города благопристойными наставленіями, потребными для свѣдѣнія купцовъ“, Тепловъ написалъ: „*о обнародованіи для свѣдѣнія купеческаго всѣхъ установленій какіе есть при портовыхъ городахъ*“: слѣдующіе два пункта: о разводѣ виноградовъ и шелковичнаго дерева и о портахъ купеческихъ вычеркнуты Тепловымъ, при чемъ вопросъ о разводѣ шелковичнаго дерева вставленъ имъ въ послѣдній пунктъ 2-го класса;

7-й: объ отвореніи новыхъ путей по границамъ къ торгу;

8-й: „*о облегченіи внутренней коммуникаціи*“ (переписанъ Тепловымъ изъ 1-го класса);

9-й: „*о разводѣ шелковичнаго дерева и шерсти въ Россіи*“ (вписанъ Тепловымъ).

1-й пунктъ 3-го класса (1): о исправленіи (2) внутренняго торгу.

2-й: о умноженіи (3) азіатскаго торгу „*а паче*, прибавилъ Тепловъ, *изъ Малой Россіи*“;

3-й: о направленіи (4) торгу въ („разныхъ“ это слово зачеркнуто) городахъ завоеванныхъ провинцій, кромѣ Лифляндіи;

4-й: о выпускѣ хлѣба (5) всего государства;

---

(1) «Для третьяго класса оставить тѣ учрежденія, которыя хотя сами по себѣ полезны, но будучи связаны съ другими главными государственными учрежденіями имѣютъ еще и нынѣ много препятствій въ исполненіи, чего ради съ великою д. б. трактовны осторожностью».

(2) Слово написано Тепловымъ, было: объ оживленіи.

(3) Написано имъ же; было: о обращеніи на пользу.

(4) Написано имъ же; было: о разсмотрѣніи жалобъ о уменьшеніи торгу...

(5) Послѣ слова «хлѣба» вписано Тепловымъ: «изъ пристойныхъ мѣстъ».

5-й: о разведеніи въ другихъ частяхъ свѣта новыхъ колоній для коммерціи и домовъ и амбаровъ въ нѣкоторыхъ тамошнихъ мѣстахъ по примѣру другихъ націй для пристанища нашему купечеству и для складки товаровъ;

6-й: объ учрежденіи страховой конторы: слѣдующій пунктъ: „не полезно ли нѣкоторые казенные товары въ вольную продажу пустить"—зачеркнутъ Тепловымъ.

7-й: о учрежденіи главнаго для коммерціи правительства. Таковъ планъ „для разсмотрѣнія" русской торговли, выработанный въ коммиссіи о коммерціи.

Задерживая вниманіе читателя на детальныхъ особенностяхъ этого наброска, мы имѣли цѣлью наглядно показать, что главная роль при окончательной обработкѣ плана принадлежала Теплову; при чемъ этотъ дѣятель не только, не смущаясь, вписывалъ тѣ вопросы, которые не вошли въ лежавшую предъ нимъ редакцію „плана" изъ его раньше представленнаго имъ коммиссіи мнѣнія, но зачеркивалъ или видоизмѣнялъ иные и тѣ вопросы, которые раньше самъ же помѣстилъ въ свой проектъ „о коммерціи"; можно a priori предположить, что нашъ внимательный редакторъ коммерческаго плана, дѣлалъ такъ, сообразуясь съ практикой жизни, съ мнѣніями другихъ членовъ коммиссіи и, конечно, прежде всего,—съ тѣмъ, чего желала сама Екатерина. Дальше это выяснится предъ нами болѣе или менѣе опредѣленно; теперь же мы только подчеркнемъ ту величайшую осторожность, съ которой Тепловъ ставитъ въ планъ наиболѣе деликатные „коммерческіе" вопросы, вопросы о запрещеніи купеческихъ промысловъ крестьянамъ, фабрикантамъ и откупщикамъ: Тепловъ, исправляя прежнюю отрицательную формулировку этихъ вопросовъ, пишетъ: „быть или не быть", „мѣшаться ли": о дворянской торговлѣ совсѣмъ не упоминается въ коммиссіонномъ „планѣ" даже въ томъ замаскированномъ видѣ, въ каковомъ она отмѣчена въ „планѣ" Клингштета (см. выше, стр. 68); вопросъ объ отдачѣ нѣкоторыхъ казенныхъ товаровъ въ воль-

ный торгъ, вопросъ, раньше самимъ же Тепловымъ поставленный съ сочувствіемъ свободной торговлѣ, вовсе вычерненъ имъ въ коммиссіонномъ „планѣ“. Видимо, реальные интересы правительства требовали въ иныхъ случаяхъ не тѣхъ отвѣтовъ относительно коммерціи, которые готовы были давать совѣтники изъ своихъ кабинетовъ, и канцелярія государственнаго по коммерческимъ вопросамъ учрежденія должна была въ лицѣ своего дѣлопроизводителя такъ или иначе приноравливаться къ этимъ интересамъ. 22-го октября (1765 г.) Г. Н. Тепловъ доложилъ коммерческой коммиссіи монаршій указъ о томъ, чтобы она „учинила планъ и методу для трактованія разныхъ по коммерціи матерій и оныя поднесла къ Высочайшей Ея Импер. В-ва апробаціи“. Коммиссія опредѣлила: тотъ указъ пріобщить къ прежнимъ указамъ,—„а понеже въ коммиссіи о коммерціи изъ поданныхъ отъ господъ членовъ проектовъ планъ уже сочиненъ, того ради оный по сочиненіи обще и съ методою въ силу того повелѣнія взнесть на Высочайшую апробацію“ [1]).

Мы познакомились съ постановкой коммерческихъ вопросовъ въ коммиссіи о коммерціи, — въ учрежденіи, какъ извѣстно, совѣщательномъ, спеціально обязанномъ, „разсматривать коммерцію россійскаго государства“. Но подобная же дѣятельность по сочиненію программъ для улучшенія русской торговли началась тогда и въ коммерцъ-коллегіи,—учрежденіи административномъ, на обязанности коего, по законамъ Петра В., лежала и вообще забота о преуспѣяніи русской торговли; вслѣдствіе чего намъ не мѣшаетъ заглянуть и въ это учрежденіе. Въ 1764 году вице-президентъ коммецъ-коллегіи Николай Ивановичъ Неплюевъ во мнѣніи своемъ, пред-

---

[1]) Арх. д-та там. сборн., д. к. о к., дѣло отъ 1764 и 1765 г.г.—«о учиненіи плана и методы для трактованія разныхъ по коммерціи матерій», № 346, св. 20.

ставленномъ въ эту коллегію, напомнилъ ей, что она обязана вырабатывать мѣры, которыя могли бы служить къ развитію русской торговли. Вопреки законамъ Петра Великаго, опредѣляющимъ дѣятельность коммерцъ-коллегіи, [1]) она не занималась разсмотрѣніемъ Россійской коммерціи, и Н. И. Неплюевъ въ архивѣ этого учрежденія не нашелъ свѣдѣній, какъ о внутренней, такъ и о внѣшней торговлѣ, безъ коихъ, по его мнѣнію, онъ лично не можетъ принести истинную пользу для коммерціи. Правда, сообщаетъ онъ далѣе, въ 1763 году учреждена коммиссія о коммерціи, „отъ просвѣщеннаго которой испытанія безъ сомнѣнія ничто упущено не будетъ“, но и коммерцъ-коллегіи въ дѣлѣ этого испытанія слѣдовало бы явиться такимъ „мѣстомъ“, изъ котораго „та коммиссія“ могла бы получать „потребныя свѣдѣнья“. Если члены, „засѣдающіе“ въ коммиссіи о коммерціи, и „пріемлютъ на себя“ „весь тотъ трудъ“, то это они дѣлаютъ просто „изъ великодушія“. Въ силу такихъ соображеній, Н. И. Неплюевъ представилъ въ коммерцъ-коллегію цѣлый рядъ „пунктовъ“ и между ними помѣстилъ предложеніе „сдѣлать планъ и разсуждать, какими способами привесть въ лучшее состояніе россійскую торговлю въ Азію“. Въ своихъ „пунктахъ“ Н. И. Неплюевъ, заявляя, что „къ ободренію и поправленію купечества“ надо имѣть „неусыпное попеченіе“, является сторонникомъ „потребной вольности и покровительства“ для торговли. Далѣе онъ полагаетъ, что коммерцъ-коллегія должна собрать свѣдѣнія, касающіяся до веденія и до движенія торговли внутри и внѣ государства,—равно какъ о водныхъ путяхъ сообщенія, о каковыхъ Н. И. Неплюевъ надѣется „получить свѣдѣнье отъ Академіи Наукъ, какъ въ томъ упражняющагося мѣста“; точно также, по мнѣнію этого чиновника, коммерцъ-коллегія

[2]) Въ именномъ указѣ 1718 г. о коммерцъ-коллегіи, въ инструкціи этой коллегіи 1724 г. (31-го янв.).

должна разсмотрѣть вопросы о контрактахъ, заключаемыхъ русскими купцами съ иностранными: польза или вредъ отъ нихъ для русской торговли?, о таможняхъ и пошлинахъ, о русскомъ тарифѣ сравнительно съ иностранными тарифами: польза или вредъ отъ умѣреннаго тарифа?, должна имѣть ежедневныя свѣдѣнья о биржевыхъ цѣнахъ на товары и о причинахъ пониженія или возвышенія цѣнъ, и пр. Коммерцъ—коллегія должна печься о русскихъ купцахъ, призывать ихъ, когда нужно, „наставленіе и совѣтъ имъ давать“: такъ думаетъ Н. И. Неплюевъ и считаетъ необходимымъ, подобно другимъ прежектерамъ, выписывать лучшія коммерческаго содержанія книги и переводить ихъ на русскій языкъ, „дабы, которые иностранныхъ языковъ не знаютъ, могли бы оными пользоваться“. Представленіе Н. И. Неплюева „о исправленіи Россійской коммерціи“ вызвало замѣчанія со стороны нѣкоторыхъ членовъ той же коллегіи. Всѣ эти члены, оправдываясь, иной разъ и очень наивно, въ указанныхъ Н. И. Неплюевымъ пробѣлахъ въ прошлой дѣятельности коллегіи, были согласны съ нимъ въ томъ, что коммерцъ-коллегія должна собирать свѣдѣнія о русской коммерціи и изыскивать мѣры для ея дальнѣйшаго развитія; но только какія свѣдѣнія собирать и какія мѣры создавать? по этому вопросу два члена комерцъ-коллегіи сдѣлали и свои указанія. Такъ статскій совѣтникъ Меженинов полагаетъ, что не все всероссійское купечество должно пользоваться ободреніемъ и покровительствомъ коммерцъ-коллегіи, а только „тѣ россійскіе купцы, кои въ чужія державы на свой счетъ торговать будутъ“, значитъ только немногіе русскіе капиталисты—купцы, ведущіе заграничную торговлю. За то „ободреніе и покровительство“ такимъ купцамъ Меженинов доводитъ до того, что совѣтуетъ дать имъ права на покупку малолѣтнихъ спеціально для образованія изъ нихъ моряковъ: эти крѣпостные дѣти, по проекту коллежскаго чиновника, должны быть предварительно обучаемы „навигаціи“ въ штурманской конторѣ, которую слѣдуетъ учре-

дить при Адмиралтействѣ, а потомъ „употребляемы“ купцами „къ мореплаванью“, а то и такъ можно устроить это „мореплаванье“ россійскихъ экспортеровъ: „брать“ дѣтей у бѣдняковъ изъ петербургскаго купечества послѣдней гильдіи и, „обуча“ ихъ въ означенной штурманской конторѣ, „раздавать торгующимъ въ чужія державы купцамъ“. Такихъ купцовъ Меженинов не знаетъ чѣмъ и наградить: не только семейства купцовъ, подлинно имѣющихъ за границей торговыя конторы, должны быть освобождены отъ „службъ, поборовъ, налоговъ и тягостей“, но такимъ купцамъ, въ случаѣ если они не имѣютъ отцевъ и братьевъ, необходимо дать право представлять на освобожденіе отъ всякихъ купеческихъ повинностей, „кого они пожелаютъ до 5 человѣкъ“; покупка и постройка кораблей въ Россіи—исключительное право такихъ купцовъ; имъ принадлежитъ преимущество и въ купеческомъ банкѣ: прежде всего должны „удовольствовать“ ихъ, а потомъ уже другихъ: если же они „по любочестію“ или вслѣдствіе банкротства (по „оскуденію въ торгахъ“) пожелали бы впослѣдствіи поступить на государственную службу, то, по мнѣнію Меженинова, коммерцъ-коллегія должна принимать ихъ „съ положенными тѣмъ чинамъ рангами и жалованьемъ“, значитъ прямо съ распростертыми объятіями, очевидно, за опытность такихъ господъ въ заграничныхъ торгахъ. За эти необычайныя мѣры русскимъ экспортерамъ, конечно, не мѣшало „искоренить бываемые въ Россійскихъ товарахъ обманы“, что тоже Межениновъ совѣтуетъ сдѣлать, желая отвратить отъ русскихъ купцовъ то „презрѣніе“, которымъ ихъ дарили обманываемые ими иностранцы. Проектъ Меженинова, заслушанный въ коллегіи, однако не былъ представленъ въ Сенатъ, и такимъ образомъ „трудъ господина статскаго совѣтника“, какъ говоритъ коллежскій же чиновникъ Никита Кафтыревъ, „остался тщетнымъ“. Во мнѣніи чиновника—коммерцъ-коллегіи надворнаго совѣтника Фербера, признавшагося въ томъ, что, послѣ своей 16-ти лѣтней службы въ коллегіи, онъ на-

чалъ забывать раньше ему хорошо извѣстное о коммерціи, мы находимъ тоже преимущественное вниманіе къ внѣшней торговлѣ. Предложивъ издать торговый регламентъ, проектированный раньше Межениновымъ и находящійся въ коллегіи, банкрутскій уставъ, сочиненный „прежде бывшею коммиссіею о коммерціи“, „сочинить морской уставъ для россійскаго купеческаго кораблеплаванья“ и „водолазный регламентъ, касающійся до погибающихъ кораблей и товаровъ“, завести „купеческую библіотеку“, что „остроумно примѣтилъ вице президентъ“ Н. И. Неплюевъ и безъ чего коллегія „не можетъ знать состоянія морской торговли и купеческихъ компаній, торгующихъ внутри и внѣ Европы“, Ферберъ „присовокупилъ“ ко всему этому на „разсмотрѣніе государственной коммерцъ-коллегіи“ еще слѣдующіе вопросы: 1) „не пора ли уже трактаты о коммерціи съ тѣми морскими державами заключать, кои наши товары и продукты употребляютъ?“ При этомъ условія надо ставить такъ, чтобы „трактаты“ обезпечивали развитіе и безопасность нашего „кораблеплаванья“; 2) „не потребно ль безъ замедленія въ знатнѣйшихъ европейскихъ портахъ агентовъ и консуловъ опредѣлить? [1])“ Эти агенты и консулы, будучи опредѣлены собственно для коммерческой корреспонденціи съ „здѣшней коллегіею“ и съ купцами, косвенно послужатъ поощренію купцовъ вести заграничную торговлю „на собственныхъ корабляхъ“, посылать „дѣтей своихъ“ за границу учиться коммерціи, учреждать тамъ „собственныя купеческія конторы“, послужатъ, словомъ, развитію

---

[1]) Учрежденіе различныхъ должностей для вспомоществованія торговлѣ рекомендовалось многими и довольно настойчиво. Въ коммиссіи для составленія проекта Нов. Улож. депутатъ отъ коммерцъ-коллегіи Межениновъ въ двухъ своихъ представленіяхъ предложилъ 1) о необходимости для большаго развитія внѣшней торговли учредить консуловъ и пр. 2) публичныхъ нотаріусовъ для скорѣйшаго производства крѣпостныхъ и вексельныхъ дѣлъ С. Р. И. Общ. 8 т., стр. XXVII.

внѣшней торговли Россіи; 3) „разсудить о необходимости такой купеческой компаніи изъ нѣсколькихъ купцовъ 1-ой гильдіи подъ предводительствомъ одного ранговаинаго“ и съ казеннымъ жалованьемъ „секретаря или директора“, компаніи, „кудабъ“ изъ Сената и коллегіи поступали дѣла, относящіяся до торговли и купечества, „какъ для вѣдома, такъ и для испытанія купеческаго разсужденія“: такъ дѣлается и въ иностранныхъ государствахъ „къ великой пользѣ коммерціи“; 4) „надлежитъ“ уменьшить пошлину съ товаровъ, отправляемыхъ за Зундъ на большихъ корабляхъ, дабы поощрить дальнее „Россійское караблеплаваніе“ „предъ малыми кораблями, кои не далѣе, какъ токмо въ Остъ Зеѣ употреблены быть могутъ“; 5) „не нужно ль и не полезно ль“ развивать навигацію въ отзейскихъ провинціяхъ на построенныхъ внутри государства корабляхъ и съ русскими матросами при помощи „нѣкоторыхъ особливыхъ выгодностей“? 6) „ради укрѣпленія русскаго кредита у иностранцевъ „по возможности“ „надлежитъ“ отвратить „обманъ“ въ торговлѣ и разсмотрѣть вопросъ, „не должно ль надъ браками всякихъ товаровъ имѣть особливое смотрѣніе“? [1]) 7) слѣдуетъ также обратить вниманіе, правильно ли русскіе товары „разбираются по сортамъ?“

Приведенныхъ указаній, думается, вполнѣ достаточно, чтобы получить общее понятіе о томъ, какимъ образомъ въ государственныхъ учрежденіяхъ ставились вопросы о разсмотрѣніи русской торговли въ видахъ улучшенія ея, а также и того класса, который спеціализировался на этой отрасли труда. Изъ этихъ указаній легко заключить, что какъ въ коммиссіи о коммерціи, такъ и въ коммерцъ—коллегіи было выражено намѣренье преслѣдовать интересы главнымъ образомъ внѣшней торговли, въ которой даже совѣтники, тронутые вліяніемъ физіократизма, склонны были видѣть особо важное средство для привлеченія денегъ въ страну, средство, весьма пригод-

[1]) Чулковъ: Истор. опис., т. 12, стр. 224—249.

ное для обогащенія государства. Даже Тепловъ, наиболѣе либеральный изъ „коммерческихъ“ прожектеровъ, въ своихъ представленіяхъ этого рода удѣляетъ особое вниманіе внѣшней торговлѣ. Развитіе отечественной промышленности, внутренней коммерціи при помощи разныхъ освободительныхъ и учредительныхъ мѣропріятій,—есть лишь необходимый широкій со многими подъѣздными дорогами путь для развитія внѣшней торговли. Такое внимательное отношеніе къ внѣшней торговлѣ, аналогичное съ отношеніемъ къ ней Екатерины II-й, отразилось и въ „планахъ“ „о исправленіи“ Россійской коммерціи, составленныхъ изъ письменныхъ предложеній, поданныхъ въ коммерческую коммиссію. Члены коммерцъ—колегіи, вдохновленные императрицей, поревновавшіе, вслѣдъ за Н. И. Неплюевымъ, работѣ, заданной верховною властью коммиссіи о коммерціи, усердствовали въ томъ же направленіи, обнаруживая почти исключительную заботу о внѣшней торговлѣ. Въ интересахъ послѣдней и предлагалась „вольность“ въ торгахъ официальными прожектерами 60-хъ годовъ; какъ бы эти прожектеры ни расходились другъ съ другомъ въ иныхъ деталяхъ, они, какъ и Екатерина II-я, были болѣе или менѣе либеральны по отношенію къ казеннымъ и частнымъ монополіямъ, къ тарифу и пр., что однако не мѣшало и болѣе, и менѣе либеральнымъ чиновникамъ соединять торговую „вольность“ съ самой бдительной опекой надъ торговлей въ интересахъ государственной казны и немногочисленныхъ русскихъ капиталистовъ—купцовъ, принимавшихъ участіе въ заграничной торговлѣ. Развитіе внѣшней торговли всевозможными способами и созданіе класса русскихъ экспортеровъ, „способныхъ“ матеріально и духовно конкурировать съ иностранцами, могутъ быть разсматриваемы, какъ двѣ стороны одной и той же проблемы о коммерческой самостоятельности Россіи на международномъ рынкѣ. Къ этой проблемѣ и тянутся всѣ вышеуказанные коммерческіе совѣты. Поставленная еще Петромъ Великимъ, повторенная Екатериной II-й, эта проблема ни-

сколько однако не перестала быть таковой и къ концу царствованія заботливой о торговлѣ императрицы, какъ это уже видно изъ вышецитированнаго проекта 90-хъ годовъ (XVIII ст.). Русскій коммерческій кредитъ, объ установленіи коего Екатерина II повелѣла хлопотать коммиссіи о коммерціи, не только не упрочился, но еще болѣе расшатался. Впрочемъ, къ 90-мъ годамъ и государственный кредитъ Россіи оказался не въ лучшемъ состояніи. О томъ и другомъ весьма настойчиво сталъ заявлять нашъ вексельный курсъ, быстрое пониженіе котораго вызвало цѣлый рядъ поисковъ причинъ этого явленія, съ тѣмъ, чтобы найти средства къ устраненію коммерческой и финансовой бѣды. Эти поиски велись главнымъ образомъ въ связи съ „разсмотрѣніемъ“ внѣшней торговли Россіи. Здѣсь и причина, почему намъ необходимо поближе подойти къ вопросу о вексельномъ курсѣ, какъ онъ трактовался у насъ при Екатеринѣ II-й. Изученіе вопроса о вексельномъ курсѣ въ „примѣчаніяхъ“ современниковъ дастъ намъ возможность познакомиться съ болѣе детальными сужденіями той поры о внѣшней торговлѣ Россіи.

Очеркъ второй.

Вопросъ о вексельномъ курсѣ Россіи вмѣстѣ съ сужденіями о внѣшней торговлѣ ея (1774—1793 гг.) [1].

I.

Вступительныя замѣчанія. Разсмотрѣніе внѣшней торговли въ 1774 году: письмо придворнаго банкира барона Фридерикса, записки: генералъ—прокурора Сената кн. А. А. Вяземскаго, членовъ коммиссіи о коммерціи—графа Э. Миниха и кн. М. М. Щербатова.

Съ тѣхъ поръ, какъ вексельный курсъ Россіи началъ понижаться, вопросъ о немъ, а также о тѣсно связанномъ съ нимъ торговомъ балансѣ и другихъ предметахъ, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ вексельному курсу, сдѣлался объектомъ живого вниманія и усерднѣйшихъ заботъ правительства Екатерины II. Внѣшнюю торговлю, торговый балансъ и т. под. стали „разсматривать“ и обсуждать съ цѣлью „исправленія“ курса. Особенно сильную тревогу забило правительство, а потомъ и крупное купечество съ 1779 года, когда вексельный курсъ, дѣлая скачки, сталъ спускаться всё ниже и ниже. Колебаніе и паденіе курса ставили правительство и купечество въ величайшія затрудненія: надвигались убытки казнѣ, торговые и промышленные кризисы, потеря кредита, а въ близкомъ будущемъ напуганному во-

[1] Здѣсь съ нѣкоторыми измѣненіями предлагается этюдъ, напечатанный авторомъ въ Журналѣ Министерства Нар. Просвѣщ., сентябрь, 1901 г.

ображенію мерещилось дальнѣйшее паденіе курса и банкротство страны. Сообразно съ увеличеніемъ опасности на международномъ денежномъ рынкѣ для государственнаго и купеческаго кредита Россіи и самое разсмотрѣніе причинъ упадка вексельнаго курса съ цѣлью изобрѣтенія мѣръ къ его возвышенію становилось глубже и разностороннѣе. „Дѣла“ „объ униженіи курса“ сохранились, и по нимъ мы можемъ получить довольно ясное представленіе о томъ, какимъ образомъ этотъ вопросъ вмѣстѣ съ тѣсно связаннымъ съ нимъ вопросомъ о внѣшней торговлѣ трактовался правительственными и коммерческими сферами того времени ([1]).

Еще въ 1774 году въ коммиссіи о коммерціи возникло „разсмотрѣніе“ русской внѣшней торговли въ видахъ выясненія и устраненія ея недостатковъ, ведшихъ къ пониженію баланса и вексельнаго курса ([2]). Дѣло было вызвано заявленіемъ придворнаго банкира Фридерикса о томъ, что онъ затрудняется перевести въ Амстердамъ 250,000 гульденовъ въ уплату срочныхъ процентовъ по государственнымъ облигаціямъ; какъ на причину затрудненія, бар. Фридериксъ указывалъ на невыгодный для Россіи вексельный курсъ,—естественное послѣдствіе, по его мнѣнію, неблагопріятнаго для нея торговаго баланса ([3]); сверхъ того, операція этого пере-

---

([1]) Storch, Supplementband. Лейпцигъ, 1803, стр., 7, Cours d'économie politique, С.-Петербургъ, 1815, VI, стр. 341 и 342; Гр. Сперанскій, Записка о монетномъ обращеніи, С.-Петербургъ, 1895 г., стр. 40—43.

([2]) Это дѣло уже изложено въ сочиненіи г. Лодыженскаго, «Исторія русскаго таможеннаго тарифа», С.-Петербургъ, 1886 г., стр. 127—135. Я, къ сожалѣнію, не имѣлъ возможности сдѣлать дополнительныя розысканія къ тѣмъ документамъ, которые цѣликомъ напечатаны г. Лодыженскимъ въ «приложеніяхъ» къ означеному его труду (стр. 8—46); поэтому я въ своемъ текстѣ даю лишь то, что даетъ г. Лодыженскій, не столько, впрочемъ, въ своемъ текстѣ, сколько въ упомянутыхъ «приложеніяхъ».

([3]) «Всуе», говоритъ б. Фридериксъ, «я старался многіе мѣсяцы курсъ на $38^3/_4$ стиверовъ содержать, нынѣ очевидно, что въ прошломъ годѣ раз-

вода затруднялась еще необходимостью сдѣлать другой переводъ въ 700,000 гульденовъ по разнымъ „обязательствамъ и авансамъ“; выходило такъ, что переводъ 250,000 гульденовъ „здѣшними векселями“, при низкомъ вексельномъ курсѣ, не только убыточенъ, но и долженъ повлечь за собой новый „значительный уронъ“ вексельному курсу. Сѣтуя на всё это, бар. Фридериксъ жаловался на развитіе контрабаднаго промысла, „раззоряющаго всё общество“, говоря, что „умноженіе“ контрабанды „довольно“ доказывается „ежепочтнымъ переводомъ денегъ“ ([1]). Изложенное письмо было адресовано на имя тогдашняго генералъ-прокурора Сената кн. Вяземскаго. По вопросамъ, затронутымъ барономъ Фридериксомъ, кн. Вяземскій и со своей стороны составилъ записку для доклада императрицѣ.

Такъ же, какъ и баронъ Фридериксъ, кн. Вяземскій всю бѣду сводитъ къ плачевному состоянію нашей внѣшней торговли или, иначе говоря, нашего торговаго баланса, становящагося всё менѣе и менѣе благопріятнымъ для Россіи, чему, по его мнѣнію, способствуетъ и контрабандный ввозъ, размѣры котораго, однако, „опредѣлить невозможно“. Значитъ, для поправленія вексельнаго курса или, что тоже, для облегченія переводныхъ платежей Россіи за границу, предстояло поправить нашъ торговый балансъ: таково, согласно съ бар. Фридериксомъ, мнѣніе кн. Вяземскаго. Но какъ это сдѣлать? Кн. Вяземскій не вѣритъ въ произвольное увеличеніе вывоза ([2]); онъ всю надежду видитъ въ мѣрахъ, уменьшающихъ ввозъ, и въ наилучшей организаціи таможеннаго надзора. Сверхъ намѣченныхъ имъ мѣръ, кн. Вяземскій предложилъ

нымъ беззаконнымъ привозомъ не токмо перевѣсъ внѣшней торговли вовсе похищенъ, но до 3 мил. въ чужестранную пользу приведенъ (прилож. къ Истор. русск. там. тар. Лодыженскаго, стр. 8).

([1]) Лодыженскій, прилож., стр. 8 и 9.

([2]) Ibid., прилож., стр. 14.

„сдѣлать вновь разсмотрѣніе, кому благоугодно повелѣть будетъ“, о томъ, „какіе иностранные товары ввозить, чрезъ какія мѣста и какому быть смотрѣнію въ недопущеніи потаеннаго ввоза товаровъ“ ([1])... Объ бумаги—письмо барона Фридерикса и замѣчанія кн. Вяземскаго—прежде всего разсматривались въ совѣтѣ при Высочайшемъ дворѣ, и здѣсь было найдено „необходимымъ“ выяснить, какъ поставленный генералъ—прокуроромъ вопросъ о ввозимыхъ товарахъ, такъ и вопросъ „о нашей торговлѣ вообще“; кромѣ того, надо было узнать „образъ употребленія таможенныхъ (чиновниковъ) и исполненія ими ихъ должностей“ и изыскать средства къ пресѣченію усилившейся контрабанды. „Разсмотрѣніе“ этихъ вопросовъ, по мнѣнію совѣта, слѣдовало поручить „особливо опредѣляемымъ по соизволенію ея императорскаго Величества особамъ“ ([2]). Императрица предложила обсудить затронутые вопросы коммиссіи о коммерціи ([3]).

Въ коммиссію поступили два подробныхъ разсужденія о русской внѣшней торговлѣ и о дальнѣйшемъ направленіи нашей таможенной политики. Одно принадлежитъ перу гр. Эрнста Миниха, другое—кн. Щербатова, извѣстнаго общественнаго дѣятеля, публициста и историка екатерининской эпохи. Гр. Минихъ въ своихъ взглядахъ на означенный предметъ рѣзко разошелся съ мнѣніемъ кн. Вяземскаго. Самое состояніе торговаго баланса Россіи гр. Минихъ не считаетъ столь неблагопріятнымъ, какъ это представлялось кн. Вяземскому, тѣмъ болѣе барону Фридериксу, взглянувшему на судьбу русскаго торговаго баланса уже совершенно пессимистически; гр. Минихъ полагалъ, что, рисуя невеселую картину упадка русской торговли, кн. Вяземскій опирался на не-

---

([1]) Ibid., прилож., стр. 18.
([2]) Архивъ госуд. совѣта, I т., ч. 2, стр. 601.
([3]) Лодыженскій, Истор. там. тарифа, стр. 130.

вѣрные цифровые итоги; на основаніи своихъ собственныхъ расчетовъ гр. Минихъ приходилъ къ иному, успокоительному, заключенію о торговомъ балансѣ Россіи... Съ другой стороны, гр. Минихъ былъ убѣжденъ, что не слѣдуетъ увеличивать пошлины на предметы ввоза даже въ томъ случаѣ, если бы „дознано было, что умножившійся привозъ иностранныхъ товаровъ“ „унизилъ“ курсъ и затруднилъ чрезъ то денежные переводы. Утверждая это, гр. Минихъ имѣлъ въ виду немалый доходъ отъ пошлинъ съ усиленнаго ввоза: по мнѣнію этого автора, пошлинный доходъ съ барышемъ покрываетъ убытокъ короны отъ униженія вексельнаго курса. Отрицательно и съ сарказмомъ отнесся гр. Минихъ и къ рекомендованному кн. Вяземскимъ запрещенію ввоза предметовъ роскоши: гр. Минихъ готовъ былъ бы „похвалить ревность“ кн. Вяземскаго, „если бъ у него предметомъ было исправленіе нравовъ“; но такъ какъ тутъ дѣло не въ нравахъ, а „въ убыткахъ“ „короны“ „на денежныхъ переводахъ“, то гр. Минихъ „опасался, чтобъ употребленіе такого средства“ (запрещеніе) не отразилось бы еще болѣе чувствительнымъ образомъ на доходахъ правительства. Кромѣ того, гр. Минихъ думалъ, что искусственное уменьшеніе ввоза иностранныхъ товаровъ вызоветъ уменьшеніе вывоза: иноземные купцы „необходимо“ станутъ меньше „брать россійскихъ товаровъ“, и въ результатѣ для „короны“—„двойной ущербъ въ пошлинномъ сборѣ какъ за привозъ, такъ и за выпускъ“. Вообще гр. Минихъ явился горячимъ сторонникомъ либеральной торговой политики: въ ней онъ видѣлъ основное средство не только для развитія самой торговли и поправленія баланса, но также и для процвѣтанія земледѣлія ([1]).

([1]) «Россія не платитъ инако, какъ одними своими произведеніями. И такъ чѣмъ болѣе она получитъ товаровъ отъ иностранца, тѣмъ болѣе потребно ей имѣть продуктовъ для расплаты, и какъ плодоносный ея климатъ можетъ оныхъ доставлять ей сколько надобно, то таковая расплата

Контрабанду гр. Минихъ признавалъ естественнымъ явленіемъ „во всѣхъ странахъ, гдѣ имѣются таможни и тарифы“, но какова контрабанда въ Россіи, „такова-ль подлинно“, чтобъ она могла понизить нашъ вексельный курсъ. — „сіе надлежитъ изслѣдовать“; лично самъ гр. Минихъ и безъ изслѣдованья былъ увѣренъ, что въ Россіи контрабанда еще не такъ велика: она могла бы быть значительно больше, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, — „по причинѣ высокой пошлины, каковою большая часть иностранныхъ товаровъ здѣсь обложена и по причинѣ безмѣрнаго пространства границъ“ Россіи: впрочемъ, гр. Минихъ думалъ, что вліяніе контрабанды на русскій вексельный курсъ сильно преувеличено. Въ концѣ концовъ Минихъ полагалъ, что ни запрещеніе ввоза предметовъ роскоши, ни „совершенное пресѣченіе“ контрабанды не способны возвысить курса, ежели правительство принуждено будетъ дѣлать „толь знатные денежные переводы, какихъ настоящія требуютъ обстоятельства“. Въ стремленіи поднять вексельный курсъ, по мнѣнію гр. Миниха, можно надѣяться, на одно средство—на поощреніе выпуска чрезъ допущеніе въ частную торговлю товаровъ, всегда или уже давно состоявшихъ въ казенномъ торгу (1).

причинитъ гораздо большій выпускъ, обогатитъ внутренняго купца, и земледѣліе въ цвѣтущее приведетъ состояніе» См. у Лодыженск., прилож., стр. 21.

(1) Гр. Минихъ «предложилъ отдать въ вольный выпускъ смольчугъ, соленое, говяжье и свиное мясо, мачты, брусья и сосновыя доски, клепки дубовыя, корабельные якори, мѣдь, селитру и пушечный порохъ» (цит. соч., см. прилож., стр. 26). Раньше, въ 1770 г., гр. Минихъ высказался за свободный обратный выпускъ отъ русскихъ портовъ «нѣкоторыхъ иностранныхъ товаровъ, коихъ по заплатѣ съ нихъ пошлинъ купцы продавать не могутъ или которые по какой ни есть ошибкѣ сюда привезены», и коммиссія о коммерціи сочувственно отнеслась къ этому предложенію Миниха, найдя, что дѣйствительно «многіе частные купцы напрасно претерпѣваютъ убытки, которые могли бы отвращены быть съ пользою ихъ въ тожъ время съ нѣкоторою выгодою вообще для всей коммерціи». Чулковъ, цит. соч., XII 553, 556 и слѣд.

Если такимъ образомъ гр. Минихъ является представителемъ современныхъ ему новыхъ экономическихъ воззрѣній и ничего не имѣетъ общаго съ представителемъ меркантилизма кн. Вяземскимъ, то кн. Щербатовъ, третій торговый совѣтникъ, сдѣлалъ попытку установить нѣкоторыя среднія нормы и указать нѣкоторыя среднія мѣры—отчасти въ духѣ развиваемой тогда передовыми экономистами теоріи свободной конкуренціи, отчасти же въ духѣ устарѣлыхъ меркантильныхъ воззрѣній и текущей международной торговой политики европейскихъ государствъ. Будучи въ своихъ воззрѣніяхъ на значеніе земледѣлія въ экономіи страны приверженцемъ физіократизма, кн. Щербатовъ въ своихъ сужденіяхъ о торговлѣ и торговой политикѣ руководствовался и меркантильными идеями. Такъ, напр., мы уже видѣли, что обогащеніе государства кн. Щербатовъ выводилъ и отъ внѣшней торговли. Въ разсматриваемыхъ здѣсь „примѣчаніяхъ“ кн. Щербатовъ прежде всего предлагаетъ нѣсколько „общихъ коммерческихъ правилъ“ либеральнаго характера. „Первымъ правиломъ“ кн. Щербатовъ считаетъ „вольность торговли“; подъ торговой же „вольностью“ онъ разумѣетъ такое установленное законами положеніе вещей, которое 1) „предохраняетъ“ купцовъ „отъ всякаго утѣсненія“, 2) „содержитъ ихъ кредитъ, 3) предохраняетъ отъ всякаго роду монополіи или какого лица, которое бы какою бы то ни было превосходною мочью могло утѣснить торговлю, 4) даетъ свободу и равныя права чуждыхъ народовъ купцамъ (окромѣ развѣ что положено съ какимъ народомъ особливыми трактатами) производить торговлю, и не токмо ихъ (не) стѣсняетъ, но напротивъ того, привлекая къ своей торговлѣ разные народы, умножаетъ число торгующихъ“, и 5) значительно уменьшаетъ „таможенные обряды“, „чтобъ купецъ не принужденъ былъ долгимъ хожденіемъ...терять напрасно своего времени“. Имен-

но эта, такъ аттестованная „вольность“, обусловливаетъ „совмѣстичество“, или, говоря иначе, свободную конкуренцію, которая устанавливаетъ на международномъ рынкѣ настоящія цѣны, дѣлаетъ на немъ независимой „производящую націю (каковъ есть россійскій торгъ)“, „оживляетъ искусство и трудолюбіе и обогащаетъ страну“. Но при всемъ сказанномъ „государственныя нужды“ заставляютъ „учредить пошлину со входящихъ и выходящихъ товаровъ“, и изъ этой необходимости кн. Щербатовъ выводитъ еще нѣсколько „правилъ“, которыя представляютъ обычную программу меркантилистовъ лишь съ кое-какими оговорками въ физіократическомъ вкусѣ (1).

Переходя, вслѣдъ за общими правилами, къ „затрудненіямъ“, которыя претерпѣваетъ русская заграничная торговля, кн. Щербатовъ прежде всего указываетъ на недостатокъ довѣрія къ нашимъ купцамъ со стороны иностранцевъ; россійскіе злостные банкроты, по его мнѣнію, „истребляютъ кредитъ“ вообще для русскаго купечества; съ этимъ печальнымъ явленіемъ прежде всего слѣдуетъ считаться правительству, по мнѣнію кн. Щербатова, считаться законодательнымъ путемъ: очевидно, были необходимы цѣлесообразные банкрутскій и вексельный уставы. Другимъ капитальнымъ препятствіемъ къ

---

(1) Напр.: «вывозъ товаровъ есть самая лучшая прибыль для націи;» «ввозъ такихъ товаровъ, которые препятствуютъ употребленію товаровъ, мануфактурамъ и земледѣлію той страны, куда они ввозятся, неизбѣжно разореніе націи навлекаетъ»; «ввозъ товаровъ, служащихъ къ роскоши, если должно ихъ на чистые деньги покупать, т. е. что балансъ торговли не достаетъ уже для платежа за оные, есть истинный убытокъ государству; умноженіе мореплаванья народнаго всегда ему (государству) прибытокъ пріобрѣтаетъ, колико оное не истребляетъ земледѣліе, которое есть основаніе всей торговли и прибытку» (Лодыженск., прилож., 28 и 29).

развитію заграничной торговли Россіи кн. Щербатовъ считалъ то привилегированное положеніе, которое заняли въ этой торговлѣ англичане, благодаря таможенной льготѣ сравнительно съ другими иностранцами. Дѣло въ томъ, что указомъ 1772 г. было повелѣно брать съ иностранцевъ пошлину „полновѣсными ефимками сполна, а не половину", другая половина до этого указа уплачивалась русскими деньгами по тарифу 1766 года; однако англійскіе и русскіе купцы были оставлены на прежнемъ основаніи, внѣ дѣйствія означеннаго указа 1772 года; эта таможенная льгота дѣлала англичанъ монополистами въ заграничной торговлѣ Россіи, „привлекавшими къ себѣ всѣ коммиссіи" и „отгоняющими совмѣстничество, толь нужное въ торговлѣ". Это „фаворизованное" положеніе англичанъ, явившихся въ качествѣ убыточныхъ посредниковъ въ русской заграничной торговлѣ, надо уничтожить и установить „совмѣстничество", т. е. свободную конкуренцію иностранныхъ купцовъ въ непосредственной торговлѣ съ Россіей: отсюда возникнутъ несомнѣнныя выгоды для русскаго международнаго обмѣна, равно какъ и для русской промышленности вообще ([1]).

Къ ввозимымъ предметамъ роскоши авторъ извѣстнаго сочиненія „о поврежденіи нравовъ въ Россіи" отнесся довольно снисходительно въ запискѣ, имѣвшей цѣлью исправленіе не нравовъ, а торговаго баланса. При пересмотрѣ тарифа кн. Щербатовъ рекомендовалъ „постараться пресѣчь излишнюю роскошь, не такую, которая способствуетъ трудолюбію и обращенію денегъ внутри государства, но ту, которая въ долгъ чужестраннымъ государство вводитъ"; при этомъ кн. Щербатовъ совѣтовалъ запрещать не только

([1]) «Непосредственно установленная торговля» и «происходящее отъ нея совмѣстничество» утвердятъ «лучшую и дорожайшую цѣну»... «на товары и, умножая покупщиковъ, умножитъ и требованіе товаровъ и слѣдственно обращеніе денегъ, и вывозъ, что равнымъ образомъ сдѣлаетъ одобреніе и земледѣлію и искусствамъ» и пр. (см. у Лодыж. прилож., стр. 35).

ввозъ предметовъ „излишней роскоши“, но и ихъ потребленіе въ Россіи, ибо если не будетъ запрещено потребленіе, то „оные товары“ „контрабандою войдутъ“; но въ спеціально „тарифной“ части своего „мнѣнія“ кн. Щербатовъ для полнаго запрещенія указалъ очень немногіе иностранные товары: изъ не производящихся въ Россіи—лишь бархатные кафтаны, парчу дорогую, мебель и „роскошныя“ кареты, а изъ производящихся только пиво, портеръ и нѣкоторыя вина; на другіе иностранные товары, которые тоже служатъ къ „излишней роскоши“, но производятся и въ Россіи, кн. Щербатовъ совѣтовалъ поднять пошлину, „дабы работу домашнихъ фабрикъ побудить употреблять“; тѣ же предметы ввоза, которые служатъ къ роскоши, полезной и для торговли, и для промышленности, и вообще для развитія культурной жизни („благопристойной чистоты“), должны быть, по мнѣнію кн. Щербатовъ, облегчены въ пошлинахъ. Будучи убѣжденъ, что государство въ состояніи регулировать не только ввозъ, но и вывозъ, кн. Щербатовъ былъ сторонникомъ умѣреннаго стѣсненія ввоза и сильнаго ободренія вывоза. О таможняхъ и злоупотребленіяхъ при нихъ кн. Щербатовъ не распространялся, ибо, по его мнѣнію, „сіе особливаго подробнѣйшаго разсмотрѣнія требуетъ“ ([1]).

Таковы вкратцѣ сужденія совѣтниковъ, высказавшихся по поводу вышецитированной записки придворнаго банкира б. Фридерикса. Кн. Вяземскій, гр. Минихъ и кн. Щербатовъ были убѣждены, что торговая политика русскаго правительства должна быть направлена къ развитію отечественнаго экспорта, что только улучшеніе торговаго баланса Россіи можетъ вести къ прочному исправленію русскаго вексельнаго курса; но они, эти совѣтники, не одинаково думали о будущемъ тарифѣ, въ которомъ они видѣли главное средство къ достиженію

([1]) Ibid., прилож., стр. 41—45; см. также текстъ автора, стр. 132—135.

указанной цѣли: одинъ рекомендовалъ строго—охранительный тарифъ, другой—смѣло-либеральный, третій нѣчто среднее между первымъ и вторымъ.

II.

Указъ Сената (1779 г.) коммерческой коммиссіи о разсмотрѣніи вопроса объ упадкѣ вексельнаго курса и о вліяніи на послѣдній русскихъ государственныхъ ассигнацій, присылаемыхъ въ Россію изъ-за границы. Мнѣнія членовъ этой коммиссіи—гр. Э. Миниха, гр. А. Т. Воронцова и фонъ Клингштета. Общее заключеніе коммиссіи.

Въ 1779 году мы снова встрѣчаемся съ недовольствомъ русскаго правительства вексельнымъ курсомъ. Указомъ правительствующаго Сената коммиссіи о коммерціи было поручено разсмотрѣть упадокъ курса: „несмотря", говорилъ указъ, „на продолжающіяся въ настоящее время ярмарки приходитъ не болѣе на рубль, какъ 39 штиверовъ (голландскихъ) и $^3/_4$ стив., а сверхъ того по одному $^0/_0$ наддачи на серебряныя деньги". Правительствующій Сенатъ самъ „разсуждалъ" о причинахъ упадка вексельнаго курса и пришелъ къ нѣкоторымъ заключеніямъ, которыя и были изложены въ указѣ же, къ свѣдѣнію и дальнѣйшему разсужденію коммиссіи. „Главнѣйшею причиною" означеннаго „упадка" Сенатъ считалъ „уменьшеніе баланса въ нашу пользу отъ умножившагося привоза иностранныхъ товаровъ къ здѣшнему (т.-е. къ Петербургскому) порту". Въ добавленіе къ этой „главнѣйшей причинѣ" Сенатъ указывалъ на одно явленіе, которое, по его мнѣнію, „содѣйствовать можетъ" упадку вексельнаго курса, именно на присылку изъ-заграницы русскихъ ассигнацій, „вмѣсто векселей, для покупки товаровъ". Сенатъ предложилъ коммиссіи о коммерціи высказаться съ своей стороны насчетъ отмѣченнаго явленія: „поколику сіе обращеніе государственныхъ

ассигнацій для здѣшней торговли можетъ быть полезно или вредно". Слѣдовательно, на этотъ разъ коммиссія о коммерціи должна была заняться не только выясненіемъ общихъ причинъ „униженія" курса, „главнѣйшая" изъ коихъ отмѣчалась въ сенатскомъ указѣ,—но и изслѣдованіемъ болѣе спеціальнаго вопроса—о вліяніи возвращающихся изъ-за границы русскихъ ассигнацій на русскую внѣшнюю торговлю: не понижается ли вексельный курсъ отъ указаннаго Сенатомъ „обращенія" русскихъ государственныхъ ассигнацій? Самъ Сенатъ сильно заподозрилъ вредъ этого „обращенія"; но для полнаго уразумѣнія коммерческой техники существовала особая коммиссія, и Сенатъ потребовалъ соотвѣтствующаго „разсужденія" и заключенія отъ этого спеціальнаго учрежденія. Члены коммиссіи о коммерціи согласились между собою сначала заняться предложенными вопросами, такъ сказать, на дому, а потомъ сообщить свои замѣчанія въ коммиссію для общаго опредѣленія. Предварительно, до составленія замѣчаній, было рѣшено „поговорить" съ купцами. Мнѣнія въ коммиссію о коммерціи были представлены тремя ея членами: дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, графомъ Эрнстомъ Минихомъ, тайнымъ совѣтникомъ графомъ Александромъ Романовичемъ Воронцовымъ и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ фонъ-Клингштетомъ; двое остальныхъ—дѣйствительный камергеръ гр. Христоферъ Сергѣевичъ Минихъ и статскій совѣтникъ Матвѣй Андреевичъ Красильниковъ, не считая правителя („директора") коммиссіонной канцеляріи, сочли для себя и для дѣла достаточнымъ не представлять своихъ мнѣній, а согласиться съ мнѣніями болѣе чиновныхъ сотоварищей.

Обращаемся къ изложенію содержанія представленныхъ „примѣчаній".

Гр. Эрн. Минихъ прежде всего отмѣчаетъ общія обычныя причины колебанія вексельнаго курса въ С.-Петербургѣ, при чемъ все дѣло сводитъ къ отношенію между необходи-

мыми платежами за вывозные и привозные товары: чѣмъ больше торгующимъ приходится платить за границу, чѣмъ болѣе возникаетъ спросъ на иностранныя векселя, тѣмъ ниже становится вексельный курсъ задолжавшей страны. Въ С.-Петербургѣ, по наблюденіямъ Миниха, именно этотъ случай: перевѣсъ задолженности русскихъ купцовъ иностранцамъ надъ долгами иностранныхъ купцовъ русскимъ. Однако, несмотря на такое утвержденіе, вопросъ о перевѣсѣ привоза надъ вывозомъ Минихъ оставляетъ открытымъ до истеченія года, „когда обыкновенно“ составляется балансъ внѣшняго торговаго оборота. Слѣдуя же наблюденіямъ купцовъ, мнѣніемъ которыхъ Минихъ и вообще руководился въ сужденіяхъ о колебаніи курса, едва ли можно утверждать, „чтобы привозъ нынѣшняго года (1779 г.) (выключая алмазныя и другія драгоцѣнныя вещи для двора) чувствительно превосходилъ привозъ прошлаго года“. Что касается до входившихъ изъ-за границы русскихъ государственныхъ ассигнацій, то Минихъ не склоненъ приписывать имъ особенное вліяніе на вексельный курсъ, „если онѣ только не подложныя“.

Поставивъ діагнозъ болѣзни, гр. Минихъ подумалъ и о средствѣ для излѣченія нашего курса. Будучи сторонникомъ невмѣшательства, либеральной торговой политики, Минихъ, очевидно, долженъ былъ отнестись отрицательно къ возможности изобрѣсти такое средство, которое дѣйствительно приводило бы къ радикальному исправленію курса; онъ прямо и заявилъ: такъ какъ „перемѣна“ курса „зависитъ отъ однихъ только обстоятельствъ, трудно изобрѣсти точное средство“ для возвышенія курса. Но тѣмъ не менѣе Минихъ не отказался рекомендовать „средство“ хотя бы для временнаго исправленія курса; онъ находилъ полезнымъ слѣдующее: „чтобы придворный банкиръ, имѣющій довольно кредиту или капиталу въ Голландіи, трассировалъ въ три или четыре почтовые дни сряду до нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей; и исчерп-

нувъ такимъ образомъ бо́льшую часть наличныхъ денегъ, въ рукахъ другихъ купцовъ находящихся, принудилъ бы онъ ихъ, какъ скоро возымѣли бы они надобность въ новыхъ капиталахъ, давать ему векселя съ выгоднѣйшимъ курсомъ; посредствомъ чего упомянутый банкиръ возвратилъ бы убытокъ, понесенный имъ въ то время, когда онъ трассировалъ при самомъ нижнемъ курсѣ".

Гр. А. Р. Воронцовъ первое свое вниманіе обратилъ на балансъ. „Вѣдомости" показывали балансъ выгодный для Россіи: въ 1778 г. привезено было въ Россію иностранныхъ товаровъ на 12.704.236 р., а отпущено за границу „россійскихъ" на 19.173. 568 руб.; выходило, что „балансъ въ пользу нашу состоитъ по симъ вѣдомостямъ въ 6.469.332 руб.". Отсюда, по мнѣнію гр. Воронцова, вексельный курсъ („поколику оный зависить можетъ единственно отъ операцій по торгу") долженъ былъ бы явиться „весьма высокимъ"; но этого не случилось: „практика" говорила совсѣмъ иное; вѣря болѣе „практикѣ", чѣмъ офиціалнымъ цифрамъ, Воронцовъ и приходитъ къ заключенію, „что привозъ иностранныхъ товаровъ, конечно, гораздо болѣе того, который по таможеннымъ вѣдомостямъ значится"; при этомъ Воронцовъ намекаетъ, что существуютъ лица, которымъ „приватно" „извѣстно" несоотвѣтствіе „вѣдомостей" съ дѣйствительностью; то лица не безъ компетентности по торговой части, „кои на торгъ нашъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ взираютъ". Гр. Воронцовъ считаетъ настоящій привозънастолько значительнѣе вывоза, что рѣшается высказать слѣдующее предположеніе: „едва ли то превосходное количество онаго привоза не пожираетъ уже большой части балансу, въ таможенныхъ вѣдомостяхъ показываемаго". Словомъ „главною причиною" упадка курса гр. Воронцовъ выставляетъ, вопреки „вѣдомостямъ", „превосходство" привоза надъ вывозомъ, неблагопріятный для Россіи торговый балансъ. Это—причина „главная", но не единственная, къ ней Воронцовъ прибавляетъ и другія. Такъ, обративъ затѣмъ

вниманіе на нашу торговлю изъ отдѣльныхъ портовъ, Воронцовъ свидѣтельствуетъ, что отпускъ Архангельска и Нарвы сильно понизился сравнительно съ предшествовавшими годами; къ тому же изъ с.-петербургскаго порта „многіе“ русскіе товары были отпущены въ кредитъ, при чемъ платежъ по этому долгу весьма затянулся [1]). „Всѣ сіи причины—говоритъ Воронцовъ—не могли не соучавствовать въ униженіи курса“.

Въ заключеніе гр. Воронцовъ останавливается на поставленномъ въ сенатскомъ указѣ вопросѣ о вліяніи на русскую торговлю русскихъ государственныхъ ассигнацій, присылаемыхъ изъ-за границы для покупки товаровъ. Воронцовъ не желаетъ входить въ „изслѣдованіе“ того, „какимъ образомъ оныя изъ Россіи выходили“; онъ прямо заявляетъ, что „возвращеніе ассигнацій весьма вредно“, какъ для курса денежнаго (вексельнаго тожъ), такъ и для государства вообще; вслѣдствіе чего Воронцовъ рекомендуетъ „всевозможныя мѣры“, „дабы банковыя ассигнаціи, какимъ-либо образомъ изъ Россіи вышедшія, ни подъ какимъ видомъ паки во оную впускаемы не были“; Воронцовъ рѣшительно и горячо возстаетъ противъ легкаго отношенія къ возвращающимся ассигнаціямъ, ибо „дозволеніе“, по его мнѣнію, наводнитъ русскій рынокъ фальшивыми ассигнаціями, надѣланными „въ

---

[1]) «Торгъ у города Архангельска противъ прошлаго года, сколько мнѣ извѣстно, былъ не столь выгоденъ, какъ въ прежніе годы. Продуктовъ нашихъ, за недостаткомъ кораблей, куплено несравненно менѣе, и чуть не 3-ю долею меньше противъ прошлаго года; выручаемыя жъ деньги за товары наши входили также въ расчетъ вексельныхъ операцій. О Нарвѣ тоже сказать можно, ибо въ прежніе годы не мало продуктовъ нашихъ оттуда выпускалось, за что и деньги входили въ государство; а нынѣ и тамъ торгъ былъ весьма невыгоденъ. Сверхъ того, еще за многіе отъ здѣшняго порта отпускаемые товары, сколько мнѣ извѣстно, не малыя суммы донынѣ отъ иностранныхъ не заплаченными остались, чему чаятельно способствовали также настоящія обстоятельства Англіи».

чужихъ государствахъ". При этомъ Воронцовъ ссылается на изданные уже многіе указы о запрещеніи ввоза въ Россію „монеты россійскаго чекана", „дабы фальшиво поддѣльныя монеты ввозимы не были"; отсюда же—логическій путь къ запрещенію ввоза въ Россію ассигнацій [1]).

Клингштетъ представилъ болѣе детальный перечень „причинъ" паденія курса, чѣмъ первые два „совѣтника". На этомъ перечнѣ лежитъ печать и бо́льшаго знакомства автора съ тѣми коммерческими оборотами, которые, по мнѣнію Клингштета, должны были вредно повліять на вексельный курсъ. Въ первую голову въ качествѣ причины „униженія" курса Клингштетъ ставитъ задержку платежей англійскими конторами, „кои обыкновенно прежде покупывали россійскіе продукты по контрактамъ"; эти конторы „обыкновенно" нѣкоторую часть денегъ вносили впередъ, а „при полученіи товаровъ" „уплачивали" „всю сумму"; не то случилось „въ нынѣшнемъ" году: англійскія конторы, „по причинѣ нѣкоторыхъ затрудненій, не дѣлали такихъ на Голландію переводовъ, но болѣе искали у россійскихъ купцовъ кредита, который и по-

---

[1]) Изъ разсужденія Воронцова: «...не болѣе ли опасенія настоитъ въ дозволеніи обратной присылки въ Россію банковыхъ ассигнацій, которыя поддѣлывать, конечно, не трудно? Монета, какъ бы она цѣною низка ни была, составляетъ однакожъ нѣкоторое достоинство въ серебрѣ и золотѣ; но ассигнація, яко изъ одной бумаги состоящая, буде не здѣшняя, уноситъ всю представляемую ею сумму безвозвратно«. И далѣе: «и если въ томъ крайней не предпріять осторожности и осмотрительности, то прежде нежели сей вредъ на практикѣ усмотрится, такъ много ихъ навезено быть можетъ къ крайнему государственному убытку, что и нѣсколькими милліонами оплатиться будетъ не можно. А какъ ассигнаціи представляютъ не что иное какъ здѣшнюю монету и единственно для внутренняго обращенія установлены; здѣшней же монеты вышедшей за границу впускать обратно не велѣно; то безъ всякаго нарушенія и поврежденія кредита на ассигнаціи и ихъ обращеніе ограничить можно и должно на тотъ же самый предметъ, для котораго онѣ сдѣланы, т.-е. единственно для внутренняго употребленія; слѣдовательно, и привозъ ихъ паки въ государство, конечно, запретить надлежитъ такъ, какъ о монетѣ предписано».

лучили". Все это Клингштету представляется „несомнительнымъ", ибо, по его собственному признанію, онъ руководствовался сообщеніями „многихъ знатныхъ здѣшнихъ купцовъ". Сверхъ того, Клингштетъ считаетъ „извѣстнымъ", что англійскій торгъ въ Россіи „простирается ежегодно болѣе нежели на 6.000.000 рублей". Исходя изъ этихъ фактовъ, Клингштетъ далѣе разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: „Итакъ, если положимъ, что 3-я часть оной суммы, которая обыкновенно прежде въ наличности уплачиваема была, въ нынѣшнемъ году осталась не заплаченною, то должна уже сія сумма, отъ 1 до 2 милліоновъ состоящая, сильное имѣть вліяніе на денежный курсъ и весьма способствовать къ униженію онаго". Затѣмъ Клингштетъ указываетъ на значительное уменьшеніе въ этомъ же году „вывоза желѣза, великое количество" котораго „здѣсь осталось". Это—тоже фактъ, который „способствуетъ купно съ разными иными причинами къ нынѣшнему униженію денежнаго курса". Къ паденію курса ведетъ также уменьшеніе торга въ Архангельскѣ; Клингштетъ сообщаетъ: „За подлинно утверждаютъ, что въ семъ годѣ отпущено оттуда россійскихъ продуктовъ въ сравненіи противъ прошлыхъ годовъ, по цѣнѣ сверхъ $^1/_2$ милліона рублей менѣе и на толикую сумму остались тамъ же не проданными". Прежде чѣмъ отвѣтить на извѣстный вопросъ Сената объ ассигнаціяхъ, Клингштетъ самъ ставитъ вопросъ о поддѣлкѣ русской монеты за границей: „Не побуждены ли корыстолюбіемъ какіе злостные люди въ чужихъ краяхъ къ поддѣлыванію нашей рублевой монеты?" И мотивируетъ этотъ вопросъ: „поелику извѣстно, что есть многія мѣста, въ коихъ всѣ сорты монеты наиточнѣйше поддѣлываютъ". Несомнѣнно авторъ убѣжденъ, что привозъ въ Россію изъ-за границы фальшивой русской монеты тоже вредно долженъ вліять на состояніе нашего вексельнаго курса. Нечего и говорить, что привозъ русскихъ ассигнацій въ Россію Клингштетъ считаетъ вреднымъ, совѣтуя, конечно, его запретить на томъ же

основаніи, на какомъ запрещенъ ввозъ вообще „всѣхъ россійскихъ денегъ“ [1]). Далѣе Клингштетъ сообщаетъ „слухъ“, при томъ „всеобщій“, который носился „между здѣшнимъ (вѣроятно, петербургскимъ) купечествомъ“, „что торопецкіе, великолуцкіе и другіе россійскіе купцы закупили на Лейпцигской ярмаркѣ чрезмѣрно большое количество иностранныхъ товаровъ“. „Итакъ — продолжаетъ Клингштетъ—если сіи обстоятельства справедливы, то изъ того ясно явствуетъ, что нынѣшняго года чрезвычайно великій чрезъ тѣ мѣста былъ привозъ иностранныхъ товаровъ“; это тоже „непремѣнно способствовало“ упадку курса и тоже „совокупно съ прочими вышеприписанными причинами“. „Нижеприписаны“ еще двѣ причины. Одна обычная: „умноженіе контрабанды и чинимые при таможняхъ подлоги“; эти явленія вредно отзываются на нашемъ балансѣ, а отъ неблагопріятнаго баланса зависитъ и пониженіе вексельнаго курса. Другая причина необычная, на которую не указали товарищи Клингштета: „учинившееся въ теченіе 10 или 12 лѣтъ умноженіе“ бумажныхъ денегъ въ Россіи. Сенатъ не спрашивалъ объ этомъ „обстоятельствѣ“, онъ спросилъ только о вліяніи на вексельный курсъ возвращающихся изъ-за границы русскихъ ассигнацій, но чрезъ то косвенно какъ бы наводилъ на разсужденіе о томъ, какое вліяніе на вексельный курсъ оказываетъ вообще увеличеніе количества „тѣхъ бумажекъ, которыя, имѣя съ деньгами равную цѣну, нынѣ въ обращеніи находятся“. Клингштетъ смотритъ отрицательно на увеличеніе бумажныхъ денегъ и не считаетъ нужнымъ скрывать свой взглядъ: „Да дозволено будетъ—говоритъ онъ въ заключеніе своихъ примѣчаній—присовокупить еще къ сему разсужденіе объ об-

[1]) Такъ же, какъ и гр. Воронцовъ, Клингштетъ полагаетъ, что это запрещеніе не подорветъ русскаго государственнаго кредита, ибо ассигнаціи «не для употребленія внѣ Россіи, но единственно для облегченія денежнаго внутри государства обращенія установлены».

стоятельствѣ, которое, по мнѣнію моему, заслуживаетъ также сочтено быть причиною, какъ умножающагося годъ отъ году великаго расхода иностранныхъ товаровъ, такъ и происходящаго отъ того униженія денежнаго курса". Смыслъ „разсужденія" объ этомъ „обстоятельствѣ", т.-е. объ „умноженіи" въ государствѣ бумажныхъ денегъ, сводится къ тому, что бумажныя деньги, какъ и всякій товаръ, будучи предлагаемы въ большемъ количествѣ. чѣмъ слѣдуетъ, вызываютъ возникновеніе извѣстнаго лажа при размѣнѣ на звонкую монету, понижаются въ цѣнѣ, а цѣны на многіе товары и на рабочія руки возвышаются: отъ возвышенія же внутреннихъ цѣнъ увеличивается ввозъ иностранныхъ товаровъ, отъ чего страдаютъ балансъ и вексельный курсъ; таковъ въ общихъ чертахъ ходъ мысли Клингштета, очевидно, убѣжденнаго, что вексельный курсъ находится въ извѣстной зависимости отъ курса на бумажныя деньги [1]).

10-го октября 1779 года состоялось засѣданіе коммиссіи о коммерціи, на которомъ были доложены всѣ эти „примѣчанія"—гр. Эрнста Миниха, Воронцова и Клингштета. Несмотря на коренную разницу въ точкахъ зрѣнія между первымъ и остальными двумя изъ высказавшихся, двое, не представившіе своихъ „примѣчаній", увѣдомили коммиссію о своей солидарности съ мнѣніями ихъ товарищей. Х. С. Минихъ и М. А. Красильниковъ „объявили, что они, будучи съ вышеозначенными примѣчаніями одинаковаго мнѣнія, почитаютъ

---

[1]) Изъ «разсужденія» Клингштета: «Отъ... умноженія денегъ натурально воспослѣдовало возвышеніе цѣны, какъ на многіе товары, такъ и на работу ремесленныхъ людей». И далѣе: «Деньги... равную имѣютъ судьбу съ прочими товарами, которыхъ цѣна тотчасъ уменьшается, какъ скоро количество оныхъ умножится. Принявъ такое положеніе за истинное, не трудно будетъ истолковать, для чего и бумаги равную съ деньгами цѣну имѣющія въ то время когда гораздо бо́льшія оныхъ суммы обращаются, нежели какъ то за 10 или 12 лѣтъ было, въ низшей цѣнѣ состоятъ по курсу».

за излишнее что-либо особо сообщить коммиссіи о сей матеріи". Выслушавъ это заявленіе, коммиссія постановила: „примѣчанія" за подписаніемъ „каждаго кѣмъ какое сочинено" „взнести" въ Сенатъ при особомъ „доношеніи". Коммиссія сочла необходимымъ отъ своего лица о с о б о отвѣтить на вопросъ, поставленный Сенатомъ, и этотъ отвѣтъ явился главнымъ предметомъ ея „доношенія", суть котораго въ слѣдующемъ: коммиссія считаетъ весьма вреднымъ ввозъ въ Россію банковыхъ ассигнацій: разъ „строжайше" запрещенъ ввозъ обратно россійской монеты, то „тѣмъ болѣе еще слѣдуетъ запретить присылку помянутыхъ ассигнацій обратно въ Россію"; „коммиссія о коммерціи за долгъ себѣ считаетъ правительствующему Сенату примѣтить, что дальнѣйшее поощреніе ввозу сюда ассигнацій можетъ навлечь вящее еще униженіе курса: и ежели оныхъ навезено будетъ на великія суммы, то сильное отъ того послѣдуетъ отягощеніе для государства, особливо въ расчетахъ его по торгу съ прочими иностранными государствами". Успокоительное мнѣніе объ ассигнаціяхъ гр. Эрнста Миниха, какъ видно, осталось не раздѣленнымъ, и онъ, подписавшись подъ своимъ „примѣчаніемъ", подписался и подъ „особымъ доношеніемъ" коммиссіи [1]). Такъ опредѣленно и рѣшительно высказалась коммиссія по спеціальному вопросу, поднятому Сенатомъ; хотя косвенно этимъ самымъ не одобрялось „умноженіе" ассигнацій въ государствѣ и инымъ, легальнымъ путемъ, но, тѣмъ не менѣе, коммиссія не сочла удобнымъ отъ себя повторить относящееся сюда „разсужденіе" Клингштета [2]).

---

[1]) Доношеніе Сенату о «примѣчаніяхъ» и о заключеніи коммиссіи было подписано 16-го октября (1779 г.) гр. Эрнстомъ Минихомъ, гр. Алекс. Воронцовымъ, гр. Христофоромъ Минихомъ, Тимоѳеемъ фонъ-Клингштетомъ, Матвѣемъ Красильниковымъ и директоромъ (правителемъ) канцеляріи Иваномъ Долинскимъ.

[2]) Эти свѣдѣнія взяты изъ дѣлъ архива департамента таможенныхъ сборовъ, № 537, связка 31 и № 657, связка 38.

III.

Обсужденіе вопроса о вексельномъ курсѣ въ 1784 году. Коллективное прошеніе въ 1788 году русскихъ и иностранныхъ купцовъ придворному банкиру Сутерланду объ изысканіи средствъ къ возвышенію вексельнаго курса. Письмо бар. Сутерланда о томъ же президенту коммерцъ—коллегіи гр. А. Р. Воронцову. «Примѣчанія» маклера Меэра. Докладъ коммерческой коммиссіи по возбужденному вопросу. Основная тенденція этого доклада.

Въ 1784 году явилось новое „разсмотрѣніе“ причинъ паденія вексельнаго курса, съ тою же цѣлью, съ которою этотъ вопросъ поднимался раньше. Президентъ коммерцъ-коллегіи и членъ коммиссіи о коммерціи гр. А. Р. Воронцовъ передалъ послѣдней порученіе императрицы обсудить вопросъ о пониженіи вексельнаго курса до $36^1/_4$ стивер. на 1 руб. серебромъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Воронцовъ представилъ вниманію коммиссіи какую-то записку о томъ же вопросѣ [1]). Коммиссія о коммерціи сначала высказала разныя соображенія о причинахъ паденія курса, отмѣчая, между прочимъ, слѣдующее обстоятельство: „тѣ иногородные россійскіе купцы, которые занимаются выписываньемъ иностранныхъ товаровъ и кои особливо привозятъ оные чрезъ пограничныя таможни, много способствуютъ униженію курса незнаніемъ своимъ и торопливостью въ переводѣ денегъ“. Затѣмъ коммиссія перешла къ „средствамъ“. Для того, чтобы помочь горю, коммиссія не знаетъ „другого средства“, какъ лучшій надзоръ „въ пограничныхъ таможняхъ, чѣмъ самымъ сей торгъ долженъ будетъ уменьшиться; а чтобы онымъ купцамъ какими-либо узаконеніями назначить, чрезъ кого и когда деньги свои переводить въ чужіе краи, то приступить къ здѣланію того было бы

[1]) Къ сожалѣнію, въ изучаемомъ «дѣлѣ» я не встрѣтилъ ни этой записки, ни экстракта изъ нея.

кажется столько же неудобно, сколько и излишне". Коммиссія не распространялась о средствахъ и способахъ къ исправленію вексельнаго курса: на этотъ разъ она „вовсе не нашла способовъ, къ возвышенію онаго курса нынѣ содѣйствовать могущихъ", и сочла нужнымъ и полезнымъ оставить „настоящее теченіе общей здѣшняго государства торговли безъ сооруженія какихъ-либо постановленій, къ перемѣнѣ того клонящихся".

Это заключеніе коммиссіи о „способахъ" заставляетъ думать, что въ ея общихъ понятіяхъ о международной торговлѣ восторжествовалъ принципъ „laisser faire, laisser passer". Однако теченіе нашей внѣшней торговли далеко не удовлетворяло непосредственно заинтересованныхъ въ ней лицъ— самихъ торговцевъ, и они, напротивъ, сильно помышляли о „сооруженіи" такихъ постановленій, каковыя были бы способны сдѣлать это „теченіе" инымъ, болѣе благопріятнымъ для вексельнаго курса Россіи. Послѣдній сдѣлалъ новый и при томъ серьезный скачекъ внизъ въ 1788 году. Въ этомъ году придворный банкиръ баронъ Сутерландъ получилъ французское письмо отъ 19 торговыхъ фирмъ, торгующихъ „съ Россійской стороны" (10 иностранныхъ и 9 русскихъ); въ купеческомъ письмѣ было заявлено о постоянныхъ перемѣнахъ и паденіи вексельныхъ курсовъ въ Петербургѣ и Москвѣ: курсы понизились внезапно и очень сильно, несмотря на обиліе всякихъ товаровъ, приготовленныхъ къ отпуску. Купцы, подписавшіе письмо, не требовали изслѣдованія причинъ необыкновеннаго паденія вексельныхъ курсовъ—они желали указать на вредныя послѣдствія этого печальнаго явленія, не только для нихъ, но и для всѣхъ торговцевъ имперіи и даже для кредита Россіи; купцы отмѣчали, что паденіе курсовъ и до послѣдняго момента приносило убытки, но теперь эти убытки весьма увеличились и приводятъ къ разоренію многихъ торговцевъ. Далѣе заявлялось объ ожиданіи гораздо болѣе тяжелыхъ послѣдствій, если не будетъ принято мѣръ къ

устраненію критическаго положенія вещей на петербургской биржѣ. Апеллируя къ знаніямъ банкира Сутерланда [1]) и къ его положенію, купцы просили его составить планъ, пригодный для возстановленія и утвержденія общественнаго кредита, просили постараться объ урегулированіи вексельныхъ курсовъ [2]).

---

[1]) Баронъ Сутерландъ пользовался репутаціей искуснаго финансоваго дѣятеля. Такимъ онъ былъ представленъ императрицѣ и генералъ-прокуроромъ кн. Вяземскимъ въ «рапортѣ о заграничныхъ платежахъ и суммахъ» отъ 28-го декабря 1786 года (Сборникъ Импер. Русск. Ист. общ. 28 т. стр. 292).

[2]) Отъ 19 торговыхъ фирмъ придворному банкиру Сутерланду: Monsieur! C'est déjà depuis quelques mois, que les variations continuelles des cours de change tant ici qu'a Moscou ont menacé une baisse sensible, contre la quelle il ne restoit pas d'autre ésperance, si non que le tems de la navigation et de l'exportation des Marchandises Russes auroit une influence assez favorable sur les cours pour en empêcher une baisse trop désavantageuse. Cependant toutes les attentes du public commerçant ont étés malheureusement trompées. Depuis peu de semaines, au milieu de la saison la plus active du commerce, et tandis qu'il y a une abondance de toutes sortes de marchandises et de productions de ce pays, les cours sont tombés soudainement à un tel point, qu'il y a actuellement Vingt pour cent de difference sur la Hollande et Trente pour cent sur l'Angleterre au désavantage de la Russie entre les cours d'aujourd'hui et ceux qu'il y avoit au commencement de l'année et au milieu de l'hiver. Nous ne pretendons point entrer dans une discussion des causes de cette baisse énorme. Notre unique intention est de Vous representer en peu de mots la grandeur du mal et les suites dangereuses qui en resultants non seulement pour nous soussignés, mais pour tous les commerçans dans cet empire. Elles menacent la ruine au credit de la nation même. Les dommages, que la baisse des cours a déjà causé jusqu'à ce jour sont très considerables; elles le sont à un point de devenir insupportables et funestes à plusieurs commerçans. Mais il a des suites infiniment plus funestes encore à craindre, à moins qu'on ne trouve des moïens pour arrêrer le mal et pour empêcher un discredit universel tant au dédans qu'au déhors de l'Empire, surtout dans l'Epoque présente.

Nous, nous rapportons à vos propres lumières, Monsieur, pour vous représenter la grandeur du danger qui nous menace. Votre situation vous fournit les moïens de former et de proposer, ou il appartient, un plan convenable pour retablir et rassurer le credit du public, en tachant de rapprocher les cours du change de leur équilibre.

Письмо помѣчено 5-мъ іюля (1788 г.).

Письмо такого содержанія вызвало новое обширное „дѣло“ о вексельномъ курсѣ Россіи.

Бѣдѣ нельзя было помочь быстро, сразу, какъ, повидимому, разсчитывали купцы, любезно освобождавшіе придворнаго банкира отъ изслѣдованія „причинъ“ и просившіе только „средствъ“. Не разъ предпринимавшееся изслѣдованіе „причинъ“, не мѣшавшее вексельному курсу сильно колебаться и понижаться, повидимому, было для купцовъ совсѣмъ не интересно; но, съ другой стороны, было бы рисковапно прямо приступить къ изысканію „средствъ“ для „исправленія“ нашего вексельнаго курса, не узнавъ хорошенько „причинъ“ его ненормальнаго состоянія; по крайней мѣрѣ, Сутерландъ лично не взялъ на себя составленіе „плана“, о которомъ его просили купцы: онъ ограничился лишь тѣмъ, что вопросъ, поднятый купцами, передалъ офиціальнымъ порядкомъ дальше,—въ руки лица, призваннаго заботиться о преуспѣяніи русской торговли [1]).

17-го іюля Сутерландъ, въ свою очередь, написалъ президенту коммерцъ-коллегіи гр. Воронцову письмо, которымъ дѣло собственно и представлялось компетенціи этого послѣдняго. Въ своемъ письмѣ Сутерландъ подтверждалъ сѣтованіе торговцевъ на тяжелое положеніе с.-петербургской биржи, сдѣлавшейся чрезвычайно чувствительной и породившей просительное письмо отъ ея крупныхъ дѣятелей: купеческое письмо, де, имѣло цѣлью побудить его, Сутерланда, къ ходатайству о дѣлѣ, „столь важномъ для торговли, національнаго

---

(1) Сутерландъ свидѣтельствуетъ, что онъ раньше уже представлялъ по этому предмету разныя записки: «Leurs raisons ne sont que trop bien établies, leurs craintes très fondées et les differents mémoires que j'ai déjà eu l'honneur de rendre à ce Sujet prouvent que depuis long tems j'ai senti le mal et desiré avec ardeur qu'il y soit remedié efficacement» (изъ письма банкира Сутерланда къ гр. Воронцову по поводу купеческаго донесенія о критическомъ положеніи петербургской биржи).

кредита и правленія“ [1]). Посылая купеческое письмо Воронцову, Сутерландъ въ своемъ высказался въ томъ смыслѣ, что никто лучше президента коммерцъ-коллегіи не справится со „столь важнымъ“ дѣломъ. Блистательными комплиментами по адресу гр. Воронцова Сутерландъ какъ бы стремился зажечь въ коммерцъ-коллежскомъ президентѣ спасительное для русской коммерціи честолюбіе [2]).

Получивъ отъ придворнаго банкира означенныя два письма, Воронцовъ пожелалъ узнать мнѣніе эксперта по затронутому вопросу. Такимъ экспертомъ по заграничной торговлѣ въ С.-Петербургѣ считался маклеръ Генрихъ Людвигъ Меэръ, потому что услугами его купцы наиболѣе пользовались въ своихъ дѣлахъ по денежнымъ переводамъ за границу. Отъ этого Меэра Воронцовымъ и были истребованы „примѣчанія о торговлѣ въ С.-Петербургѣ въ 1788 г.“ [3]). Содержаніе этихъ „примѣчаній“ слѣдующее. Сначала отмѣчается прогрессъ въ торговлѣ петербургскаго порта. Уже къ концу іюня сюда пришло 567 кораблей: съ самаго основанія с.-петербургскаго порта не было подобнаго примѣра; можно было бы ожидать возвышенія курса, а между тѣмъ онъ упалъ до 32 стиверовъ на Амстердамъ; такого низкаго курса никогда еще не бывало. Далѣе указывается вліяніе, какое можетъ возымѣть

---

[1]) Изъ письма Сутерланда: «La situation alarmante dans la quelle nos cours de change se trouvent depuis quelque tems, à fait une telle sensation à notre bourse, qu'un assez grand nombre de negociants s'est reuni in corps pour m'adresser la lettre... annexée, dont le but est de me porter à plaider une cause aussi importante pour le commerce le credit de la nation et le Gouvernement».

[2]) „...Personne mieux que Vous, monsieur le comte, ne sauroit operer un changement et une restauration si absolument nécessaire au bien du Commerce et important au Gouvernement. Le service que Votre Excellence rendra... au corps de Negociants et je puis dire à tout l'Empire est inapreciable; les premiers surtout lui devront une nouvelle prosperité, en un mot il est digne d'un aussi grand Ministre».

[3]) Ар. д. т. сбор., д. к. о ком., № 657, связка 38, № 637, связка 37.

паденіе курса на состояніе русскаго кредита за границей. Европа, поскольку ея дѣла связаны съ дѣлами Россіи, удивится, и устрашится, вслѣдствіе чего поколеблется тотъ кредитъ, которымъ пользовались за границей русскія и иностранныя, основавшіяся въ Россіи, купеческія конторы; это, въ свою очередь, можетъ повлечь за собой банкротства. Твердыя мѣры для поправленія курса необходимы немедленно: чѣмъ далѣе откладывать, тѣмъ менѣе шансовъ на успѣхъ; успѣхъ этотъ, при данныхъ обстоятельствахъ, вообще трудно достижимъ, но авторъ надѣется на опытность придворнаго банкира барона Сутерланда, уже показавшаго свое умѣніе въ изобрѣтеніи операцій для поднятія курса. Послѣ указаній общаго характера предлагаются наблюденія и сужденія, болѣе спеціальныя, цѣль которыхъ обратить вниманіе на опасность отъ нѣкоторыхъ подмѣченныхъ явленій. Опасность для вексельнаго курса идетъ отъ поступленій чрезъ Польшу большихъ суммъ золотомъ въ нашу заграничную армію. Поставщики золота въ заграничную армію, обмѣнивающіе тамъ золото на ассигнаціи, производятъ выгодную для себя операцію [1]). Меэръ замѣтилъ, что въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Петербургъ привезли изъ Москвы 1.000.000 руб. ассигнаціями; изъ этой суммы бо́льшая ея часть, по предположенію Меэра, представляетъ деньги съ поставленныхъ въ армію червонцевъ; банковыя ассигнаціи, вырученныя отъ продажи червонцевъ въ арміи, въ большомъ количествѣ поступаютъ на петербургскую биржу „для перевода“; иначе говоря, на эти ассигнаціи покупаются на петербургской биржѣ векселя, которые и пересылаются за границу для уплаты ими за червонцы; эти пе-

[1]) Меэръ свидѣтельствуетъ, что червонецъ въ арміи, «если то правда», стоитъ 5 рублей: при этой цѣнѣ поставщикъ можетъ довольствоваться курсовъ въ 25 стиверовъ, ибо, за вычетомъ $^1/_4$ лажу, онъ получаетъ $123^3/_4$ стивера за червонецъ, купленный имъ въ Голландіи самое большее за 110 стиверовъ.

реводы грозятъ вящимъ пониженіемъ вексельному курсу Россіи; при чемъ наибольшая опасность курсу отъ указанной спекуляціи можетъ возникнуть, по мнѣнію Меэра, въ августѣ и сентябрѣ, когда придется дѣлать денежные переводы въ Лейпцигъ, на ярмарку; вдобавокъ и переводы-то въ настоящемъ году предстоятъ болѣе значительные, чѣмъ обыкновенно, и причина этому та, что надо будетъ платить по прежнимъ долговымъ обязательствамъ: лейпцигскія купеческія конторы въ ярмарку минувшаго года дали русскимъ купцамъ отсрочку до слѣдующей ярмарки въ ихъ платежахъ по просроченнымъ уже векселямъ; эта отсрочка была дана русскимъ купцамъ въ уваженіе низкаго курса.

Таково содержаніе „примѣчаній“ петербургскаго маклера Меэра [1]). Эти „примѣчанія“ любопытны, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что петербургскій маклеръ, признанный тогда знатокомъ коммерческихъ и кредитныхъ операцій, констатируетъ два факта. Во первыхъ, своего рода биржевую игру на пониженіе ассигнацій; поводомъ къ этой игрѣ послужилъ спросъ на золото въ русской заграничной арміи; начавшееся пониженіе курса за границей на русскія банковыя ассигнаціи, какъ послѣдствіе паденія вексельнаго курса Россіи, усилилось подъ вліяніемъ спроса на червонцы въ русской заграничной арміи; отсюда получилась отчетливая разница между заграничнымъ и петербургскимъ курсами на ассигнаціи, и сдѣлалось заманчивымъ поспекулировать на эту разницу, охотники на что сейчасъ же и нашлись.

Второй фактъ, отмѣчаемый Меэромъ, это—затрудненіе, которое начали испытывать наши купцы въ заграничныхъ платежахъ: увеличеніе ихъ задолженности предъ иностранцами.

---

[1]) Ар. д-та там. сбор, д. к. о ком, № 637, связка 37.

Кн. Воронцовъ, очевидно, доложилъ императрицѣ о критическомъ положеніи нашего курса, заграничныхъ переводовъ и торговли. По крайней мѣрѣ, изъ дѣла (1788 года) видно, что Воронцовъ письменно объявилъ коммиссіи о коммерціи волю императрицы, дабы коммиссія „вошла въ изысканіе всѣхъ обстоятельствъ“, отъ коихъ такъ низко упалъ вексельный курсъ; при этомъ Воронцовъ представилъ въ коммиссію какъ оба письма—купцовъ и бар. Сутерланда, такъ и „примѣчанія“ Меэра. Коммиссія, разсмотрѣвъ старый вопросъ, составила для императрицы новый докладъ „о сей самой матеріи“. Въ этомъ своемъ докладѣ коммиссія вспомнила о прежнихъ разсмотрѣніяхъ“, отмѣтивъ попутно время, съ котораго началось пониженіе вексельнаго курса Россіи. Въ докладѣ мы читаемъ: „О сей самой матеріи въ прошлыхъ 1779 и 1784 годахъ, съ которыхъ курсъ упадать сталъ хотя и не до той степени, какъ нынѣ, многія въ сей коммиссіи происходили разсужденія“. Далѣе констатируются противорѣчивые факты этого (1788) года: никогда еще вексельный курсъ Россіи такъ низко не падалъ („а именно“ до „32½, 32, 31 и на послѣдокъ 30¼ штиверовъ на рубль“), при чемъ паденіе продолжалось даже „въ самое ярмарочное время“, а между тѣмъ торговали очень оживленно [1]); „произшествіе въ курсѣ“ коммиссіи представляется тѣмъ болѣе страннымъ, что „въ навигацію сего года“ отъ одного с.-петербургскаго порта было „отпущено за море“ однихъ главнѣйшихъ русскихъ товаровъ „болѣе нежели на 16 мил. рублей“ [2]), а вмѣстѣ со второстепенными, по предположенію

---

[1]) „... въ исходѣ минувшаго іюля болѣе 700 купеческихъ кораблей, всегожъ до закрытія Невы цѣлая 1000 оныхъ въ приходѣ было къ одному с.-петербургскому порту“.

[2]) Коммиссія поречисляетъ главнѣйшіе предметы русскаго экспорта, «какъ-то: пенька, ленъ, желѣзо, сало, сѣмя льняное и конопляное, масло такее же, юфть, равендукъ, коломенка, фламское и парусное полотно».

коммиссіи („уповательно“), на сумму „до 20 мил. рублей“. О привозныхъ товарахъ въ данный моментъ коммиссія не имѣла „подробныхъ свѣдѣній“ [1]); однако, она полагаетъ („по всѣмъ вѣроятіямъ“), что сумма привозныхъ „будетъ несравненно менѣе отпускныхъ“.

Таковы противорѣчивые факты: небывалый еще упадокъ курса и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательное оживленіе заграничнаго оборота съ вѣроятнымъ перевѣсомъ баланса на россійскую сторону. Отмѣтивъ эти факты, докладъ увѣдомляетъ императрицу о томъ, что коммиссія имѣла совѣщаніе съ нѣкоторыми „изъ знатнѣйшихъ, здѣсь торгующихъ“, русскихъ и иностранныхъ купцовъ, равно какъ „не меньше“ „и съ лучшими маклерами“; что „вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія“ „вошла въ новое изслѣдованіе о толь важномъ для всей россійской торговли, такъ и для государственнаго интереса, обстоятельствѣ, тѣмъ паче, что рубль въ продолженіе столь низкаго курса сталъ уже при переводѣ на иностранныя деньги оцѣниваться ниже внутренняго своего достоинства, т.-е. меньше, нежели чего стоитъ истинная доброта онаго“. Приступая къ изслѣдованію причинъ означеннаго „важнаго обстоятельства“, коммиссія еще разъ подчеркиваетъ фактъ даже „небывалаго“ [2]) оживленія торговли при с.-петербургскомъ портѣ въ минувшую навигацію; коммиссія свидѣтельствуетъ, что пришедшіе сюда иностранные корабли отправились отсюда далеко не порожними: пришло „997 кораблей, которые всѣ отправились отсюда съ нагруженными россійскими товарами и продуктами“; изъ этого „надлежитъ заключить, какъ то и дѣйствительно правда, что отпускной нашъ торгъ примѣтнымъ обра-

---

[1]) Эти свѣдѣнія имѣть «еще не можно инако какъ въ послѣдующемъ годѣ, за многими упражненіями» таможни.

[2]) Коммиссія отмѣчаетъ: «никогда не случалось толь великаго прихода къ здѣшнему порту» иностранныхъ купеческихъ кораблей, какъ именно въ «минувшее мореплаваніе».

зомъ ежегодно возрастаетъ“; а такъ какъ „с.-петербургская торговля“, свидѣтельствуетъ далѣе коммиссія, „составляетъ болѣе нежели $^2/_3$ всего торга въ государствѣ“, то естественно, „непомѣрный“ упадокъ курса является какимъ-то страннымъ противорѣчіемъ благопріятному для Россіи движенію этой торговли. Коммиссія вникла въ причины упадка вексельнаго курса, и вотъ какія указанія она дала по этому вопросу въ разсматриваемомъ докладѣ. 1) Съ того времени, какъ за таможнями, особенно Петербургской губерніи, былъ установленъ строгій надзоръ „подъ руководствомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Даля“ [1]), въ с.-петербургскій портъ начали привозить изъ-за моря и объявлять въ таможнѣ „по большей части тяжеловѣсные только товары“ [2]), „кои по тяжести своей къ потаенному привозу неудобны“; товары же не „тяжеловѣсные“, но дорогіе, большею частью „служащіе“ „къ одной только роскоши [3]), выписываются торговцами въ Россію“ и „здѣсь въ продажу производятся“, но о значительномъ привозѣ ихъ въ „вѣдомостяхъ“ с.-петербургской таможни не значится; откуда „полагать должно“, что такіе товары „входятъ сюда мимо портовъ побочными какими-нибудь средствами, и едва-ли не всѣ съ похищеніемъ пошлиннаго дохода“; при этомъ, благодаря сильно упавшему курсу, контрабандные товары продаются въ Россіи по болѣе высокимъ цѣнамъ, чѣмъ раньше; а повышеніе цѣнъ „не отвлекаетъ“ „здѣшнихъ до щегольства охотниковъ“ отъ покупокъ предметовъ роскоши. 2) Причиною упадка вексельнаго курса является также „потаенный черезъ пограничныя таможни провозъ въ Россію сухимъ путемъ... въ большомъ количествѣ

---

[1]) «Смотрѣніе» за таможнями было настолько строго, что «ни мало отъ нихъ, какъ видно, не стало чинится послабленія».

[2]) «Какъ-то: брусковая краска, разные сукны и полусукны, красное дерево, кофе, пиво, портеръ, всякіе виноградные напитки»...

[3]) «...всякія шелковыя дорогія матеріи, многоцѣнныя галантерейныя».

нѣмецкихъ и французскихъ товаровъ". Эта потаенная торговля ведется изъ Бреславля и Лейпцига [1]), въ ней „сколько извѣстно" участвуютъ, „какъ московскіе, такъ и многіе иногородніе купцы"; торговля эта „годъ отъ году уможается и едва-ли не пожираетъ нарочитую часть баланса нашего по торгу"... Развитіе контрабандной торговли указанными путями „доказывается великимъ числомъ денегъ, которыя въ биржевые дни нерѣдко переводятся за море посредствомъ векселей черезъ маклеровъ покупаемыхъ": часто случалось, что „такихъ переводимыхъ денегъ" изъ внутренней Россіи на биржу поступало „вдругъ до нѣсколько сотъ тысячъ рублей" для заграничныхъ платежей „за тѣ самые товары". 3) „Пресѣченіе" торговли съ Китаемъ въ Кяхтѣ тоже способствовало нашей большей задолженности по европейскому торгу, а, слѣдовательно, и пониженію нашего вексельнаго курса. До тѣхъ поръ, пока существовала русская торговля съ китайцами „на Кяхтѣ", „купцы наши доставали чай и другіе китайскіе товары въ промѣнъ за наши продукты"; при чемъ русскіе купцы не только удовлетворяли спросъ на китайскій чай въ Россіи, но и отпускали излишекъ, оставшійся отъ внутренняго потребленія, за границу,—„въ Польшу и другія мѣста съ довольною для себя прибылью"; съ пресѣченіемъ же означеннаго кяхтинскаго торга пришлось выписывать чай изъ Европы, иначе и быть не могло, ибо „употребленіе" чая, поясняетъ коммиссія, „здѣсь (въ Россіи) сдѣлалось весьма общимъ"; за чай, получаемый отъ европейскихъ посредниковъ, русскіе купцы были принуждены платить уже деньгами, а не товарами, ибо „тѣ товары, которыми купцы наши мѣнялись на чай съ китайцами, не могли въ платежѣ итти европейцамъ": послѣднимъ „тѣ товары" не такъ были нужны, какъ китай-

[1] «...и конечно не иначе, какъ съ похищеніемъ казенныхъ пошлинъ»...

цамъ; такимъ образомъ, въ теченіе послѣднихъ 4 лѣтъ получилась „весьма значущая сумма“, которую необходимо заплатить за привезенный изъ Европы чай; эта сумма представляетъ „новый прибавокъ къ суммѣ привозныхъ въ Россію товаровъ“ и имѣетъ серьезное значеніе „въ расчетахъ нашихъ по торгу“: эта сумма, истраченная на чай, „въ балансѣ нашемъ долженствовала произвести чувствительную разность“. 4) Платежи по расходамъ на русскую армію за границей тоже содѣйствовали пониженію курса: „большая часть провизій, товаровъ и вещей“ для арміи, замѣчаетъ коммиссія, „покупаема была не въ Имперіи Вашей, за что натурально и платежи производимы были или монетою, или посредствомъ векселей“,—а векселя должны были приходить „на здѣшнюю же биржу для уплаты“; это, впрочемъ, „и неизбѣжно въ военное время“. И, наконецъ, 5) указанная маклеромъ Меэромъ червонно-ассигнаціонная спекуляція также была принята во вниманіе коммиссіей, какъ одна изъ причинъ упадка вексельнаго курса; „въ этомъ случаѣ коммиссія преимущественно руководилась тѣмъ, что она слышала о спекулянтахъ червонцами: „многіе изъ иностранцевъ,—сообщаетъ коммиссія,—какъ слышно, привозили червонные къ арміямъ Вашего Императорскаго Величества и съ великою прибылью продавали ихъ на банковыя ассигнаціи“; эти ассигнаціи затѣмъ пересылались на петербургскую же биржу, гдѣ на нихъ покупались векселя „для заплаты тѣхъ выписываемыхъ ими (иностранными спекулянтами) червонцевъ,—и сколько извѣстно отъ многихъ торгующихъ и маклеровъ, происходило на биржѣ въ теченіе сего года отмѣнное количество таковыхъ переводовъ“ [1]).

---

[1]) Нѣсколько раньше, но въ томъ же (1788) году, въ придворномъ совѣтѣ обсуждались 2 записки придворнаго банкира Сутерланда «о множествѣ находящихся въ Лейпцигѣ и Голландіи здѣшнихъ государственныхъ ассигнацій». Сославшись на «многіе указы», запрещавшіе вывозъ въ чужіе

Таковъ діагнозъ болѣзни нашего вексельнаго курса, на этотъ разъ поставленный коммиссіей послѣ консультаціи со свѣдущими людьми—купцами и маклерами. „Всѣ вышеозначенныя причины вмѣстѣ конечно много содѣйствовали толь необыкновенному упадку денежнаго курса“, говорится въ докладѣ коммиссіи, по перечисленіи и выясненіи этихъ „причинъ“... Упадокъ курса вызвалъ „чрезмѣрные убытки въ здѣшнихъ капиталахъ“, на что отъ купцовъ „приносятся“ „сильныя жалобы“; свидѣтельствуя о такомъ пагубномъ вліяніи пониженія курса на торговлю, коммиссія ссылается на тѣ извѣстные намъ и пріобщенные къ этому высочайшему докладу документы, которые были переданы въ коммиссію кн. Воронцовымъ. Этимъ и заканчивается первая и наиболѣе длинная часть доклада. Вторая—посвящена вопросу объ уменьшеніи „поводовъ“, служащихъ къ упадку вексельнаго курса, и объ изобрѣтеніи другихъ „поводовъ“, которые могли бы содѣйствовать „хотя-бы къ умѣренному на первый случай возвышенію“ курса. Эта часть—краткая. Коммиссіи предстояло именно не столько опредѣлять болѣзнь, сколько указать средства къ ея излѣченію; но у коммиссіи было на этотъ счетъ свое мнѣніе, которое препятствовало ей долго останавливаться на „средствахъ“, прописывать подробные рецепты. Это мнѣніе коммиссія высказала уже въ 1784 году и теперь его повторила. Она не признаетъ полезнымъ „дѣлать какіе-либо необыкновенные по торгу изворотъ“ и „производить“ въ торгѣ

края и ввозъ въ Россію русской монеты, и на манифестъ 8-го октября 1780 года, распространившій это запрещеніе и на ассигнаціи, совѣтъ далѣе рекомендовалъ самое бдительное наблюденіе какъ за «проѣзжающими» границу, «особливо купцами», такъ и за корреспонденціею: «нелишне бъ было дать почтамтамъ секретныя наставленія, чтобы всѣ изъ чужихъ краевъ приходящіе пакеты, въ коихъ по какимъ-либо подозрѣніямъ и догадкамъ могутъ содержаться ассигнаціи, отворяемы были и чтобъ въ случаѣ если дѣйствительно ассигнаціи найдены будутъ, о томъ сюда донесено было немедленно». (Архивъ госуд. сов. I т., 2 ч., стр. 565—567).

„новыя перемѣны“; всѣ эти „извороты“ и новшества могутъ повести, пожалуй, къ худшему: „иногда навлекаютъ и непредвидимыя неудобности“. А смотря на дѣло съ этой точки зрѣнія, коммиссія „съ своей стороны“ „теперь“ „находитъ два только средства“, относящіяся до торговли, которыя и рекомендуетъ правительству, „сверхъ другихъ пособій, совсѣмъ не зависимыхъ отъ торговли“, которыя коммиссія здѣсь проходитъ молчаніемъ. Однако, первое изъ этихъ „средствъ“ достаточно радикально и представляетъ, вопреки общимъ принципамъ коммиссіи, довольно бойкій „изворотъ“, если не совсѣмъ переворотъ въ сферѣ товарнаго движенія. Коммиссія совѣтуетъ „совершенно запретить привозъ въ Россію иностранныхъ товаровъ“ чрезъ пограничныя таможни, за исключеніемъ лишь тѣхъ товаровъ, „кои въ Высочайшемъ указѣ предъ общимъ 1782 года тарифомъ въ 12-ой статьѣ именно означены“ [1]); въ доказательство цѣлесообразности этой мѣры коммиссія приводитъ мнѣніе купцовъ, которые давно „желаютъ такового запрещенія“: это—купцы „добропорядочные и благонамѣренные“; они не основываютъ „расчетовъ своихъ ни на какихъ ухищреніяхъ, но на прямой истинѣ сообразно съ учрежденіями, въ государствѣ узаконенными“. Только тогда, когда всѣ товары, кромѣ „указныхъ“, будутъ направлены „къ однимъ только портамъ“, возможенъ будетъ правильный и достигающій цѣли надзоръ за иностраннымъ ввозомъ; по „разнымъ частямъ имперіи“ товары удобно могутъ быть „развозимы“ и изъ портовъ, но зато какія преимущества портоваго надзора! „Потаенный изъ-за границы привозъ пресѣчется, положенныя по тарифу пошлины всегда вѣрно вступать бу-

[1]) Это—именной указъ отъ 27-го сентября, «данный Сенату», «объ изданіи общаго тарифа для всѣхъ портовъ и пограничныхъ таможенъ Россійской имперіи, кромѣ Астрахани, Оренбурга и Сибири. П. С. З. XXI, № 15.520.

дутъ", „присылка" предметовъ роскоши „довольно умалится", благодаря „точному по тарифу наблюденію", „а потому" „и меньше денегъ изъ Россіи выходить будетъ": такія важныя послѣдствія, благопріятныя для курса, ожидала коммиссія отъ своего перваго, предложеннаго ею, „средства". Второе „средство"—есть не что иное, какъ общее мѣсто о поощреніи русской промышленности и торговли: „всевозможное употребить поощреніе", вѣщаетъ докладъ, „чтобъ гораздо больше еще россійскихъ продуктовъ и товаровъ обдѣлывалось и за море выпускаемо было". При этомъ докладъ дѣлаетъ оговорку въ томъ смыслѣ, что въ текущее царствованіе весь „выпускной торгъ" Россіи былъ „весьма ободряемъ" „разными облегченіями и узаконеніями": „теперь, говоритъ докладъ, остается только, чтобъ здѣшніе промышленники, заводчики и фабриканты усердное стараніе прилагали" къ приведенію своихъ издѣлій въ „большее гораздо совершенство и честностью своею совсѣмъ истребили у чужестранцевъ на какіе-либо въ томъ подлоги подозрѣніе"[1]). Закончивъ обзоръ этого доклада коммиссіи о коммерціи, мы отмѣтимъ тѣ главныя наблюденія, которыя можно извлечь изъ обоихъ, изученныхъ въ этой главѣ, дѣлъ объ исправленіи вексельнаго курса.

Нетрудно видѣть, что общій взглядъ на торговлю, котораго придерживалась коммиссія, находился въ противорѣчіи съ желаніями и понятіями купечества.

Отъ своего мнѣнія, опредѣленно высказаннаго въ 1784 году, коммиссія, въ сущности, не отказалась и въ 1788 году: попрежнему она стояла на точкѣ зрѣнія невмѣшательства „въ теченіе торговли"; отсюда понятно, почему коммиссія въ общемъ отрицательно относится къ вопросу объ изысканіи „средствъ" для исправленія вексельнаго курса: строго говоря,

---

[1]) Ар. д-та т. сб., д. к. о к., № 657, связка № 38, листы 1—22.

она не вѣритъ въ серьезное значеніе какихъ-либо иныхъ „средствъ“, кромѣ облегченія торговли, кромѣ энергіи и честности промышленниковъ и торговцевъ, кромѣ всего того, что указывалось, какъ необходимое для преуспѣянія промышленности и торговли экономическимъ ученіемъ о свободной конкуренціи; не вѣря въ „средства“, коммиссія все свое вниманіе обращаетъ на изысканіе „причинъ“ упадка вексельнаго курса, и въ этомъ отношеніи ея указанія тѣмъ болѣе цѣнны, что они не кабинетныя измышленія, а жизненныя наблюденія, въ распознаваніи которыхъ коммиссія пользовалась указаніями свѣдущихъ людей—самихъ купцовъ, ведшихъ заграничную торговлю, и наиболѣе авторитетныхъ маклеровъ, близко знакомыхъ съ дѣйствительнымъ движеніемъ торговли и съ операціями переводныхъ платежей.

Купечеству, однако, были нужны не „причины“, а „средства“. Вексельный курсъ падалъ и, понижаясь, сильно колебался: надо было найти „средство“ или „способъ“, если не поднять его, то, по крайней мѣрѣ, остановить, удержать отъ дальнѣйшаго паденія и колебанія [1]). Коммиссія сама пони-

---

[1]) Чтобы дать читателю болѣе ясное представленіе объ этомъ паденіи и колебаніи курса въ 1788 году не только до того момента, когда происходило разсмотрѣніе этого вопроса въ коммиссіи, но и послѣ, я приведу «вѣдомость о курсѣ» этого года, въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранилась въ бумагахъ государственнаго архива. Вѣдомость о курсѣ бывшемъ въ 1788 году:

	Амстердамъ. Стиверы на рубль.	Лондонъ. Пенсы на рубль.	Парижъ. Су на рубль.
Генваръ. .	$37^1/_2$, $37^3/_4$, 38.	$39^1/_4$, $39^1/_2$, $39^3/_4$.	80
Февраль. .	$35^5/_8$, $35^3/_4$, $35^7/_8$, 36, $36^1/_4$, $37^1/_2$.	$37^5/_8$, $37^7/_8$, 38, $38^1/_4$, $38^1/_2$.	—
Мартъ. . .	35, $35^1/_4$, $35^1/_2$, $35^3/_4$, $35^7/_8$, 36.	37, $37^1/_8$, $37^1/_4$, $37^1/_2$, $37^5/_8$, $37^3/_4$.	—
Апрѣль . .	34, $34^1/_2$, 35, $35^1/_4$, $35^1/_2$.	$35^7/_8$, 36, $36^1/_4$, $36^1/_2$, $36^3/_4$, 37.	—

мала, что такое „происшествіе“ съ вексельнымъ курсомъ неудобно, что оно успѣло уже оказать свое вредное вліяніе и на курсъ банковыхъ ассигнацій [1]); а понимая и отмѣчая это, она въ 1788 году не сочла удобнымъ совсѣмъ уклониться „отъ изысканія“ „средствъ“, какъ это она сдѣлала въ 1784 году.

И вотъ, въ 1788 году, въ качествѣ перваго „средства“ для лѣченія затягивающейся и осложняющейся курсовой болѣзни, коммиссія рекомендуетъ нѣкотораго рода таможенную ампутацію. Но это рѣшительное „средство“ выдумано не коммиссіей. Она прямо въ этомъ пунктѣ ссылается на „добропорядочныхъ“ торговцевъ, давно измысливших таковую мѣру.

Май	34¼, 34½, 34¾, 35, 35¼, 35½, 35¾, 36.	35½, 35¾, 36, 36¼, 36½, 36¾.	—
Іюнь. . . .	32¾, 33, 33¼, 33½, 33¾, 34, 34¼, 34½, 34¾, 35.	32¾. 33¼, 33½, 34, 34½, 34½, 34¾, 35, 35¼, 35½, 35¾, 36.	74
Іюль	31⅝, 32, 32¼, 33, 33½, 33¾, 34. 35.	32, 32¼, 33, 33½, 34, 34½, 34¾, 35, 36.	71
Августъ . .	32½, 32¾, 33, 33¼, 33½.	33½, 33¾, 34, 34¼, 34½, 34¾.	—
Сентябрь. .	32½, 32¾, 32⅞, 33, 33¼.	33¾, 33⅞, 34, 34¼, 34½.	70
Октябрь. . .	30½, 31. 31½, 31¾, 32, 32¼, 32½, 32¾, 33.	31½, 31¾, 32, 32½, 32¾, 33, 33¼, 33¾, 33⅞, 34.	60, 70
Ноябрь . . .	30¾, 31, 31¼, 31½.	31½, 31¾, 31⅞, 32.	—
Декабрь. . .	31, 34¼, 31½, 32, 32⅛.	31⅞, 32, 32⅛, 32¼, 32½.	—

Парижъ: за февраль, мартъ, апрѣль, май, августъ, ноябрь и декабрь курсъ не показанъ.

Подпись: князь Александръ Вяземскій (собственноручно).

Госуд. ар. XIX, № 15; эта вѣдом. напечат. въ С. И. Р. И. О., т. 28, 344; см. также таблицу (№ 15) о состояніи вексельнаго курса при с.-петербургскомъ портѣ у Вирста: «28 таблицъ, принадлежащихъ къ разсужденіямъ о нѣкоторыхъ предметахъ законодательства и управленія финансами и коммерціею Россійской имперіи». С.-Петербургъ, 1807 г.

[1]) Шторхъ, Cours, т. VI, 342, Сперанскій, Записка о монетн. обращ., 40 и 41 стр. Въ 1787 г. ассигнаціонный рубль стоилъ на серебро по петербургскому курсу 97 коп., а въ 1788 г.—92⅗ коп.

Считая эту мѣру цѣлесообразной и рекомендуя ее правительству, коммиссія въ данномъ случаѣ сдѣлала уступку спеціально купеческимъ интересамъ нашего экспорта, особенно петербургскаго, и встала въ противорѣчіе съ настоящимъ своимъ мнѣніемъ о необходимости лишь энергичныхъ и честныхъ торговыхъ оборотовъ, а не „изворотовъ“.

IV.

Новое паденіе вексельнаго курса. Предложеніе, согласно волѣ императрицы, отъ генералъ-прокурора А. Н. Самойлова кн. Н. Б. Юсупову вновь обсудить вопросъ о вексельномъ курсѣ совмѣстно съ гр. Х. С. Минихомъ и гр. А. И. Воронцовымъ, а также ео «знатными» купцами. Первое засѣданіе «собранія» вмѣстѣ съ купцами и постановленіе отобрать отъ нихъ письменныя мнѣнія. Слѣдующія засѣданія и утвержденіе всеподданѣйшаго доклада коммиссіи. Мнѣнія русскихъ купцовъ, иностранныхъ и маклера Пастухова. Общая характеристика этихъ мнѣній. Докладъ «особеннаго собранія», отношеніе доклада къ совѣтамъ свѣдущихъ людей и его основныя тенденціи.

Послѣ 1788 года вексельный курсъ Россіи снова сильно упалъ; продолжалъ падать и потомъ [1]).

---

[1]) Записка о монетномъ обращеніи Сперанскаго, 40 и 41. Также см. Cours d'économie politique Шторха, т. VI, 342.

Годы.	Курсъ на Амстердамъ.	Разность между цѣной ассигнаціоннаго рубля и курсомъ: Курсъ выше, т. е. въ пользу Россіи.	Курсъ ниже, т. е. не въ пользу Россіи.
1787	39 штив.	$10^{1}/_{9}$ на 100	
1788	34 »		
1789	30 »	$^{2}/_{5}$	$10^{2}/_{5}$ на 100
1790	30 »		$5^{1}/_{2}$
1791	$27^{1}/_{2}$ »		$7^{1}/_{3}$
1792	27 »		$6^{4}/_{5}$
1793	$24^{1}/_{2}$ »		$9^{2}/_{5}$

Въ 1793 году курсъ опустился небывало низко, до $22^1/_2$ стиверовъ на рубль [1]). Правительство обезпокоилось и рѣшило снова пересмотрѣть вопросъ „объ униженіи денежнаго курса въ Россіи“, но уже не при помощи коммиссіи. 9-го апрѣля 1793 года тайный совѣтникъ князь Н. Б. Юсуповъ [2]) получилъ отъ генералъ-прокурора [3]) А. Н. Самойлова слѣдующее письмо:

„Милостивый государь мой

князь Николай Борисовичъ!

По случаю униженія курса Ея Императорскому Величеству благоугодно, чтобы Ваше сіятельство обще съ тайными совѣтниками графомъ Христофоромъ Сергѣевичемъ Минихомъ и съ графомъ Артеміемъ Ивановичемъ Воронцовымъ, приглася къ себѣ немедленно знатнѣйшихъ россійскихъ и иностранныхъ купцовъ нѣсколько человѣкъ, выслушали бы ихъ разсужденіи и прѣніи (sic!) и отобрали отъ нихъ мнѣніе, какая причина униженія курса, и какіе они находятъ способы къ возвышенію онаго. Ея Императорское Величество Высочайше указать мнѣ соизволила, что бы для записыванья всему оному

---

[1]) Семеновъ, Изученіе историческихъ свѣдѣній о Россійской внѣшней торговлѣ и проч., часть 3-я, стр. 48; Брженскій, Государственные долги Россіи, стр. 72, примѣч. 3. Вѣдомость о курсѣ, бывшемъ въ 1793 году, см. въ Сборн. Императ. Ист. общ., т. 28 стр. 426.

[2]) Нелишнимъ представляется вспомнить, что «стараніемъ» отца этого Юсупова—Бориса Григорьевича Юсупова, когда онъ былъ президентомъ коммерцъ-коллегіи, былъ переведенъ на русскій языкъ «Саваріевъ лексиконъ», который современники считали «великою и преполезною книгою для коммерціи» (Чулковъ цит. соч., I, стр. 9).

[3]) Именнымъ 1780 г. указомъ (27 апрѣля) всѣ денежные переводы въ въ иностранныя державы были поручены вѣдѣнію генералъ-прокурора. П. С. З., XX, 15,007.

журнала опредѣлилъ и способнаго къ тому человѣка; во исполненіе высочайшей воли и предписалъ я господину коллежскому совѣтнику Долинскому отправлять сію должность, яко человѣку въ семъ дѣлѣ опытному по случаю служенія его при коммиссіи о коммерціи, которому и предписалъ я всѣ журналы вносить ко мнѣ для поднесенія Ея Императорскому Величеству"... Въ заключеніе письма А. Н. Самойловъ просилъ князя Н. Б. Юсупова увѣдомить о высочайшей волѣ графовъ Х. С. Миниха и А. И. Воронцова. Такъ было образовано „особенное собраніе" для обсужденія стараго вопроса, сдѣлавшагося слишкомъ острымъ, чтобы правительство могло удовольствоваться тѣмъ совѣтомъ коммиссіи о коммерціи, по смыслу котораго слѣдовало сидѣть у моря и ждать погоды. Дѣлопроизводство коммиссіи по подлежащимъ ей вопросамъ, разумѣется, шло своимъ порядкомъ и даже „по Высочайшему повеленію" [1]); но самый важный вопросъ тогдашней торговли императрица сочла необходимымъ направить не сюда, не въ имѣющееся уже на лицо совѣщательное по торговымъ вопросамъ учрежденіе, а въ новое мѣсто, въ „особенное собраніе" довѣренныхъ лицъ, образованное спеціально для исполненія лишь этого одного порученія императрицы,—для обсужденія упадка вексельнаго курса и для выработки надлежащихъ практическихъ указаній „къ возвышенію онаго". „Особенное собраніе", стало быть,—временная коммиссія, учрежденная для основательнаго разрѣшенія даннаго труднаго вопроса. Самое же предпочтеніе разрѣшить трудный вопросъ этимъ путемъ, т.-е. путемъ порученія предварительно обсудить его не въ соотвѣтствующемъ постоянномъ учрежденіи, а во вре-

---

[1]) См. Систематическій каталогъ дѣламъ коммиссіи о коммерціи и о пошлинахъ, хранящимся въ архивѣ департамента там. сбор., Н. Кайданова, напримѣръ, стр. 6.

менной коммиссіи особо довѣренныхъ лицъ, не представляетъ какого-либо исключительнаго явленія въ нашей правительственной практикѣ XVIII столѣтія. Напротивъ, и тогда всякій разъ, какъ только предстояло разсмотрѣть что-либо очень сложное, противорѣчивое, а иногда и достаточно деликатное, въ возможно кратчайшій срокъ, назначались „особенныя собранія“ или коммиссіи изъ подходящихъ лицъ.

Самойловъ назвалъ нѣсколькихъ купцовъ, русскихъ и иностранцевъ, которыхъ слѣдовало призвать на совѣщаніе о вексельномъ курсѣ. Это: петербургскій „градской голова“ Рѣзвой, петербургскій купецъ Кусовъ, тульскій Духанинъ, вяземскій Дѣвкинъ, калужскій Глуховъ, нарвскіе купцы: Бахерахтъ и Арпсъ, иностранные: Тортонъ Кели, Бётлингъ, Питерсъ, Бонеръ, Гленъ, Казалетъ, Тортонъ Смали, Рудъ и Бели. Перечисленные купцы, а также, кромѣ ихъ, и другіе, торгующіе при с.-петербургскомъ портѣ, были приглашены явиться 11-го апрѣля къ 10 часамъ утра въ домъ князя Н. Б. Юсупова для „отобранія“ отъ нихъ мнѣній „по нѣкоторому Высочайше препорученному отъ Ея Императорскаго Величества коммерческому дѣлу“. Сверхъ перечисленныхъ, были приглашены еще слѣдующіе „россійскіе купцы“: Ямщиковъ, Лаптевъ, Петръ Нифонтовъ, Михайло Самойловъ, нарвскій купецъ Стральборнъ, иностранные: Амбургеръ и Гроттенъ, а также маклера: Михайло Пастуховъ, Губаревъ, Овандеръ и Фокъ [1]).

---

[1]) Пятеро изъ приглашенныхъ русскихъ купцовъ—тѣ же самые (изъ 9), которые подписались подъ коллективнымъ купеческимъ письмомъ 1788 года на имя придворнаго банкира барона Сутерланда; это: Кусовъ, Духанинъ, Дѣвкинъ, Лаптевъ и Нифонтовъ; четверо же, именно: Рѣзвой, Глуховъ, Ямщиковъ и Самойловъ, не оставили своихъ фамилій подъ означеннымъ письмомъ. Въ числѣ приглашенныхъ въ «особенное собраніе» нарвскихъ и иностранныхъ купцовъ мы встрѣчаемъ тоже 5 фамилій изъ 10 фирмъ, оставившихъ свой слѣдъ подъ тѣмъ же письмомъ; это—Бахерахтъ (нарвскій), Амбургеръ, Гроттенъ, Бётлингъ и Казалетъ (иностранные).

Въ назначенный срокъ купцы явились въ домъ кн. Юсупова. Здѣсь имъ прежде всего было прочтено Высочайшее повелѣніе о томъ дѣлѣ, ради котораго они были призваны. Затѣмъ начались „многіе разговоры“. Разсуждали „о сильномъ упадкѣ денежнаго курса“, толковали и „о средствахъ къ возвышенію онаго“. Результатомъ дебатовъ было постановленіе: представить къ 15-му апрѣля, къ 10 часамъ утра. т.-е. черезъ 3 дня, „въ сіе собраніе“ письменное изложеніе своихъ мнѣній о данномъ „предметѣ“, русскіе должны представить „особо“, иностранные „также особо“; при этомъ всякому, несогласному съ большинствомъ, было „дано на волю“ „подать особую свою бумагу“. Однако, къ назначенному сроку съ письменными мнѣніями явились въ „собраніе“ лишь нѣкоторые купцы. Остальные еще не приготовили своихъ „бумагъ“; но и эти купцы все-таки прибыли въ „собраніе“ и „объявили“, что они съ письменнымъ своимъ мнѣніемъ „еще не поспѣли“; при этомъ они обѣщали „приготовить“ таковое къ вечеру или, „по крайней мѣрѣ, къ завтрашнему дню“. „Собраніе“ выслушало это объясненіе и, отпустивъ всѣхъ купцовъ и маклеровъ домой, занялось слушаніемъ „поданныхъ бумагъ“. Потомъ были между тремя тайными совѣтниками „довольныя разсужденія“, и собраніе „приказало“ (очевидно, коллежскому совѣтнику Долинскому): „заготовить проектъ доклада на Высочайшее имя“ „со изъясненіемъ всѣхъ примѣчаній отъ стороны купцовъ, такъ и мнѣнія сего особеннаго собранія... по дѣлу о курсѣ“; также было рѣшено для „выслушанія и утвержденія“ доклада собраться снова, „какъ скоро тотъ проектъ готовъ будетъ“. Снова тріумвиратъ собрался 18-го апрѣля, но не для утвержденія доклада, а для разсмотрѣнія купеческихъ „мнѣній“ и примѣчаній, поступившихъ въ „собраніе“ въ теченіе послѣднихъ 3 дней. Обсудивъ всѣ эти „мнѣнія“ и „примѣчанія, собраніе опять постановило: составить докладъ Ея Императорскому Величеству и

собраться для его утвержденія. 20-го апрѣля—новое засѣданіе тріумвирата; оно было послѣднимъ; „особенное собраніе“ выслушало, утвердило и подписало всеподданнѣйшій докладъ, который „со всѣми приложеніями [1]) и былъ врученъ предсѣдателю „собранія“ кн. Н. Б. Юсупову для поднесенія императрицѣ [2]). Прежде чѣмъ перейти къ изложенію содержанія этого доклада, будетъ далеко небезполезно ознакомиться съ мнѣніями тѣхъ лицъ, которыхъ „особенное собраніе“, согласно волѣ императрицы, привлекло въ качествѣ „свѣдущихъ людей“. Такое ознакомленіе дастъ намъ возможность бросить болѣе правильный свѣтъ и на самый докладъ. Порядокъ изложенія будетъ слѣдующій: сначала мы изложимъ мнѣнія русскихъ купцовъ, затѣмъ иностранныхъ, послѣ этого—мнѣніе маклера Пастухова, единственное, извѣстное по этому дѣлу, маклерское мнѣніе и, наконецъ, докладъ „особеннаго собранія“.

Мнѣнія русскихъ купцовъ. Отъ имени всѣхъ, перечисленныхъ выше, русскихъ купцовъ, кромѣ Ивана Большого-Лаптева, Михаила Самойлова и Дѣвкина, письменно высказался петербургскій городской голова Николай Рѣзвой. Докладная записка Рѣзвого, какъ и остальныхъ, прежде всего, конечно, отмѣчаетъ „причины“ упадка вексельнаго курса. Общая причина заключается „въ одной необходимости переводить за море деньги“; „необходимость же“, въ свою очередь, зависитъ „отъ двухъ сильныхъ началъ“: 1) отъ пере-

---

[1]) При докладѣ нѣкоторыя «мнѣнія» и «примѣчанія» были приложены въ подлинникѣ; изъ другихъ же вниманію императрицы были предложены «кратчайшія выписи».

[2]) Копіи съ этого дѣла были переданы секретарю «особеннаго собранія» Долинскому, «яко директору канцеляріи коммиссіи о коммерціи» «для храненія въ помянутой коммиссіи обще съ другими такого же рода дѣлами».

вѣса торга въ пользу иностранцевъ и 2) отъ государственной нужды, требующей „великихъ за границею издержекъ“; къ этому прибавлена оговорка, что-де „первое начало гораздо сильнѣе второго“. Далѣе указываются „средства“ „къ возвышенію“ курса. Слѣдуетъ: 1) „запретить“ противозаконную („въ противность городоваго положенія“) мелочную торговлю, производимую иностранцами не-русскаго подданства; это „злоупотребленіе“ распространилось настолько, что таковые иностранцы, содержа „въ домахъ магазины“, подрываютъ и разоряютъ природныхъ здѣшнихъ купцовъ и мѣщанъ; 2) пресѣчь крестьянскій торгъ иностранными товарами; это—торгъ „вкоренившійся“ и совершается онъ „подъ всякими ложными видами“ противозаконно; 3) „запретить или „высокою пошлиною обложить“ предметы роскоши и „ненужные иностранные товары“, которыхъ еще не коснулось то или другое; какіе именно это товары, показываетъ „особая“, приложенная къ мнѣнію „роспись“ [1]); 4) „возстановить“ „упадшія фабрики“ и подкрѣпить ихъ „выгодами и преимуществами“; 5) весьма нужно распространить русскую торговлю „съ китайцами [2]) и прочими азіатскими народами“, равно какъ и „на Черномъ морѣ“; 6) „запретить навсегда, чтобъ никто изъ купечества не переходилъ въ дворянское состояніе“; 7) „не допускать“ заключенія контрактовъ между иностранными и русскими иногородными купцами „на поставку“ послѣдними первымъ „своихъ продуктовъ къ порту“; 8) „въ обѣихъ столицахъ, такъ и по губерніямъ, изъ коихъ товары идутъ къ портамъ, учредить купеческіе банки“; для этихъ

---

[1]) См. прилож. 1-ое.

[2]) О вредномъ вліяніи пресѣченія китайскаго торга на торговый балансъ довольно подробно распространилась коммиссія о коммерціи въ 1788 году.

банковъ было бы „довольно 2 мил. рублей“; 9) „возстановить прежній законъ, повелѣвающій при подрядахъ и откупахъ давать нѣкоторую часть денегъ напередъ и принимать поручителей вмѣсто нынѣшняго залога 3-й части“; 10) „учредить столь необходимо нужный банкрутскій уставъ“; 11) „запретить привозъ чрезъ сухопутныя таможни такихъ товаровъ, которые не изъ сосѣдняго съ нами государства“, и 12) „сдѣлать въ чужихъ краяхъ заемъ знатной суммы, и на счетъ оной трассировать, и тѣмъ поднять курсъ до такой степени, чтобы сравнялся съ вещественнымъ достоинствомъ россійской монеты“; по поводу этого послѣдняго пункта высказывается желаніе, чтобы „исполненіе“ „оной трассировки“ было поручено или „такому правительству“, т.-е. учрежденію, куда были бы назначены и „россійскіе купцы“ („гдѣ бы они и засѣданіе имѣли“), или „и вовсе банкиру Россійскому“.

Таково мнѣніе, такъ сказать, большинства представителей русскаго купечества. Переходимъ къ отдѣльнымъ мнѣніямъ русскихъ купцовъ, начавъ съ мнѣнія верейскаго первой гильдіи купца Михаила Самойлова. Михайло Самойловъ такъ же, какъ и его собратья, убѣжденъ, что вексельный курсъ унизился отъ усилившагося ввоза въ Россію иностранныхъ товаровъ: „потомъ“ ввозъ еще болѣе „увеличился“, а курсъ, слѣдовательно, еще болѣе пострадалъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ Самойловъ усматриваетъ и другія „причины“ разсматриваемаго явленія. Онъ откровенно сознается, что къ упадку курса „вело слабое состояніе россійскихъ купцовъ, состоящихъ со всею своею торговлею въ рукахъ иностраннаго купечества“; киваетъ и на „безпорядки во Франціи“, т.-е. на революцію, какъ на событіе, неизбѣжно отразившееся на состояніи вексельнаго курса Россіи. Впрочемъ, такъ же, какъ и его братію, Самойлова интересуютъ не столько „причины“, сколько „средства“. Онъ тоже сторонникъ запретительной таможенной

политики. Запрещеніе ввоза предметовъ роскоши Самойловъ рекомендуетъ прежде всѣхъ другихъ „средствъ“. Свидѣтельствуя, что сумма, на какую ежегодно ввозятся таковые товары, достигаетъ „отъ 5 до 6 мил. руб.“, Самойловъ не ограничивается простымъ указаніемъ иностранныхъ товаровъ, подлежащихъ, по его мнѣнію, запрещенію, но и пишетъ противъ товаровъ, перечисленныхъ въ особой росписи, свои замѣтки, съ цѣлью пояснить, почему эти товары могутъ быть запрещены. Запретительныя замѣтки Самойлова, вообще, весьма любопытныя, иной разъ чрезвычайно типичны; такъ, противъ „винъ шампанскихъ, бургонскихъ“ и проч. онъ пишетъ: „*запретить навсегда потребно, ибо безнужны*“; противъ „араку, рому“ и проч.—лаконично: „*по прихоти*“; противъ „птицъ“: „*невесть къ чему*“; противъ „каштановъ“: „*лакомство и большею частью гнилыя приходятъ*“, противъ „лапши и макаронъ: „*лакомство*“; противъ одѣялъ: „*можно обойтись и безъ нихъ*“; противъ „сыру“: „*лакомство; охотникъ дѣлай дома, искусства требуется мало*“ и т. под. Всего 61 статья ввоза излишни, по мнѣнію Михайлы Самойлова [1]); сверхъ того, онъ полагаетъ, что еще 32 статьи, допускаемыя имъ къ привозу въ Россію изъ-заграницы, слѣдуетъ обложить „тяжелыми пошлинами“ [2]). Далѣе Михайло Самойловъ тоже совѣтуетъ „занять внѣ государства знатную сумму“; совѣтуетъ и нѣсколько иной способъ для полученія денегъ: „отправить“ за границу „Россійскихъ товаровъ (вѣроятно, казенныхъ) на 4 или на 5 мил. рублей, на которую и трассировать въ каждую недѣлю до 100 тыс. рублей по 40 штивер. или по 42 пенса“; предвидя убытки отъ такой опе-

---

[1]) См. прилож. 2-ое.

[2]) См. прилож. 3-е.

раціи, Самойловъ любезно рекомендуетъ „разверстать“ ихъ „на пошлину, платимую съ привозныхъ товаровъ и собирать съ каждаго платежнаго рубля, что по расчету выйдетъ“. Мысль о томъ, что распространеніе отечественныхъ фабрикъ и мануфактуры надежное средство освободиться отъ задолженности у иностранцевъ, хорошо усвоена этимъ совѣтникомъ. Но какимъ образомъ „распространять“ отечественныя фабрики и мануфактуру? Въ данномъ случаѣ Самойловъ въ концѣ XVIII столѣтія возвращается къ его началу, къ эпохѣ первыхъ шаговъ у насъ фабричнаго и мануфактурнаго производства. Казенное промышленное дѣло для Самойлова—это то самое, съ чего снова надо начать; „какъ прежде“; „высокое правительство“ само должно заводить фабрики и мануфактуры, а затѣмъ, положивъ такимъ путемъ „начальное основаніе“ фабрикамъ и мануфактурамъ, раздавать и продавать ихъ „съ пользою для короны“ „народу“, т. е. частнымъ предпринимателямъ. Стало быть, по мнѣнію Самойлова, недалеко же ушла впередъ русская промышленность, если онъ въ 1793 году рекомендуетъ правительству пріемъ, практиковавшійся по необходимости Петромъ Великимъ при первоначальномъ заведеніи въ Россіи фабричнаго производства!.. Стало быть, шаги русской промышленности были, по мнѣнію этого купца, еще на столько нетверды, что она не могла самостоятельно держиться на ногахъ. Въ силу этого, Самойловъ скорбитъ о „недостаткахъ привилегій“, полагая, что въ томъ заключаются „непреодолимыя препятствія“ къ заведенію „мануфактуръ“ частными людьми [1]).

---

[1]) «Разочтя трудность»: «полученіе мастеровъ», наученіе рабочихъ мастерству, «знатныя издержки, % на капиталъ», «неизвѣстность будущаго успѣха»..., «частный человѣкъ не находитъ уже своихъ выгодъ приступить къ заведенію фабрикъ и мануфактуръ».

Поясняя безсиліе частныхъ предпринимателей въ Россіи, Самойловъ указываетъ на недостатокъ у туземнаго купечества капиталовъ. „Россійскіе купцы“, говоритъ нашъ совѣтникъ, „которые торговыя дѣла исправляютъ, люди не капитальные“ (1). Оставляя въ сторонѣ предлагаемыя „средства“, должно сказать, что самые факты—некапитальность русскаго купечества, отсутствіе хорошаго частнаго кредита и, какъ неизбѣжное послѣдствіе этихъ явленій, плачевное состояніе русской промышленности въ ту пору—указаны Самойловымъ, купцомъ XVIII столѣтія, весьма мѣтко (2).

Кромѣ отмѣченныхъ „средствъ“ къ „возвышенію“ курса, Самойловъ рекомендуетъ и другія отчасти намъ уже извѣстныя, хотя и съ нѣкоторыми варіаціями въ подробностяхъ, отчасти новыя; такъ, онъ совѣтуетъ тоже учредить купеческій банкъ въ Петербургѣ и Москвѣ, но не съ 2 милл., которыми довольствовался Рѣзвой съ товарищами, а съ

---

(1) «По неимуществу и недостатку наличныхъ денегъ и большихъ % отъ онаго существующихъ—продолжаетъ Самойловъ—нынѣ русскіе купцы вынуждены иностраннымъ купцамъ, пребывающимъ въ Россіи, запродать россійскіе товары прежде нежели тѣ землевладѣльцы обработали; брать впередъ наличныя деньги, съ большою уступкою цѣны; иностранные товары на дальніе сроки 12 и 18 мѣсяцевъ, за что платятъ по торговому расчету и нуждѣ за годичное время % по 10 коп. на рубль и болѣе». Тутъ же Самойловъ сообщаетъ объ иностранномъ ввозѣ и объ экспортѣ въ 1791 г.: «полученіе иностранныхъ товаровъ состояло, окромѣ тайно ввозимыхъ, на 35 милл. рублей, всего вообще опредѣлить должно до 41 милл. или 42 милл.; отходящихъ было на 34 милл. рублей».

(2) «Les capitaux et le crédit», писалъ извѣстный экономистъ Тенгоборскій въ 1852 г., «sont les deux grands leviers d'industrie; là où l'un ou l'autre de ces leviers manque, l'industrie ne peut se maintenir que dans une situation précaire». Тенгоборскій весьма пессимистически смотрѣлъ на состояніе частныхъ промышленныхъ капиталовъ въ Россіи въ половинѣ XIX вѣка, считая богатыхъ фабрикантовъ Москвы и Петербурга и другихъ центровъ промышленности въ Россіи счастливыми исключеніями изъ общаго правила («ce sont d'heureuses exceptions à la règle générale»). См. соч. Тенгоборскаго: Études sur les forces productives de la Russie, Paris 1852 г., II, стр. 198 и 199.

12 милл. (съ 5 для Петербурга и 7 для Москвы); банки должны дисконтировать купеческіе векселя, имѣющіе „кредитъ и особое довѣріе“, а также принимать „въ залогъ доставленные къ порту товары“; повторяется Самойловъ и въ совѣтѣ „отрѣшить товарные въ домахъ магазины“, принадлежащіе не-русскимъ поддаппымъ; но кромѣ того, онъ желаетъ, чтобы „иностранцамъ“ было запрещено „записываться въ россійское купечество“. Прося запрещать или обременять пошлинами привозные товары, составляя даже роспись ненужныхъ товаровъ, Рѣзвой съ товарищами тѣмъ самымъ косвенно высказывали желаніе объ измѣненіи тарифа. Самойловъ прямо рекомендуетъ передѣлать тарифъ и притомъ не только въ означенномъ сейчасъ смыслѣ, но и въ смыслѣ перемѣны объекта пошлиннаго обложенія: пошлину въ новомъ тарифѣ „съ цѣны товара не полагать“; Самойловъ не говоритъ, съ чего же полагать, но, очевидно, если не съ цѣны, то значитъ съ мѣры и вѣса; будучи, все-таки, главнымъ образомъ сторонникомъ запрещеній, Самойловъ и въ пунктѣ о передѣлываніи тарифа заявляетъ: „неименованныхъ въ тарифѣ товаровъ не впускать въ государство“. Сверхъ всего этого указаны еще слѣдующія „средства“: 1) „чтобы весь торгъ иностранныхъ, кои съ Россіею коммерческими не связаны трактатами, производимъ былъ на наличныя деньги безъ всякаго кредита; 2) не позволять иностраннымъ, живущимъ въ Россіи, исправлять чужія коммиссіи, кромѣ своихъ собственныхъ дѣлъ“, и 3) „съ чужими государствами торговыхъ договоровъ не заключать“.

Вологодскій купецъ Иванъ Большой-Лаптевъ начинаетъ свою записку съ объясненія, что вексельный курсъ является въ сущности такимъ предметомъ, по состоянію коего можно судить, какъ о народномъ, такъ и о государственномъ хозяйствѣ: „состояніе въ государствѣ курса“, говоритъ онъ, „содержитъ обширное понятіе не только о состояніи торговли

внутренней и внѣшней, но часто и всего государства"; поэтому курсъ Лаптевъ уподобляетъ „компасу, показывающему точное состояніе баланса". Затѣмъ онъ бросаетъ общій взглядъ на развитіе русской внѣшней торговли. Сначала отпускали товаровъ гораздо больше, чѣмъ получали; „расходъ" на иностранные товары „былъ весьма малъ, а вывозъ россійскихъ продуктовъ" „чрезвычайно превосходнѣе" „привоза", слѣдовательно, балансъ былъ для насъ благопріятный: тогда и курсъ былъ выгодный—„отъ 55 до 50 штиверовъ за рубль". „Потомъ" въ балансѣ торговли произошла рѣзкая перемѣна. Эта перемѣна зависѣла отъ многихъ другихъ перемѣнъ во внѣшнемъ и внутреннемъ положеніи Россіи. О томъ, въ какомъ направленіи „сталъ перемѣняться" „образъ народной жизни", Лаптевъ говоритъ такъ: „...величество и слава Россіи, умноженіе въ государствѣ народа, распространяющееся просвѣщеніе, обширная связь съ иностранными державами, умноженіе городовъ, прибавленіе войскъ сухопутныхъ и морскихъ, внезапныя войны умножили по необходимости казенные расходы, а торговлѣ россійской дали совсѣмъ новый видъ; съ умноженіемъ государственныхъ ассигнацій наипаче распространилась торговля внутренняя и внѣшняя и иностранные товары вошли во вкусъ". Этой нарисованной Лаптевымъ картинѣ соотвѣтствуетъ совершенно иной торговый балансъ: „тогда и привозъ" иностранныхъ товаровъ „умножился до чрезвычайной суммы" и многими милліонами перевысилъ нашъ балансъ". Въ этомъ состояніи баланса и въ развитіи „вредной роскоши" (1), а

(1) Роскошь «вредная потому наипаче, что оная состоитъ изъ такихъ вещей, за которыя платить не внутри государства, а за море переводить должно, и что прежде употреблялось въ однихъ только знатныхъ домахъ, то нынѣ вошло почти во всеобщее употребленіе»; отъ этой торговли модными товарами обогащаются иностранцы, заведшіе въ Россіи магазины, а не русскіе купцы; иностранцы, «получа чрезвычайный барышъ отъ продажи выписанныхъ по удобному сношенію съ иностранными фабрикантами на

также въ остановкѣ китайскаго торга (1), во французской революціи, въ паденіи русскаго кредита въ Голландіи (2) Лаптевъ усматриваетъ причины паденія нашего вексельнаго курса. Обзоръ причинъ этотъ купецъ заканчиваетъ слѣдующею меланхолическою цитатою: „Напослѣдокъ“, говоритъ онъ, „можно прибавить то, что напечатано въ одной книгѣ; когда сія земля не выписывала ничего отъ другихъ, народъ жилъ отъ земли и отъ трудовъ рукъ своихъ, тогда всѣ вещи были изобильны и дешевы“.

Для возвышенія курса Лаптевъ считаетъ необходимыми двѣ спеціальныя мѣры: 1) „имѣть въ Голландіи два милліона гульденовъ для поддержки курса на россійскія деньги“ и 2) „препоручить государственному ассигнаціонному банку“ „производство на биржѣ казенныхъ переводовъ“; вообще же Лаптевъ рекомендуетъ бороться съ развитіемъ роскоши, поощрять народное хозяйство, какъ отпускную торговлю, такъ и „внутреннюю экономію“ (съ которой, т.-е. съ земледѣлія, скотоводства и мануфактуры, по мнѣнію этого автора, слѣдуетъ совсѣмъ снять пошлину), и, наконецъ, строго наказывать злостныхъ банкротовъ, „чрезъ что утвердится кредитъ, честность, трудолюбіе, добронравіе и послѣдующее изъ того всеобщее благо“ (3).

великія суммы ненужнихъ товаровъ, деньги переводятъ за море, не разсуждая о курсѣ».

(1) «Остановка китайскаго торга» повредила курсу вслѣдствіе привоза «изъ-за моря чаю и различныхъ шерстяныхъ товаровъ, которые замѣняла китайка».

(2) «Чрезъ что великія банкротства».

(3) Лаптевъ совѣтуетъ: 1) уменьшить употребленіе иностранныхъ товаровъ, служащихъ единственно къ роскоши, 2) «обременить высокою пошлиною иностранные товары. служащіе для одного лакомства, какъ-то дорогія вины, водки, сахаръ и кофе», и 3) «излишнее число служителей, лошадей и каретъ обложить пошлиною». «Мнѣніе» Лаптева подписано 15-мъ апрѣля (1793 г.).

Вяземскій купецъ Дѣвкинъ причинами пониженія курса считаетъ слѣдующія обстоятельства: 1) плохой балансъ 2) „на биржѣ много ремитентовъ, а мало трассентовъ“, 3) незаконные иностранные магазины въ домахъ и 4) „великія издержки на заграничныя арміи“. Въ числѣ средствъ „къ возвышенію“ на первый планъ онъ ставитъ внѣшній заемъ; по въ трассированіи онъ совѣтуетъ соблюдать извѣстную постепенность, „начиная отъ 25 до 30, а современемъ довести до 40 штиверовъ на рубль“; въ отвращеніе же казенныхъ убытковъ Дѣвкинъ такъ же, какъ и Самойловъ, предлагаетъ увеличить пошлину на привозные товары—накинуть по 10% на каждый рубль ихъ цѣны. Затѣмъ Дѣвкинъ совѣтуетъ передѣлать тарифъ съ исключеніемъ „ненужнихъ и роскошныхъ товаровъ“ (конечно, привозныхъ), поощритъ земледѣліе и мануфактуры, запретить иностранные магазины съ модными товарами, „яко гнѣзда роскоши и мотовства“. Кончаетъ Дѣвкинъ тѣмъ же, чѣмъ началъ, финансовыми мѣрами: во-первыхъ, онъ желаетъ, чтобы россійскихъ купцовъ ссужали деньгами изъ заемнаго банка (1) подъ залогъ ихъ товаровъ, привезенныхъ для продажи къ портамъ, а, во вторыхъ, дабы было подтверждено запрещеніе „ажіо (лажа) на здѣшнюю золотую и серебряную монету“: „чтобы россійскія мѣдныя деньги и банковыя ассигнаціи были въ равномъ съ оною монетою достоинствѣ“. Таковы отдѣльныя мнѣнія русскихъ купцовъ.

Мнѣнія нарвскихъ и иностранныхъ купцовъ. Два нарвскихъ купца Стральборнъ и Арпсъ представили одно мнѣніе. Они отмѣчаютъ слѣдующія причины упадка курса: 1) значительный перевѣсъ въ пользу иностранцевъ, 2) часто производившіеся и теперь продолжающіеся

---

(1) Государственный заемный банкъ былъ учрежденъ въ 1786 году по манифесту 28-го іюня, взирающему на это учрежденіе, какъ на «средство подать благотворительное вспоможеніе подданнымъ, а наипаче дворянству». П. С. З. XXII, № 16407.

переводы казной громадныхъ денежныхъ суммъ за границу, 3) недостатокъ золотой и серебряной монеты во внутреннемъ обращеніи (1) и 4) многія и крупныя банкротства въ Лондонѣ, Амстердамѣ, Гамбургѣ, Варшавѣ и Бреславлѣ; эти банкротства, случившіяся предъ послѣднимъ упадкомъ курса, коснулись и петербургской биржи. „Средства“ къ возвышенію курса, по мнѣнію этихъ купцовъ, заключаются въ уменьшеніи ввоза и въ усиленіи вывоза, а также въ развитіи фабричнаго и мануфактурнаго дѣла въ государствѣ.

Третій нарвскій купецъ Бахерахтъ подалъ отдѣльное мнѣніе; но въ этомъ мнѣніи мы также находимъ указанія, съ которыми уже не разъ встрѣчались,—на неблагопріятный балансъ, на военныя обстоятельства, на повсемѣстныя „важныя банкротства“ и на отсутствіе прочнаго кредита — все, какъ на причины упадка курса: Бахерахтъ свидѣтельствуетъ, что конторъ, которыя могутъ трассировать, осталось весьма мало, да и тѣ воздерживаются, „ремиттентовъ же на биржѣ много“. Для поправленія бѣды этотъ купецъ прежде всего совѣтуетъ правительству сдѣлать заграничный заемъ и на него трассировать чрезъ банкира или чрезъ вполнѣ кредитоспособнаго купца; затѣмъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ выпустить въ публику возможно больше золотой и серебряной монеты и отмѣнить существующее запрещеніе о вывозѣ монеты за границу; наконецъ, третій и послѣдній совѣтъ этого автора—необходимо запретить ввозъ всѣхъ предметовъ роскоши. Бахерахтъ увѣренъ, что, по исполненіи его пожеланій, не только вексельный курсъ достигнетъ прежней „степени“, но и русскій рубль „сдѣлается выше внутренняго своего достоинства“.

Отъ всѣхъ англійскихъ конторъ въ С.-Петербургѣ поступило общее мнѣніе. Перечисляя

(1) Лажъ, по свидѣтельству Стральборна и Арпса, достигалъ 38%; въ ту минуту, когда эти купцы составляли свою записку, этотъ лажъ, по ихъ же сообщенію, равнялся 31-му и 32-мъ %.

причины упадка курса, англичане указываютъ прежде всего на уменьшеніе внутренней цѣнности русской золотой и серебряной монеты и на излишнее увеличеніе количества банковыхъ ассигнацій въ народномъ обращеніи; серебро сдѣлалось рѣдкимъ въ государствѣ и „la circulation se borne maintenant aux billets et au cuivre“; далѣе отмѣчаются частыя войны, стоившія государству весьма дорого, пресѣченіе китайской торговли и политическое состояніе Европы, которое привело торговлю въ замѣшательство, вызвало во многихъ мѣстахъ крупныя банкротства и поколебало кредитъ. Въ качествѣ „средствъ“ англичане рекомендуютъ постепенное уменьшеніе количества государственныхъ банковыхъ ассигнацій, увеличеніе въ народномъ обращеніи серебряной и золотой монеты, дозволеніе свободнаго выпуска за море всякаго хлѣба и запрещеніе привоза изъ-за границы предметовъ роскоши; англичане также не чужды совѣта по части поощренія русскихъ мануфактуръ.

Иностранные купцы Карлъ и Фридрихъ Амбургеры представили тоже по отдѣльному мнѣнію. Карлъ Амбургеръ усматриваетъ только двѣ „причины“: первая и главнѣйшая, по его мнѣнію,—„недовѣріе“, т.-е. плачевное состояніе кредита; вторая: „больше тѣхъ, которые даютъ деньги для переводу, нежели тѣхъ, которые ихъ принимаютъ“. „Средства“ такія: 1) „разрѣшить“ отпускъ за границу „всякаго хлѣба“, 2) „учредить вновь банкира“ и 3) при помощи поощренія увеличить въ имперіи количество фабрикъ для обработки главнымъ образомъ туземныхъ продуктовъ; ради же поощренія внутренняго производства требуется пересмотръ и измѣненіе тарифа, при чемъ Карлъ Амбургеръ, указывая на эту необходимость, совѣтуетъ для привозныхъ товаровъ поставить пошлину не съ цѣны, а „съ мѣры и вѣса“.

Фридрихъ Амбургеръ нападаетъ на изобиліе имѣющихся въ обращеніи банковыхъ ассигнацій и на чрез-

мѣрную роскошь, ставя второе явленіе въ зависимость отъ перваго: огромное количество банковыхъ ассигнацій усилило, по его мнѣнію, роскошь; предметы же роскоши, какъ-то: брилліанты, драгоцѣнные камни, картины и тому подобныя иностранныя вещи уносятъ изъ Россіи чрезвычайно много денегъ въ чужіе края. Поэтому для противодѣйствія уходу изъ Россіи денегъ этотъ купецъ рекомендуетъ запрещеніе на нѣсколько лѣтъ привоза брилліантовъ, дорогихъ камней, картинъ и т. п. Производимые торопливо денежные переводы (1) приводятъ Фридриха Амбургера къ мысли о необходимости регулировать эти операціи при помощи особаго, опытнаго въ торговыхъ и биржевыхъ дѣлахъ, лица, снабженнаго притомъ всегда капиталами, чтобы ему возможно было „дѣлать переводы во время“ и по нуждѣ трассентовъ („pour pouvoir faire les Remises à temps, et suivant le besoin de Tireurs“). Наконецъ, Фридрихъ Амбургеръ совѣтуетъ облегчить отпускъ товаровъ вообще и въ частности дозволить выпускъ хлѣба за границу, о чемъ ливонцы хлопочутъ неотступно (2). Изъ отраслей русской промышленности Фридрихъ Амбургеръ совѣтуетъ поощрять рудокопные, особенно мѣдные заводы.

Переходимъ, наконецъ, къ послѣднему „мнѣнію“. Это— мнѣніе маклера Михаила Пастухова. Причиной паденія курса этотъ экспертъ считаетъ неблагопріятный балансъ Россіи (3). Средства, ведущія къ улучшенію баланса, тѣмъ

---

(1) «Les Remises de la Cour sont faites avec trop de precipitation»...

(2) «L' exportation pouroit être plus encouragée, celle des grains permise, que les Livoniens sollicitent avec instance».

(3) «Когда торговый перевѣсъ», говоритъ Пастуховъ, «состоялъ въ пользу Россіи, получали мы за нашъ рубль голландскими деньгами свыше внутренняго его достоинства. Сіе продолжалось до тѣхъ поръ, покуда количество привезенныхъ изъ-за моря товаровъ начало превосходить выпуски наши; тогда и вексельный курсъ постепенно началъ упадать и, наконецъ, унизился до того, что произвелъ на серебряныя деньги промѣнъ 30%».

самымъ поведутъ и къ возвышенію вексельнаго курса. Увеличеніе цѣнности нашего отпуска—вотъ задача, которую, вообще говоря, надо выполнить Россіи, по мнѣнію Пастухова. Дѣло въ томъ, что товары, отпускаемые изъ Россіи въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ они получаются „изъ рукъ природы“, будучи дешевыми ([1]), не въ состояніи „оплачивать количество привозимыхъ товаровъ, изъ коихъ многіе суть рукодѣльные искусствомъ утонченные“; поэтому „нѣкоторую часть“ русскихъ товаровъ, прежде чѣмъ ихъ выпускать заграницу, нужно пустить въ обработку, „придать“ имъ „утонченіе посредствомъ рукодѣлія“. Пастуховъ совѣтуетъ „дѣлать дома“ тѣ предметы, „которые въ принятомъ нынѣ образѣ жизни“ считаются необходимыми. Указываетъ Пастуховъ и отрицательное „средство“ къ улучшенію баланса: запрещеніе привоза изъ-за границы „нѣкоторыхъ рукодѣльныхъ вещей“, а также „прихотныхъ и ненужныхъ товаровъ“; „при выборѣ же“, какіе изъ этихъ товаровъ могутъ быть по прежнему разрѣшены для ввоза. „да предпочтутся“, говоритъ Пастуховъ, „общественныя нужды... частнымъ выгодамъ“. Но не столько на тарифныя запрещенія, сколько на развитіе русской внѣшней торговли надѣется Пастуховъ въ дѣлѣ поправленія баланса и курса. Онъ совѣтуетъ, какъ можно скорѣе, „приложить стараніе“ „къ устроенію торговли черноморскихъ портовъ“. Черноморская торговля можетъ существенно „увеличить выпускъ нашихъ произведеній въ южныя области Европы“; чрезъ черноморскіе порты пойдутъ въ Европу произведенія нашего Юга, тѣ самыя „произращенія“, „большая часть“ которыхъ, по свидѣтельству Пастухова, „не составляла... предмета внѣшней торговли“ „до сего времени“, т.-е. до самаго момента настоящаго обсужденія ([2]). Введя

([1]) «Отпускаемые нами за море товары большею частію суть сырые и малоцѣнные».

([2]) Пастуховъ объясняетъ, почему наши южныя произведенія не поступали во внѣшній торговый оборотъ: «потому что по тягости и малоцѣн-

чрезъ черноморскіе порты въ международный оборотъ наши южныя произведенія, мы, съ другой стороны, чрезъ эти порты будемъ получать дешевле „многіе товары полуденной части Европы: какъ-то: деревянное масло, вины, сухіе фрукты, ладонъ и прочее“. Черноморская торговля въ первое время будетъ, по мнѣнію Пастухова. „родомъ полезной мѣны“; будущій балансъ этой торговли рисуется въ воображеніи маклера въ весьма благопріятномъ видѣ, „а сіе тоже много можетъ способствовать къ возвышенію вексельнаго курса“. Далѣе Пастуховъ совѣтуетъ товары изъ вновь пріобрѣтенныхъ польскихъ областей путемъ особыхъ мѣръ (какихъ—онъ не говоритъ) направить не въ Кенигсбергъ, куда они шли, а къ рижскому и черноморскимъ портамъ, именно „для того, чтобы извозы и другіе путевые расходы остались въ государствѣ“. Такое новое движеніе польскихъ товаровъ увеличитъ „обороты нашихъ портовъ“, а „купцы наши, получа новую отрасль къ обогащенію, будутъ вѣчно благодарить премудрую матерь отечества великую Екатерину“ за доставленіе имъ „такого блага, о коемъ они до сего и помышлять не смѣли“. Тарифъ надо пересмотрѣть: къ тому побуждаютъ, какъ перемѣна въ политическомъ положеніи Россіи, благодаря пріобрѣтенію новыхъ земель и расширенію территоріи, такъ и состояніе самой торговли „съ частными перемѣнами“ въ ея „теченіи“.—Равнымъ образомъ надо, по мнѣнію Пастухова, позаботиться и спеціально о пошлинахъ, ибо запрещеніе къ ввозу многихъ товаровъ повлечетъ за собой „недоборъ въ пошлинахъ“; „разсмотрѣть“ придется вопросъ, какъ восполнить эту убыль „безъ разстроенія торговли“. „Такими пособіями—такъ заключаетъ Пастуховъ свой обзоръ общихъ основныхъ „средствъ“—по слабому моему сужденію можно вексельный курсъ возвысить

ности своей не могли сносить потребные на доставленіе ихъ начоты къ сѣвернымъ портамъ».

и сдѣлать на долгое время полезнымъ и прочнымъ государству". Отъ иныхъ „средствъ" Пастуховъ не сторонится, но онъ называетъ ихъ „временными пособіями" (remèdes palliatifs) (1), сравнивая ихъ дѣйствіе со „стремленіемъ вѣтровъ, обращающихъ вспять теченіе рѣчное: утихнутъ вѣтры и рѣчныя струи воспримутъ попрежнему естественное свое теченіе". Эти „пособіи" „не могутъ быть прочны", но текущій торговый кризисъ и чрезвычайное паденіе вексельнаго курса заставляютъ Пастухова рекомендовать и remèdes palliatifs: 1) временную остановку переводовъ за море казенныхъ денегъ и 2) внѣшній заемъ на „внѣшнія издержки" „по политическимъ дѣламъ" (2).

Всматриваясь во всѣ изложенныя въ настоящей главѣ мнѣнія, нетрудно замѣтить, что существенныя указанія и совѣты русскихъ купцовъ и русскаго маклера, съ одной стороны, и существенныя указанія и совѣты собственно иностранныхъ купцовъ—съ другой не одни и тѣ же, хотя и тѣ и другіе купцы вели торговлю отъ одной стороны—„россійской". Что касается нарвскихъ купцовъ, то ихъ мнѣнія занимаютъ среднее мѣсто между русскими и иностранными мнѣніями: въ однихъ существенныхъ совѣтахъ и указаніяхъ они примыкаютъ къ русскимъ мнѣніямъ, въ другихъ совѣтахъ, а

(1) «Временныя пособіи», говоритъ Пастуховъ, «тоже могутъ содѣйствовать къ повышенію курса».

(2) По вопросу о необходимости обратиться къ «временнымъ пособіямъ» и о ближайшемъ дѣйствіи этихъ пособій Пастуховъ говоритъ такъ: «Но какъ происшедшія въ нынѣшнемъ годѣ во многихъ мѣстахъ замѣшательства въ торговлѣ и послѣдовавшія изъ того банкротства многихъ знаменитыхъ банкировъ коснулись и до здѣшней биржи и ослабили кредитъ нѣкоторыхъ иностранныхъ конторъ; слѣдствіи сего тоже произвели свое вліяніе къ пониженію нашего курса. Въ отвращеніе сего, почитаю нужнимъ остановить на время переводы за море казенныхъ денегъ; на нужныя же по политическимъ дѣламъ внѣшнія издержки лучше занять оныя за моремъ на урочное число лѣтъ. Сіе можетъ принести выгоды въ нынѣшнемъ критическомъ положеніи торговыхъ дѣлъ вообще, и частно въ отношеніи къ нашему вексельному курсу». Мнѣніе помѣчено 15-мъ апрѣля (1793 г.).

также въ нѣкоторыхъ умолчаніяхъ они напоминаютъ иностранныхъ совѣтниковъ, не состоявшихъ въ русскомъ подданствѣ. Такъ всѣ русскіе купцы и русскій маклеръ высказываются въ томъ смыслѣ, что неблагопріятный торговый балансъ есть важнѣйшая причина упадка вексельнаго курса; нарвскіе купцы ставятъ ту же причину на первый планъ. Но иностранцы, въ лицѣ англійскихъ конторъ и двухъ Амбургеровъ, даже не упоминаютъ о торговомъ балансѣ. За то англичане и одинъ изъ Амбургеровъ чрезмѣрное увеличеніе количества банковыхъ ассигнацій выдвигаютъ именно какъ причину пониженія курса; при чемъ англичане указываютъ и на другое злоупотребленіе русскаго финансоваго вѣдомства—на порчу золотой и серебряной монеты, какъ на причину того же самого явленія.

Нарвскіе купцы, не говоря прямо о перепроизводствѣ ассигнацій, намекаютъ на то же самое обстоятельство, когда свидѣтельствуютъ о недостаткѣ въ обращеніи золотой и серебряной монеты, при чемъ одинъ изъ нихъ, совѣтуя избывать бѣду новыми выпусками этой монеты, въ то жо время рекомендуетъ дозволить вывозъ ея и за границу. Въ русскихъ мнѣніяхъ мы не встрѣчаемъ указаній на „размноженіе“ ассигнацій, какъ на причину паденія вексельнаго курса. Англичане всѣхъ полнѣе высказались по этому вопросу: отмѣтивъ означенное явленіе, они однимъ изъ условій возвышенія курса опредѣленно поставили—постепенное уменьшеніе количества ассигнацій. Какъ англичане, такъ и остальные иностранцы (Амбургеры), совѣтуютъ дозволить свободный выпускъ за границу хлѣба; но этого совѣта мы не встрѣчаемъ ни у русскихъ, ни у нарвскихъ купцовъ.

Русскіе купцы и русскій маклеръ рекомендуютъ правительству внѣшній заемъ для того, чтобы какъ-нибудь перебиться въ наступившій торговый и финансовый кризисъ; этотъ совѣтъ мы находимъ у одного изъ нарвскихъ купцовъ и у всѣхъ иностранныхъ. Большинство русскихъ купцовъ говорятъ

о товарныхъ магазинахъ иностранцевъ, какъ о злоупотребленіи, чрезвычайно вредномъ для русскаго купечества. Иностранцы не только не-русскаго, но и русскаго подданства (нарвскіе купцы) въ своихъ писанныхъ мнѣніяхъ молчатъ объ этихъ магазинахъ. Вообще, какъ видно, въ основу „примѣчаній“ русскаго, нарвскаго и иностраннаго купечества легли соотвѣтствующіе интересы и выгоды, отъ которыхъ и зависѣли подчеркнутыя нами особенности изложенныхъ мнѣній. Это хорошо видно хотя бы изъ отношенія купцовъ къ вопросу о купеческихъ банкахъ. Для русскихъ купцовъ вопросъ о купеческихъ банкахъ или, по крайней мѣрѣ, о кредитѣ въ государственномъ заемномъ банкѣ—животрепещущій, насущный вопросъ, ибо они, въ силу своей некапитальности, по свидѣтельству купца Самойлова, принуждены были обращаться къ дорогому долгосрочному кредиту у иностранцевъ: послѣднимъ же экономическое безсиліе русскихъ купцовъ было на руку, и ихъ братія, торговавшая съ „россійской стороны“, въ данномъ вопросѣ занимавшая одну позицію съ заморскими капиталистами, ни однимъ словомъ въ своихъ „примѣчаніяхъ“ не заикнулась о необходимости учрежденія купеческихъ банковъ.

Все сейчасъ сказанное о различіи мнѣній, конечно, не устраняетъ извѣстнаго сходства между ними. У „свѣдущихъ людей“, мнѣнія коихъ пожелало узнать правительство, была и нейтральная почва, именно „россійская сторона“, на которой они стояли, и на этой почвѣ возникли нѣкоторыя сходныя указанія и рекомендаціи. Таковы указанія на внѣшнія событія, на казенные переводы, на „замѣшательства“ и застой въ торговлѣ, на пресѣченіе китайскаго торга, на каковое одинаково жалуются русскіе купцы и англичане, и пр. Таковы рекомендаціи: развивать въ Россіи фабричное и мануфактурное дѣло, запретить ввозъ предметовъ роскоши и проч. Но, при всемъ томъ, опять-таки слѣдуетъ отмѣтить, что меркантилизмъ нашелъ себѣ наиболѣе яркое выраженіе въ мнѣніяхъ большинства русскихъ купцовъ. Таковы въ особенности мнѣ-

нія Рѣзвого съ товарищами и Самойлова. Въ „бумагахъ“ этихъ купцовъ мы встрѣчаемъ наиболѣе подробныя замѣчанія о запретительно-охранительной системѣ, которую-де слѣдуетъ принять во внѣшней русской торговлѣ; при чѣмъ Самойловъ настойчиво совѣтуетъ „передѣлать“ тарифъ. По отношенію къ внутреннему денежному рынку, мануфактурѣ и вообще по отношенію къ туземному торгово-промышленному классу русскіе купцы рекомендуютъ цѣлый рядъ охранительныхъ и поощрительныхъ мѣръ; при чемъ купецъ Дѣвкинъ совѣтуетъ запретить лажъ на золотую и серебряную монету, а купецъ Самойловъ наставляетъ заводить фабрики и мануфактуры „попрежнему“ на казенный счетъ съ тѣмъ, чтобы передавать ихъ потомъ русскому купечеству; сверхъ того, это купечество должно охраняться не только отъ злостныхъ банкротствъ, для чего долженъ быть составленъ банкротскій уставъ, но и отъ конкуренціи на внутреннемъ рынкѣ съ иностранцами, а также, по мнѣнію Рѣзваго съ товарищами, и съ русскими крестьянами, торгующими иностранными товарами. Оберегая интересы русскаго купечества, какъ особаго сословія, Рѣзвой ходатайствуетъ навсегда запретить купцамъ переходъ въ дворянство. Въ частности Рѣзвой съ товарищами стоитъ на стражѣ интересовъ петербургскаго купечества, когда проситъ запретить сдѣлки иностранцевъ непосредственно съ иногородними купцами, поставляющими по контрактамъ свои продукты къ порту прямо въ руки иностранныхъ торговцевъ: тутъ петербургское купечество несомнѣнно стремится взять на себя роль посредника между производителями или первыми скупщиками и иностранцами.

Итакъ, большинство совѣтниковъ имѣетъ въ виду узкоэгоистическіе интересы. Лишь купецъ Лаптевъ и маклеръ Пастуховъ, какъ бы, дѣлаютъ нѣкоторую попытку подняться въ область теоріи; при чемъ первый свое вниманіе обращаетъ преимущественно на причины, рисуя схематическую картину

экономическаго развитія Россіи, а второй, указавъ основную причину курсовой бѣды въ экономической отсталости Россіи, вразумительно характеризуетъ то „средство“, которое состоитъ въ развитіи производительныхъ силъ страны, въ устройствѣ и установленіи новыхъ пунктовъ и путей для русской торговли. И Рѣзвой съ товарищами указываетъ на необходимость распространенія черноморскаго торга, но Пастуховъ особенно энергично настаиваетъ на этомъ выходѣ: именно развитіе черноморской торговли маклеръ выдвигаетъ на первый планъ, какъ мощное средство экономическаго оживленія и преуспѣянія южной окраины. Будучи сторонникомъ и запретительныхъ мѣръ, этотъ экспертъ, видимо, уже тронутъ новыми идеями о закономѣрности въ экономическихъ явленіяхъ: это довольно ясно усматривается изъ его характеристики „временныхъ пособій“, на каковые иные совѣтники возлагаютъ всю надежду. Цитата купца Лаптева о патріархальномъ экономическомъ бытѣ Россіи свидѣтельствуетъ, что этотъ купецъ, какъ будто, не чуждъ физіократизма; но, симпатизируя земледѣлію и скотоводству, Лаптевъ въ то же время все-таки остается, какъ и его товарищи, меркантилистомъ и протекціонистомъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ все, что на мой взглядъ является наиболѣе важнымъ въ разсмотрѣнныхъ „примѣчаніяхъ“. Отъ нихъ переходимъ къ докладу „особеннаго собранія“ и посмотримъ, въ какой мѣрѣ „тайные совѣтники“ воспользовались полученными указаніями и совѣтами.

Докладъ особеннаго собранія. Сначала въ докладѣ перечисляются тѣ „причины“ и „средства, которыя были указаны и рекомендованы приглашенными въ „собраніе“ „партикулярными“ совѣтниками. Просматривая перечень „причинъ униженія курса“ [1]), мы однако, замѣчаемъ, что не всѣ ука-

(1) Приводимъ перечень въ докладѣ причинъ, «показанныхъ» купцами. «Разныя показаны ими причины упадка здѣсь денежнаго курса»: 1) «пере-

занныя „причины“ приведены въ докладѣ; правда, далѣе, послѣ собственнаго констатированья „причинъ“, „особенное собраніе“ огульно и глухо сослалось на „оригинальныя, подносимыя“ при докладѣ „отъ знатнѣйшихъ купцовъ примѣчанія“; но тѣмъ не менѣе любопытно отмѣтить, какія купеческія указанія „собраніе“ заблагоразсудило пропустить въ своемъ сообщеніи о купеческихъ мнѣніяхъ.

Въ этомъ сообщеніи нѣтъ указанія англичанъ на уменьшеніе внутренней цѣнности монеты, нѣтъ и самойловскаго указанія на „слабое состояніе“ русскаго купечества. Перечень отъ имени купцовъ „средствъ“ [1]) къ возвышенію вексельнаго

вѣсъ торговли въ пользу иностранцевъ; 2) непомѣрная роскошь и крайняя ко употребленію иностранныхъ товаровъ и вещей склонность всякаго состоянія людей въ государствѣ; 3) бывшее пресѣченіе торга съ китайцами; 4) неустройство Франціи, произведшее всеобщую въ Европѣ войну, довело многія купеческія конторы до банкротства; 5) необходимость содержанія армій россійскихъ за границею; 6) недостатокъ въ обращеніи золотой и серебряной монеты, а великое напротивъ того изобиліе банковыхъ ассигнацій; 7) подрывы въ торгахъ природнымъ Россійскимъ купцамъ чинимые отъ записывающихся на время иностранныхъ въ здѣшнее мѣщанство, и 8) на биржѣ ремитентовъ много, а мало трасентовъ».

[1]) «Средства же тѣми самыми купцами объявленные къ возвышенію онаго курса, состоятъ наипаче 1-е въ вящемъ запрещеніи привоза ненужныхъ и роскошныхъ товаровъ, или въ наложеніи большей на нихъ пошлины, 2-е въ возстановленіи упадшихъ мануфактуръ и фабрикъ и въ сильномъ поощреніи къ распространенію новыхъ, такъ и всякаго рода рукодѣлій, 3-е въ разрѣщеніи выпуска хлѣба, 4-е въ довольномъ обращеніи золотой и серебряной монеты, 5-е въ заведеніи купеческихъ банковъ, или, по крайней мѣрѣ, въ даваніи изъ заемнаго банка россійскимъ купцамъ нѣкоторой части денегъ подъ закладъ ихъ товаровъ къ порту привезенныхъ; 6-е въ здѣланіи за моремъ займа знатной денежной суммы, на которую бы отсюду трассировать векселя съ постепеннымъ время отъ времени повышеніемъ курса, 7-е въ учрежденіи здѣсь банкира для удобнѣйшаго и выгоднѣйшаго производства денежныхъ за море переводовъ, 8-е въ запрещеніи иностраннымъ пользоваться здѣсь мелочнымъ торгомъи къ великому подрыву природныхъ Россійскихъ купцовъ и мѣщанъ содержать въ домахъ товарные магазины или лавки и 9-е въ подтвержденіи и наблюденіи чтобы не бранъ и не требованъ былъ промѣнъ или ажіо простирающійся уже гораздо за 30 коп. на серебряной рубль, а на золотой и еще болѣе».

курса отличается еще большей неполнотой: въ докладѣ пропущены совѣты о возстановленіи китайской и устроеніи черноморской торговли, о пресѣченіи крестьянскаго торга иностранными товарами, о запрещеніи навсегда для купцовъ перехода въ дворянство, о запрещеніи привоза товаровъ чрезъ сухопутныя таможни не изъ сосѣдняго государства, о возстановленіи прежняго закона о взиманіи аванса при казенныхъ подрядахъ и откупахъ, объ отмѣнѣ запрещенія вывозить русскую золотую и серебряную монету за границу: докладъ не повторяетъ, строго говоря, совѣта купца Самойлова и другихъ о пересмотрѣ и передѣлкѣ тарифа: отъ имени купцовъ приводитъ лишь тотъ купеческій совѣтъ, по точному смыслу котораго слѣдовало запретить или обременить пошлиною „ненужные и роскошные товары“,—что могло быть исполнено и до изданія новаго тарифа, путемъ особаго указа или манифеста. Мнѣніе маклера Пастухова совсѣмъ не было принято во вниманіе при составленіи перечня представленныхъ собранію“ „причинъ и „средствъ“ (1).

Отмѣтивъ, хотя и неполно чужія указанія и совѣты, докладъ переходитъ къ тому, что „особенное собраніе“ сочло нужнымъ представить императрицѣ „со своей стороны“.

„Особенное собраніе“, какъ оно свидѣтельствуетъ въ докладѣ, „со вниманіемъ“ „разсмотрѣло“ „все“ вышедонесенное, т. е. констатированныя имъ купеческія мнѣнія, и „со своей стороны“ „находитъ“, что важнѣйшая причина“ паденія въ Россіи вексельнаго курса „до 23 и $22^1/_2$ штиверовъ на рубль“ заключается въ „неожиданномъ происшествіи“ съ рус-

(1) Въ перечнѣ нѣтъ ссылокъ на малоцѣнность нашихъ отпускныхъ товаровъ, на необходимость открыть новые пути для сбыта южныхъ и западныхъ произведеній чрезъ черноморскій и рижскій порты, нѣтъ ссылки и на совѣтъ временно пріостанавливать переводы казенныхъ денегъ за границу.

скимъ торговымъ балансомъ. Балансъ сдѣлался въ 1791 году крайне неблагопріятнымъ для Россіи; такимъ онъ значится даже по таможеннымъ вѣдомостямъ, которыхъ „особенное собраніе“ далеко не считаетъ точными, полагая, что „сіе неожиданное въ торгѣ происшествіе“ гораздо значительнѣе, чѣмъ о томъ сообщаютъ „таможенныя бумаги“: въ вѣдомости не вошли деньги за „брилліанты и всякія дорогія каменья и жемчуги, по почтѣ сюда во множествѣ присылаемые“, равно какъ и за „великоцѣнные товары“, въ Россію привезенные „потаенными дорогами“. Весьма значительный перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ вовлекъ русскихъ купцовъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, „въ вящіе заморскіе долги“; для уплаты потребовались наличныя деньги; а таковыми „за неимѣніемъ серебряной монеты“ явились „банковыя ассигнаціи“, которыми и пришлось производить платежи за границу на „великія суммы“; при неотложности платежей, купцы „принуждены были“ „отдавать“ свои ассигнаціи „въ здѣшнія иностранныя конторы для полученія векселей за море каковъ бы ни былъ курсъ“; послѣдній же „мало-по-малу отъ стеченія... утопленныхъ обстоятельствъ началъ упадать и унизился до 23 до $22^1/_2$ штиверовъ на рубль“. Такова первая и „важнѣйшая“, по мнѣнію „собранія“, причина паденія вексельнаго курса. Вторая причина разсматриваемаго явленія это—спекуляціи на ассигнаціонномъ курсѣ. Переходя къ этой второй причинѣ, докладъ касается и вопроса о казенныхъ издержкахъ на содержаніе русской арміи за границей; издержки „непремѣнно“ велики, но такъ какъ, судя „по прошедшимъ войнамъ“ внѣ предѣловъ Россіи, не замѣчалось, чтобы въ курсѣ наступала „отмѣнная колебленность“, то „вящее поврежденіе“ курсу и въ данномъ случаѣ зависитъ не отъ означенныхъ казенныхъ издержекъ. Бѣда заключается не здѣсь, не въ изобиліи казенныхъ переводовъ, а вотъ въ чемъ: „торговые и всякаго состоянія люди“ вывозятъ за границу „премногое количество

россійской золотой и серебряной монеты", а также, сверхъ того, „на нѣсколько можетъ быть милліоновъ рублей здѣшнихъ банковыхъ ассигнацій". Эти послѣднія и дѣлаются объектомъ спекуляціи: ихъ „на удачу" за „полцѣны и менѣе" скупаютъ „жиды" или „тому подобные ростовщики", „а потомъ разными потаенными способами тѣ самыя ассигнаціи... входятъ паки сюда и доставляются на биржу для полученія за нихъ въ чужіе краи векселей по какомубъ ни было курсу, по только бы выручить за нихъ хотя вышесказанную половину цѣны"; при этомъ „входящія" въ Россію изъ-за границы русскія банковыя ассигнаціи „къ несчастію" „можетъ быть" „смѣшаны" „еще съ поддѣльными". „Таковое-то обстоятельство", говоритъ докладъ, „соединясь съ другими, много поразило денежный курсъ". Затѣмъ „особенное собраніе" не оставляетъ „безъ особеннаго уваженія" и жалобы русскихъ купцовъ на домовые магазины иностранцевъ съ модными товарами, тѣмъ болѣе, что, по сообщенію доклада, „торгующіе здѣсь иностранные купцы „потомъ" „словесно подтвердили" справедливость этой жалобы. Собраніе согласно, что эти противозаконные, существующіе вопреки „городовому положенію" 1785 г., въ обѣихъ столицахъ и большихъ городахъ магазины причиняютъ „великій подрывъ всему природному россійскому купечеству" и, кромѣ того, „непомѣрный вредъ" государству. Въ такіе модные магазины требуется заграничный товаръ, отчего увеличивается иностранный ввозъ и притомъ тѣхъ товаровъ, которые служатъ „единственно къ роскоши и мотовству"; деньги, вырученныя за „роскошные и ненужные" товары, владѣльцы домовыхъ магазиновъ переводятъ за границу, не обращая вниманія „на низкость курса", который отъ такого „зловреднаго стеченія болѣе упадаетъ". Обогатившись въ Россіи „толь легкимъ образомъ", эти модные магазинщики, „наконецъ", „уѣзжаютъ отсюда въ свои отчизны", „увозятъ"

съ собой „безвозвратно“ „всѣ скопленные неправедными способами капиталы“ и у себя дома „дѣлятся съ товарищами своими, кои, живучи за моремъ, участвовали съ ними во всѣхъ выгодахъ и преимуществахъ природному россійскому купечеству и мѣщанству Высочайше дарованныхъ“. Изъ приведенныхъ сейчасъ указаній на „причины“ паденія курса видно, что мнѣніе большинства купцовъ о торговомъ балансѣ Россіи было не только принято „особеннымъ собраніемъ“, но и было дополнено сообщеніемъ о серьезномъ вліяніи на балансъ крайне обширной контрабанды; послѣднее сообщеніе не ново: мы знаемъ, что на это зло внѣшней русской торговли усердно указывали члены коммиссіи о коммерціи. Прониклось „собраніе“ и жалобой русскихъ купцовъ на модные домовые магазины иностранцевъ, настолько прониклось, что иностранные купцы, молчаливые по этому вопросу въ своихъ письменныхъ мнѣніяхъ, заговорили въ присутствіи тайныхъ совѣтниковъ „собранія“ и словесно подтвердили имъ истину объ иностранныхъ магазинахъ въ Россіи. Надо полагать, это были не владѣльцы магазиновъ такого рода. Что же касается указанія тайныхъ совѣтниковъ на спекуляцію банковыми ассигнаціями, то его нѣтъ въ вышепересказанныхъ купеческихъ мнѣніяхъ; это показаніе, однако, намъ уже извѣстно изъ обзора предшествующихъ „обсужденій“. „Средства“ къ возвышенію вексельнаго курса, предлагаемыя „собраніемъ“ „со своей стороны“, слѣдующія. Прежде всего нужно „убавить чрезвычайно умножившійся привозъ“ предметовъ роскоши. Хотя указомъ отъ 8-го апрѣля 1793 года и „много таковыхъ товаровъ запретить уже изволили“, говоритъ „собраніе“, обращаясь къ государынѣ, но тѣмъ не менѣе „по примѣчаніямъ купечества остаются еще нѣкоторыя таковыя же въ тарифѣ статьи, требующія подобнаго исключенія или обложенія оныхъ высшею пошлиною, могущею препятствовать выписыванью оныхъ“. Далѣе „собраніе“ считаетъ необходимымъ, чтобы „во всѣхъ намѣстниче-

ствахъ“ прилагалось „всемѣрное стараніе о поощреніи“ земледѣлія, скотоводства „и всякаго рода фабрикъ и мануфактуръ“, особенно тѣхъ, на которыхъ „обдѣлываются“ „здѣшніе продукты“; при этомъ „собраніе“ рекомендуетъ установить „указомъ“ отчетность генералъ-губернаторовъ и „правящихъ ихъ должность“ во всемъ томъ, что сдѣлано въ управляемыхъ ими районахъ для развитія означенныхъ отраслей народнаго труда въ теченіе года: ежегодно мѣстная высшая администрація должна сообщать объ этомъ въ коммиссію о коммерціи. Отмѣтивъ также необходимость „пресѣчь“ незаконные модные магазины, „собраніе“ стремится „пресѣчь“ и вредъ для торговцевъ отъ „подлоговъ, обмановъ и всякаго рода вредоносныхъ ухищреній“, практикуемыхъ „злостными людьми“: для удобнѣйшаго пересѣченія“ всего этого „собраніе“ совѣтуетъ издать „банкрутскій уставъ, каковаго всѣ честные и добрые купцы давно желаютъ и нынѣ того самаго прилежно домогаются“: попутно „собраніе“ вспоминаетъ, что банкрутскій уставъ еще въ 1768 году былъ поднесенъ императрицѣ отъ коммиссіи о коммерціи, что „потомъ“, „по повелѣнію императрицы“, его пересматривалъ Сенатъ, но что и до сихъ поръ этотъ „уставъ“ „не удостоился высочайшей конфирмаціи“.

Для того, чтобы вывести русское купечество „изъ вредной зависимости“, въ которой оно находится „по нуждѣ“ „у здѣсь живущихъ иностранцевъ“, нужны купеческіе банки: ихъ слѣдуетъ учредить въ С.-Петербургѣ, въ Архангельскѣ и въ черноморскихъ портахъ, „полагая на всѣ тѣ мѣста до 5 мил.“; но есть средство помочь русскому купечеству и иначе, не дожидаясь купеческихъ банковъ; можно, „по силѣ высочайшаго о банкахъ манифеста“, выдавать купцамъ ссуды „изъ государственнаго заемнаго банка“, только непремѣнно подъ закладъ товаровъ, которые должны быть представлены въ двойномъ количествѣ противъ выданной суммы; притомъ эти товары должны быть не только привезены къ портамъ,

но и „складены“ въ таможенные амбары, дабы они были „состоящими“ „подъ таможеннымъ вѣдомствомъ“. Такъ, признавъ недостатокъ капиталовъ и отсутствіе частнаго кредита у русскихъ купцовъ, „особенное собраніе“ рекомендовало открыть имъ, правда, подъ хорошее обезпеченіе широкій государственный кредитъ.

Высказалось „собраніе“ и по поводу казенныхъ денежныхъ переводовъ: докладъ предостерегаетъ правительство относительно торопливости такихъ переводовъ [1]), говоря, что ихъ „нельзя дѣлать безъ крайней надобности“, и рекомендуя „ввѣрять“ ихъ „не одному гофмаклеру, но разнымъ искуснѣйшимъ маклерамъ“, чтобы биржа не знала, кто изъ нихъ „уполномоченъ“ въ тотъ или другой моментъ; „для вящей же“, говоритъ докладъ, „казнѣ и обществу при такихъ случаяхъ выгодности и пользы лучше кажется избрать въ банкиры человѣка самаго честнаго и въ торговыхъ дѣлахъ долго обращавшагося, отмѣнное довѣріе на биржѣ имѣющаго и въ связи съ знатными иностранными купеческими конторами состоящаго“.

Относительно внѣшняго займа докладъ выражается весьма осторожно, предоставляя этотъ вопросъ на усмотрѣніе императрицы и давая указаніе лишь касательно пріемовъ трассированья, въ случаѣ, если заемъ состоится. Въ докладѣ читаемъ: „если Вашему Императорскому Величеству благоугодно будетъ повелѣть сдѣлать въ чужихъ краяхъ заемъ знатной какой суммы; то банкиръ, или иной, кому поручено будетъ, долженъ на оную трассировать казенныя такъ и партикулярныя деньги возвышая курсъ весьма по малу время отъ времени, каковая умѣренность конечно выведетъ здѣшнія иностранныя конторы изъ дальняго терпѣнія и заставитъ ихъ

[1]) «Ибо таковое дѣйствіе всегда рождаетъ невыгодность курса».

собственная корысть послѣдовать оному примѣру, дабы не лишиться извѣстныхъ своихъ отъ того барышей".

Ко всѣмъ переданнымъ „средствамъ къ повышенію курса „собраніе" присоединяетъ и „воспослѣдовавшій свободный торгъ у черноморскихъ портовъ", куда, какъ оно думаетъ, равно какъ и къ рижскому порту, „наипаче весьма потребно обратить весь торгъ новоприсоединенныхъ отъ Польши провинцій".

Таковы „средства" или, по выраженію доклада, „способы", при помощи которыхъ „собраніе" надѣется „не вдругъ, но исподволь" обратить торговый балансъ „въ пользу Ея Императорскаго Величества"; когда это произойдетъ, тогда начнется и возвышеніе вексельнаго курса Россіи: „и тогда-то", обѣщаетъ докладъ, „курсъ на россійскія деньги въ желаемое приходить станетъ приращеніе доколѣ до первобытнаго своего хотя за 30 лѣтъ (тому назадъ) существовавшаго достигнетъ возвышенія". Въ заключеніе докладъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ, предложенныхъ купцами, способахъ, которыхъ нельзя принять. Таково „прошеніе" купцовъ о дозволеніи выпуска изъ Россіи за границу хлѣба; хотя и „желательно бъ" было „удовлетворить" это „прошеніе", но такъ какъ хлѣбъ, „по недороду" и вслѣдствіе плохого состоянія земледѣлія („по нераченію о землепашествѣ"), дорогъ „внутри государства", то и для разрѣшенія выпускать его внѣ,—„за море", „великое настоитъ препятствіе" [1]). Другая, „просимая" иностран-

[1]) Сравн. Семеновъ, Изученіе историч. свѣд. о Россійской внѣшней торговлѣ и промышленности, часть 3-я, стр. 49. По Семенову выходитъ, что князь Юсуповъ и его товарищи «полагали для возвышенія курса необходимымъ», между прочимъ, «разрѣшить выпускъ хлѣба». Какъ видимъ изъ доклада «особеннаго собранія», эти лица «полагали» не совсѣмъ такъ. Семеновъ все дѣло излагаетъ весьма кратко, на одной страницѣ, ссылаясь на старую книжку Попова, О балансѣ торговомъ С.-Петерб. 1831 г. Ссылка нѣсколько не точная: соч. Попова, Разсужденіе о торговомъ балансѣ, издано въ 1832 году въ качествѣ отвѣта автора на критическую статью о другомъ сочиненіи Попова, Разсужденіе о вывозѣ золота и серебра, появившуюся въ Телеграфѣ за 1831 годъ, № 6-й.

дами, мѣра—снять запрещеніе съ вывоза за границу золотой и серебряной монеты—безусловно была забракована „собраніемъ“: „таковое ихъ домогательство—читаемъ въ докладѣ—принято быть не можетъ по причинѣ великаго государству отъ того вреда, чего для въ древнія и новѣйшія времена изданы многія запретительныя о томъ узаконенія“ (1).

Закончивъ обзоръ „средствъ“ „особеннаго собранія“ и вмѣстѣ съ тѣмъ исчерпавъ содержаніе всего доклада, мы нѣсколько остановимся, какъ на важнѣйшихъ совѣтахъ этого доклада, такъ и на общемъ его характерѣ.

Даже при бѣгломъ просмотрѣ доклада „особеннаго собранія“ бросается въ глаза то обстоятельство, что„ собраніе“ не столько придумывало свои совѣты, сколько выбирало ихъ изъ поступившихъ къ нему „примѣчаній“. При этомъ оно имѣло въ виду не только тѣ купеческіе совѣты, которые вошли въ вышеприведенный крайне сокращенный „перечень“ (см. стр. 147—149), но и руководствовалось извѣстными ему подлинными мнѣніями; какъ, напримѣръ, мы видимъ, что „собраніе“ не оставило безъ вниманія пропущеннаго въ перечнѣ совѣта объ отмѣнѣ запрещенія вывоза золотой и серебряной монеты; видимъ также, что до извѣстной степени „собраніе“ воспользовалось и мнѣніемъ маклера Пастухова, повторивъ его совѣтъ о необходимости направить южно-русскіе и польскіе товары къ черноморскимъ и рижскому портамъ. Далѣе замѣтно, что, выбравъ подходящіе совѣты изъ представленныхъ „примѣчаній“, „собраніе“ отнеслось къ этимъ совѣтамъ довольно самостоятельно: кое-гдѣ они измѣнены въ подробностяхъ, кое-гдѣ къ нимъ прибавлены указанія, въ которыхъ собраніе могло быть компетентно, и во многихъ мѣстахъ неоригинальнымъ „мнѣніямъ“ дана оригинальная формулировка.

---

(1) Подъ докладомъ подписались члены «особеннаго собранія»: Юсуповъ, Минихъ и Воронцовъ, а также и коллежскій совѣтникъ Долинскій. Арх. департ. тамож. сбор. д. к. о комм., № 657. связка 38 (по каталогу Кайданова № 42).

Въ самомъ выборѣ лишь нѣкоторыхъ совѣтовъ изъ многихъ проявилась опытность и осторожность „особеннаго собранія“. Общій смыслъ молчаливаго отношенія ко многимъ узпаннымъ изъ „примѣчаній“ совѣтамъ, мнѣ кажется, слѣдующій: „собраніе“ не хочетъ „со своей стороны“ предлагать правительству того, что, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, не можетъ быть исполнено въ ближайшемъ будущемъ, или того, что рекомендуется купцами по недоразумѣнію.

Для характеристики осторожности „особеннаго собранія“ въ „совѣтахъ“ достаточно указать, что оно не повторяетъ отъ своего имени купеческаго совѣта объ умноженіи золотой и серебряной монеты въ народномъ обращеніи и прямо не высказывается противъ неумѣренныхъ выпусковъ государственныхъ ассигнацій; оно ограничивается лишь указаніемъ на вредную для вексельнаго курса спекуляцію, вызванную громаднымъ количествомъ выпущенныхъ ассигнацій, и предоставляетъ дѣлать отсюда выводы самому „высокому правительству“. О необходимости передѣлать тарифъ „собраніе“ со своей стороны тоже прямо не говоритъ, ограничиваясь совѣтомъ запретить къ привозу или обременить пошлиною предметы роскоши. Будучи осторожнымъ въ разрѣшеніи коренныхъ вопросовъ тогдашней нашей финансовой и торговой политики, „особенное собраніе“ крѣпко держится на почвѣ общегосударственныхъ интересовъ вообще и въ частности на почвѣ интересовъ „природнаго россійскаго купечества“. Это видно прежде всего изъ положительныхъ мѣръ, предлагаемыхъ собраніемъ. Ради поправленія торговаго баланса Россіи „собраніе“ совѣтуетъ развивать добывающую и обработывающую промышленность; однако оно принуждено согласиться, что русскіе купцы въ тяжеломъ экономическомъ плѣну у иностранцевъ, даже у живущихъ въ Россіи; и вотъ, на помощь „природному россійскому купечеству“, въ рукахъ котораго будущее промышленности, торговаго баланса и вексельнаго курса Россіи, должно, по мнѣнію „собранія“, прійти само государство.

Отказъ иностраннымъ купцамъ въ ихъ просьбахъ—разрѣшить вывозъ изъ Россіи за границу хлѣба, а также золотой и серебряной монеты—еще болѣе оттѣняетъ патріотическій характеръ изложеннаго доклада.

Мы выслушали мнѣнія учрежденій и лицъ, толковавшихъ во 2-ой половинѣ XVIII стол., какъ о причинахъ пониженія вексельнаго курса, такъ и о средствахъ къ его возвышенію. Генералъ—прокуроръ Сената и самъ Сенатъ, коммиссія о коммерціи и отдѣльные ея члены, особо уполномоченные сановники, составившіе „особенное собраніе“, придворные банкиры и биржевые маклера—профессіональные знатоки торговыхъ сдѣлокъ и переводныхъ платежей и, наконецъ, купцы, производившіе внѣшнюю торговлю,—всѣ высказались по этому капитальному коммерческому и финансовому вопросу. Теперь попытаемся обобщить эти мнѣнія и свести ихъ къ немногимъ, по основнымъ положеніямъ. Сначала о „причинахъ“.

Россія экономически недостаточно развита, сравнительно съ европейскими государствами—вотъ положеніе, которое въ бо́льшей или меньшей степени раздѣляется всѣми разсмотрѣнными нами мнѣніями. Ясно для нашихъ авторовъ и то обстоятельство, что потребности русскаго государства и общества переросли экономическое развитіе Россіи, что послѣдняя, короче говоря, менѣе производитъ, чѣмъ потребляетъ. Отсюда понятно, почему большинство „мнѣній“ всего болѣе останавливается на неблагопріятномъ торговомъ балансѣ Россіи, невыгодность котораго доказывается и тогда, когда „таможенныя вѣдомости“ показываютъ совершенно противоположное [1]). Но такъ ли это, мож-

[1]) Цифровыя данныя о состояніи внѣшней русской торговли были не разъ напечатаны. Шторхъ, Supplementband, № 1; Вирстъ, «28 таблицъ», № 13, Лодыженскій, Истор. русск. там. тар., стр. 95 и 142 и др.; см. также прилож. къ моей статьѣ: Балансовыя вѣдомости, какъ историко-статистическій источникъ, Казань, 1900 г., гдѣ напечатаны извлеченныя изъ архивн. «дѣлъ» двѣ сводныхъ балансовыхъ вѣдомости.

но ли „важнѣйшей причиной“ паденія курса даже въ 1793 году (предъ которымъ балансъ былъ неблагопріятенъ для Россіи и по таможеннымъ вѣдомостямъ) дѣйствительно считать, какъ это сдѣлало „особенное собраніе“, невыгодный для нашего отечества торговый балансъ? Современная экономическая наука учитъ, что вексельный курсъ зависитъ собственно не отъ торговаго баланса, какъ думали меркантилисты, а вообще отъ баланса задолженности: въ той странѣ, которая по долговымъ обязательствамъ уплачиваетъ больше, чѣмъ получаетъ, вексельный курсъ стоитъ ниже пари и наоборотъ: торговый же балансъ не имѣетъ существеннаго значенія: ввозъ товаровъ можетъ быть и гораздо значительнѣе вывоза, и всетаки вексельный курсъ будетъ высокимъ, если въ окончательномъ расчетѣ оказывается, что задолженность страны меньше сравнительно съ другими странами. Россія при Екатеринѣ II накопила немало долговъ. Неумѣрная роскошь двора и многочисленныя войны требовали больше средствъ, чѣмъ давали прямые и косвенные налоги и эксплуатація природныхъ богатствъ страны, вслѣдствіе чего и пришлось прибѣгнуть къ займамъ. За границу въ уплату по внѣшнимъ государственнымъ займамъ (процентовъ и въ погашеніе долга) и на содержаніе русскихъ войскъ переводились солидныя суммы денегъ [1]). Такъ какъ, въ силу вновь появившихся потребностей и роскоши преимущественно, разумѣется, въ правящихъ слояхъ, развился торговый обмѣнъ между Россіей и другими государствами, а Россія по прежнему не имѣла торговаго флота, то увеличился и фрахтовый расходъ, значительно усилившій нашу задолженность. Количество путешествующихъ и сорящихъ за границей русскимъ золотомъ россійскихъ всякаго рода петиметровъ тоже едва ли не увеличилось въ царствованіе Екатерины II. Всё это и тому подобное, указанное въ выше изложенныхъ „при-

[1]) См. у П. П. Мигулина, Русскій госуд. кредитъ, Харьковъ, 1899 г., 4—13.

мѣчаніяхъ", конечно, не могло не понижать вексельнаго курса Россіи. Въ разсмотрѣнныхъ трактованіяхъ вопроса объ „униженіи курса" выдающееся мѣсто занимаютъ казенные переводы денегъ за границу. Вредное вліяніе на русскій вексельный курсъ казенныхъ переводовъ, какъ мы видѣли, было указано правительству въ 1774 году [1]): это вліяніе энергично обсуждалось и въ 1793 году частными и офиціальными лицами... Не легко уяснить себѣ, какое вліяніе было преобладающимъ въ нашемъ балансѣ внѣшней задолженности въ теченіе всего разсматриваемаго періода.

Современный намъ изслѣдователь полагаетъ, что общія „политическія событія и финансовыя операціи (напримѣръ, „переводы значительныхъ суммъ на платежи по внѣшнимъ займамъ) имѣли извѣстную долю вліянія" на вексельный курсъ Россіи, но преобладающее вліяніе онъ усматриваетъ не въ этихъ обстоятельствахъ, а въ неумѣренномъ внутреннемъ долгѣ, который былъ сдѣланъ правительствомъ Екатерины II: „нѣтъ сомнѣнія—говоритъ г. Бржескій—что усиленные выпуски ассигнацій были главнымъ факторомъ, вліяющимъ на пониженіе вексельнаго курса" [2]). Въ XVIII стол. у насъ, въ Россіи, тоже говорили о вредномъ вліяніи на вексельный курсъ „умноженія" въ государствѣ бумажныхъ денегъ. Въ 1779 году въ этомъ смыслѣ вполнѣ опредѣленно высказался членъ коммиссіи о коммерціи Клингштетъ, а затѣмъ мы знаемъ, что на необходимость постепеннаго уменьшенія государственныхъ ассигнацій въ 1793 году указывали въ интересахъ нашего вексель-

---

[1]) Екатерина лично заинтересовалась вопросомъ о казенныхъ переводахъ. Въ своемъ рескриптѣ (отъ 11-го іюля 1775 года) кн. Н. В. Репнину императрица сообщала, что она повелѣла «поручить константинопольскимъ банкирамъ выгодною цѣною покупать и вымѣнивать червонные, со всевозможною осторожностью и скрытнымъ образомъ отъ публики», такъ какъ «для способствованія въ вексельномъ курсѣ полезно перевозить и червонные натурою». (Сб. Русск. Ист. Общ., 6 т., стр. 312).

[2]) Бржескій, Государственные долги Россіи. С.-Пб. 1884, стр. 72.

нага курса и представители англійскихъ конторъ; того же самаго несомнѣнно желали другіе иностранные купцы, когда совѣтовали выпустить „довольное количество“ золотой и серебряной монеты, ибо выпуски послѣдней безъ уменьшенія громаднаго количества ассигнацій не достигли бы цѣли: золотая и серебряная монета все равно ушла бы за границу; намъ извѣстно также, что въ добавленіе къ вредному вліянію на курсъ изобилія ассигнацій англичане указали и на уменьшеніе внутренняго достойнства въ золотой и серебряной монетѣ, какъ на обстоятельство, имѣвшее на вексельный курсъ Россіи тоже понижающее дѣйствіе. Въ нѣмецкой ученой литературѣ тѣхъ временъ было высказано по этому предмету и противоположное мнѣніе: утверждалось (Шлецеръ), что порча монеты не имѣла ни малѣйшаго вліянія на курсъ, ибо для иностранцевъ было яко бы „все равно, что бы ни называлось рублемъ, было ли это серебро или мѣдь или какъ въ старомъ Новгородѣ куницы и лобки бѣлья. Еще меньше интересовали ихъ бумажныя деньги, такъ какъ послѣднія были совсѣмъ запрещены въ заграничной торговлѣ“ [1]). Это воззрѣніе не можетъ быть принято, потому что оно находится въ явномъ противорѣчіи не только съ теоріей бумажно-денежнаго обращенія, какъ она трактуется теперь [2]), но и съ фактами, которые были извѣстны и тогда.... Это воззрѣніе опиралось на фактическую ошибку, будто бы „иностранецъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о томъ, что серебряный рубль Екатерины II содержалъ на 57 ассовъ меньше, чѣмъ прежніе, и на векселяхъ считалъ ихъ равными“ [3]). Это положительно невѣрно.

---

[1]) Патлаевскій, Денежный рынокъ въ Россіи отъ 1700 до 1762. Ассигнаціи запрещены въ загр. торговлѣ ... «nach vorbemeldter Verordnung», поясняетъ Шлецеръ, то-есть по указу 8-го октября 1780 г., цитируемому въ § 86 сочиненія этого автора: Münz-Geld-und Bergwerks-Geschichte 1791 г., 201—203. (Записки Импер. Новорос. универс. 1867 г., II, стр. 264).

[2]) Антоновичъ, Теорія бумажно-денежнаго обращенія, Кіевъ 1883, стр. 70 и 71.

[3]) Патлаевскій, цит. соч., стр. 263 и 264.

Напротивъ, иностранцамъ было далеко не все равно, сколько стоилъ русскій рубль, и они внимательно присматривались къ событіямъ на нашемъ монетномъ дворѣ. Не даромъ англійскія конторы были хорошо освѣдомлены о секретѣ двора и, конечно, дѣлали секретъ его извѣстнымъ всему свѣту. [1]) Англійскій посланникъ при дворѣ Екатерины II лордъ Мальмсбёри, какъ только узналъ о предполагавшемся еще только уменьшеніи цѣнности въ русской менетѣ, сейчасъ же сообщилъ объ этомъ своему правительству: „она (императрица)—пишетъ онъ лорду Грантаму—хочетъ выпустить монету еще низшаго чекана". Эту мѣру англійскій посланникъ считаетъ вредной, равно какъ другую—выпускъ ассигнацій, о чемъ онъ увѣдомляетъ лорда Грантама въ томъ же письмѣ [2]).

Если такимъ образомъ самый металлическій фондъ Россіи той славной эпохи былъ неустойчивъ, то не печальнѣйшую ли финансовую картину стала представлять Россія, когда внутренній денежный рынокъ ея переполнился ассигнаціями, далеко не имѣвшими за собой хотя бы испорченнаго металлическаго обезпеченія? Такое положеніе дѣлъ на русскомъ денежномъ рынкѣ вызвало быстрое пониженіе стоимости нашего рубля, потерю кредита, застой въ промышленности и торговлѣ и спекуляцію на ассигнаціонномъ курсѣ, замѣченную и указанную тогда же, когда вексельный курсъ сталъ озабочивать русское правительство и купечество. Вообще, можно, мнѣ кажется, согласиться, что усиленные выпуски ассигнацій и быстрое паденіе ихъ курса энергично начали содѣйствовать паденію вексельнаго курса. Къ 1786 году сумма всѣхъ выпущенныхъ ассигнацій равнялось 46,219,250 р. [3]); Высочай-

[1]) Такъ въ 1762 г. «прусскій посланникъ при русскомъ дворѣ Гольцъ сообщилъ Фридриху II-му, что онъ получаетъ «различныя новости» отъ англійскаго посланника и что платитъ ему «тѣмъ же», «хотя ему», прибавляетъ Гольцъ, «гораздо легче получать извѣстія, какъ чрезъ колонію англійскихъ купцовъ, такъ «благодаря тому, что онъ жилъ при здѣшнемъ дворѣ гораздо большее время, чѣмъ я.»(Русск. арх. 1901 г. №1, стр. 12).

[2]) Бржескій, Государств. долги Россіи, стр. 57.

[3]) Мигулинъ, цит. соч., 19.

шимъ минифестомъ этого года было приказано „весь выпускъ ассигнацій довести 100,000,000 р.“ [1]) Неудивительно, что ассигнаціонный курсъ, стоявшій еще въ 1787 г. на 97 к., въ 1788 г. сразу впалъ до $92^{3}/_{5}$; вмѣстѣ съ тѣмъ и вексельный курсъ съ 34 гол. стив. понизился до 30 (на Амстердамъ). При дальнѣйшихъ выпускахъ ассигнацій продолжалось паденіе ихъ курса,—продолжалось пониженіе и вексельнаго курса, хотя и не въ полномъ соотвѣтствіи съ первымъ [2]). Итакъ, слѣдуетъ признать, что съ 1788 года по 1793 годъ включительно паденію стоимости русскаго ассигнаціоннаго рубля принадлежитъ преобладающее вліяніе на вексельный курсъ Россіи. Вопросъ же о томъ, какая причина была господствующею въ паденіи и колебаніи нашего вексельнаго курса до усиленнаго „умноженія“ государственныхъ ассигнацій, нуждается въ новомъ спеціальномъ обслѣдованіи, тѣмъ болѣе, что самое состояніе вексельнаго курса даже до 1789 года оцѣнивается неодинаково историками русскихъ финансовъ [3]); спеціалистамъ финансовой науки мы и оставляемъ

[1]) Ibid., 21.

[2]) Въ 1790 году курсъ русскаго рубля понизился до 87 к. (съ $91^{3}/_{4}$), а вексельный курсъ стоялъ въ этомъ году, какъ въ предшествовавшемъ, на 30 стив.

[3]) Такъ, г. Мигулинъ въ цитированномъ выше своемъ трудѣ русскіе вексельные курсы до 1789 года считаетъ «неизмѣнно благопріятными» (стр. 26), а Шторхъ въ своихъ «Матеріалахъ къ исторіи денежныхъ знаковъ» въ Россіи полагаетъ, что уже въ 1784 году «курсъ нашъ на иностранные города былъ очень невыгоденъ для перевода денегъ по «векселямъ» «Какъ низко стоялъ нашъ курсъ», показываетъ, по мнѣнію Шторха, и курсовая таблица. и «именной указъ 10-го іюля 1784 года, данный иностранной коллегіи, которымъ для покрытія убытковъ, происходящихъ отъ вексельнаго курса при переводѣ за границу жалованья посольствамъ. назначено 36,000 руб.» (Журн. Минист. нар. просвѣщ. CXXXVII, стр. 806). Какъ мы видѣли, весьма невысокаго мнѣнія о состояніи вексельнаго курса было и правительство, и купечество въ екатерининскую эпоху. Еще въ 1774 году русскимъ вексельнымъ курсомъ былъ очень недоволенъ придворный банкиръ баронъ Фридериксъ, практическій и знающій финансистъ, показаніе котораго о вексельномъ курсѣ имѣетъ для насъ то достоинство, что онъ самъ осязательно испыталъ неблагопріятность нашего вексельнаго курса, будучи поставленъ въ необходимость производить казенные переводы за границу.

детальное разъясненіе этого вопроса. Здѣсь же мы замѣтимъ одно: въ вопросѣ о пониженіи вексельнаго курса въ 1793 году несомнѣнно имѣлъ извѣстное и, вѣроятно, немалое значеніе и балансъ нашей коммерческой задолженности. Иначе, чѣмъ объяснить то обстоятельство, что возвышеніе вексельнаго курса съ 1794 года совпадаетъ съ дальнѣйшимъ, въ теченіе 2 лѣтъ подъ рядъ, паденіемъ курса ассигнаціоннаго рубля [1]). Это временное (по 1797 годъ включительно) возвышеніе вексельнаго курса всего проще, конечно, объясняется вліяніемъ на русскую внѣшнюю торговлю запретительнаго указа 1793 года, т. е. улучшеніемъ торговаго баланса Россіи при помощи означеннаго мѣропріятія.

Переходя къ „средствамъ“, въ разное время предложеннымъ для исправленія вексельнаго курса, мы должны констатировать, что они, вообще говоря, сводятся къ исправленію русской внѣшней торговли; для достиженія же этой послѣдней цѣли рекомендовалась та или другая система экономической политики. Изучая вышеизложенныя обсужденія вопроса о поправленіи вексельнаго курса чрезъ улучшеніе „коммерціи“, сначала мы могли наблюдать меркантилизмъ и протекціонизмъ, съ каковыми уже тогда началась борьба либеральнаго направленія. Далѣе мы видѣли, что съ теченіемъ времени новый принципъ (laisser faire, laisser passer) экономической, въ частности торговой политики, начинаетъ торжествовать среди оффиціальныхъ „коммерческихъ“ совѣтниковъ, и коммиссія о коммерціи становится совсѣмъ туга на изобрѣтеніе „средствъ“, считая ихъ вредными для самой торговли „изворотами“ и повторяя для очистки совѣсти нѣкоторые совѣты близко вексельнымъ курсомъ заинтересованныхъ людей-купцовъ. Между

---

[1]) См. курсовую таблицу (Зап. о монетн. обр. стр. 42 и 43) Шторхъ, признавая, что «упадокъ ассигнацій долженъ былъ сопровождаться паденіемъ вексельнаго курса», однако полагаетъ, что «колебанія курса въ разсматриваемый періодъ (при Екатеринѣ II) н е в с е г д а обусловливались единственно измѣненіемъ достоинства ассигнацій» (Ж. М. Н. Пр. CXXXVII, цит. соч., 830).

тѣмъ вексельный курсъ падаетъ всё ниже и ниже, что́ вызываетъ экстренную мѣру—„особенное собраніе“. Эта временная коммиссія, какъ подъ давленіемъ состоянія курса, такъ и снисходя къ купеческимъ совѣтамъ или, по ея терминологіи прошеніямъ, высказалась въ пользу запрещеній въ иностранной ввозной торговлѣ и поощреній въ сферѣ русской промышленности. Не по плечу еще россійскому купечеству была конкуренція съ иностранцами даже въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, каковыми она ограничивалась не только дѣйствовавшимъ тогда тарифомъ, но и запретительнымъ указомъ 8-го апрѣля 1793 года. Купцы находили, что ввозъ еще мало стѣсненъ, и представили длинныя росписи товаровъ, подлежащихъ, по ихъ мнѣнію, запрещенію или обремененію тяжелыми пошлинами. Юсуповская коммиссія нашла справедливымъ это, можно сказать, самое жгучее купеческое желаніе, осуществленіе котораго было возможно всего скорѣе, и рекомендовала его правительству въ первую голову. Такъ на закатѣ XVIII вѣка въ коммиссіи особо избранныхъ сановниковъ меркантилизмъ и протекціонизмъ снова были признаны наиболѣе цѣлесообразной системой экономической политики.

Очеркъ третій.

Распоряженія и законы, касающіеся до внѣшней торговли, въ связи съ мнѣніями и проектами.

I.

Распоряженія относительно коммерческаго образованія русскихъ купцовъ.

Какъ извѣстно, глава русскаго правительства разсматриваемаго времени—Екатерина II-я очень внимательно относилась къ экономическимъ задачамъ Россіи вообще, къ ея внѣшней торговлѣ въ особенности. Называя свои „немногочисленныя суда“ такъ-же, какъ и торговлю, своими „дѣтьми“, императрица говорила: „я бы желала, чтобы мой народъ сдѣлался промышленникомъ“ [1]). Тотъ же авторъ, который передалъ эти слова, въ другомъ мѣстѣ своихъ писемъ свидѣтельствуетъ, что Екатерина „дорожила мыслью объ основаніи морской торговли“, ради чего дѣлались „величайшія усилія для того, чтобы обратить русскихъ купцовъ въ крупныхъ коммерсантовъ“ [2]). Въ числѣ средствъ, которыми пытались достигнуть этой цѣли, являлось коммерческое образованіе, какъ мы знаемъ, указанное коммерческой коммиссіи въ числѣ очеред-

---

[1]) Русск. арх., 1874, кн. 8, стр. 430.
[2]) Ibid., кн. 11, стр. 828.

ныхъ вопросовъ русской торговли. Въ 1764 году (въ апрѣлѣ) изъ коммиссіи о коммерціи былъ данъ указъ объ отправленіи купеческихъ дѣтей въ чужіе края для обученія коммерціи. Въ этомъ актѣ коммиссія вспоминала подобный же указъ Петра Великаго (1723 г.—8 ноября) и прибавляла, что она „нынѣ“ считаетъ путешествіе молодыхъ людей въ Европу „за самонужнѣйшее и полезнѣйшее дѣло“; всякому, кого желаютъ послать за границу отцы или кто, будучи „уже въ возрастныхъ лѣтахъ“, самъ по своей волѣ захочетъ „путешествовать въ лучшія и славнѣйшія коммерческія государства“, было разрѣшено „безпрепятственно ѣхать“; также было повелѣно „почитать“ „за похвальное и полезное отечеству дѣло“, если кто изъ русскихъ купцовъ пожелалъ бы „сына своего въ контору купеческую посадить на нѣсколько лѣтъ для пріобученія теоріи и практикѣ купеческой“, особенно въ англійскихъ и голландскихъ торговыхъ городахъ; „наипаче“ тотъ купеческій отецъ будетъ достоинъ похвалы, который на иностранное коммерческое воспитаніе сына „не пожалѣетъ капиталъ употребить“. Въ силу всего этого, было приказано въ магистратахъ и ратушахъ „взять подписки съ знатнѣйшихъ первостатейныхъ купцовъ, не пожелаютъ ли они кого изъ своихъ дѣтей, родственниковъ или наслѣдниковъ послать въ чужія государства для пользы отечества и своей собственной съ намѣреньемъ таковымъ, о какомъ выше упомянуто?“ [1]) Указъ изъ коммерческой коммиссіи вызвалъ нѣкоторый, хотя и весьма незначительный, откликъ. Въ средѣ купеческаго сословія, при всей его культурной косности, были, какъ исключеніе, люди, которые отчетливо сознавали нужду русскихъ купцовъ въ коммерческомъ образованіи. Такимъ свѣтлымъ исключеніемъ былъ несомнѣнно ладожскій купецъ Иванъ Константиновъ Кабацкій, подавшій въ 1764 году любопытное прошеніе въ коммиссію о

[1]) П. С. З. XVI, № 12, 150; Соловьевъ: Исторія Россіи, XXVI, стр. 28.

коммерціи. Въ этомъ прошеніи Кабацкій отмѣчаетъ связь между заботами о коммерціи Екатерины II-ой и аналогичными заботами Петра Великаго, послужившаго для нея образцомъ, которому она „подражала“; „чтобъ распространить въ своемъ государствѣ коммерцію, а купечество привести въ познаніе“, императрица учредила „особливую коммиссію о коммерціи“, отъ „которой указомъ Ея Импер. В—ва повелѣвается, не пожелаетъ ли кто изъ россійскаго знатнаго купечества дѣтей своихъ послать въ европейскіе торговые города для обученія иностраннымъ языкамъ и коммерціи?“ Руководясь этимъ „повелѣніемъ“, Кабацкій и проситъ о томъ, чтобы его послали въ Амстердамъ „или куда признано будетъ за способное“, гдѣ онъ могъ бы пріобрѣсти „существительное купецкое познаніе“.

Кабацкій уже не новичокъ въ коммерческой наукѣ. Въ своемъ прошеніи онъ представилъ curriculum vitae, изъ котораго мы узнаемъ объ его прежнемъ обученіи и стремленіи совершенствоваться въ знаніяхъ. „Обучался же я, нижайшій“, разсказываетъ проситель, „собственнымъ отца моего коштомъ, сверхъ россійской грамоты, нѣмецкаго и французскаго языковъ“, еще первымъ частямъ математики. „А въ 1762 году, сообщаетъ онъ дальше, „для лутчаго знанія и обученія коммерческихъ регуловъ посланъ въ торговый городъ Данцихъ, въ которомъ имѣлъ я стараніе, чтобы быть въ услугѣ въ купецкой конторѣ и заслужить познаніе теоріи и практики, чего въ скоромъ времени сыскать было мнѣ не можно“. „По приказу отца“ своего Кабацкій обращался письменно въ г. Любекъ къ тамошнему купцу Гроту, желая попасть въ „ево контору“, съ тѣмъ, чтобы на службѣ въ ней пріобрѣсти коммерческіе навыки и знанія; но получилъ въ этой просьбѣ своей отказъ; въ Данцигѣ Кабацкому тоже было отказано „отъ разныхъ конторъ“, „изъ чего примѣчательно“, говоритъ онъ, „что иностранное купечество россійскому не желаютъ открыть въ томъ знанія“. Не смотря на эти препятствія, Кабацкому всетаки удалось най-

ти себѣ учителя коммерціи—какого-то гданскаго купца, который и обучалъ его „купецкимъ регуламъ одинъ годъ", послѣ чего въ теченіи 10-ти мѣсяцевъ Кабацкій „продолжалъ вояжъ".... „въ городъ Берлинъ и другія прускія и шлезскія мѣста". Однако въ этомъ „вояжѣ" кандидатъ въ настоящіе коммерсанты ничего „не примѣтилъ" такого, что было бы полезно къ его дальнѣйшему коммерческому образованію. Вотъ ради усовершенствованія въ послѣднемъ Кабацкій и желалъ получить отъ русскаго правительства заграничную „купеческую" командировку, испрашивая её, впрочемъ, условно: если „изъ знатнаго с.-петербургскаго купечества коммерческому обученію желаніе имѣющихъ не явится". Къ сожалѣнію, не извѣстно, какое рѣшеніе послѣдовало на изложенную просьбу купца Кабацкаго, имѣвшаго хорошія аттестаціи отъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ и отъ гр. Румянцева; но ясно, что Кабацкій желалъ ѣхать въ чужіе края на казенный счетъ, а правительство въ 1764 году еще могло и не отчаяться въ надеждѣ, что выищутся купцы—любители, которые пожелаютъ совершить заграничный „вояжъ" на своемъ коштѣ. Во всякомъ случаѣ самое прошеніе Кабацкаго, какъ мы видѣли, весьма характерно—и для условій, въ какія становился русскій купеческій ученикъ за границей, попавъ туда на свой страхъ и счетъ, характерно, какъ сейчасъ увидимъ, и для взглядовъ купца на цѣли коммерческаго образованія. Въ своемъ прошеніи Кабацкій высказалъ ту мысль, что обученіе купеческихъ дѣтей необходимо „не токмо единственно для себя", но и для общей пользы: „общая состоитъ въ томъ надобность": со временемъ пользу коммерческаго образованія поймутъ „и внутреннихъ городовъ купечество", „отъ чего впредь происходить можетъ государственная польза" [1]). Не новы, конечно, взгляды Кабацкаго на коммерческое образованіе. Давно высказанные пра-

[1]) Арх. д.—та там. сбор., д. к. о ком., № дѣла 905, связка 50.

вительствомъ, они тогда же, при Петрѣ В., нашли нѣкоторый откликъ и въ купеческой средѣ. Теперь, во 2-ой полов. XVIII в., эти взгляды сдѣлались достояніемъ бо́льшаго контингента лицъ въ купечествѣ, чѣмъ раньше. Достаточно, напр., обратить вниманіе на „наказъ“ депутатамъ отъ архангельскаго купечества въ коммиссію Новаго Уложенія; въ этомъ „наказѣ“ опредѣленно выражена мысль о необходимости имѣть въ Архангельскѣ коммерческое училище: иначе „коммерція“, гласитъ „наказъ“, въ составленіи коего принимали участіе лучшіе представители архангельскихъ „гражданъ“ и наиболѣе А. И. Фоминъ, „лишается искусстныхъ негоціантовъ, каковыми просвѣщенная Европа наполнена будучи, всегда имѣетъ верхъ одерживать въ своихъ прибыткахъ и того ради Россія можетъ уподоблена быть такой мануфактурѣ, которая, имѣя хорошіе матеріалы, а неисправные инструменты, не можетъ достигнуть совершенства“. Изъ Архангельска посылалось и въ коммиссію о коммерціи донесеніе, въ которомъ, указавъ на печальныя послѣдствія для нашей торговли отъ невѣжества русскихъ купцовъ, отъ незнанія ими бухгалтеріи, иностранныхъ мѣръ, монетъ, языковъ, архангельскіе „граждане“ выразили желаніе имѣть въ переводѣ на русскій языкъ нѣкоторыя, полезныя для коммерціи, книги и гимназію въ г. Архангельскѣ для всѣхъ купеческихъ дѣтей архангельской губерніи; относительно учрежденія въ г. Архангельскѣ купеческой гимназіи извѣстный Крестининъ составилъ особый проектъ, приложенный къ упомянутому донесенію, проектъ, показывающій, что этотъ замѣчательный архангельскій купецъ помышлялъ не только о профессіональномъ, коммерческомъ, но и объ общемъ образованіи для купцовъ, дабы оно вырабатывало „добраго купца и добраго гражданина“: Крестининъ полагалъ, что въ проектируемой гимназіи купеческіе дѣти должны обучаться не однимъ коммерческимъ предметамъ и языкамъ, но также праву

и исторіи [1]). Но, не смотря на все сказанное, распространеніе такихъ просвѣтительныхъ воззрѣній ограничивалось поверхностью, не шло въ глубь купеческаго общества; тамъ, „во внутреннихъ городахъ“, попрежнему не чувствовали потребности въ коммерческомъ образованіи и, повидимому, среди купеческихъ отцовъ вообще не находилось охотниковъ тратить свои деньги на заграничное просвѣщеніе своихъ дѣтей. По крайней мѣрѣ, въ 1766 году пришлось сдѣлать опытъ просвѣщенія этого рода на казенный счетъ. Будучи заинтересована въ приготовленіи для внѣшней торговли настоящихъ коммерсантовъ, Екатерина объявила архангельскому губернатору слѣдующее, хотя и въ нѣсколько смягченномъ, но все-таки въ петровскомъ вкусѣ, распоряженіе. „Господинъ губернаторъ Головцынъ!, говорилось въ письмѣ къ нему императрицы, „извольте выбрать въ Вашемъ мѣстѣ двухъ купеческихъ дѣтей лучшихъ ежели можно домовъ, лѣтъ отъ одинадцати и до двѣнадцати [2]), которые бы были дѣти доброй надежды и не совсѣмъ испорченнаго воспитанія. Оныхъ пришлите ко мнѣ, а я ихъ намѣрена послать въ Англію для обученія коммерціи и объ нихъ сама попеченіе буду имѣть; о чемъ вы можете объявить отцамъ и матерямъ ихъ. А вы берите ихъ съ волею отцовскою, а не противъ желанія сихъ“ (послѣдняя фраза приписана Екатериной). Были выбраны „купеческія дѣти“ — Свѣчниковъ и Баженинъ, которые были сданы на руки иностранцу Гомму, жившему въ Петербургѣ, и отправлены въ Лондонъ на 3 года. Когда истекалъ этотъ срокъ, Гоммъ 3-го февраля 1769 года письменно увѣдомилъ Теплова о своемъ желаніи имѣть указъ о томъ, чтобы заплатить „корресподенту въ Лон-

---

[1]) См. интересную статью г. Кизеветтера: Школьные вопросы нашего времени въ документахъ прошлаго вѣка (Журн.: «Образованіе», 1899 г. февраль, 101—108 и слѣд.). С. М. Соловьевъ, Ист. Рос., т. XXVI, 322—323.

[2]) Раньше было написано: отъ четырнадцати и до семнадцати.

донѣ“ за воспитаніе и содержаніе „двухъ россійскихъ мальчиковъ“, „порученныхъ“ ему, Гомму, „на руки“, при чемъ высказалъ и другое свое желаніе знать волю императрицы относительно возвращенія этихъ мальчиковъ на родину, присовокупивъ, что они „довольно уже обучены“ всему, необходимому для той „науки“, за коею они были посланы, и согласно съ тѣмъ намѣреньемъ, которое объявлено было Гомму тогда, когда онъ отправилъ „мальчиковъ“ изъ Россіи. Чрезъ полгода (7-го августа 1769 г.) отъ Гомма послѣдовало новое письмо къ Теплову съ тѣмъ же самымъ запросомъ объ уплатѣ за содержаніе и воспитаніе и о дальнѣйшей судьбѣ русскихъ молодыхъ людей, приготовленныхъ уже для поступленія въ торговую контору [1]). На другой день (8-го августа) это письмо было доложено императрицѣ, которая и повелѣла Свѣшникова и Баженина возвратить изъ Англіи къ ихъ отцамъ. Купеческіе юноши возвратились въ Петербургъ и явились къ Теплову, о чемъ онъ 11-го ноября (1769 г.) сообщилъ архангельскому губернатору Головцыну, прося его объявить отцамъ о пріѣздѣ ихъ дѣтей и „узнать отъ первыхъ“, что они желаютъ: оставить ли своихъ дѣтей въ Петербургѣ „на англинскихъ конторахъ“ или взять къ себѣ? Со своей стороны Тепловъ совѣтовалъ оставить прибывшихъ изъ Лондона студентовъ коммерціи на англійскихъ конторахъ, говоря, что они, „бывши въ Англіи, не были на конторахъ, но въ школѣ“: Свѣшниковъ учился языкамъ, математикѣ и бухгалтеріи, а Баженинъ только языкамъ. „Впрочемъ однакожъ“, оговаривался Тепловъ, „какъ они (отцы) хотятъ; ежели разсудятъ за полезное взять дѣтей своихъ, то отъ нихъ, и зависитъ доставить ихъ къ себѣ, потому-что Ея Импер. В—во указать соизволила отдать ихъ отцамъ [2]). Эта переписка, извлеченная

---

[1]) См. прилож. 4-е.

[2]) Госуд. арх. XIX, № 304.

изъ бумагъ Теплова и Елагина, оставляетъ открытымъ вопросъ о томъ, какъ „разсудили“ „отцы“, весьма уважаемые архангельскіе „граждопе“ [1]), но она за то хорошо обрисовываетъ заботы Екатерины о коммерческомъ воспитаніи русскихъ купцовъ, а также и реальныя особенности заграничной командировки купеческаго „мальчика“ съ образовательною въ интересахъ русской коммерціи цѣлью...

Заботы Екатерины о коммерческомъ воспитаніи отразились и въ законодательствѣ. Въ 1772 году (6-го декабря) императрица утвердила „планъ воспитательнаго училища изъ купеческихъ дѣтей для коммерціи“. „Планъ“ былъ представленъ отъ имени Бецкаго, а разсмотрѣнъ былъ этотъ проектъ и одобренъ графомъ Н. Панинымъ, гр. Орн. Минихомъ, кн. Александромъ Голицынымъ, графомъ Н. Чернышевымъ и Григоріемъ Тепловымъ. Поводомъ для составленія „плана“ явилось то обстоятельство, что извѣстный „благотворитель“ екатерининскаго времени Прокофій Акинфіефичъ Демидовъ, соревнуя намѣренью государыни заводить въ Россіи воспитательныя училища, письменно изъявилъ Бецкому свое желаніе пожертвовать на устройство коммерческаго училища 205 тыс. рубл.; указывая на это обстоятельство въ своемъ докладѣ, Бецкій высказываетъ большую надежду, что „достаточное купечество всей имперіи“ послѣдуетъ примѣру дворянина Прокофія Демидова, проникнувшись сознаніемъ „толь великаго добра и толь очевидной пользы для дѣтей и потомковъ своихъ“ [2]). Училище было учреждено въ Москвѣ, и иниціаторъ его, Демидовъ, давшій не только средства, но и составившій „проектъ внутренняго порядка“ въ училищѣ, весьма заботился и о послѣдующемъ его существованіи, стараясь такъ или иначе привлечь купеческихъ отцовъ къ отдачѣ въ коммерче-

---

[1]) Огородниковъ: Очеркъ истор. Арханг., 1890 г., 219 и 220.

[2]) П. С. З. XIX, 13916.

ское училище ихъ дѣтей: „А я таки купцамъ губы мажу“, писалъ однажды Демидовъ побочной дочери знаменитаго „воспитателя“ екатерининa вѣка—Бецкаго, „да такія головы: думаютъ, будто дѣти вѣчно къ нимъ не возвратятся. Хоша планъ видитъ, да какъ баранъ головой трясетъ... А со спесивыми улаживаюсь всякими пристойными неправдами, будто нѣсколько подаются и изъ Ярославля обѣщали привесть“ [1]). Но купцы именно „будто нѣсколько подавались“ и только... На основаніи подобнаго характера указаній можно заключить лишь о томъ, что дѣло коммерческаго образованія въ Россіи оставалось дѣломъ будущаго и послѣ учрежденія коммерческаго училища въ Москвѣ: наше купечество въ цѣломъ было еще слишкомъ неподготовлено превратиться въ коммерсантовъ, крѣпко держалось за дѣдовскіе обычаи и не имѣло охоты мѣнять ихъ ни на какіе иноземные коммерческіе „регулы“. Долго еще Кабацкіе, Крестинины, Фомины, Баженины [2]) продолжали быть сравнительно рѣдкимъ, исключительнымъ явленіемъ въ нашемъ купечествѣ, въ извѣстной мѣрѣ и потому, что культурное развитіе этого класса задерживалось и тѣми неблагопріятными условіями, въ которыхъ такъ долго находилась русская жизнь вообще и народное просвѣщеніе въ особенности.

II.

Распоряженія о таможенномъ управленіи и надзорѣ въ цѣляхъ борьбы съ контрабандой.

Кромѣ хорошо образованныхъ и знающихъ коммерческіе „регулы“ купцовъ, внѣшняя торговля и казенный интересъ

---

[1]) В. М. Грибовскій: Полугерой екатерининскаго вѣка (Историч. Вѣстн. 1901 г., декабрь, стр. 1009 и 1010).

[2]) Митропол. Евгеній: Словарь свѣтск. писателей, изд. 1845 г., Москва, I, 318—320; II, 289 и 290; о Фоминѣ см. также у Огородникова, цит. соч. 222; о Баженинѣ см. замѣчаніе Дитятина: Изъ исторіи русскаго законодательства, Русская Мысль, октябрь, 1888, стр. 23.

отъ нея требуютъ хорошей таможенной организаціи и цѣлесообразно направленной торговой политики. Невозможно правительству въ короткое время первоспитать цѣлый классъ общества, снабдить его коммерческой честностью, безъ коей, говорили и тогда, нѣтъ истинной торговли, дать ему коммерческое, да отчасти и общее образованіе; съ этой задачей можетъ конкурировать развѣ другая—измѣнить отношеніе къ внѣшней торговлѣ со стороны таможенныхъ „служителей“. Въ самомъ дѣлѣ, сколько заботъ положило правительство Екатерины II на устройство таможеннаго управленія—и всё безуспѣшно! Подойдемъ однако поближе къ мѣрамъ екатерининскаго правительства, имѣвшимъ въ виду улучшеніе русской „портовой и пограничной таможни, которая, по мнѣнію вѣнценоснаго автора „Наказа“, есть такое же необходимое условіе всякой успѣшной торговли, какъ и „вольность“, о регламентаціи которой рѣчь будетъ дальше.

Въ царствованіе Елизаветы Петровны, въ эпоху господства въ промышленной жизни Россіи откуповъ и монополій, и пограничныя таможни въ 1758 году были сданы на откупъ купцу Шемякину и К° [1]); при чемъ этотъ откупщикъ получилъ званіе оберъ-инспектора таможенъ и рангъ маіора, а его товарищи званіе директоровъ и рангъ капитана. Откупное содержаніе таможенъ оказалось столь же несостоятельнымъ, какъ и другія партикулярныя монополіи, возникавшія въ сферѣ нашего государственнаго хозяйства со временъ Петра I-го до Екатерины II-ой. Шемякинъ такъ-же, какъ Меньшиковъ, Шембергъ, Шуваловъ и др. монополисты, заботился не о казенной, а только о своей выгодѣ и допускалъ

---

[1]) Въ составъ откупного содержанія Шемякина не вошли таможни въ Отзейскомъ краѣ и по азіатской границѣ; однако въ первыхъ вѣдѣнью шемякинскаго откупа подлежали товары, шедшіе транзитомъ въ Великороссію и Малороссію, а во вторыхъ, въ таможняхъ по азіатской границѣ, тому же откупу принадлежала астраханская таможня.

въ содержаніи таможенъ всевозможныя злоупотребленія. Не обращая вниманія на контрактъ, Шемякинъ не увѣдомлялъ правительство о движеніи торговли и о таможенныхъ доходахъ, а товары пропускалъ чрезъ таможни не по государственному, а по своему, болѣе либеральному тарифу, шедшему въ разрѣзъ съ намѣреньемъ власти покровительствовать внутреннему производству; были обнаружены также подлоги въ документахъ по таможнямъ и другіе безпорядки въ послѣднихъ; самымъ чувствительнымъ результатомъ всѣхъ этихъ злоупотребленій былъ, разумѣется, тотъ, что компанія Шемякина осталась въ долгу у правительства, не заплативъ ему условленную сумму за цѣлые полгода. Шемякинъ не могъ отрицать, что дѣло велось далеко несогласно съ контрактомъ, но оправдывался разными, вредными для его откупа, условіями и случайностями; но его оправданія не были признаны уважительными, и Шемякинъ попалъ въ тюрьму. Екатерина, хотя и освободила его изъ заключенія, но, покончивъ съ таможенной компаніей Шемякина, аттестовала его, какъ таможеннаго откупщика, весьма нелестно [1]). Въ указѣ отъ 26-го августа 1762 года отмѣчено, что Шемякинъ „въ безпорядочномъ правленіи оказался и контрактъ свой явно нарушилъ, чрезъ что казна... не малый убытокъ претерпѣвала“. Вслѣдствіе этого Сенатъ, во исполненіе высочайшей конфирмаціи отъ 22-го августа, приказалъ таможни изъ откупа взять „въ казенное смотрѣніе“, къ которому былъ опредѣленъ статскій совѣтникъ Алексѣй Яковлевъ съ помощниками—надворнымъ совѣтникомъ Николаемъ Самойловымъ и ярославскимъ фабрикантомъ Иваномъ Затрапезнымъ. Этимъ смотрителямъ было повелѣно „поступать по регламентамъ и указамъ“. Что касается таможенныхъ служителей, то они были оставлены на своихъ должностяхъ „впредь до будущаго установленія“ и даже обнадежены, что если „они

---

[1]) См. у Лодыженескаго, цит. соч., 119—122. П. С. З., XVI, 11,658.

радѣтельно въ сборѣ пошлинномъ поступать станутъ, то не только каждый изъ нихъ все то получитъ, что ему отъ откупщиковъ слѣдовало бы получить, но еще сверхъ того по мѣрѣ радѣнія и службы безъ достойнаго награжденія оставлены не будутъ"; если же, предостерегалъ указъ далѣе, кто изъ таможенныхъ служителей будетъ изобличенъ въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя происходили раньше,--„въ утайкѣ пошлинъ, вымыслахъ и пронырствахъ" и вообще окажется прикосновеннымъ къ тайному провозу товаровъ, таковой будетъ „лишенъ всего своего имѣнія"; всѣ, помогавшіе, хотя бы и немного, такому преступнику, будутъ лишены чиновъ своихъ, если состоятъ въ рангахъ, „а подлые жестоко накажутся". Тому, кто подлинно узнаетъ о „воровствѣ" пошлинныхъ денегъ или о провозѣ неявленныхъ въ таможнѣ товаровъ, указъ, въ случаѣ справедливости показанія, обѣщаетъ не только половину „изъ всего преступникова имѣнія", но еще и достойную награду сверхъ того. Въ заключеніе въ указѣ объявлено о „намѣреньи" государыни отдать всѣ таможни новой „надежной капиталистой компаніи", вслѣдствіе чего „желающіе взять въ партикулярное содержаніе" таможенные сборы приглашаются явиться въ Сенатъ „со основательными какъ для казны..., такъ и для коммерціи неотяготительными кондиціями, но не далѣе, какъ къ сентябрю будущаго 1763 года" [1]). Это послѣднее „намѣренье" однако не было исполнено. „Матеріалы, собранные коммиссіей, говоритъ г. Лодыженскій, „коей было поручено обнаружить злоупотребленія прежнихъ откупщиковъ [2]), на столько ясно показали несостоятельность откупной системы въ таможенномъ дѣлѣ, что мысль о ней была оставлена". Рѣшительное значеніе въ этомъ вопросѣ несомнѣнно имѣла записка Теплова, прекрасно выяснившая

---

[1]) П. С. З., XVI, № 11. 658.

[2]) Объ учрежденіи этой коммиссіи объявлено въ цитированномъ сейчасъ указѣ, XVI, 11, 658, пунктъ 1-й, стр. 63.

таможенныя продѣлки при откупномъ содержаніи. Тепловъ указывалъ, что откупщики „заинтересованы только въ томъ, чтобы выбратъ побольше денегъ съ каждой таможни“,—почему и пропускаютъ товары по уменьшенной пошлинѣ. Провозъ такихъ полуконтрабандныхъ товаровъ гарантировался слѣдующей плутовской организаціей: „одни купцы на круглый годъ уговариваются съ откупщиками платить валовую сумму съ каждаго воза, въ которомъ привозятся дорогіе товары объявляемые и очищаемые, какъ убогіе; другіе же за нѣсколько верстъ остановившись предъ границей пріѣзжаютъ только по ночамъ для договоровъ“; тутъ, правда, стоятъ досмотрщики, иногда простые мужики, иногда посадскіе, но ихъ обыкновенно спаиваютъ купцы нарочно привезеннымъ виномъ; это тотъ самый моментъ, когда провозятъ товары, обложенные высокою пошлиною, за малую, а то и вовсе запрещенные къ привозу. Въ результатѣ всего этого—огромный вывозъ изъ за границы издѣлій, ведущій къ порчѣ торговаго баланса и чрезъ это вредящій и внутреннему производству, и государственнымъ интересамъ. Тепловъ сомнѣвается, что можно ожидать увеличенія фискальныхъ выгодъ отъ таможеннаго откупа даже со временемъ; онъ разсуждаетъ такъ: откупъ—дѣло срочное; при приближеніи срока къ концу, откупщики, конечно, постараются пропустить возможно больше товаровъ; это имъ будетъ не трудно сдѣлать—стоитъ только брать „самую незначительную пошлину“, вслѣдствіе чего внутренній рынокъ будетъ переполненъ иностранными товарами; новый же откупщикъ, зная объ этомъ и соображая, что въ первое время явится заминка въ привозѣ, не согласится на увеличеніе прежней откупной суммы [1]). Записка Теплова была смертельнымъ приговоромъ для таможеннаго откупа. Въ 1763 году главный надзоръ надъ всѣми таможнями имперіи былъ порученъ дѣйств. тайному

[1]) Лодыженскій, цит. соч., стр. 122—123.

совѣтнику гр. Миниху (Эрнсту); въ текстѣ инструкціи, данной ему, было сказано, что Минихъ долженъ имѣть „смотрѣніе“ надъ тѣми таможнями, „кои на откупѣ компаніи оберъ-инспектора Шемякина съ товарищами состояли“; но императрица собственноручно приписала, что Миниху „надлежитъ имѣть свѣдѣнье и о Сибирскихъ и Оренбургскихъ таможенныхъ сборахъ“, „и для того изъ обоихъ тѣхъ мѣстъ истребовать обо всемъ подробное извѣстіе“; „почему должны вы, прибавила Екатерина, „и о томъ, что въ разсужденіи оныхъ къ лучшему слѣдуетъ, намъ представлять съ мнѣніемъ“. По старой инструкціи, данной еще Петромъ Великимъ коммерцъ-коллегіи, „главное смотрѣніе“ надъ всѣми портовыми и пограничными сборами принадлежало именно этому учрежденію: имѣя главное управленіе надъ таможнями, коммерцъ-коллегія была обязана „стараться и о балансѣ къ пользѣ государственной привоза и отпуска товаровъ“. Все это было оставлено и теперь вѣдѣнью коммерцъ-коллегіи, а гр. Миниху было предоставлено „единое смотрѣніе“; не смотря однако на то, что „управленіе коммерцъ-коллегіи надъ таможнями“ осталось въ прежней силѣ, Минихъ получилъ полномочіе дѣйствовать самостоятельно, лишь увѣдомляя коммерцъ-коллегію о своихъ распоряженіяхъ по таможенной части: „мы, говорила императрица въ инструкціи Миниху, „полагаясь на васъ, ввѣряя столь немалое дѣло, касающееся частью до цѣлости государства, уповаемъ, что не упустите къ тому приложить своего старанія и поступите, какъ долгъ и обязанность вѣрноподданнаго требуетъ, за что и обѣщаемъ вамъ нашу монаршую милость“ [1]). Изъ опредѣленія двухъ высшихъ начальствъ надъ таможнями не трудно видѣть, что дѣйствительное первенство въ управленіи таможенными сборами было передано единоличной власти Миниха, явившагося въ сущ-

[1]) П. С. З., XVI, 11,975—ук. 20 ноября 1763 г.

ности настоящимъ главнымъ не только смотрителемъ, но и управляющимъ всѣми таможенными сборами въ имперіи [1]).

Не смотря на возникновеніе такимъ образомъ особой главной канцеляріи гр. Миниха надъ таможенными сборами, не освобожденными и отъ опеки коммерцъ-коллегіи, эти сборы продолжали терпѣть большой подрывъ отъ контрабанды, особенно дававшей себя чувствовать на западной сухопутной границѣ. Это зависѣло въ значительной степени, какъ отъ качествъ купцовъ и таможенныхъ служителей, оставленныхъ на службѣ послѣ уничтоженія шемякинскаго откупа и оказавшихся не въ состояніи, даже при правительственныхъ угрозахъ и обѣщаніяхъ, освободиться отъ своихъ дурныхъ привычекъ, такъ и отъ состоянія таможенной охраны на самой границѣ. Вопросъ о контрабандѣ сдѣлался на столько жгучимъ, что генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій предложилъ совершенно закрыть западную границу для торговли и упразднить здѣсь всѣ таможни. Это предложеніе встрѣтило противодѣйствіе со стороны гр. Миниха, полагавшаго, что „сіе средство будетъ подобно тому человѣку, который всѣ деревья въ своемъ саду вырубить захотѣлъ для того, чтобы воры плодовъ не крали“. Главный начальникъ надъ всею таможенною частью въ Россіи пробовалъ даже ослабить мнѣніе о громадномъ развитіи контрабанды на русскихъ границахъ; но ревизія западной границы, произведенная кн. Мещерскимъ, указала на такое ея состояніе, при каковомъ развѣ лѣнивый не превратился бы въ контрабандиста или въ попустителя „тайнаго провоза товаровъ“. „Граница нигдѣ не укрѣплена“, писалъ кн. Мещерскій, „къ тому же во многихъ мѣстахъ и знаковъ нѣтъ, гдѣ оная быть долженствуетъ. Форпостъ отъ форпоста стоитъ въ дальнемъ растояніи, такъ-что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стоящимъ форпостнымъ людямъ мимо проѣзжающихъ и проходящихъ не только осмотрѣть и воспрепятство-

---

[1]) Высоч. утвержд. докладъ Миниха объ измѣненіи таможенныхъ штатовъ былъ обнародованъ 15-го января 1763 г П. С. З. XVII, 12,310.

вать не можно, но по пустотѣ лѣса и въ ближнемъ разстояніи ничего видѣть нельзя. Во многихъ мѣстахъ селенія польскія съ россійскими не довольно что въ крайней между собою близости находятся, но нѣкоторыя изъ нихъ одно село или деревню составляя раздѣляются только небольшимъ ручьемъ, чрезъ который и лѣтомъ безъ труда пѣшкомъ перейти можно“ [1]).

Вопросъ о контрабандѣ сдѣлался весьма жгучимъ и потребовалъ большого вниманія къ себѣ. Въ 1769 году этотъ вопросъ, по сенатскому указу, разсматривался въ общемъ собраніи трехъ учрежденій-коммиссіи о коммерціи, коммерцъ-коллегіи и „главной надъ таможенными сборами канцеляріи“. Здѣсь два положенія были поставлены внѣ сомнѣнія: 1) что контрабадное „воровство“ происходитъ „частью отъ хитрости купечествующихъ, частью отъ самихъ таможенныхъ служителей“, и 2), что это „воровство“, если и возможно, то лишь „убавить“, а отнюдь не „искоренить“: „искоренить никакого средства, соединеннаго съ свободою коммерціи, изобрѣсти не возможно“. Къ этимъ положеніямъ примыкаетъ и общее заключеніе, съ которымъ согласились коммиссія о коммерціи и главная надъ таможенными сборами канцелярія: не слѣдуетъ „разрушать числа“ существующихъ пограничныхъ таможенъ и заставъ, дабы „не затворить чрезъ то теченія торговли во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ“, гдѣ она ведется донынѣ; но при этомъ необходимо „по возможности“ „отвратить“ „злоупотребленія и торговцевъ, и таможенныхъ служителей“; къ этому „отвращенію“ можетъ вести „исправленіе въ нѣкоторыхъ артикулахъ тарифа“—„съ одной стороны“ и—„самихъ таможенъ и заставъ“—съ другой, а также „употребленіе“ по отношенію къ купцамъ и служителямъ „нужной строгости“. Коммерцъ-коллегія съ этимъ „разсужденіемъ“ не согласилась

[1]) Лодыженскій, цит. соч., 124—126.

на томъ основаніи, что при семъ не было соблюдено одного условія, указаннаго Сенатомъ. Сенатъ повелѣлъ: означеннымъ „тремъ мѣстамъ собравшись", участвовать въ разборѣ дѣла о контрабандѣ не однимъ чиновникамъ этихъ мѣстъ, но и купцамъ, „кои къ сочиненію тарифа опредѣлены были"; коммерцъ-коллегія упомянула, что таковые купцы „и нынѣ здѣсь, въ С.-Петербургѣ, находятся"; въ силу этого, по ея мнѣнію, ихъ „надлежитъ" „призвать и спросить: 1) какими способами входятъ въ государство утаенные отъ пошлинъ товары и 2) какими средствами оные, если не вовсе прекратить, то, по крайней мѣрѣ, убавить возможно"? Коммиссія о коммерціи и главная надъ таможенными сборами канцелярія выслушали это и остались при своемъ мнѣніи. Оба эти учрежденія помнятъ, что Сенатъ повелѣлъ „сіе дѣло разобрать въ подробности съ призваніемъ купцовъ тѣхъ, кои при сочиненіи тарифа были и кои нынѣ въ Петербургѣ"; но они полагаютъ, что этимъ купцамъ нечего было бы дѣлать при обсужденіи общаго „политическаго" вопроса о пользѣ и распространеніи коммерціи во всемъ государствѣ, при томъ такомъ распространеніи, чтобы оно было чуждо какой-либо исключительности, чтобы одна часть торговли не была „утѣснена по пространству государства другой": въ этомъ собственно и заключалось „сіе дѣло", ибо другое „дѣло" „о положеніи или перемѣнѣ пошлины на тѣ товары, кои по большей части въ контрабандѣ усматриваются", еще не поступило для обсужденія въ названномъ соединенномъ собраніи; къ тому же, указывали далѣе эти два учрежденія, „и купцы, которые нынѣ на лицо, суть только торгующіе къ порту с.-петербургскому"; они еще „прежде сего" объявили свое желаніе въ коммиссіи о коммерціи, при чемъ обнаружилось, что они „наблюдаютъ только собственную ихъ пользу, яко торгующихъ къ сему порту, а не пользу и распространеніе коммерціи во всемъ государствѣ". Таковы мотивы, почему коммиссія о коммерціи и канцелярія надъ таможенными сборами не прибѣгали къ помощи купцовъ и

почему они считаютъ „вышеприписанное“ ихъ „мнѣніе за основательное и ближайшее къ уменьшенію контрабанды безъ всякаго утѣсненія государственной коммерціи, а при томъ и не отваживающееся уменьшить настоящіе нынѣ таможенные сборы“ [1]).

Перемѣна въ таможенныхъ артикулахъ, которая глухо рекомендовалась въ изложенномъ „мнѣніи“, это—пониженіе пошлинъ на товары, преимущественно попадавшіе въ контрабанду; на предложеніи такого рода особенно настаивалъ Тепловъ, указывая, что таможенный уставъ необходимо пересматривать чрезъ 2 года, а не чрезъ 5 лѣтъ (срокъ, установленный въ указѣ 12 августа 1766 года),—дабы можно было уменьшать контрабанду при помощи уменьшенія пошлинъ на „контрабандные“ товары [2]).

Всѣ эти „разсужденія“ и совѣты однако не поправляли дѣла, и въ 1774-мъ году мы, какъ это видно изъ 1-ой главы второго очерка, снова встрѣчаемся съ горькими жалобами на сильно развитую въ Россіи контрабанду. Б. Фридериксъ, кн. Вяземскій, кн. Щербатовъ признаютъ грандіозность этого зла нашей внѣшней торговли и пограничной таможни; одинъ лишь гр. Минихъ, продолжающій быть главнымъ управляющимъ всѣми таможенными сборами, попрежнему не убѣжденъ въ значительной контрабандѣ и старается представить ее въ болѣе слабомъ видѣ и не столь опасной для торговаго баланса Россіи, чѣмъ это казалось другимъ наблюдателямъ... Между тѣмъ правительство, выслушавъ въ 1774 году отъ своихъ совѣтниковъ представленныя, по поводу разсмотрѣнія вопроса о векс. курсѣ, ихъ мнѣнія о внѣшней русской торговлѣ, продолжало усиливать „смотрѣніе“ за таможнями. Такъ въ 1780

---

[1]) Арх. д—та т. сбор., д. к. о ком., № 439, связка 26; по катал. Кайданова № 35. Все, сообщенное въ текстѣ, записано въ протоколѣ отъ 17-го ноября.

[2]) Лодыженск., цит. соч., стр. 127.

году (29-го апрѣля) былъ данъ именной указъ совѣтнику с.-петербургской казенной палаты, коллежскому совѣтнику Далю, указъ, которымъ предписывалось ему „тотчасъ“ же („прежде нежели помянутая палата въ дѣйствіе свое вступитъ“) „принять въ вѣдѣнье таможни Петербургской губерніи и учинить потребныя распоряженія“. „Мы“, говорила императрица, „совершенно удостовѣрены, что вы не упустите приложить всемѣрныя старанія ваши о распространеніи дохода казеннаго со всевозожнымъ наблюденіемъ выгоды для позволенной торговли, о сохраненіи добраго порядка и о пресѣченіи всякихъ злоупотребленій, паче же потаеннаго провоза товаровъ и недозволеннаго торга“. Во всѣхъ „распоряженіяхъ“ Далю было указано руководствоваться изданными узаконеніями, „покуда“ таможенная часть не получила новыхъ „учрежденій“. Здѣсь же Далю было сообщено, что въ дѣлахъ о „запрещенномъ торгѣ не въ рядахъ, не въ лавкахъ, но скрытно“, по домамъ, о торговлѣ иностранцевъ, не имѣющихъ на нее „ни малѣйшаго права“, о „привозѣ прямо въ домы и продажѣ неявленныхъ товаровъ“,—ему, коллежскому совѣтнику, будетъ помогать петербургскій магистратъ „чрезъ посредство старостъ, для того учреждаемыхъ, и другими благопристройными способами“. На обязанность Даля было также возложено разсматривать, въ какихъ „именно мѣстахъ приморскихъ, въ отвращеніе потаеннаго привоза, нужно взять нѣкоторыя осторожности, и въ чемъ“ должны заключаться эти „осторожности“ [1]). Въ 1782 году (ук. 26 мая), взамѣнъ упраздняемыхъ таможенъ и заставъ, по пріобрѣтеніи Бѣлоруссіи, было повелѣно устроить таможни на границѣ имперіи „въ мѣстахъ приличныхъ и къ предостереженію ввоза и вывоза товаровъ удобнѣйшихъ“ [2]).

---

[1]) П. С. З. XX, № 15,010.
[2]) Ibid., XXI, № 15.407.

Заботясь такъ о предотвращеніи контрабанды во внѣшней торговлѣ, правительство въ томъ же, 1782 году, было принуждено сознаться, что всѣ его мѣры нисколько не достигали цѣли. Именной, данный Сенату, указъ 27-го сентября, въ октябрѣ объявленный „во всенародное извѣстіе“, вполнѣ опредѣленно высказался въ этомъ именно смыслѣ; здѣсь мы читаемъ: „употребленныя до сего времени средства къ уменьшенію потаеннаго провоза товаровъ чрезъ границы наши и къ удобнѣйшему открытію таковыхъ покушеній не были къ тому достаточны; большая же часть оныхъ обращалася единственно въ напрасный казнѣ убытокъ и въ тягость людей, на стражу посылаемыхъ—престарѣлыхъ и увѣчныхъ изъ гарнизоновъ“.... Вотъ, вмѣсто этихъ „престарѣлыхъ и увѣчныхъ“ инвалидовъ, естественно оказавшихся не въ силахъ „пресѣчь“ контрабанду, правительство и рѣшило учредить иную пограничную стражу, что и было приказано исполнить сейчасъ цитируемымъ указомъ. Пограничная таможенная стража учреждалась въ каждой пограничной губерніи и должна была состоять изъ служителей двоякого рода—таможенныхъ объѣздчиковъ и надзирателей. Выборъ лицъ въ эту стражу былъ обставленъ большими предосторожностями: объѣздчики и надзиратели принимались на службу не иначе, какъ „съ надлежащими свидѣтельствами отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они службу отправляли или жительство имѣли, о ихъ добромъ поведеніи“, а объѣздчики, кромѣ того, „и съ поручительствомъ надежнымъ“. На каждыя десять верстъ по границѣ было опредѣлено по 2 объѣздчика и на каждые 50 верстъ „для наблюденія надъ таможенными объѣздчиками одинъ таможенный пограничный надзиратель“; этотъ послѣдній постоянно долженъ имѣть при себѣ двухъ объѣздчиковъ изъ особаго отряда, составляющаго 5-ю часть всѣхъ объѣздчиковъ, число коихъ установляется отношеніемъ ихъ къ числу верстъ. Для болѣе успѣшнаго наблюденія на границѣ, объѣздчики и надзиратели были обязаны и жить на ней въ устроенныхъ на казенный счетъ „жилищахъ“, при чемъ

размѣщеніе ихъ на границѣ „при дорогахъ, удобнѣйшихъ“ для провоза товаровъ было обусловлено тѣмъ же вышеотмѣченнымъ отношеніемъ. Въ указѣ даны и общія указанія, какъ надо наблюдать на границѣ, дабы успѣшнѣе ловить контрабандистовъ: таможенные объѣздчики обязаны не только „пребывать“ въ назначенныхъ имъ для жительства мѣстахъ, но и объѣзжать все, „имъ порученное разстояніе“, „дабы кромѣ учрежденныхъ дорогъ чрезъ таможни никакихъ товаровъ изъ — за границы въ здѣшнюю сторону и изъ здѣшней стороны за границу провозимо не было“; точно также и надзирателямъ предстояло не сидѣть на мѣстѣ, а „безперерывно“ „объѣзжать“ имъ отведенныя разстоянія; если таможенный объѣздчикъ усмотритъ кого-либо, мимо „учрежденныхъ дорогъ“, пробирающагося чрезъ границу, то ему предписывалось такового „имать“; „а буде не въ силахъ будетъ, по крайней мѣрѣ не выпустить изъ вида, и дать знать ближнему селенію или жительству, требуя, да подадутъ руку помощи“ и пр. Всѣмъ жителямъ и властямъ вмѣнялось въ обязанность такъ или иначе содѣйствовать борьбѣ съ контрабандой, противъ которой особая предосторжность указана въ тѣхъ пограничныхъ мѣстахъ, „гдѣ обывательскія земли лежатъ частію въ Россійской, частію же въ чужой сосѣдней державѣ“. Что касается самого „совѣтника таможенныхъ дѣлъ“, то онъ обязанъ 1) „по крайней мѣрѣ трижды въ годъ объѣзжать... пограничную таможенную стражу и смотрѣть, все ли предписанное исполняется съ должнымъ порядкомъ и точностью, 2) посѣщать таможню часто, поколику возможно, надзирая надъ досмотромъ и отправленіемъ товаровъ и разсматривая поведеніе всѣхъ таможенныхъ служителей, 3) поправлять всѣ недостатки и неумышленныя ошибки; о непорядкахъ же и преступленіяхъ по должности представлять тотчасъ Казенной Палатѣ“. Эта послѣдняя сейчасъ же сообщаетъ о виновныхъ, „кому слѣдуетъ по учрежденіямъ“, а тѣ судятъ и наказываютъ ихъ „безъ

послабленія“ [1]). Это законоположеніе о бдительной таможенной охранѣ, при помощи новой и усиленной таможенной стражи, было вызвано несомнѣнно тѣми авторитетными указаніями на быстро прогрессирующую контрабанду, которыя дѣлались правительству изъ коммиссіи о коммерціи въ 70-хъ годахъ. Эти указанія продолжались и въ 80-хъ годахъ. Какъ извѣстно, въ 1784 году коммиссія о коммерціи заявила, что единственное средство противъ контрабанды-усиленіе таможеннаго надзора, послѣдствіемъ чего, равно какъ и представленій дѣйствительнаго статскаго совѣтника Даля, были распоряженія все того же боевого характера. 11-го декабря 1784 года рижскому и ревельскому генералъ-губернатору графу Броуну было повелѣно организовать таможенную стражу въ управляемыхъ имъ губерніяхъ [2]), а въ 1785 году (12 апрѣля) были отданы два приказа: одинъ-объ устроеніи таможенной стражи въ Выборгской губерніи и другой-о подобномъ же устроеніи въ С.-Петербургской губерніи [3]). По присоединеніи новыхъ областей къ имперіи, подобныя же узаконенія были сдѣланы и по отношенію къ нимъ. Такъ въ 1795 году именной указъ 2-го мая, поручая генералъ-поручику барону фонъ-деръ Палену управленіе княжествами Курляндскимъ и Семигальскимъ, между прочими подлежащими вѣдѣнью этого лица дѣлами, поставилъ и устроеніе таможенъ въ портахъ либавскомъ и виндавскомъ съ принятіемъ „потребныхъ мѣръ относительно таможенной

---

[1]) П. С. З. XXI, № 15,522.

[2]) П. С. З. XXII, 16,105; штатъ для этой стражи былъ утвержденъ въ слѣдующемъ, 1785 г. (10 апрѣля) XXII, 16,179; и въ томъ же году (12 ноября) ежегодные расходы на ревельскую портовую таможню, сверхъ положенныхъ по штату 1000 рублей, были увеличены на 600 рублей; П. С. З., XXII, 16,287.

[3]) Именно указы генералъ-поручику правящему должность финляндскаго генералъ-губернатора—принцу Виртембергъ—Штутгардскому и петербургскому губернатору П. С. З., XXII, 16,181 и 16,182.

стражи и цѣпи по берегу“ [1]); въ томъ же году, 14-го декабря, императрица указала Сенату учредить таможенную стражу по границѣ Литовской губерніи и проч.... [2])

Не смотря однако на всѣ эти „стражи и цѣпи“, вопросъ о контрабандѣ, особенно на западной сухопутной границѣ, не переставалъ быть вопросомъ и принудилъ, наконецъ, правительство не только поставить другой вопросъ, именно—о закрытіи западной сухопутной границы для негромоздкихъ товаровъ, но и склониться къ тому самому рѣшенію этого послѣдняго вопроса, которое много раньше предлагалось кн. Мещерскимъ и которое въ 1788 г., слѣдуя купеческому мнѣнію, рекомендовала правительству коммиссія о коммерціи. Едва ли мы ошибемся, если въ связь съ этимъ послѣднимъ представленіемъ поставимъ именной указъ 26 іюня того же, 1788 года, указъ, коимъ повелѣвалось запретить всѣмъ и каждому ввозъ въ Россію сухимъ путемъ чрезъ таможни на западной границѣ „всякаго рода иностранныхъ, шелковыхъ, шерстяныхъ, бумажныхъ и прочихъ товаровъ, такожъ напитковъ и вещей“; правда это запрещеніе не распространялось на нѣкоторые товары, перечисленные въ указѣ: „косы сѣнокосныя, венгерскія и волосскія вина, сушеные плоды“, товары, необходимые для черноморскаго флота и дѣйствующей противъ турокъ русской арміи, „однако не иначе, какъ по требованью и письменному свидѣтельству главнокомандующаго“ и только на время войны [3]). Какъ видно, издавая этотъ указъ, имѣли въ виду прекращеніе ввоза наиболѣе цѣнныхъ и наименѣе громоздкихъ товаровъ, которые преимущественно и дѣлались предметомъ контрабанды. Но достигла ли цѣли и эта радикальная мѣра, убавила ли она контрабандный промыселъ на западной границѣ хотя отчасти, „сколько возможно“? Судя по тому, что къ кон-

---

[1]) П. С. З. XXII, № 17,342.
[2]) Ibid., № 17,419.
[3]) П. С. З., XXIII, № 16,781.

цу царствованія Екатерины жалобы на контрабанду не только не уменьшились, но увеличились, и это было скрѣплено авторитетнымъ подтвержденіемъ юсуповской коммиссіи,—на данный вопросъ, даже въ его смягченномъ видѣ, слѣдуетъ отвѣтить отрицательно. Контрабанда вредила торговому балансу Россіи и значительно уменьшала фискальную выгоду отъ внѣшней торговли; но торговый балансъ и фискальная выгода подрывались не одной контрабандой, т. е. не однимъ „потаеннымъ провозомъ товаровъ“ мимо таможенъ; главное зло пряталось не „по дорогамъ и тропинкамъ“, гдѣ были растянуты таможенныя цѣпи, а въ самыхъ таможняхъ, гдѣ „объявлялись“ и регистрировались товары, съ тѣмъ, чтобы потомъ, по оплатѣ пошлиннымъ сборомъ, явно, а не „потаенно“ двигаться по дорогамъ... Въ чемъ заключалось это зло, пріютившееся въ русскихъ пограничныхъ таможняхъ, это мы узнаемъ изъ одного дѣла коммерцъ-коллегіи, возникшаго въ 1795 году, по иниціативѣ ея президента, каковымъ тогда былъ знаменитый пѣвецъ Фелицы Г. Р. Державинъ. Поэтъ оказался очень внимательнымъ коммерцъ-коллежскимъ президентомъ. Разсматривая балансовую „вѣдомость“ за 1794 годъ и сравнивая ее съ такою же „вѣдомостью“ за 1793 годъ, Державинъ былъ пораженъ слѣдующимъ, подмѣченнымъ имъ, противорѣчіемъ въ показаніяхъ этихъ вѣдомостей. За 1794 годъ балансъ нашей внѣшней торговли былъ показанъ ниже баланса предшествующаго года на 6.417. 752 р. 18 коп; это значило, что ввозъ иностранныхъ товаровъ сильно увеличился въ 1794 году. Отъ увеличившагося ввоза, оплачиваемаго тогда гораздо болѣе высокою пошлиною, можно было бы ожидать и соотвѣтствующаго увеличенія таможенныхъ сборовъ сравнительно со сборами за 1793 годъ; но однако этого не случилось: вѣдомость показывала увеличеніе совсѣмъ несоотвѣтствующее: всего на 277, 035 р. 31 к. противъ 1793 года, когда ввозъ иностранныхъ товаровъ былъ на много меньше, чѣмъ въ 1794 году. Это противорѣчіе Державинъ отмѣтилъ, какъ весьма странное и непонятное для него. Сверхъ того, онъ недоумѣвалъ о

причинахъ неожиданнаго упадка баланса русской торговли. На обязанности того учрежденія, во главѣ котораго Державинъ стоялъ, лежало, по его мнѣнію, выясненіе затронутыхъ имъ вопросовъ; предложеніе такого рода коммерцъ-коллегія и получила отъ своего президента: разсмотрѣть, какъ причины означеннаго упадка, такъ въ особенности вопросъ, почему явилось малое увеличеніе пошлинныхъ сборовъ при сильномъ пониженіи баланса русской торговли въ 1794 году. „Благоволила бы коллегія приказать", говорилъ Державинъ въ своемъ предложеніи, „изъ собранныхъ въ коллегію въ 1794 году вѣдомостей сдѣлать извлеченіе съ показаніемъ причинъ, дѣйствовавшихъ на упадокъ баланса, и отъ чего точно столь малой приборъ пошлинъ оказался". Эта работа была поручена одному изъ членовъ коммерцъ-коллегіи, надворному совѣтнику Ильинскому, который, удовлетворивъ любознательности своего президента [1]), сверхъ того, далъ оригинальную характеристику балансовыхъ вѣдомостей. Надворный совѣтникъ взглянулъ въ самый корень вещей и нашелъ, что балансовыя вѣдомости не свидѣтельствуютъ объ истинномъ балансѣ торговли; а слѣдовательно и пошлинный доходъ онѣ могутъ показывать лишь такой, каковой соотвѣтствуетъ не истинному, а фиктивному состоянію русской торговли съ иностранными государствами. Дѣло въ томъ, что въ основѣ балансовыхъ вѣдомостей, по мнѣнію Ильинскаго, лежитъ крупное таможенное злоупотребленіе: по тщательному изслѣдованію вопроса, нашъ авторъ убѣдился, что привозные товары оцѣниваются въ таможняхъ гораздо ниже ихъ стоимости, въ томъ числѣ и тѣ, съ коихъ пошлина берется съ цѣны; въ добавокъ цѣны товаровъ объявляются „столь разнообразныя, что при сличеніи и соображеніи цѣнъ", обозначенныхъ „въ одной таможнѣ" „довольно много несходства усматривается" „съ по-

[1]) См. мою статью: Русскія балансовыя вѣдомости XVIII в., какъ историко-статистич. источникъ, 1900 г., Казань, 3—6.

казанною цѣною товаровъ того же рода въ другой таможнѣ". Констатированное злоупотребленіе было, видимо, укоренившимся, и такимъ образомъ „балансовыя вѣдомости" выражали скорѣе эти и другія продѣлки купцовъ и таможенныхъ чиновниковъ, чѣмъ движеніе заграничной торговли нашего отечества. Вслѣдствіе объявленія и зарегистрированья самыхъ низкихъ и разнообразныхъ за одни и тѣ же товары цѣнъ, Ильинскій и отнесся къ балансовымъ вѣдомостямъ съ великимъ скептицизмомъ: „отъ сего самаго", говоритъ этотъ авторъ, слывшій въ своемъ кругу за весьма дѣльнаго и свѣдующаго въ подобныхъ „вопросахъ" человѣка, „и не можно никогда вѣрнаго имѣть свѣдѣнья о торговомъ балансѣ, на которую сторону перевѣсъ онаго бываетъ, ибо хотя изъ таможенныхъ вѣдомостей и видно, что будто перевѣсъ былъ въ 1793 году въ пользу Россіи: но если всѣмъ иностраннымъ товарамъ дать истинную цѣну, то не говоря о прочихъ бываемыхъ въ торговлѣ злоупотребленіяхъ, кои всегда умножаютъ балансъ иностранной стороны, выйдетъ то, что балансъ иностранный врядъ ли предъ нашимъ не преимуществуетъ". Яснымъ доказательствомъ того, что, не смотря на показанія балансовыхъ вѣдомостей, балансъ торговли на самомъ дѣлѣ склоняется не въ пользу „Россійской стороны", служитъ, по мнѣнію Ильинскаго, вексельный курсъ, „ибо оной и до днесь въ худомъ положеніи, коль же бы скоро былъ перевѣсъ баланса на сторонѣ нашей, то бы неминуемо должно было оному возвыситься" [1]). Понятно, для чего объявлялась самая низ-

[1]) Новѣйшій историкъ-соціологъ М. М. Ковалевскій въ своемъ сочин. о «происхожденіи современной демократіи» отмѣчаетъ, что вексельный курсъ— «лучшій указатель дѣйствительнаго положенія торговаго обмѣна», I, 510, изд. 2-е.

кая цѣна на представляемые въ таможняхъ товары: чтобы заплатить возможно меньшую пошлину съ цѣны товаровъ. Иностранные купцы „обьявляли“, русскіе таможенные чиновники соглашались съ низкой оцѣнкой товаровъ ихъ владѣльцами, казенный же интересъ былъ, какъ тогда говорили, „въ похищеніи“: „отъ низкаго объявленія цѣны тѣмъ товарамъ“, говоритъ Ильинскій, „съ коихъ пошлина берется съ цѣны, пошлиному доходу наносится великій ущербъ“ [1]). Такимъ образомъ мы видимъ, что „надзоръ надъ досмотромъ“ не достигалъ цѣли, ибо таможенный „досмотръ“ былъ организованъ не такъ, чтобы не дать большой возможности чиновникамъ чинить по нему злоупотребленія; поэтому, въ концѣ концовъ, должно быть ясно, что „таможня“, не смотря на старательное попеченіе о ней, не могла удовлетворительно сыграть въ нашей внѣшней торговлѣ изучаемаго времени той роли, которую назначила для этого учрежденія Екатерина [2]).

III.

Порядокъ дальнѣйшаго изложенія. Обзоръ постановленій относительно казенныхъ и частныхъ монополій. Отношеніе правительства къ откупамъ. Регламентація торговли «казенными» товарами и переводъ ихъ въ «вольную» торговлю.

Теперь мы сдѣлаемъ попытку изучить все то существенное, что можетъ характеризовать болѣе или менѣе всесторонне

---

[1]) Арх. д-та там. сбор., № дѣла 490, № связки 25; см. вышеупомянутую мою статью о «балансовыхъ вѣдом.,» изъ коей въ текстѣ и сдѣланы существенныя извлеченія.

[2]) Это, намъ кажется, слѣдуетъ сказать на основаніи вышеизложеннаго, несмотря на то, что императрица, узнавъ, что при казенномъ управленіи «таможня» собираетъ на $^1/_2$ мил. болѣе, чѣмъ при откупномъ содержаніи, и повелѣла сказать Сенату, «что пока таможня болѣе откупной суммы собираетъ, нѣтъ причины Сенату пенять таможнѣ». (Сб. И. С. И. О., 27 т. стр. 175). Приходилось мириться и на этомъ.

внѣшнюю торговую политику Екатерины II-ой. При этомъ порядокъ изложенія будетъ слѣдующій: сначала мы вниманію читателя предложимъ постановленія, касающіяся до казенныхъ и частныхъ монополій, затѣмъ отмѣтимъ важнѣйшія особенности екатерининскихъ тарифовъ и, наконецъ, представимъ обзоры: 1) наиболѣе выдающихся мѣропріятій относительно внѣшней торговли отдѣльными товарами, 2) распоряженій и предпріятій, имѣвшихъ цѣлью развить внѣшнюю торговлю на отдѣльныхъ путяхъ и 3) торговыхъ трактатовъ съ разными государствами.

Теоретическіе взгляды Екатерины II на откупа и монополіи нашли себѣ практическое примѣненіе уже въ самомъ началѣ ея царствованія,-въ именномъ указѣ 31-го іюля 1762 года. Главныя статьи этого указа однако не явились новостью: онѣ уже стояли въ указѣ Петра III отъ 28-го марта того же года, [1])—въ замѣчательномъ актѣ, который Екатерина сама разсматривала въ Сенатѣ и который лучше всего показываетъ, на сколько отрицательное отношеніе къ разнаго рода стѣсненіямъ въ торговлѣ сдѣлалось достояніемъ не одной либеральной императрицы, но и вообще правительственныхъ сферъ того времени. Здѣсь достаточно констатировать, что въ означенномъ указѣ Петра III торговыя компаніи были объявлены убѣжищемъ только банкротовъ, старавшихся „къ своему обогащенію имя компаніи выпросить“, дабы торгъ захватить „въ свои однѣ руки и въ разореніи многихъ своего спасенія искать“. Найдя, согласно съ упомянутымъ указомъ своего супруга, „многія неудобства, клонящіяся ко вреду и тягости общенародной“, Екатерина подписала длинный рядъ „освободительныхъ“ по-

[1]) П. С. З. XV, 11,489. Въ началѣ этого указа высказывается сожалѣніе, что «далеко доведенною съ нѣсколькихъ лѣтъ роскошью много потеряно изъ баланса въ коммерціи, какъ то великій упадокъ вексельнаго курса больше всего доказываетъ». Но «коммерція» должна быть «не сокращена, а такъ благоразумно и разсмотрительно распоряжена, что всѣ и каждый по мѣрѣ и состоянію своему въ оной соучавствуютъ».

становленій о торговлѣ [1]). Такъ была уничтожена монополія казны на ревень, а казенный запасъ „годнаго ревеня“ было разрѣшено продавать въ частныя,—отечественныя и иностранныя руки по 60-ти рублей за пудъ, съ дозволеніемъ отпускать ревень за море съ половинною противъ тарифа пошлиною; но при этомъ было также велѣно „вольную торговлю удержать“ до той поры, пока не распроданъ ревень изъ казны, „дабы столь знатный казенный капиталъ пропасть не могъ“. „Китайскій караванъ, который предъ симъ, по силѣ заключеннаго въ 1728 году трактата, чрезъ каждыя три лѣта отправляемъ изъ казны“, тоже былъ отданъ „въ вольную торговлю“, при чемъ въ этотъ вольный китайскій торгъ теперь поступила мягкая рухлядь, бывшая раньше заповѣднымъ, казеннымъ товаромъ и по указамъ 1731, 1734, 1739 и 1752 гг. состоявшая подъ запрещеніемъ,—а именно: камчатскіе бобры, рыси, бѣлки нерчинскія и якутцкія, черныя, бурыя и проч. лисицы, соболи камчатскіе и якуцкіе. Но за то монополія казны на поташъ и смольчугъ была оставлена на прежнемъ основаніи: „до будущаго обо всей коммерціи генеральнаго разсмотрѣнія и указа“ „въ вольную торговлю не отдавать“. Точно также и въ области частнаго торга сдѣлано было ограниченіе „вольности“ въ пользу отечественнаго производства: было запрещено выпускать изъ Россіи куда бы то ни было и „ни съ какою пошлиною“ льняную пряжу „до дальнѣйшаго впредь установленія“,—„не токмо для сбереженія и сохраненія здѣшнихъ фабрикъ, но особливо къ умноженію дѣланія въ Россіи полотенъ, какъ для отпуска за море, такъ и для внутренняго удо-

[1]) Прусскій посланникъ Гольцъ еще 10 (21) іюля сообщилъ Фдридриху II, что «три указа, изданные предшественникомъ (Петромъ III), важнѣйшіе изъ тѣхъ, которые онъ обнародовалъ, утверждены Екатериной: первый касается духовенства, второй о вольности дворянской,—третій представляетъ купцамъ различныя льготы и вольности. Русск. арх. 1901 г., № 1, стр. 13.

вольствія". Вообще слѣдуетъ сказать, что Екатерина довольно осторожно реализировала идею о вольной торговлѣ и въ иныхъ случаяхъ не поступалась ради этой идеи интересами казны и туземной промышленности. Даже въ области частныхъ монополій, къ которымъ Екатерина отнеслась гораздо радикальнѣе, чѣмъ къ казеннымъ, соблюдалась извѣстная постепенность въ проведеніи въ жизнь идеи объ экономической свободѣ. Такъ сальный промыселъ на Бѣломъ морѣ, бывшій въ „содержаніи" у гр. П. И. Шувалова, былъ оставленъ на прежнихъ основаніяхъ до истеченія того срока, на который упомянутый промыселъ былъ отданъ этому вельможному промышленнику (т. е. до 1768 года); однако всѣ „запрещенія" („на какіе-либо товары"), сдѣланныя ради выгодъ означеннаго сальнаго промысла, было приказано „уничтожить безъ всякаго изъятія". Напротивъ, правительство не дождалось истеченія срока на тюленевый откупъ того же Шувалова (тоже въ 1768 г.) на Каспійскомъ морѣ, и этотъ откупъ былъ уничтоженъ цитируемымъ указомъ 1762 года, будучи отданъ въ „вольную торговлю" астраханскаго купечества. Точно также до срока былъ этимъ же указомъ уничтоженъ откупъ коломенскаго купца Сидора Попова на астраханскіе, саратовскіе, царицынскіе и черноярскіе рыбные промыслы и на астрханскій клеевой и вязичный сборы, при чемъ это уничтоженіе мотивировалось тѣмъ, что Сидоръ Поповъ съ товарищами, вопреки контракту, продавалъ клей по цѣнѣ, поднятой противъ прежняго слишкомъ въ три раза; промыслы и сборы, отнятые за нарушеніе контракта у Попова и К—о, тоже поступили въ откупъ, т. е. было велѣно платить назначенные на нихъ (промыслы и сборы) оклады, только на этотъ разъ не компаніи, а всему астраханскому купечеству, такъ горько жаловавшемуся на „обиды и притѣсненія" компанѣйщиковъ; въ указѣ даже подчеркнуто это новое постановленіе объ астраханскомъ рыбномъ и клеевомъ откупѣ: слѣдуетъ, де, при отдачѣ астраханскихъ промысловъ, „обязательство учинить", дабы они „таможен-

нымъ магистратомъ“ „не были отдаваемы“ „въ одни руки“ даже ради „возвышенія цѣнъ“; предписывалось также, чтобы торговцы рыбными товарами и клеемъ не возвышали на нихъ, особенно на клей, цѣнъ, какъ на внутреннемъ рынкѣ, такъ и для экспорта.

Такъ за откупную сумму была установлена въ Астрахани „вольная“ торговля вмѣсто прежней „компанейской“ монополіи. Подобнымъ же образомъ было велѣно уничтожить рыбные откупа-монополіи повсюду въ государствѣ и отдать соотвѣтствующіе имъ промыслы въ вольную эксплуатацію изъ платежа лишь оброчныхъ денегъ по среднимъ окладамъ; рыбныя ловли на Ильменѣ и Ладожскомъ озерѣ были объявлены „вольными“ со сложеніемъ съ нихъ откупной суммы „къ удовольствію здѣшняго города“ (Петербурга). Но, ясно выразивъ нерасположеніе къ исключительнымъ привилегіямъ въ рыбной и клеевой области промышленности и торговли, правительство сдѣлало исключеніе ради промысловъ Яицкаго войска, которые были оставлены по прежнему только за этимъ войскомъ ради его „службы съ тѣхъ промысловъ“. Правительство не обратило вниманія и на то, что смоляной торгъ лишь съ 1760-го года отданъ на 20-ть лѣтъ за 8,396 рублей ежегоднаго взноса въ казну—генералъ-аншефу Нарышкину: этотъ откупъ уничтожался все тѣмъ же указомъ и поступалъ „въ вольную торговлю,—а откупная сумма присоединялась къ таможеннымъ сборамъ со смолы при отпускѣ этого товара за границу, „дабы оные ежегодно въ казну доходили“. До срока же и на тѣхъ же основаніяхъ былъ уничтоженъ, съ обращеніемъ въ вольную торговлю, и табачный откупъ, „который напослѣдокъ съ 1759 года изъ платежа откупной суммы по 70.000 руб. въ годъ“ былъ „отданъ на 20 лѣтъ покойному... гр. Шувалову и его наслѣдникамъ“; откупъ уничтоженъ для того, „чтобы не одинъ, но все общество тѣмъ торгомъ пользовалось“; а чтобы казна не лишалась ежегоднаго дохода въ 70,000 руб., было приказано, „вмѣсто собираемой нынѣ съ

табаку 5-ти копеечной пошлины, брать при отпускѣ за море и за границы съ каждаго пуда по 20 к., считая на Россійскія деньги, а не на ефимки". Ввозъ въ Россію всякихъ сортовъ шелка, дозволенный въ 1759 году одному оберъ-инспектору Шемякину, теперь былъ разрѣшенъ всему купечеству. Компаніи, учрежденныя для торговли „отъ Астраханскаго порта въ Персію, Хиву и Бухарію" и „отъ Темерниковскаго порта въ Константинополь, Италію, Венецію и другія тамошнія мѣста" были лишены, раньше даннаго имъ монопольнаго права, и торговля въ указанныхъ направленіяхъ была объявлена доступной для всѣхъ желающихъ. Словомъ, какъ достаточно ясно изъ приведенныхъ постановленій, указъ 31-го іюля, при всей его въ нѣкоторыхъ случаяхъ осторожности, открывалъ, можно сказать, новую эру въ нашей торговой политикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, правительство, будучи въ общемъ либерально настроено, не остановилось даже предъ нуждами войска, ради которыхъ указами 1742 и 1762 гг. были запрещены къ вывозу „узкій холстъ и хрящъ": 31-го іюля отпускъ и этого товара былъ дозволенъ „всѣмъ невозбранно", разумѣется, „съ платежемъ положенной пошлины", какъ отпускъ и всѣхъ другихъ отданныхъ „въ вольную торговлю" товаровъ [1]). Идея экономической свободы отразилась и на постановленіяхъ относительно фабричнаго производства;[2]) но особенно рельефно реализировалась эта идея въ отмѣченныхъ мѣрахъ, упразднившихъ частныя монополіи, въ которыхъ, какъ бы, олицетворялась русская торговля до знаменитаго указа 31-го іюля. Не даромъ Екатерина въ своей запискѣ о финансовомъ положеніи Россіи замѣтила, что до нея „почти всѣ отрасли торговли были отданы частнымъ

[1]) П. С. З. XVI, № 11,630; ср. Чулковъ: Историч. опис., т. II, стр. 216 и 217; Крестининъ: Кратк. ист. о гор. Арх., 24—26; С. М. Соловьевъ: Истор. Россіи, т. XXV, стр. 143.

[2]) П. С. З. XVI, № 11,630, стр. 35.

людямъ въ монополію [1])". Впрочемъ, отнесясь отрицательно къ частнымъ монополіямъ, правительство Екатерины довольно терпимо отнеслось къ откупамъ, какъ бы слѣдуя незадолго предъ тѣмъ высказанному мнѣнію, что, де, не откупа, а привилегіи несовмѣстимы съ природой коммерціи [2])". Мы видѣли, что либеральнымъ указомъ 31-го іюля были уничтожены (не считая промысловъ яицкаго войска) привилегіи (монополіи тожъ), но не откупа, которые по нѣкоторымъ доходнымъ статьямъ промышленности и торговли лишь передавались отъ компанейщиковъ всему мѣстному купечеству; а сальный промыселъ на Бѣломъ морѣ пока оставлялся на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, на какихъ онъ былъ отданъ на откупъ одному лицу. Да и вообще откупное содержаніе правительствомъ Екатерины было поставлено во главу финансоваго хозяйства не на словахъ, а на дѣлѣ: извѣстно, что въ царствованіе этой либеральной монархини восторжествовалъ винный откупъ; [3]) если же не укрѣпился, какъ мы видѣли, таможенный, то лишь потому, что Шемякинъ не оправдалъ возложеннаго на него довѣрія, а Тепловъ доказалъ, что не оправдаютъ его и другіе, вслѣдствіе самыхъ условій, въ какія неизбѣжно долженъ быть поставленъ таможенный откупъ. Отсюда неудивительно, что обширный лѣсной торгъ въ Архангельской губерніи былъ оставленъ на откупу англійскаго купца Дингли Гомма, тѣмъ болѣе, что этотъ иностранецъ былъ, какъ видно, нужный для русскаго правительства человѣкъ. До 1764 года Гоммъ владѣлъ лѣснымъ промысломъ на русскомъ Сѣверѣ и заграничною тор-

---

[1]) См. выше въ 1-мъ очеркѣ, стр. 3; также у Соловьева: Истор. Рос., XXV, 142 и 143.

[2]) Госуд. арх., XIX, № 287. Записка 1760 г. о русской торговлѣ.

[3]) См. мою статью: «Законодательство о хлѣбномъ винѣ въ XVIII ст. (Ученыя записки Казанскаго университета, 1892 г. и отдѣльно).

говлею нашимъ лѣсомъ—на основаніи контракта не съ русскимъ правительствомъ, а гр. П. И. Шуваловымъ. Дѣло въ томъ, что еще въ 1752 году, согласно съ прошеніемъ гр. Шувалова, Сенатъ дозволилъ ему „по рѣкамъ, текущимъ въ Лапландіи, кромѣ впадающихъ въ Двину и Бѣлое море“ ежегодно вырубать для заграничнаго отпуска слѣдующее количество лѣса „разныхъ сортовъ:“ „брусьевъ и бревенъ сосновыхъ и елевыхъ до 250, мачтовыхъ 1000 и райныхъ 1000-жъ деревъ, досокъ пильныхъ 200,000, дровъ березовыхъ 5,000 саженъ и шестовъ елевыхъ 200,000“. Получивъ означенный лѣсной торгъ на неопредѣленный срокъ, гр. Шуваловъ поставилъ во главѣ предпріятія англійскаго купца Гомма, причемъ заключилъ съ нимъ контрактъ на 20 лѣтъ. Но Гоммъ, прельстившій Шувалова перспективой огромныхъ барышей отъ сѣвернаго лѣсного промысла, однако по этой части не оправдалъ надеждъ своего патрона, и послѣдній придумалъ новую комбинацію: онъ въ 1760 году отдалъ все, дозволенное ему, лѣсное дѣло на откупъ Гомму за 300 т. рублей на 30 лѣтъ [1]), какъ будто бы самъ получилъ лѣсной промыселъ именно на это время; такое самовластіе имѣло за собой извѣстныя основанія, и этотъ новый контрактъ русскаго вельможи съ англійскимъ купцомъ былъ утвержденъ Сенатомъ Елизаветы Петровны (10-го марта 1760 г.). Правительство Екатерины II-ой отмѣтило, что гр. Шуваловъ отдалъ лѣсной торгъ на откупъ Гомму и его наслѣдникамъ „властно такъ“, какъ бы именно онъ, Шуваловъ, получилъ этотъ промыселъ „на 30 лѣтъ“,—но тѣмъ не менѣе утвердило означенный срокъ контракта и дозволило Гомму лѣсныя операціи на сѣверѣ до 1789 года; при этомъ выпускъ за море лѣса былъ опредѣленъ въ тѣхъ же сортахъ и размѣрахъ, какъ для гр. Шувалова въ 1752 году, а дабы отпускъ не выходилъ изъ

[1]) Огородниковъ: Очеркъ ист. гор. Архангельска, стр. 193 и 194.

указанной нормы, за этимъ, по обыкновенію, было велѣно „прилежно смотрѣть при портахъ“.... Гомму было дозволено выпускать за границу желѣзо, остающееся у него за удовлетвореніемъ нуждъ его лѣсопилокъ и кораблестроенія; при чемъ предписывалось брать выпись „съ показаніемъ сколько изъ того желѣза“ израсходовано „при Онегѣ на разныя внутреннія употребленія и сколько достального дѣйствительно отпущено за море“. Отъ откупа Гомма правительство, разумѣется, ждало не лѣсоистребленія, отъ чего предостерегалъ Екатерину старикъ Неплюевъ, оно ждало развитія на сѣверѣ внѣшней торговли русскимъ лѣсомъ, въ интересахъ которой и вмѣняло этому лѣсопромышленнику въ обязанность „привлекать елико можно иностранныхъ кораблей“, чтобы „ежегодно изъ чужихъ государствъ приходило“ „не меньше“ 20-ти для нагрузки на нихъ лѣса съ промысла Гомма, да чтобы у него „собственныхъ было бы не меньше 20 кораблей“; оно ждало также выгодъ для государственнаго казначейства: надѣялось на уплату еще въ 1760 году сдѣланнаго Гоммомъ казеннаго долга въ 300 т. рублей, равно какъ и набѣгавшихъ на эту сумму процентовъ, расчитывало и на пошлинный сборъ съ гоммовскаго заграничнаго отпуска.... Въ томъ же указѣ, которымъ утверждался екатерининскимъ правительствомъ лѣсной откупъ Гомма, ради развитія внѣшней торговли было подтверждено дозволеніе строить ежегодно по 2 корабля тремъ крупнымъ архангельскимъ купцамъ—двумъ лѣсопромышленникамъ Баженинымъ и Никитѣ Крылову „для собственныхъ“ ихъ „промысловъ и торговъ;“ при чемъ это дозволеніе давалось на неопредѣленное время—„до новаго въ томъ установленія, по разсмотрѣніи и учрежденіи во всемъ государствѣ всѣхъ частей купеческаго торгу“. Въ своемъ отношеніи къ лѣснымъ промысламъ Гомма, Баженинхъ и Крылова Сенатъ руководствовался Высочайше конфирмованнымъ докладомъ и экстрактомъ, которые были поданы императрицѣ гр. П. И. Панинымъ и которые явились результатомъ „возложенной на него коммиссіи

о лѣсныхъ промыслахъ въ Архангельской губерніи;“ значитъ, Сенатъ въ данномъ случаѣ лишь исполнилъ то, что было представлено гр. Панинымъ и утверждено Екатериной [1]).

Если мы обратимся теперь къ тѣмъ указамъ, которыми регламентировалась торговля такъ называемыми „казенными“ товарами послѣ знаменитаго указа 31-го іюля (1762 г.), то мы не встрѣтимъ и здѣсь той устойчивости, которую можно было бы предположить на основаніи либеральныхъ экономическихъ взглядовъ Екатерины. Такъ, напр., не успѣли торговцы клеемъ, какъ слѣдуетъ, воспользоваться дозволеніемъ отпускать этотъ товаръ за границу, какъ императрица собственноручно подписала сенатскій докладъ (1763 г.) о запрещеніи клеевого экспорта для частныхъ лицъ и о заведеніи казеннаго торга клеемъ въ чужія земли. Впрочемъ, подписавъ такой докладъ, Екатерина пожелала узнать по этому вопросу мнѣніе и коммиссіи о коммерціи. Послѣдняя представила императрицѣ иной докладъ, въ которомъ, напротивъ, доказывалось, что „клеевой отпускъ“ за границу лучше всего отдать въ „вольную торговлю“ и даже не обременять новою пошлиною, дабы не подать „поводъ и необходимость купцамъ“ къ занятію контрабандой, ибо „всегда на товарахъ, высокимъ тарифомъ обложенныхъ, оный воровской вызовъ наипаче усматривается“; Екатерина, согласилась съ этимъ представленіемъ и указомъ 1764 года разрѣшила вольную продажу клея не только „внутри государства“, но и „въ отпускъ за море“, съ платежемъ прежнихъ пошлинъ „до разсмотрѣнія тарифа [2])“. Но рядомъ съ этимъ распоряженіемъ въ томъ же году (указъ 5-го іюня 1764 г.) Екатерина согласилась и съ представленіемъ астраханскаго губернатора Бекетова объ отпускѣ желѣза и стали въ Персію изъ казны,

---

[1]) П. С. З. XVI, № 12,223; Чулковъ: Истор. опис., т. XII, стр. 196—211.

[2]) П. С. З. XVI, № 12,195; этотъ указъ подписанъ 21-го и обнародованъ 30-го іюня.

„дабы отъ вольнаго торга неумѣренностью не потерять могущихъ быть отъ того прибылей[1])". Вообще, имѣя „попеченіе о купечествѣ и коммерціи", Екатерина II-я не была расположена забывать казенныя „прибыли". Такъ уже въ 1763 г. Сенатъ, по доношенію генералъ-маіора и селенгинскаго коменданта Якобія, доложилъ, а императрица повелѣла (указомъ 17-го ноября) увеличить пошлину на вывозимый изъ за границы китайскій табакъ шаръ, прибавивъ на каждый фунтъ 10 копѣекъ, „дабы... Россійскому подрыву не было, и чтобъ тѣмъ лучше имѣющій въ казнѣ наличный распродать[2])". Къ продажѣ „наличнаго" въ казнѣ ревеня правительство отнеслось тоже очень внимательно. Въ 1763 году Сенатъ, по доношенію коммерцъ-коллегіи, распорядился „продать въ заморскій отпускъ" „до нѣсколька пудовъ" ревеня по 50 рублей за пудъ, при чемъ сдѣлано заявленіе въ томъ смыслѣ, что „впредь" слѣдуетъ „стараться продавать" ревень „дороже[3])". Въ 1764 году самъ Сенатъ „старался" продать казенный ревень. Этотъ товаръ требовался въ заграничный отпускъ нѣсколькими англійскими, берлинскими и голландскими купцами; сначала, по обыкновенію, съ повѣренными иностранныхъ фирмъ торговалась коммерцъ-коллегія, представившая затѣмъ Сенату доношеніе о томъ, сколько ревеня желаютъ взять иностранцы и сколько даютъ за пудъ; въ Сенатѣ произошла окончательная переторжка, и какъ сенаторы ни „склапивали" покупателей „о прибавкѣ еще цѣны", лишь „прикащикъ" англійскихъ купцовъ (Даніеля, Ватсона и Сутерланда) „прибавилъ еще по одному рублю на пудъ" къ цѣнѣ въ 53 руб. за пудъ, которую онъ давалъ въ коммерцъ-коллегіи, „а прочіе всѣ на оное не склонились". 54 рубля— самая высокая цѣна, и по ней означенная фирма купила

---

[1]) П. С. З., XVI № 12,174.
[2]) Ibid., № 11,968.
[3]) Чулковъ, цит. соч., VI, 330 стр.

всего 4 ящика ревеня; другимъ, покупавшимъ больше и въ одномъ случаѣ даже значительно больше, пришлось отдать по 53 р. за пудъ, а англійскому купцу Вильяму Глену было разрѣшено отпустить за 52 рубля за пудъ, если Гленъ, по новому „крайнему склоненію“ въ коммерцъ коллегіи, все-таки не согласится поднять этой, предлагаемой имъ, цѣны. Вообще же Сенатъ предписалъ коммерцъ-коллегіи (ук. 28 апрѣля) слѣдующее: со всѣми, кто будетъ покупать не менѣе 100 пудовъ ревеня, кончать дѣло по 52 р. за пудъ въ коммерцъ-коллегіи, ибо уже „оказалось“, что „нѣкоторые изъ покупщиковъ, не желая имѣть лишняго затрудненія быть въ Сенатѣ и представлять о торгѣ, вовсе отстаютъ“; покупающимъ же меньше 100 пудовъ ревеня было приказано продавать по цѣнѣ свыше 52 рублей и не меньше 53 руб. за пудъ, докладывать о томъ Сенату „и сіе держать секретно“. Коммерцъ-коллегіи въ заключеніе было повелѣно подтвердить, чтобы она „по должкости своей“ “крайнее стараніе употребляла“ „о прибавкѣ той цѣны“ на казенный ревень [1]). Въ томъ же (1764) году гр. Минихъ сдѣлалъ императрицѣ докладъ о продажѣ ревеня внѣ государства, при чемъ выяснилось, что спросъ на этотъ казенный товаръ идетъ со стороны не однихъ иностранныхъ, но и своихъ покупателей, и даже послѣдніе предлагаютъ лучшія для правительства условія купли-продажи. Иностранцы желали взять не болѣе 3000 пудовъ по 40 р. 50 к. за пудъ, непремѣнно на бракъ и въ разные сроки на протяженіи 3-хъ лѣтъ: когда сколько возьмутъ за это время, тогда столько и заплатятъ; при этомъ они хотѣли получить и монополію на торговлю ревенемъ на 8 лѣтъ; было ясно, что это предложеніе ведетъ къ совершенному истребленію «сего казеннаго торга». Купцы Новороссійской губерніи предъявили спросъ на весь казенный ре-

[1]) П. С. З., XVI, 12,144.

вень, который имѣется въ данный моментъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ и который въ слѣдующіе два года будетъ привезенъ въ Петербургъ и Ригу, и предложили 60 руб. за пудъ на бракъ и 50 р. безъ брака; значитъ, соглашались одинаково на каждый изъ изъ двухъ способовъ пріема, при чемъ, принимая товаръ въ Петербургѣ, они хотѣли бы платить за него мѣдною, а въ Ригѣ серебряною монетою; пошлину же желали платить обыкновенную, сколько платили съ того товара въ 1763 году; но, кромѣ этого, вѣрно-подданные новороссійскіе купцы испрашивали у правительства, чтобы оно на свой счетъ доставило ревень изъ Москвы въ Ригу и чтобы на 3 года даровало имъ монополію на заграничный торгъ ревенемъ. Выборъ между конкурентами былъ не труденъ, и Екатерина повелѣла (ук. Мишиху 23 мая) заключить контрактъ съ тѣми покупателями — новороссіянами, о которыхъ будетъ данъ одобрительный отзывъ отъ мѣстнаго губернатора [1]). Такъ правительство торговало наличнымъ казеннымъ ревенемъ, и подобная торговля продолжалась довольно долго... Въ 1781 г. именнымъ указомъ, даннымъ Сенату (7-го іюня),[2]) наконецъ, было разрѣшено торговать ревенемъ каждому подданному по вольнымъ цѣнамъ, какъ „внутри, такъ и внѣ границъ имперіи“, однако эту вольную торговлю было дозволено начать не сейчасъ же, а съ 1782 г. „по истеченіи срока контракту для привоза на Кяхту покупаемаго въ казну ревеня [3])“. Поташъ и смольчугъ, оставленные и по указу 31-го іюля (1762 г.) „казеннымъ товаромъ“, тоже довольно долго оставались на этомъ положеніи: лишь въ 1773 году (12 іюня) Сенатомъ былъ изданъ указъ, въ которомъ объявлялось всенародно, что императрица, имѣя „природное и матернее“ „попеченіе“ „о благоденствіи подданныхъ своихъ“, „представляя въ пользу имъ и тѣ самыя выгоды, кои

[1]) П. С. З., XVI, № 12,162.
[2]) Обнародованъ былъ 21-го іюня.
[3]) П. С. З., XXI, № 15,169.

принадлежали единственно коронѣ", на докладѣ Сената отъ 23-го мая разрѣшила всѣмъ, кто желаетъ, дѣлать и продавать поташъ и перлашъ вольною цѣною, но „единственно внутри государства и на однѣ внутреннія надобности"; отпускъ же въ чужіе края, по прежнему, запрещался, дабы и тотъ лѣсъ, изъ котораго получали поташъ и перлашъ, предохранить „отъ лишняго употребленія и отъ конечнаго перевода" [1]). Въ 1774 году (26-го февраля) была предоставлена свобода на производство и торговлю смольчугомъ; отпускъ смольчуга за границу былъ тоже запрещенъ [2]). Смольчугъ такъ и не сдѣлался при Екатеринѣ вполнѣ вольнымъ товаромъ: отпускъ его за границу дозволялся только изъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ губерній [3]). Но поташъ и перлашъ дождались, наконецъ, полной эмансипаціи: въ 1780-го году (17-го декабря) именнымъ указомъ „каждому изъ подданныхъ" было разрѣшено отпускать эти товары за границу, „для общественныхъ выгодъ", со взятіемъ, разумѣется, „положенной по тарифу пошлины" [4]).

Такъ постепенно совершался переходъ казенныхъ товаровъ въ „вольные". Отсюда, съ одной стороны, ясно, почему Тепловъ, редактируя въ 1765 году „планъ" поправленія россійской коммерціи, осторожно отнесся къ казеннымъ товарамъ (см. первый очеркъ, стр. 77 и 78): торговля ими отъ короны въ тотъ моментъ была еще существующимъ фактомъ; съ другой стороны, зная, что позднѣе въ коммиссіи о коммерціи все болѣе и болѣе начала укрѣпляться идея свободной торговли и что это учрежденіе являлось тогда авторитетнымъ коллективнымъ совѣтникомъ по коммерческимъ вопросамъ, мы найдемъ весьма естественнымъ то обстоятельство, что въ 1780 году было, наконецъ, объявлено полное изъятіе поташа и перлаша изъ сферы казенныхъ торговыхъ операцій.

---

[1]) П. С. З., XIX, 13,994.

[2]) Ibid., 14,131.

[3]) П. С. З. XVI, № 11,630, пунктъ 7, XIX, № 14,106, пунтъ 2.

[4]) XX, № 15,099.

IV.

Важнѣйшія особенности екатерининскихъ таможенныхъ тарифовъ [1]).

Уже на основаніи всего, извѣстнаго намъ изъ предшествующаго изложенія, можно предположить, что самый либеральный изъ таможенныхъ тарифовъ Екатерины II-ой будетъ тотъ, который совпадетъ съ разцвѣтомъ экономическаго либерализма въ учрежденіи, обязанномъ размышлять и подавать высшему правительству совѣты главнымъ образомъ о поправленіи внѣшней торговли, самый консервативный тотъ, который совпадетъ съ моментомъ разочарованія Екатерины въ либеральныхъ указаніяхъ коммиссіи о коммерціи, а слѣдовательно и въ соотвѣтствующей торговой политикѣ и, наконецъ, средній будетъ совпадать съ моментомъ, когда экономическій либерализмъ еще довольно мирно уживался съ меркантилизмомъ, т. е. съ началомъ царствованія императрицы Екатерины II-ой. Съ „начала“ мы и поведемъ свой обзоръ екатерининскихъ тарифовъ, останавливаясь на нихъ по стольку, по скольку это необходимо для уясненія существенныхъ оттѣнковъ нашей торговой политики въ изучаемую эпоху.

Въ числѣ неотложныхъ дѣлъ, которыми коммиссія о коммерціи должна была заняться на первыхъ же порахъ своей дѣятельности, было „сочиненіе“ новаго тарифа. Старый, тарифъ 1757 года, неудовлетворялъ уже елизаветинское правительство. Какъ замѣчаетъ спеціалистъ по исторіи русскаго таможеннаго тарифа—г. Лодыженскій, тарифъ 1757 г. „оказался неудобнымъ въ практическомъ примѣненіи, главнымъ образомъ, потому, что въ немъ всѣ товары были обложены тремя пошлинами, изъ коихъ

---

[1]) Подробности читатель найдетъ въ спеціальномъ изслѣдованіи «Исторіи русскаго таможеннаго тарифа» г. Лодыженскаго.

одна взималась въ металлической валютѣ, двѣ же остальныя ходячими деньгами, что очевидно дожно было вызывать затрудненія при разсчетахъ"; другимъ неудобствомъ „оказалась" „многочисленность статей, по которымъ должны были очищаться однородные товары", что „затрудняло примѣненіе къ нимъ тарифа и порождало споры при очисткѣ". Къ пересмотру этого тарифа было приступлено въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны, но результаты, къ которымъ пришла назначенная для того особая сенатская коммиссія, совсѣмъ не удовлетворили екатерининскую коммиссію о коммерціи, нашедшую, что какъ тарифъ 1757 года, такъ и сенатскій проектъ о желательныхъ въ немъ измѣненіяхъ „сочинены безъ надлежащихъ правилъ". По мнѣнію коммиссіи о коммерціи, это выразилось въ слѣдующемъ: 1) необходимые для русскаго потребителя товары не различены отъ „служащихъ единственно къ роскоши", ибо тѣ и другіе обложены одинаковыми пошлинами, 2) затрудненъ отпускъ нѣкоторыхъ отечественныхъ продуктовъ, ибо они „чрезвычайно отягощены налогами" и 3) одинаково нужные товары „не равно обложены" пошлинами. „Надлежащія правила" и новый тарифъ коммиссія о коммерціи составляла около $2^1/_2$ лѣтъ, при чемъ къ этой работѣ привлекались и члены мануфактуръ—коллегіи, и с.-петербургской таможни, также купцы и фабриканты; изъ среды послѣднихъ не обошлось безъ заявленія о вящемъ покровительствѣ отечественному производству. Когда вся работа по составленію тарифа была закончена, проектъ его съ обширнымъ докладомъ отъ коммиссіи о коммерціи поступилъ къ императрицѣ, которая, лично разсмотрѣвъ и одобривъ предложенную ея вниманію работу, затѣмъ передала ее въ Сенатъ для объявленія новаго тарифа „во всенародное извѣстіе"; въ указѣ объ этомъ Сенату императрица, „апробуя" „правила, которыхъ держалась коммиссія при сочиненіи сего новаго тарифа", повелѣла „хранить" ихъ „всегда въ коммерцъ—коллегіи не для всенароднаго свѣдѣнія, а для наставленія тѣхъ

только, кому объ оныхъ знать надлежитъ“: вмѣстѣ съ тѣмъ было приказано коммерцъ—коллегіи пересматривать тарифъ чрезъ каждыя пять лѣтъ по достовѣрнымъ справкамъ изъ таможни, „дабы не навсегда товары оставалися съ малою пошлиною или и вовсе безпошлинно“ [1]). Новый тарифъ былъ опубликованъ Сенатомъ 1-го сентября 1766 года. Въ указѣ говорилось, что между разными „препятствіями, которыя коммерцію Россійскую удаляютъ отъ цвѣтущаго состоянія“, немалое заключается и въ дѣйствовавшемъ до сего времени тарифѣ, „потому-что онъ сдѣланъ былъ безъ надлежащихъ правилъ“, и „въ немъ допущено великое неравенство пошлинъ... на товары равной надобности“. Вслѣдствіе этого императрица и повелѣла коммиссіи о коммерціи „сочинить“ новый тарифъ, съ тѣмъ, чтобы осуществить въ немъ слѣдующія „правила“: 1) „чтобъ тайный провозъ былъ отвращенъ, 2) чтобъ нужные для Россіи товары иностранные были облегчены, а служащіе къ излишней роскоши обременены или и вовсе запрещены, 3) чтобъ сырые товары чужіе были отличены отъ выработанныхъ въ пользу здѣшняго рукодѣлія, 4) чтобъ выпускъ здѣшнихъ продуктовъ, а особливо мануфактурныхъ, болѣе былъ поощренъ; и напротивъ того, чтобъ нужные здѣсь были удержаны или запрещеніемъ въ выпускъ, или тяжелою пошлиною, 5) чтобъ все, что къ сохраненію здоровья человѣческаго потребно и къ необходимой надобности въ жизни, то или облегчено было пошлиною, или вовсе безпошлинно въ государство входило“. „Напослѣдокъ“ еще отмѣчалось „правило“, необходимое „для поспѣшенія въ торгѣ“: соединить разные сборы въ одинъ и предоставить купцамъ „на волю“ платить пошлины „вмѣсто ефинковъ Россійскими деньгами“. „Коммиссія“, говорится въ указѣ, „держася сихъ правилъ, поднесла Ея Импер.

---

[1]) Лодыженскій, цит. соч., 109—113 стр.

В—ву новосочиненный тарифъ, который Ея Императорское Величество, сами разсмотря и исправя нѣкоторыми отмѣнами, Высочайше конфирмовать соизволили, повелѣвая Сенату напечатавъ на разныхъ языкахъ, во всемъ государствѣ, сей новый тарифъ обнародовать съ тѣмъ, что оный дѣйствіе свое начинаетъ съ 1-го марта будущаго 1767 года". Въ заключеніе дается понять, „что сей новый тарифъ" есть результатъ заботъ императрицы о русской торговлѣ: „не взирая на могущее быть уменьшеніе пошлиныхъ сборовъ", государыня „изволитъ изыскивать способы приводить коммерцію россійскую въ цвѣтущее состояніе для благосостоянія всѣхъ вѣрноподданныхъ" [1]). Какъ изъ указаній коммерческой коммиссіи на недостатки стараго тарифа и сенатскаго проекта, такъ и изъ „правилъ", перечисленныхъ въ именномъ указѣ объ изданіи новаго тарифа, видно, что при составленіи этого послѣдняго экономическій либерализмъ съигралъ извѣстную роль, но что рядомъ съ нимъ оказалась живою и традація торговой политики—поощрять вывозъ и задерживать ввозъ [2]). Дѣйствительно, изслѣдователь нашего тарифа отмѣчаетъ, что въ тарифѣ 1766 г. „большинство привозимыхъ товаровъ было обложено не особенно высокими пошлинами",—это съ одной стороны, но съ другой въ этомъ тарифѣ „встрѣчаются и 200% пошлины и даже запрещеніе привоза" [3]). Вывозные товары были поощрены, но не въ такой степени, чтобы „вольность" получила полное право гражданства: съ точки зрѣнія свободной торговли еще многаго оставалось желать для дальнѣйшаго осуществленія на практикѣ новаго экономическаго ученія. Пока былъ сдѣланъ лишь первый опытъ „сочиненія" тарифа въ новомъ направленіи: не мудрено, что это послѣднее еще не получило

---

[1]) П. С. З., XVII, 12, 735.

[2]) См. также у г. Лодыженскаго въ цит. соч. пересказъ и объясненіе «правилъ», выработанныхъ коммиссіей о коммерціи, стр. 113—118.

[3]) Цит. соч., 118 и 119 стр.

перевѣса надъ старымъ... Предшествующій тарифу 1766 года опытъ, особенно произведенный Петромъ Великимъ, пользовался еще слишкомъ большимъ авторитетомъ, чтобы правительство сразу рѣшилось руководиться въ своей торговой политикѣ исключительно новыми экономическими воззрѣніями...

Эти новыя воззрѣнія въ весьма значительной мѣрѣ нашли приложеніе въ тарифѣ 1782 года. Согласно постановленію, сдѣланному при изданіи тарифа 1766 года—пересматривать тарифъ чрезъ каждые пять лѣтъ, работа надъ составленіемъ новаго тарифа началась въ 1781 году. Возложена эта работа была на коммиссію о коммерціи, при чемъ ей было предложено не только облегчить, но и объединить русскую торговлю по европейской границѣ одними и тѣми же тарифными нормами [1]) Въ 1782 г. (27-го сентября) новый тарифъ былъ изданъ, и въ первомъ же пунктѣ именного указа, разъяснявшаго публикѣ главныя основанія этого тарифа, было заявлено, что „сила“ его должна „простираться“ „на всѣ портовыя и пограничныя таможни имперіи, кромѣ Астрахани, Уфимской, Тобольской и Иркутской губерній“ [2]). Это значило, что „сила“ новаго тарифа распространялась и на отзейскіе порты, гдѣ до этого времени дѣйствовали совершенно особыя тарифныя нормы шведскаго происхожденія, существенно не измѣнявшіяся съ эпохи королевы Христины. Мысль о согласованіи рижскаго тарифа съ общимъ русскимъ тарифомъ по европейской торговлѣ далеко не новая: такъ еще въ 1760 году въ этомъ смыслѣ высказался секретарь Сената Сукинъ, возвратившись изъ казенной командировки въ Пруссію для собиранія свѣдѣній „особливо о коммерціи“ этого государства и составивъ для Сената докладъ о необходимости поправить рижскій тарифъ по болѣе выгодному для торговли общему русскому

---

[1]) Цит. соч., 136.

[2]) П. С. З., XXI, 15,520; привести этотъ тарифъ въ дѣйствіе было велѣно съ 1-го января 1783 г.

тарифу, дабы не отстать отъ пруссаковъ, стремящихся въ торговлѣ, напр., изъ Кенигсберга „превзойтить коммерцію города Риги и тѣмъ собственную усилить“ [1]). Вслѣдствіе распространенія общаго тарифа на отзейскія губерніи, было приказано уничтожить тѣ таможни въ этомъ краѣ, существованіе коихъ обусловливалось его прежнимъ, особымъ таможеннымъ положеніемъ. Подведеніе отзейскихъ провинцій подъ общій тарифъ разсматривается въ указѣ, какъ мѣра, принятая „въ ободреніе ихъ торга“; эти провинціи „не пользовалися до сего тѣми выгодами“, которыми жаловались „купцы и мѣщане“ „прочихъ городовъ“, но теперь онѣ „должны“ „ими пользоваться“.—Города означенныхъ провинцій будутъ имѣть свободный внутренній торгъ, что вытекаетъ „изъ уничтоженія всѣхъ таможенъ и заставъ, до сего времени заграждавшихъ между сими и другими губерніями удобность сообщенія къ крайнему утѣсненію народному“; платежъ пошлинъ они будутъ производить „всякими ходячими Россійскими деньгами или банковыми ассигнаціями“,—всѣ отзейскіе города, кромѣ однако Риги, оставленной при ефимкахъ: ибо здѣсь, поясняетъ указъ, „иная монента почти не употребляется“ [2]); они, всѣ отзейскіе города, въ томъ числѣ и Рига, будутъ пользоваться и уступкой въ пошлинномъ сборѣ съ товаровъ, отправляемыхъ въ чужіе края „на собственныхъ своихъ корабляхъ, на свой счетъ и съ узаконеннымъ числомъ матросовъ“, при чемъ сбавка въ пошлинахъ будетъ имѣть мѣсто безразлично, изъ какого бы порта имперіи отзейцы ни отпускали своихъ товаровъ за границу съ соблюденіемъ лишь отмѣченныхъ сейчасъ условій, очевидно установленныхъ все въ тѣхъ же цѣляхъ развитія ком-

---

[1]) Арх. д—та т. сб., д. к. о к., № дѣла 891, связка 50.

[2]) Лишь въ 1793 г. (15-го апрѣля) былъ объявленъ Сенату генералъ-прокуроромъ именной указъ, которымъ было дозволено и при рижскомъ портѣ принимать въ уплату пошлиннаго портоваго сбора, вмѣсто ефимковъ «Россійскую монету, считая по 2 р. 50 к. за ефимокъ, XXIII, 17117.

мерческаго флота и внѣшней торговли; поэтому весьма естественно, что уступка въ пошлинахъ была распространена и на привозъ при соблюденіи тѣхъ же условій относительно кораблей, денегъ и матросовъ. Ободряя торговлю изъ отзейскихъ провинцій, тарифъ 1782 года „ободрилъ“ торговлю и „изъ малороссійскихъ, бѣлорусскихъ и польскихъ мѣстъ“: произведенія этихъ областей было велѣно пропускать въ Россію чрезъ пограничныя таможни безпошлинно; былъ облегченъ и транзитъ, направлявшійся изъ Польши, Литвы и Курляндіи чрезъ Ригу. Черноморская торговля была тоже существенно ободрена: въ азовскихъ и черноморскихъ портахъ, вообще подчиненныхъ дѣйствію общаго тарифа 1782 г., пошлина однако была уменьшена „$^1/_4$ долею“ „въ пользу подданныхъ“, а также „и тѣхъ народовъ, съ которыми будутъ сдѣланы точныя постановленія въ замѣну пріобрѣтаемыхъ отъ нихъ выгодъ и облегченій для Россійской торговли“; впрочемъ, изъ этой льготы были исключены разные лѣсные товары, которые было приказано отпускать „безъ всякой пошлинной сбавки и въ черноморскихъ портахъ“ [1]). Затѣмъ въ тарифѣ 1782 года слѣдуетъ отмѣтить и нѣсколько иное отношеніе къ привилегиро-

---

[1]) См. книгу тарифовъ, XLIV, прилож. къ отдѣл. второму стр. 3—7. Вообще, екатерининское правительство и раньше стремилось поощрить черноморскую торговлю путемъ облегченія въ пошлинахъ; Екатерина хотѣла особенно «фаворизовать» ввозъ изъ Турціи парчевыхъ съ золотомъ и серебромъ матерій, полагая, что чрезъ это розовьется наша торговля съ турецкой имперіей. Утвержденный императрицей въ 1775 году (4 августа) особый тарифъ для черноморскихъ портовъ преслѣдовалъ именно указанную цѣль, уменьшая противъ тарифа 1766 года пошлины «четвертою долею» на «всѣ привозимые къ портамъ Чернаго моря турецкіе, левантскіе и греческіе товары», а также «отсюда туда вывозимые россійскаго продукта товары»; этотъ тарифъ былъ составленъ, по порученію императрицы, гр. Эристомъ Минихомъ въ сотрудничествѣ съ приглашенными имъ статск. совѣтникомъ кн. Мещерскимъ и коллежск. совѣт. Красильниковымъ—чиновниками, состоявшими надъ непосредственнымъ начальствомъ гр. Миниха въ вѣдомствѣ «главной надъ таможенными сборами канцеляріи»... (П. С. З., XX, 14,355).

ванному положенію, какимъ пользовались въ русской пограничной таможнѣ англичане; какъ извѣстно, англійскіе купцы имѣли право, какъ и „россійскіе подданные", платить пошлины „всякою россійскую ходячею монетою" сполна: купцы другихъ націй съ 1772 года потеряли и то право, которое имъ было дано при изданіи тарифа 1766 г.-платить одну половину пошлиннаго сбора ефимками, а другую русскою монетою: въ 1772 году было повелѣно всѣмъ иностранцамъ, кромѣ англичанъ, платить пошлину ефимками сполна, а англичанамъ было оставлено ихъ прежнее по платежу пошлинъ въ Россіи право („по силѣ заключеннаго съ короною великобританскою въ 1766 году трактата") [1]) съ 1772 года сдѣлавшее ихъ монополистами въ заграничной русской торговлѣ, на что, какъ намъ извѣстно, уже въ 1774 году указывалъ кн. Щербатовъ, какъ на явленіе крайне ненормальное, тормозившее развитіе нашего внѣшняго оборота [2]). И правительство нашло возможнымъ отнестись до нѣкоторой степени отрицательно къ „фаворизованному" положенію англичанъ въ русской таможнѣ; это было сдѣлано однако не прямо, а косвенно: правительство не нарушило коммерческаго трактата съ Англіей, а просто снова даровало остальнымъ иностранцамъ ихъ прежнюю половинную льготу въ платежѣ пошлинъ и чрезъ то уменьшило торговыя выгоды англичанъ ровно на половину [3]). Это было, конечно, довольно существеннымъ облегченіемъ для русской внѣшней торговли. Еще бо́льшее въ этомъ отношеніи имѣли значеніе торговые трактаты, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Вообще тарифъ 1782 года сдѣлалъ очень крупный шагъ впередъ въ сторону всевозможныхъ

---

[1]) П. С. З. XIX, 13,700 (ук. 1771 г., ноября 18), 13,788 (ук. 1772 г., апрѣля 11).

[2]) См. второй очеркъ, стр. 93 и 94.

[3]) П. С. З., XXI, 15.520; Семеновъ,—Изученіе историч. свѣдѣній о Россійской внѣшней торговлѣ, ч. II, стр. 24—26; Лодыженскій: Истор. русск. там. тар. 137—140.

облегченій торговли, почему его совершенно справедливо и считаютъ „чрезвычайно умѣреннымъ“. Весьма большія облегченія для торговли въ тарифѣ 1782 г., выразившіяся въ „обложеніи сырыхъ продуктовъ ничтожнымъ сборомъ около 2%“; въ „умѣренности средней нормы (въ 10%) оклада большинства привозимыхъ товаровъ“; въ „ограниченіи обложенія 30-ю, только въ рѣдкихъ случаяхъ 40 процентами товаровъ, подлежащихъ стѣсненію“ и въ „почти полномъ отсутствіи запретительныхъ статей“, и дали г. Лодыженскому возможность заключить, что тарифъ 1782 года „вполнѣ соотвѣтствовалъ идеямъ физіократизма и свободной торговли, которыя развивались въ Россіи въ продолженіе царствованія Екатерины II и достигли почти полнаго примѣненія въ 1782 году“ [1]). Если не вполнѣ, то во всякомъ случаѣ въ весьма значительной мѣрѣ тарифъ 1782 года отразилъ въ себѣ начала физіократизма, при помощи которыхъ передовые люди эпохи надѣялись вывести русскую внѣшнюю торговлю на широкую дорогу мірового экономическаго прогресса; эти люди полагали, что поставивъ международный торговый оборотъ Россіи безъ особаго тарифнаго прикрытія, лицомъ къ лицу предъ европейской торговлей, они тѣмъ самымъ вдохнуть въ этотъ оборотъ духъ предпріимчивости, соревнованія и свободнаго развитія, и русская торговля довольно скоро сама собой сдѣлается вполнѣ самостоятельной экономической величиной на общеевропейскомъ,

---

[1]) Цит. соч., стр. 140; см. также «Значеніе царствованія Екатерины II» г. Иконникова, Кіевъ, 1897 г., стр. 37. Тѣ же самыя идеи до нѣкоторой степени отразились и въ «новомъ тарифѣ для оренбургской и троицкой таможенъ», хотя въ этомъ тарифѣ имѣлось и «много запретительныхъ статей» (Лодыженскій, цит. соч. 141; см. у Чулкова: Историч. опис. Росс. Ком., V, 271 стр., и слѣд., 319—реэстръ запрещенныхъ товаровъ; тарифъ б. изд. 18 октября, П. С. З. XX, 14666 и кн. тариф.). Либеральное направленіе правительства замѣтно и въ указѣ 22 сентября 1782 г.—«о распространеніи облегченія въ таможенныхъ пошлинахъ на всѣхъ россійскихъ купцовъ безъ различія, при портѣ ли ими товары куплены или изъ внутри государства вывезены» П. С. З., XXII, 15,513.

а слѣдовательно и на міровомъ рынкѣ. Но этотъ коммерческій выходъ Россіи на столь необъятную арену былъ весьма рискованъ. Другое дѣло, если бы смѣлой либеральной торговой политикѣ русскаго правительства соотвѣтствовало бы высокое экономическое развитіе самой имперіи; этого однако не было, и тарифный либерализмъ Россіи явился результатомъ не дѣйствительной потребности ея промышленности, а теоретическихъ воззрѣній, принятыхъ ея политиками. Упомянутый „выходъ“ былъ для нашего отечества тѣмъ рискованнѣе, что одновременно другія европейскія правительства продолжали придерживаться строгой запретительной системы, хотя управляемыя ими страны и далеко превосходили Россію своимъ экономическимъ развитіемъ. Даже Англія, промышленность которой несомнѣнно переросла прежнюю, меркантильную систему, та Англія, гдѣ пышнымъ цвѣтомъ распустилась самая доктрина свободной торговли, представивъ здѣсь полную гармонію съ сильнымъ экономическимъ ростомъ страны, не очень торопилась выступать на путь свободной торговли. А Россія поторопилась, и дала Европѣ весьма неожиданное зрѣлище матеріально и духовно отсталой державы съ наиболѣе передовой торговой политикой. Ясно, что въ данномъ случаѣ идеологія безсознательно сыграла въ руку иностранной торговли и промышленности, и суровая дѣйствительность весьма скоро дала себя почувствовать и русскому правительству, и купцу, торговавшему съ „россійской стороны“, наиболѣе, конечно, туземному, и фабриканту, да отчасти и всему русскому обществу. Благодаря пониженному тарифу на ввозные товары, русскій рынокъ, какъ и указывала въ 1788 году коммиссія о коммерціи, наводнился всевозможными приманками заграничной промышленности, каковыя быстро воспитали въ достаточныхъ классахъ вкусъ къ заморскимъ „лакомствамъ“ и дорогимъ аттрибутамъ европейскаго комфорта, даже къ роскоши, а слѣдовательно къ мотовству. Послѣднее, достигнувъ крайне внушительныхъ размѣровъ, не замедлило

повлечь за собой чрезвычайно ускоренное развитіе задолженности нашего дворянства, не только высшаго, но и средняго, а это печальное обстоятельство, въ свою очередь, породило усиленіе эксплуатаціи крѣпостного труда, ухудшеніе соціальнаго и экономическаго положенія народной массы... Параллельно съ задолженностью дворянства развивалась и задолженность русскаго купечества, ведшаго заграничную торговлю, ибо оно было не въ состояніи дорогой иностранный ввозъ оплатить сравнительно дешевымъ русскимъ отпускомъ. Фабрики въ Россіи, при извѣстныхъ успѣхахъ, которыя онѣ сдѣлали со времени Петра В., были все еще слишкомъ слабы, чтобы выдержать конкуренцію съ неизмѣримо болѣе развитымъ западноевропейскимъ производствомъ, и почти свободный доступъ иностранныхъ фабрикатовъ на русскій рынокъ началъ ухудшать и безъ того неблестящее состояніе россійской мануфактуры. Въ результатѣ всего этого, а также продолжавшаго практиковаться въ широкихъ размѣрахъ контрабаднаго ввоза, явилось ухудшеніе торговаго баланса Россіи а вмѣстѣ и пониженіе ея вексельнаго курса [1]). Такая зависимость вексельнаго курса отъ торговаго баланса, какъ мы видѣли (см. второй очеркъ), указывалась весьма настойчиво современниками, и мы, принимая къ тому же во вниманіе вѣсскія по этому вопросу замѣчанія Ильинскаго,—не въ правѣ игнорировать реальную правду предложеннаго объясненія или, по крайней мѣрѣ, значительную долю таковой правды. Задолженность русскаго правительства, какъ внѣ, такъ особенно внутри, задолженность, которая сопровождалась громадными выпусками ассигнацій, обезцѣнившими нашу валюту, очень замѣтно усилила паденіе вексельнаго курса и привела Россію къ коммерческому и фи-

---

[1]) По поводу запретительной мѣры 1793 г. (см. ниже) Шторхъ замѣчаетъ, что торговый балансъ, особенно по С.-Петербургу, уже нѣсколько лѣтъ, какъ пошатнулся къ невыгодѣ для Россіи. (Лодыженскій, цит. соч., стр. 153).

нансовому кризису. Критическое положеніе нашей внѣшней торговли и государственный казны, наконецъ, заставило Екатерину понять, что идея свободной торговли не соотвѣтствуетъ состоянію, какъ народнаго, такъ и государственнаго хозяйства имперіи и что въ области торговой политики необходимо перейти съ новой на старую дорогу, дабы поправить коммерцію и финансы Россіи. Такимъ образомъ и въ сферѣ торговой политики Екатерина II-я въ концѣ своего царствованія пережила извѣстное разочарованіе: то направленіе, которое въ области внѣшней торговли ей представлялось наиболѣе плодотворнымъ и которое „почти вполнѣ“ было осуществлено въ тарифѣ 1782 года, оказалось не по росту ея „маленькаго хозяйства“ и принесло Россіи въ общемъ итогѣ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу.... Русская дѣйствительность до конца дарила ученицу Вольтера и Монтескьё сюрпризами, но эта императрица—надо отдать ей справедливость—не терялась при томъ, а сейчасъ же по достоинству оцѣнивала фактъ и такъ или иначе къ нему приспособлялась. Екатерина осталась вѣрна себѣ и на этотъ разъ. Въ 1793 году (17-го февраля) императрица дала дѣйствит. тайному совѣтнику гр. Безбородко и правящему должность генералъ-прокурора указъ, въ которомъ признала „за нужное пресѣчь ввозъ въ имперію французскихъ товаровъ и торгъ оными, тѣмъ болѣе, что большая часть изъ нихъ служатъ единственно къ излишеству и разорительной роскоши“. Исходя изъ такого рѣшенія, императрица повелѣла обоимъ своимъ министрамъ-иностранныхъ дѣлъ и финансовъ-„немедленно“ и „обще“ съ членами коммиссіи о коммерціи собрать всѣ, относящіяся сюда, свѣдѣнья, обсудить ихъ и представить докладъ „о всѣхъ нужныхъ распоряженіяхъ“ „къ сокращенію мотовства и къ ободренію въ умноженіи собственныхъ россійскихъ произрастеній и рукодѣлій, на пользу государства клонящихся“ [1]). 4-го апрѣля придворный совѣтъ

[1]) П. С. З., XXIII, № 17,103.

заслушалъ проектъ указа, предназначеннаго быть даннымъ Сенату, съ росписью товарамъ и вещамъ, привозъ коихъ въ Россію предполагалось запретить съ распространеніемъ этого запрещенія и „на разные другіе излишніе и ненужные товары“; при этомъ былъ заслушанъ и докладъ коммиссіи о коммерціи по тому „разсмотрѣнію“, которое ей было поручено „обще“ съ гр. Безбородко и генералъ-прокуроромъ Самойловымъ. Совѣтъ нашелъ „означенныя въ проектѣ указа распоряженія приличными и полезными“ [1]). И вотъ 8-го апрѣля (1793 г.) указъ Сенату былъ подписанъ, а указомъ этимъ, упоминавшимся выше въ купеческихъ мнѣніяхъ, запрещалось ввозить въ Россію множество товаровъ, перечисленныхъ въ приложенной къ указу росписи [2]). Какъ въ этомъ указѣ, такъ и въ предшествующемъ отъ 8-го февраля [3]), запретительная мѣра мотивируется „прерваніемъ торговаго и всякаго сообщенія“ съ Франціей, „доколѣ въ государствѣ семъ порядокъ и власть законная въ особѣ короля востановится“, мотивируется, стало быть, соображеніемъ политическаго характера; но, будучи отчасти правдивой, эта мотивировка явилась главнымъ образомъ, какъ удобный предлогъ для рѣзкой перемѣны фронта во внѣшней торговой политикѣ Россіи, предлогъ, напоминающій подобное же объясненіе правительства царя Алексѣя при уничтоженіи привилегій англійской компаніи. Причина означенной перемѣны заключалась не столько въ стремленіи Екатерины наказать французовъ за революцію и казнь короля, сколько въ заботахъ русской императрицы объ улучшеніи нашего торговаго баланса и вексельнаго курса: свидѣтельства, сгруппированныя выше, во 2-мъ

---

[1]) Арх. госуд. сов., I, стр. 605.

[2]) П. С. З., XXIII, 17,111 и кн. тариф. въ П. С. З., т. XLIV, общее дополненіе къ тарифамъ, стр. 43—46.

[3]) Ibid., XXIII, 17,101.

очеркѣ, существенно подкрѣпляютъ такое именно объясненіе [1]).

На предлагаемый комментарій указа 8-го апрѣля наводитъ также разсмотрѣніе росписи запрещенныхъ товаровъ: сюда вошли и такіе, которые привозились не изъ Франціи, а изъ другихъ странъ, — прибавимъ, — западной Европы. Косвеннымъ, но яснымъ доказательствомъ послѣдняго служитъ указъ 2-го мая 1793 г.—о томъ, что указъ 8-го апрѣля не распространяется на торгъ Китайскій, Персидскій и Турецкій [2]): значитъ, апрѣльское запрещеніе, распространяясь на всѣ остальные торги, относится лишь къ западно-европейской коммерціи. Надо однако оговориться. Указъ 8-го апрѣля не игнорируетъ того обстоятельства, что нѣкоторые запрещенные товары ввозились въ Россію не изъ Франціи только, но трактуетъ его какъ неизбѣжное слѣдствіе запрещенія французскихъ товаровъ: дабы предотвратить „провозъ запрещенныхъ товаровъ, подъ названіемъ будто бы въ другихъ мѣстахъ выдѣлываемыхъ“, запрещеніе наложено „и вообще на многіе товары“ [3]). Истинная цѣль этой новой политики, впрочемъ, и не скрывалась Екатериной, когда она приказывала своимъ министрамъ представить ей „мнѣніе“ о распоряже-

---

[1]) Шторхъ полагалъ, что въ упомянутой перемѣнѣ «народно-хозяйственныя соображенія играли такую же роль, какъ и политическія» (Лодыженскій, цит. соч., стр. 153). Не отрицая нѣкотораго значенія за политическими соображеніями, мы думаемъ, что «народно-хозяйственныя соображенія» въ этой перемѣнѣ играли главную роль: галопирующее пониженіе вексельнаго курса, ставившее въ большое затрудненіе не только купцовъ, но и правительство, весьма энергично побуждало Екатерину къ исправленію торговаго баланса посредствомъ запрещенія и стѣсненія ввоза иностранныхъ товаровъ.

[2]) П. С. З., XXIII, 17,120.

[3]) П. С. З., 17111. Роспись запрещенныхъ товаровъ всетаки потребовала разъясненій. Гр. Безбородко представилъ записку «о сумнительствахъ, встрѣчающихся при исполненіи по указу отъ 8-го апрѣля о новозапрещенныхъ къ ввозу въ Россію товаровъ»; эта записка разсматривалась въ придворномъ совѣтѣ, который и разрѣшалъ всѣ «сумнительные» вопросы, придерживаясь буквы росписи; напр.: «по поводу статьи—кожи и подошвы ко-

ніяхъ къ сокращенію мотовства и къ поощренію русскаго производства: согласно съ таковымъ мнѣніемъ 8-го апрѣля и былъ запрещенъ ввозъ разныхъ иностранныхъ товаровъ, преимущественно предметовъ роскоши. Намъ извѣстно, что представители крупнаго русскаго купечества, призванные въ „особенное собраніе“ для подачи своихъ мнѣній о вексельномъ курсѣ, не удовлетворялись даже тѣмъ количествомъ запрещенныхъ статей (97 стат)., которое было помѣщено въ росписи при указѣ отъ 8-го апрѣля, и подали длинныя росписи товаровъ, подлежащихъ, по ихъ мнѣнію, запрещенію въ дополненіе къ прежнимъ. Однако купеческія росписи, предложенныя вниманію „особеннаго собранія“, остались безъ вліянія на роспись, апробованую 8-го апрѣля, ибо первое засѣданіе „особеннаго собранія“ состоялось послѣ этой „апробаціи“—11-го апрѣля; правда обнародована апробованная роспись 26 апрѣля (послѣднее же засѣданіе особеннаго собранія было 20 апрѣля), но тѣмъ не менѣе новой апробаціи не произошло, и роспись 8-го апрѣля прошла „въ народъ“ мимо купеческихъ росписей „особеннаго собранія“. Сравнивая купеческія росписи съ апробованною, мы находимъ, что первыя въ запрещеніи идутъ гораздо дальше второй; если въ апробованной росписи, кромѣ разныхъ предметовъ роскоши, мы встрѣчаемъ изъ товаровъ, далекихъ отъ нея, только деготь, кожи и желѣзо, то въ купеческихъ—гораздо больше подобныхъ же „не

жанныя—вопрошается: всѣ ли кожи запрещаются, которыя въ тарифѣ подъ литерою К означены въ 20 званіяхъ? Совѣтъ разсуждалъ, что поелику въ сей статьѣ просто сказано к о ж и, то и должны тутъ разумѣться всякія кожи вообще»; или по поводу статьи—куклы всякія вопрошается: случающіяся въ привозѣ куклы для дессертныхъ столовъ фарфоровыя входятъ ли въ запрещеніе? Понеже въ статьѣ сей неучинено никакого исключенія, а сказано просто: куклы всякія, то по мнѣнію Совѣта, подходятъ тутъ подъ запрещеніе куклы и дессертныя и фарфоровыя и прочія»; «по поводу статьи водка французская» совѣтъ объяснилъ, что тутъ «разумѣется» «только водка французская», а не испанская и португальская и пр. (Арх. госуд. сов., I, 105—109).

роскошныхъ“ товаровъ: птицы, гвозди, масло коровье, мѣлъ, мясо копченое и соленое, оружіе, перья, рыбы копченыя и соленыя и нѣк. др. [1]) Какъ видно, правительство поняло, что предлагаемое купцами запрещеніе, а также и обремененіе заграничныхъ товаровъ тяжелыми пошлинами равняется почти прекращенію иностраннаго ввоза и въ конечномъ результатѣ ведетъ къ другой крайности—къ угнетенію внутренняго потребителя россійскими фабрикантами и купцами; почему вполнѣ не послѣдовало за Рѣзвыми и Самойловыми, хотя и укрѣпилось въ строго охранительномъ направленіи, которое отчетливо обнаружилось въ утвержденной 8-го апрѣля запретительной росписи [2]). Это направленіе было положено въ основаніе при составленіи новаго тарифа, порученномъ коммиссіи о коммерціи вскорѣ послѣ изданія означеннаго запретительнаго указа, который оказалъ на первыхъ порахъ благопріятное дѣйствіе на нашъ торговый балансъ и вексель-

---

[1]) См. прилож. 1-е и 2-е и кн. тариф., П. С. З. XLIV, общ. доп. къ тариф. 43—46.

[2]) Указъ 8-го апрѣля обрушился на заграничную торговлю, какъ снѣгъ на голову; даже купцы, торговавшіе «съ россійской стороны», з а р а н ѣ е не знали объ имѣющемъ быть запрещеніи, и оно застигло ихъ врасплохъ съ закупленными уже за границей товарами, за которые деньги въ «чужіе края» «большею частью были уже заплачены». Чтобы не повредить русской торговлѣ, правительство, снисходя къ прошеніямъ купечества, представленіямъ администраторовъ и ходатайству коммиссіи о коммерціи (Арх. госуд. совѣта, I т., 609—611), издало цѣлый рядъ указовъ объ отсрочкахъ въ примѣненіи запретительнаго апрѣльскаго указа. П. С. З. XXIII, № 17,133 —ук. 9-го іюня 1793 г; № 17,169—ук. 13-го декабря 1793 г., № 17,170— указъ 17 декабря 1793 г., № 17,215—ук. 14 іюня 1794 г. Въ 1795 г. (29-го мая) было приказано, чтобы въ Курляндскую губернію съ 1-го сентября этого года былъ прекращенъ ввозъ запрещенныхъ товаровъ; но у ж е привезенные допустили продавать въ предѣлахъ Курляндіи; въ 1796 году (3-го апрѣля) былъ опредѣленъ предѣльный шестимѣсячный торгъ для распродажи товаровъ, ввезенныхъ въ Курляндію по 1-е сентября 1795 г., при чемъ было подтверждено о «всемѣрномъ наблюденіи», чтобы запрещенные товары изъ Курляндіи внутрь Россіи «ввезены не были» П. С. З., XXIII, №№ 17,333, 17452.

ный курсъ [1]). Новый тарифъ былъ необходимъ уже потому, что старый былъ существенно парализованъ дѣйствіемъ знаменитаго указа 8-го апрѣля: надо было прежде всего включить въ тарифъ роспись товаровъ, запрещенныхъ въ 1793 году; потомъ предстояли и другія поправки тарифа,—конечно, въ духѣ охранительнаго направленія. Такъ необходимо было включить въ число запрещенныхъ товаровъ тѣ предметы роскоши, которые не попали въ роспись 1793 года; также надо было помѣстить въ тарифъ новые товары, „неименованные“ въ тарифѣ 1782 г.; сверхъ того, составленіе новаго тарифа вызывалось и возвышеніемъ цѣнъ на товары, вслѣдствіе чего, прежняя пошлина на нихъ „содѣлалась несоразмѣрною“, и распространеніемъ государственной территоріи, вслѣдствіе чего русская торговля „приняла новый видъ“. Въ этомъ смыслѣ общій тарифъ и былъ передѣланъ. Хотя, какъ указываетъ г. Лодыженскій, „процентное отношеніе пошлинъ къ цѣнѣ товаровъ было оставлено приблизительно прежнее“ (пошлины были увеличены, но и цѣна на товары поднялась къ этому времени), однако, если мы примемъ во вниманіе включеніе въ новый тарифъ многихъ запретительныхъ статей, то въ общемъ принуждены будемъ отмѣтить совершенно иной характеръ новаго тарифа сравнительно съ тарифомъ 1782 года. На сколько тотъ запечатленъ либеральнымъ принципомъ, на столько этотъ проникнутъ духомъ охраны и покровительства. Такимъ образомъ тарифъ 1796 г. явился

---

[1]) По таможеннымъ вѣдомостямъ, которыя въ 1795 году разсматривалъ Г. Р. Державинъ, балансъ въ пользу Россіи въ 1793 году равнялся 17,362,325 руб., а въ 1794 году, когда запретительный указъ 8-го апрѣля пересталъ быть новостью для иностранцевъ и «они успѣли», по мнѣнію извѣстнаго намъ Ильинскаго, «надѣлать и отправить въ Россію дозволенные товары въ чрезвычайно большомъ количествѣ», торговый балансъ въ пользу Россіи равнялся 10,944,573 руб, т. е. довольно замѣтно ухудшился (см. мою статью Русск. баланс. вѣд., стр. 4 и 5); но имѣя до нѣкоторой степени въ виду эти цифры, слѣдуетъ однако не забывать отрицательнаго воззрѣнія Ильинскаго на тогдашнія балансовыя вѣдомости.

естественнымъ отраженіемъ коммерческаго и финансоваго кризиса, тогда переживавшагося Россіей, и въ извѣстной мѣрѣ того общественнаго настроенія, которое, какъ мы видѣли, столь опредѣленно заявило о себѣ въ „особенномъ собраніи“. Въ числѣ членовъ коммерческой коммиссіи, работавшей надъ тарифомъ 1796 года, были двое, которые съ наибольшимъ рвеніемъ проводили въ тарифъ начала меркантилизма и протекціонизма, это—Козодавлевъ и Державинъ, бывшій тогда президентомъ коммерцъ-коллегіи; благодаря вліянію главнымъ образомъ этихъ лицъ, въ тарифѣ 1796 года „на нѣкоторые товары были возвышены пошлины“ [1]). Этотъ тарифъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что, при изданіи его, было велѣно всѣмъ—и русскимъ и иностраннымъ купцамъ, не исключая и англійскихъ,—платить за привозные товары пошлину сполна ефимками „полагая каждый ефимокъ по 1 р. 20 к.“, а за отпускаемые „ходячими деньгами или банковыми ассигнаціями“ [2]). Тарифъ, изданный въ 1796 г. при указѣ отъ 16-го сентября. Екатерина повелѣла привести въ дѣйствіе съ 1-го января 1797 г., но этого послѣдняго не состоялось, вслѣдствіе того, что царствованіе Екатерины кончилось, а новое началось, между прочимъ, отмѣной и этого распоряженія покойной императрицы [3]). Этимъ мы и закончимъ обзоръ екатерининскихъ тарифовъ, имѣвшій цѣлью изученіе не подробностей, а лишь характерныхъ особенностей этихъ тарифовъ: эти особенности, при сопоставленіи ихъ съ извѣстными намъ изъ первыхъ двухъ очерковъ мнѣніями, даютъ возможность, ясно видѣть, что если въ составленіи первыхъ двухъ тарифовъ (1766 и 1782 г.) Екатерина и ея сотрудники руководи-

[1]) Лодыженск., 155.

[2]) «.....Кромѣ города Риги, такожъ курляндскихъ и литовскихъ портовъ и литовскихъ же пограничныхъ таможенъ», гдѣ было велѣно брать пошлину всю и за всякіе товары ефимками или другою чужестранною серебряною и золотою монетою и слитками».

[3]) П. С. З. XXIII, 17,511; кн. тариф., прил. къ отдѣл. втор. на стр. 10—«о товарахъ, кои въ Россію привозить запрещается, сверхъ тѣхъ, которые особо въ тарифѣ означены». Лодыженскій 154—156.

лись болѣе научной теоріей, чѣмъ практическимъ знаніемъ русской промышленности и торговли, то горькой опытъ либеральной торговой политики, противорѣчившей матеріальному и духовному развитію страны, легъ въ основаніе третьяго екатерининскаго тарифа, заключивъ союзъ со старыми экономическими воззрѣніями.

V.

Регламентація торговли отдѣльными товарами. Монета и банковыя ассигнаціи. Хлѣбъ и нѣкоторые другіе «нужные» товары. Предметы роскоши и вообще «ненужные» товары.

Въ предшествующей главѣ мы познакомились съ общими теченіями въ торговой политикѣ Екатерины. Теперь мы должны перейти къ регламентаціи торга отдѣльными товарами. Она уяснитъ намъ, кромѣ общихъ, и тѣ частные мотивы, которыми руководился законодатель, предпринимая тѣ или другія мѣры.

Монета и банковыя ассигнаціи, будучи денежными знаками и измѣрителями цѣнности всѣхъ остальныхъ товаровъ, въ то же время являются сами товаромъ, имѣющимъ свою рыночную цѣну, которая, какъ и всякая цѣна, измѣняется въ зависимости отъ спроса и предложенія: поэтому предстоящій намъ въ этой главѣ обзоръ всего удобнѣе начать именно съ этого товара—посредника [1]).

§ 1. По тарифу 1766 года вывозъ изъ Россіи денегъ былъ запрещенъ [2]). Такое запрещеніе было не новостью;

[1]) Кн. Щербатовъ, подчеркивая назначеніе монеты, какъ денежнаго знака («монета нѣсть товаръ, но денежный знакъ), тутъ же свидѣтельствуетъ: «всѣмъ извѣстно, что повсюду жиды торгуютъ монетою, червонные обрѣзываютъ, тяжеловѣсную на легковѣсную покупаютъ, и протчее... Они («жиды») всякую у насъ монету всякими образы вытаскиваютъ, а когда надѣлали рублевики легковѣсные, то каждый разсудитъ, коль имъ удобно было вытащить на новые рублевики знатную часть старыхъ, отъ чего серебреная монета и уменьшилась знатнымъ образомъ» (Состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба въ нач. 1788 г., Сочиненія, 691 и 692).

[2]) Запрещеніе—вопреки сенатскому указу 1752 г., но согласно съ точнымъ смысломъ Морского Регламента.

прежними указами 1721, 1744 и 1755 г. былъ накрѣпко запрещенъ не только вывозъ золотой и серебряной монеты, но и ввозъ ея въ имперію, „дабы подъ видомъ россійскихъ фальшивыя въ иныхъ краяхъ сдѣланныя въ Россію не входили". Въ 1769 г. (3-го іюня) „для удовольствія" арміи это запрещеніе на военное время было снято, причемъ въ заграничную русскую армію было позволено вывозить не только золотую и серебряную, но и мѣдную монету; однако это разрѣшеніе касалось „единственно только до заграничной арміи", а во всѣхъ другихъ случаяхъ запрещеніе вывоза и на этотъ разъ было оставлено въ „своей силѣ"; подтверждено было и запрещеніе ввоза въ Россію всякой монеты россійскаго чекана: къ ввозу въ имперію допускалась лишь иностранная монета—червонцы и ефимки [1]). Общая сила запрещенія ввоза въ Россію монеты съ „россійскимъ чеканомъ" была подтверждена и въ 1772 году (28-го марта) [2]), когда для этой монеты было сдѣлано нѣкоторое мѣстное послабленіе: именнымъ, даннымъ Сенату, указомъ (17-го іюня) дозволили крымскимъ и прочимъ татарамъ ввозить россійскую монету, турецкіе червонцы и серебряныя деньги; это дозволеніе явилось въ видѣ уступки татарамъ, „вступившимъ въ вѣчный союзъ съ Имперіей",—ради того, „дабы возобновленную коммерцію не пресѣчь" [3]). Лишь въ 1773 году (27 го февраля) императрица разрѣшила безвозбранный ввозъ и вывозъ червонцевъ на томъ основаніи, что червонцы „не яко монету, но какъ товаръ почитать должно" [4]). Это распоряженіе несомнѣнно было яркимъ отраженіемъ того успѣха, которымъ пользовалась въ правительственныхъ сферахъ новая экономическая теорія. Извѣстно, что въ этихъ кругахъ имѣлись и другіе признаки успѣха озна-

[1]) П. С. З., XVIII, 13,308.
[2]) Ibid., XIX, 13,777.
[3]) Ibid., XIX, 13,823.
[4]) Ibid., XIX, 14,132.

ченной теоріи... Такъ, мы знаемъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ государственныхъ дѣятелей, гр. Э. Минихъ, былъ достаточно либераленъ въ своемъ отношеніи къ вопросу о ввозѣ въ Россію изъ-за границы русскихъ ассигнацій [1])... Но паденіе вексельнаго курса, поставленное въ зависимость, между прочимъ, и отъ ввоза изъ-за границы нашихъ ассигнацій, заставило императрицу взглянуть на дѣло иначе, не съ либеральной точки зрѣнія, а съ консервативной, въ пользу которой въ данномъ случаѣ, вслѣдъ за Сенатомъ уже вполнѣ опредѣленно высказалась и коммиссія о коммерціи [2]).

Въ 1780 г. (8-го октября) былъ изданъ манифестъ, гдѣ объяснялось, что государственныя ассигнаціи учреждены „отнюдь не для общаго оборота внѣ границъ“ Россіи; но принимая во вниманіе, „что можетъ быть нѣкоторое количество ихъ разными случаями вышло изъ Имперіи“ и въ то же время не желая, чтобы „имѣющіе ихъ въ рукахъ своихъ“ за границей „лишилися своихъ капиталовъ“, императрица назначаетъ крайній срокъ (10-е янв. 1781 г.), въ который дозволяется „состоящія внѣ границъ государственныя ассигнаціи“ „высылать“ „чрезъ городъ Ригу въ Санктпетербургъ прямо въ правленіе банковъ“ для учиненія по нимъ платежа; по истеченіи указаннаго срока государственныя ассигнаціи „нигдѣ чрезъ границы“ не должны быть пропускаемы въ Россію, такъ какъ имъ не можетъ быть „свойственнымъ“ „и вывозъ изъ Имперіи“ [3]). Такую законодательную формулировку получило заключеніе, къ которому пришла коммиссія о коммерціи, разсматривая этотъ вопросъ въ 1779 году, [4]) ибо, разумѣется, съ этимъ именно обсужденіемъ слѣдуетъ поставить въ связь констатированный сейчасъ правительственный актъ [5]).

---

[1]) См. очеркъ второй, стр. 98.

[2]) Ibid., стр. 96 и 105.

[3]) П. С. З., XX, 15,071.

[4]) См. выше, стр. 105.

[5]) Такъ какъ въ 1788 году вексельный курсъ снова сильно понизился, то не удивительно, что 26-го апрѣля этого года послѣдовало подтвержденіе

Послѣ запретительнаго манифеста 1780 года, разумѣется, нельзя было отнестись иначе, какъ запретительно же ко ввозу и всякой монеты россійкаго чекана, ибо ассигнаціи „имѣли хожденіе въ Россіи вмѣсто монеты“ [1]). Члены коммиссіи о коммерціи, какъ намъ извѣстно, ссылались на прежніе указы о запрещеніи ввоза въ Россію русской монеты, когда въ 1779 г. рекомендовали правительству аналогичное запрещеніе ввоза сюда же государственныхъ ассигнацій; послѣ манифеста 1780 г. было тѣмъ болѣе невозможно забыть эти старыя касательно оборота россійской монеты узаконенія, и таковая „какового-бъ метала она нибыла“—„всякая“, даже при либеральнѣйшемъ изъ тарифовъ XVIII вѣка, вошла въ реэстръ запрещенныхъ къ привозу товаровъ—...рядомъ „съ россійскими банковыми ассигнаціями“ [2])... Нѣсколько лѣтъ спустя, по секретному указу (2-го ноября 1787 г.) привозъ, да и вывозъ россійской монеты временно разрѣшался до „окончанія войны (2-ой турецк.) и до возвращенія войскъ [3]), а въ 1791 году (23 декабря), т. е. по заключеніи мира съ Турціей, было высочайше предписано почитать русскую „монету и ассигнаціи наравнѣ съ другимъ товаромъ запрещеннымъ“, какъ къ привозу, такъ и къ вывозу [4]). Паденіе вексельнаго курса Россіи, сильно вредившее и русской внѣшней торговлѣ и финансовымъ операціямъ русскаго правительства, поддерживало эту мѣру, на стражѣ которой въ 1793 году встало и „особенное собраніе“.

§ 2. „Вольность“ во внѣшней торговлѣ такимъ предметомъ первой нобходимости, какимъ является хлѣбъ, по вре-

---

о точномъ исполненіи манифеста (1780 г.), запретившаго вывозъ и ввозъ банковыхъ ассигнацій (П. С. З., XXII, 16,654).

[1]) П. С. З., XX, 15,071.

[2]) П. С. З., XLIV—Книга тариф.—прилож. къ отдѣл. втор., стр. 1.

[3]) П. С. З., XXII, № 16,654.

[4]) П. С. З., XXIII, 17,007.

менамъ вступала въ серьезную коллизію съ поднятіемъ хлѣбныхъ цѣнъ на отечественномъ рынкѣ, со „внутренней“ въ хлѣбѣ „нуждой“, съ голодомъ. Этой коллизіей объясняется неустойчивость въ характерѣ относящихся къ торговлѣ хлѣбомъ мѣропріятій. Въ тяжелые для народа годы слѣдовали мѣропріятія запретительнаго [1]) или ограничительнаго характера, касающіяся до вывоза изъ Россіи хлѣба, мѣропріятія, шедшія въ разрѣзъ съ либеральной торговой политикой, которой долго было склонно придерживаться правительство Екатерины II-ой. Такъ, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, Екатерина, присутствуя въ Сенатѣ, повелѣла (указомъ отъ 1-го іюля) до указу запретить отпускъ за границу хлѣба, какъ отъ петербурскаго, такъ и отъ всѣхъ остальныхъ портовъ, причемъ это распоряженіе мотивировалось дороговизной хлѣба, „послѣдовавшей отъ выпуска онаго за море“: дороговизна возникла въ Петербургѣ, и о ней же донесъ изъ Риги генералъ-губернаторъ; но отъ рижскаго магистрата и купечества поступило къ тому генералъ—губернатору прошеніе въ противоположномъ его донесенію смыслѣ, и этотъ администраторъ вновь сообщилъ въ Петербургъ, что „въ хлѣбѣ никакого недостатка тамо впредь послѣдовать не можетъ“; съ другой стороны изъ ревельской губернской канцеляріи было извѣстно, что „отъ выпуску... хлѣба“ „и отъ того ревельскаго порта“ „никакой дорговизны послѣдовать не можетъ же“. На неудобства запрещенія принесли русскому правительству „жалобы“ и иностранные „министры“ при петербургскомъ дворѣ. На этомъ основаніи изъ Риги, Ревеля и прочихъ отзейскихъ портовъ было разрѣшено отправить „за море“ „весь

[1]) Иногда, впрочемъ, въ этомъ вопросѣ имѣли мѣсто соображенія политическаго свойства. Такъ въ 1772 г. (12 ноября) въ придворномъ совѣтѣ гр. Панинъ «предлагалъ о запрещеніи, въ разсужденіи противныхъ шведскихъ намѣреній, хлѣбнаго отпуска, и на сіе Совѣтъ былъ согласенъ» (Арх. госуд. сов., I, стр. 601).

законтрактованный всякій хлѣбъ, какъ родившійся въ тѣхъ мѣстахъ, такъ и изъ Польши привозимый въ нынѣшнемъ 1762 году"; но при этомъ было объявлено, что это дозволеніе—мѣра временная и что на будущее время необходимо „единственное генеральное положеніе учинить"; въ виду послѣдняго намѣренья высшей администраціи въ Отзейскомъ краѣ и „тамошнимъ магистратамъ" было указано „имѣть довольное разсужденіе" „обще съ тамошнимъ духовенствомъ, шляхетствомъ и купечествомъ"—о томъ, какъ „наилучшимъ образомъ" организовать отпускную торговлю, „дабы въ отзейскихъ провинціяхъ въ хлѣбѣ ни малѣйшаго недостатка послѣдовать не могло"; мнѣнія по этому вопросу было предписано прислать отъ „каждаго мѣста" [1]) Вскорѣ, послѣ этого распоряженія, императрица, снова присутствуя въ Сенатѣ, подписала извѣстный уже намъ указъ (отъ 31-го іюля 1762 г.) о снятіи съ торговли разныхъ стѣсненій, въ силу чего, между прочимъ, былъ разрѣшенъ и отпускъ за границу хлѣба отъ всѣхъ портовъ, „не исключая" каспійскихъ и черноморскихъ; пошлину было велѣно платить „половинную" „противу той, какая собирается въ Рижскомъ, Ревельскомъ и Перновскомъ портахъ и на островѣ Эзелѣ". Боясь однако, чтобы страна, а „наипаче армія" не почувствовала недостатка въ хлѣбѣ, отпускъ его изъ Архангельска и Петербурга Екатерина ограничила только „такимъ временемъ", когда на хлѣбъ стоятъ цѣны не выше намѣченныхъ въ указѣ; [2])—въ противномъ случаѣ выпускъ хлѣба

---

[1]) Чулковъ: Историч. описс. т. 12, стр. 3—7. См. также въ П. С. З. болѣе поздній указъ отъ 3 апрѣля 1763 г.—XVI, № 11.785—см. въ немъ и о жалобахъ иностранныхъ министровъ.

[2]) Для Архангельска, когда хлѣбъ въ Москвѣ и другихъ центральныхъ городахъ не выше рубля за четверть, а для Петербурга, когда хлѣбъ въ средней цѣнѣ, вычисленной по петербургскимъ хлѣбнымъ цѣнамъ «изъ пяти лѣтъ», будетъ стоить не выше 1 рубля 56½ коп. за куль въ 9 пудовъ аржаной муки, 1-го руб. 96 коп. за куль въ 8 пуд. 10 ф. крупы, 26¼ коп. за 1 пуд. гороха, 2-хъ рубл. 55½ коп. за четверть пшеничной муки.

изъ означенныхъ портовъ императрица повелѣла останавливать; подобнымъ же образомъ относительно хлѣбнаго отпуска было приказано поступать и во всѣхъ отзейскихъ губерніяхъ; лишь „польскій хлѣбъ“ былъ освобожденъ отъ всякаго ограниченія: вывозъ его „за море“ былъ разрѣшенъ безусловно, „дабы коммерція въ упадокъ не пришла“ [1]). Но принимая во вниманіе и ограничительныя условія, имѣвшія цѣлью охранить внутреннее продовольствіе, легко видѣть, что въ указѣ 31-го іюля отпускъ „за море“ хлѣба былъ объявленъ свободнымъ; въ этомъ распоряженіи однако, какъ и въ другихъ существенныхъ распоряженіяхъ означеннаго указа, Екатерина не была оригинальна: она послѣдовала все за тѣмъ же, отъ 23 марта, указомъ своего супруга, отмѣтившимъ стѣсненіе крестьянина отъ низкихъ цѣнъ на хлѣбъ и потому давшимъ „вольность“ хлѣбному торгу [2]).

Въ 1763 году (4-го апрѣля) было утверждено императрицей опредѣленіе Сената относительно внѣшней торговли хлѣбомъ изъ Лифляндіи; сенатскому опредѣленію предшествовало обсужденіе этого вопроса на мѣстѣ, въ Лифляндіи, какъ мы видѣли выше, порученное правительствомъ не только высшей администраціи, но и высшимъ сословіямъ края. Порученіе это, разумѣется, было исполнено, и „представленія“ мѣстныхъ „чиновъ“ были сообщены губернскими канцеляріями—рижской и ревельской—въ Сенатъ при особыхъ рапортахъ. Отъ Рижской провинціи высказались рыцарство, магистратъ и торгующее купечество, духовенство же уклонилось отъ обсужденія предложеннаго правительствомъ вопроса, „ибо духовенство тамо чина не составляетъ и въ торги не вступается“. Согласно съ узнанными мнѣніями, Рижская „губернія“ „объявила“ правительству слѣдующее: запрещеніе вывоза хлѣба всегда „вредительно“ и „ни по какой причинѣ полезно

---

[1]) П. С. З., XVI, 11,630.

[2]) Семеновъ, цит. соч., ч. II, стр. 11.

быть не можетъ, а потому и торгъ хлѣбомъ, и отпускъ его водою необходимо сдѣлать свободными „на всѣ будущія времена“ „и никогда не нарушать“ „сію вольность никакимъ запрещеніемъ, монополіями или другими какими изъятіями“; „опасеніе“ же „недостатка“ можно предупредить, обративъ тщательное вниманіе на поставку извѣстнаго количества хлѣба въ особые запасные магазины, имѣющіе назначеніе хранить общественный хлѣбъ на „случай неурожая“. Духовенство ревельской провинціи не украсилось скромностью рижскаго, безусловно высказавшись за свободную отпускную торговлю хлѣбомъ, ибо „во всей Эстляндіи и городѣ Ревелѣ торгъ“ „и состоитъ“ „только въ отпускѣ и вывозѣ хлѣба за море“; если же возникнетъ „паче чаянія“ недородъ, дороговизна и недостатокъ, то, по мнѣнію ревельскаго духовенства, эта бѣда въ скорости можетъ быть отвращена „привозами“ хлѣба „изъ прочихъ провинцій“ „сего пространнаго государства“; сверхъ того, въ Ревельской провинціи имѣются, говорило духовенство, „такія учрежденія“, что „убогіе“ „никогда“ „не останутся безъ удовольствія и пропитанія“... Едва ли, послѣ этого, и надо добавлять, что, какъ шлехетство, такъ и купечество стояли за вполнѣ свободный отпускъ хлѣба: шляхетство заявило, что запретительные указы повлекутъ за собой лишь потерю дворянскаго и мѣщанскаго кредита и „всеобщую скудость и бѣдность“, и высказалось, какъ и духовенство, даже противъ ограниченія хлѣбнаго отпуска „нѣкоторой суммой“; магистратъ и купечество, сославшись на „вредительныя слѣдствія“ отъ „запрещенія хлѣбнаго торга“ для дворянства, мѣщанства и даже для „подлаго народа“, протестовали противъ ограниченія хлѣбнаго отпуска не только извѣстной цѣной на хлѣбъ, но и извѣстнымъ срокомъ для вывоза хлѣба за границу. Въ смыслѣ этихъ представленій дѣло было доложено Сенатомъ императрицѣ, которая и утвердила невозбранный отпускъ хлѣба изъ отзейскихъ провинцій, выразивъ въ своей

резолюціи желаніе, чтобы подобное „учрежденіе“ было сдѣлано и для „выпуска хлѣба изъ россійскихъ портовъ“ и при томъ „на всегдашнія времена“ [1]). Устанавливая „вольность“ хлѣбнаго отпуска, Екатерина II-я однако вовсе не была склонна приносить въ жертву этой самой вольности кровный интересъ народа; этотъ интересъ требовалъ, чтобы внутренній потребитель не терпѣлъ недостатка въ хлѣбѣ, чтобы цѣна на этотъ предметъ первый необходимости неумѣренно не поднималась. Вскорѣ, по вступленіи своемъ на престолъ, Екатерина обратила вниманіе на возникшую въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ дороговизну хлѣба [2]) и „на время остановила вывозъ хлѣба за границу, отъ чего въ два мѣсяца наступило вновь изобиліе и все подешевѣло“ [3]). Отсюда, понятно, почему императрица настойчиво приказывала заводить хлѣбные магазины: дабы, поясняла она (въ указѣ 20 августа, 1762 г.), „всегда цѣна хлѣба въ моихъ рукахъ была“ [4]). Дозволивъ въ 1764 г. (23-го сентября), согласно мнѣнію коммисіи о коммерціи, отпускать за границу хлѣбъ изъ Нарвы „не болѣе какъ по 5000 четвертей ежегодно“, а изъ Архангельска до 200,000 четвертей тоже ежегодно [5]), правительство при этомъ внушало, кому слѣдуетъ, о „крѣпкой предосторожности“ „въ тѣхъ мѣстахъ“, „дабы въ случаѣ въ которомъ либо году хлѣбнаго недорода, не только для засѣву, но и на пропитаніе жителей никакого недостатка, а паче голода быть не могло“ [6]). Екатерина не желала, чтобы народъ голодалъ отъ излишняго хлѣбнаго отпуска; но приведенное разумное напоминаніе, конечно, не мѣшало, ей продол-

[1]) П. С. З., XVI, 11.785

[2]) Чулковъ, цит. соч. т. 12, стр. 3.

[3]) Русск. арх., 1865 г., стр. 883 и 885.

[4]) П. С. З., XVI, 11,649.

[5]) «Кромѣ льняного семени, которое оставлено уже прежними указами въ свободномъ выпускѣ». Этимъ указомъ хлѣбъ собственно «Россійскій» былъ освобожденъ отъ внутренней пошлины по 1767 г. «дабы цѣною онъ уравненъ былъ съ Польскомъ и Лифляндскимъ».

[6]) П. С. З., XVI, 12,247.

жать либеральную политику относительно заграничной торговли хлѣбомъ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ и дальнѣйшіе ея указы (1765—1770 гг.). [1]) Отпускъ пшеницы былъ поставленъ въ особо благопріятныя условія. Въ именномъ указѣ 1766 года (13-го апрѣля) было объявлено, что сравнительно съ пространствомъ Россіи „сѣяніе пшеницы весьма малочисленно“, почему оно и „требуетъ особливаго поощренія“. Этотъ земледѣльческій промыселъ сталъ бы развиваться при болѣе высокой цѣнѣ на пшеницу: въ этомъ правительство не сомнѣвалось, но какъ поднять цѣну на данный товаръ? Дать возможно большій просторъ отпуску пшеницы и пшеничной муки „за море“! И вотъ было повелѣно: отпускать пшеницу и пшеничную муку въ теченіи 6 лѣтъ отъ всѣхъ россійскихъ портовъ безпошлинно; лишь порты Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи не получили этого разрѣшенія, будучи оставлены „на ихъ правахъ и привилегіяхъ“; но за то въ россійскіе порты было дозволено привозить пшеницу и пшеичную муку отовсюду изъ Россіи и при томъ не обращая вниманія на то, по какой цѣнѣ продаются эти продукты внутри государства; къ тому же въ порты можно было привозить въ такомъ количествѣ, въ какомъ „кто заблагоразсудитъ“, а въ чужіе края отпускать безъ всякой остановки, — все сполна или по частямъ — тоже „какъ кто заблагоразсудитъ“; относительно Архангельска была сдѣлана лишь та оговорка, что при отпускѣ изъ этого порта пятая часть вывозимой пшеницы и пшеничной муки должна быть оставлена „въ магазинахъ по прежнимъ о томъ указамъ [2])“.

---

[1]) П. С. З., 12 октября 1765 г.—XVII, 12,492; 2 іюня 1766 г.—XVII, 12,668; 7-го іюня 1766 г.—XVII, 12,688; 17-го іюля 1766 г.—XVII, 12,697; 25 іюня 1767—XVIII. 12,921; 13-го августа 1767 г.—XVIII, 12,958; 14-го іюля 1770 г.—XIX, 13,480; 2-го ноября 1770 г.—XIX, 13,529; 8-го декабря 1770—XIX, 13,539.

[2]) П. С. З., XVII, 22,623.

2-го декабря 1771 года тайный совѣтникъ Тепловъ, по приказанію императрицы, объявилъ коммиссіи о коммерціи, чтобы она представила свое мнѣніе, надлежитъ ли продолжить истекающій срокъ выпуска за море пшеницы и пшеничной муки и, если надлежитъ, то на сколько лѣтъ и съ пошлиною или безъ пошлины? Коммиссія посовѣтовала выпускъ продолжить и объяснила, почему не слѣдовало перемѣнять „политику“: „дабы не уменьшить тѣмъ введеннаго уже трудолюбія земледѣльцевъ, поощряемыхъ проистекающею отъ сего выпуска пользою“. „Что же касается“, продолжала коммиссія, «до пошлины съ сего хлѣба, то Ваше Императорское В-во именнымъ своимъ указомъ, даннымъ архангельскому губернатору Головцыну 1770 г. декабря 8 дня Высочайше повелѣть уже соизволили продолжить пшеницы выпускъ отъ 2-го ноября того года еще на 5 лѣтъ безпошлинно, а о достальныхъ 5-ти годахъ въ разсужденіи пошлины повелѣли, чтобы онъ (т. е. Головцынъ) доложилъ Вашему Императорскому В-ву: то дабы сдѣлать о томъ одинаковое постановленіе повсемѣстно, не соизволите ли Высочайше указать выпускъ пшеницы продолжить и отъ С.-Петербургскаго, Темерниковскаго и Астраханскаго портовъ на томъ же основаніи“ [1]). Такъ высказалась коммиссія о коммерціи. Екатерина распорядилась согласно съ отмѣченнымъ мнѣніемъ и указаніями своего совѣщательнаго по торговой части учрежденія. Дозволяя продолженіе безпошлиннаго отпуска и отъ сейчасъ перечисленныхъ портовъ еще на 5 лѣтъ (до 2-го ноября 1775 г.), императрица повелѣла коммерцъ-коллегіи доложить ей, по истеченіи этого срока, относительно пошлины на остальные 5 лѣтъ изъ 10-ти (до 2 ноября 1780 года), на которые разрѣшалось продолжить отпускъ пшеничнаго хлѣба въ зернѣ и въ мукѣ (указъ 28 декабря 1771 г.) [2]).

---

[1]) Государств. арх., XIX, № 314.
[2]) П. С. З., XIX, № 13,726.

Во исполненіе объявленнаго въ процитированномъ указѣ Высочайшаго повелѣнія коммерцъ-коллегія представила Екатеринѣ докладъ (отъ 12-го октября 1775 года), въ которомъ и со своей стороны высказалась объ отпускѣ пшеницы и пшеничной муки „за море“. Сочувственно упомянувъ о прежнихъ либеральныхъ указахъ, коммерцъ-коллегія ходатайствовала предъ императрицей о дозволеніи продолжить безпошлинный отпускъ означеннаго хлѣба изъ всѣхъ россійскихъ портовъ (за исключеніемъ Лифляндіи и Эстляндіи), „дабы ободрить хлѣбопашество“; въ частности изъ Архангельска и потому слѣдуетъ разрѣшить этотъ отпускъ, чтобы „подать способъ къ поправленію жителямъ Казанской и Вятской провинцій“: дѣло въ томъ, что этимъ провинціямъ предоставлено право отпускать свой хлѣбъ только изъ Архангельска и къ тому же онѣ разорены, вслѣдствіе бывшаго въ нихъ „неустройства“ или, говоря опредѣленнѣе, пугачевскаго мятежа. Не безъ нѣкотораго, особаго рода, краснорѣчія коммерцъ коллегія мотивировала свое либеральное мнѣніе: „...Дозволеніе таковое безпошлиннаго отпуска“, читаемъ мы въ ея докладѣ, „коммерцъ-коллегія нужнымъ почитаетъ для того, что по наложеніи на пшеницу и муку пошлины нельзя ожидать, чтобъ россійскіе подданные упражняющіеся въ семъ промыслѣ по дороговизнѣ сихъ товаровъ, неминуемо чрезъ то воспослѣдовать долженствующей, не почувствовали отягощенія, а тѣмъ самымъ не принуждены были отъ толь полезнаго для государства торга въ самомъ его началѣ уклониться, а иностранные отвратясь возвышеніемъ цѣны покупать пшеницу при показанныхъ (С.-Петербургскомъ, Темерниковскомъ, Астраханскомъ и Архангельскомъ) портахъ не покусились доставать оную изъ другихъ мѣстъ [1])“. Въ 1776 году (5-го февраля) именнымъ указомъ было разрѣшено продлить безпошлинный

[1]) Госуд. арх., XIX, № 314.

отпускъ пшеницы и пшеничной муки до 2-го ноября 1780 года—„для поощренія земледѣльцевъ [1])“.

Какъ видимъ, коммиссія о коммерціи и коммерцъ-коллегія были одинаково либерально настроены при рѣшеніи вопроса о заграничномъ отпускѣ русскаго хлѣба и, согласно съ такимъ направленіемъ высшихъ, вѣдавшихъ нашу торговлю, учрежденій, создавались правительственныя мѣропріятія касательно хлѣбныхъ отпусковъ „въ чужіе края“. Но либеральное настроеніе правительственныхъ сферъ то и дѣло сталкивалось съ печальными сюрпризами, которыми дарило Россію ея земледѣльческое хозяйство,—съ неурожаями, недородами, голодовками. Эти сюрпризы и вызывали иное отношеніе къ выпуску за границу хлѣба, чѣмъ то, къ которому были наклонны вліятельныя въ правительствѣ лица: въ обществѣ слышались голоса, призывавшіе къ болѣе осмотрительной политикѣ. Такъ въ 1778 году почти повсемѣстно въ Россіи наступаетъ голодъ; по этому поводу кн. Щербатовъ сейчасъ же пишетъ „разсужденіе“, въ которомъ высказываетъ цѣлый рядъ замѣчаній о нашей внѣшней торговлѣ хлѣбомъ съ цѣлью охладить либеральный пылъ русскаго правительства въ отношеніи къ этой торговлѣ. Кн. Щербатовъ согласенъ, „что во многихъ случаяхъ выпускъ хлѣба помогаетъ ко умноженію земледѣлія и пользѣ государства“; это онъ считаетъ „неоспоримымъ правиломъ“, по загѣмъ, разсматривая это правило въ приложеніи къ Россіи, приходитъ къ заключенію, что „выпускъ хлѣба“ изъ нашего отечества въ „чужіи краи не толь есть выгоденъ для земледѣльцевъ“; цѣна на хлѣбъ, продаваемый ими, т. е. изъ первыхъ рукъ, много не возвышается, и выгоду отъ хлѣбнаго выпуску получаютъ одни купцы, „дающіе впередъ задатки: обогащаяся единые, дѣлаютъ дороговизнь и нужду въ Россіи въ хлѣбѣ“. Но при всемъ томъ,

[1]) П. С. З. XX, 14,430.

кн. Щербатовъ вовсе не сторонникъ полнаго прекращенія хлѣбнаго отпуска; онъ только желаетъ ввести его въ надлежащія границы: „чтобы никогда“, говоритъ этотъ авторъ, „выпускъ хлѣба въ чужіе края, для мнимыя пользы торговли и для прибытку нѣкоего числа приватныхъ людей, пропитаніе у собственнаго своего народа не отнималъ“. Кн. Щербатовъ полагаетъ, что слѣдуетъ „учредить цѣны въ Москвѣ и при портахъ“; эти цѣны будутъ нормой, при помощи которой и будетъ рѣшаться вопросъ: можно позволить отпускъ хлѣба за границу или нѣтъ? Если цѣна хлѣба на рынкѣ не будетъ „превышать положенную сію цѣну, то выпускъ дозволить“; въ противномъ случаѣ выпускъ „останавливается“. Предложивъ такое регулированье внѣшней хлѣбной торговли, при помощи ежегоднаго установленія справочной и при томъ „не низкой“ цѣны, кн. Щербатовъ надѣялся, что это обстоятельство „побудитъ самихъ купцовъ привозить въ довольствѣ хлѣбъ на продажу въ тѣхъ мѣстахъ, дабы имъ выпускъ можно было учинить и тѣмъ обильство въ народѣ, а паче въ столицахъ и при портахъ, содержано будетъ, а излишній хлѣбъ не будетъ выпущенъ [1])“. Это мнѣніе кн. Щербатова не было какою-либо новостью для торговой политики Екатерины: какъ намъ уже извѣстно, императрица прибѣгала и къ остановкѣ хлѣбнаго отпуска, и къ ограниченію такового „положенными“ цѣнами на хлѣбъ въ столицахъ и другихъ важныхъ городахъ [2]). Императрица сама видѣла неиз-

---

[1]) Сочин., С.-Петербургъ, 1896, I, стр. 638—642: «Разсужденіе о нынѣшнемъ въ 1778 г. почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи» и проч.

[2]) Иногда Сенатъ внушалъ объ уменьшеніи вывоза хлѣба, какъ, напр., въ 1772 г. (15 февраля)—изъ Псковской и Великолуцкой провинцій. Въ этихъ провинціяхъ, сообщалось въ указѣ, цѣны «весьма» повысились, потому что вывозятъ въ Лифляндію и Курляндію, гдѣ цѣны на хлѣбъ весьма высоки; «дабы не сдѣлался у самихъ недостатокъ», Сенатъ приказалъ обнародовать «печатнымн указами въ городахъ и селахъ для увѣщанія жителей, чтобы продающіе хлѣбъ въ томъ поступали осторожно и оставляли бы во всякомъ

бѣжность иногда запрещеній во внѣшней торговлѣ. Въ 1776 г. (26-го февраля) Екатерина писала Гримму, что вообще она „не стоитъ за запрещенія, но что иногда они бываютъ полезны“, при чемъ пояснила это замѣчаніе слѣдующими знаменательными словами: „Вы знаете, какія бываютъ послѣдствія отъ неограниченнаго вывоза хлѣба зерномъ [1]). Въ 1778 году хлѣбный выпускъ за море не былъ остановленъ; но онъ былъ серьезно ограниченъ. Вспомнили указъ 1764 г. (15 окт.) и подтвердили выпускать 3-ю часть привозимаго на пильныхъ баркахъ хлѣба и при этомъ брать установленныя пошлины: „со ржи по 6 коп., а съ пшеницы по 9 коп. съ каждой четверти“ (ук. 28 апрѣля 1778 г.) [2]). Другой указъ 1778 года (25-го мая), оставивъ безпошлинный выпускъ пшеницы до 2-го ноября 1780 г., объявилъ, что съ того срока, согласно мнѣнію Эрнста Миниха, будетъ уже взиматься пошлина съ вывозимой пшеницы по отмѣченному указу 28-го апр., т. е. по 9 коп. съ четверти [3]). Съ этихъ поръ пшеница перестала быть привилегированнымъ хлѣбомъ [4]), чѣмъ раньше она въ нашей торговой политикѣ отличалась отъ ржи, не освобождавшейся отъ пошлинъ [5]). Тѣмъ не менѣе правитель-

---

мѣстѣ столько, чтобъ до будущей жатвы» и даже «въ случаѣ недорода... нужду претерпѣть не могли; на казенную же помощь не надѣялися бы таковые» (П. С. 3 XIX, 13,759).

[1]) Русск. арх., 1878 г., 3 т., стр. 27.

[2]) П. С. 3. XX, 14,740; ук. 28 апр (1778 г.) былъ объявленъ во всенародное извѣстіе 8-го мая того же года.

[3]) Ibid., XX, 14,755.

[4]) Ibid., XX, 15,067.

[5]) Можно, впрочемъ, отмѣтить и исключеніе изъ общаго правила—не освобождать отъ пошлинъ рожь: въ 1763 году (17-го сентября) было повелѣно въ Оренбургѣ и крѣпостяхъ этой губерніи продавать Киргизъ-Кайсакамъ безпошлинно в с я к і й хлѣбъ три года, дабы они «чувствовали» «милость Ея Им. В-ва и отъ подданства здѣшней имперіи пользу свою признавали». (П. С. 3., XVI, 11,924).

ство и послѣ 1778 года продолжаетъ стоять за возможную по условіямъ мѣста и времени свободу хлѣбнаго отпуска. [1]) Такъ, напр., указомъ 1782 г. (22 сентября) было разрѣшено вывозить въ чужіе края не только рожь и пшеницу, но также горохъ, овесъ, „крупы всякаго званія“, ячмень, солодъ и гречу, при чемъ предписано брать съ этого товара пошлину по тарифу [2]). Придворный совѣтъ, куда „для разсмотрѣнія“ былъ переданъ этотъ именной указъ, слушалъ его „съ ощущеніемъ живѣйшей благодарности къ Ея Величеству [3])“; послѣ чего указъ и былъ изданъ.

Въ 1786 году „многія губерніи“ были снова постигнуты неурожаемъ [4]). Въ сферѣ торговой политики это бѣдствіе сейчасъ же повлекло за собой... „запрещенія“. Сначала былъ остановленъ (22 іюня 1786 г.) отпускъ хлѣба отъ с.-петербургскаго порта [5]), а потомъ въ томъ же году (23 октября) и именнымъ же указомъ былъ запрещенъ отпускъ за границу ржи и ржаной муки отъ портовъ с.-петербургскаго, онежскаго и архангельскаго. На остальной хлѣбъ это запреще-

---

[1]) П. С. З. XX, 14,846—4 марта 1779 г., XX, 14,874—13 мая 1779 г. или см. у Чулкова, цит. соч., XIV, 324—325; XXI, 15,123—25-го февраля 1781 г. (печатанъ отъ Сената во всенародн. извѣстіе въ мартѣ). Этимъ указомъ разрѣшалось отпускать изъ Архангельска по 200,000 четв. въ годъ «съ платежомъ установленной пошлины»; при чемъ было повелѣно «отставить» «требованье аттестатовъ» о томъ, что привезенный къ порту хлѣбъ «единственно» изъ Казанской губерніи «и дать свободу закупать всякому, гдѣ для него выгоднѣе». XXI, 15,137—16-го марта 1781 г.—этимъ указомъ было разрѣшено отпускать отъ Онежскаго порта за границу хлѣбъ по 10000 четвертей ежегодно съ пошлиною, каковая собирается въ Архангельскѣ.

[2]) П. С. З., XXI, 15,517.

[3]) Арх. госуд. совѣта, I, 602.

[4]) ...«нынѣ», писалъ кн. Щербатовъ немного позднѣе, ...«большая часть государства съ голоду помираетъ». Цѣлый рядъ причинъ этого явленія здѣсь выставляетъ авторъ и между ними: «выпускъ хлѣба въ чужіе края» («Состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба въ началѣ 1788 года» сочиненія, I, 683, 688 и 689).

[5]) П. С. З., XXII, 16.406.

ніе не распространялось и сдѣлано оно было „впредь до будущаго соизволенія [1]). Но вскорѣ, въ 1788 году, вслѣдствіе войны, возникшей со Шведами, было запрещено выпускать хлѣбъ изъ рижскаго и прочихъ портовъ, какъ о томъ узнаемъ изъ протоколовъ придворнаго совѣта, при чемъ послѣдній, оставаясь на той точкѣ зрѣнія, что во время войны не слѣдуетъ разрѣшать свободный выпускъ хлѣба изъ лифляндскихъ портовъ, полагалъ однако, что курляндскій и литовскій хлѣбъ можно было бы дозволить къ отпуску въ чужіе края чрезъ Ригу и что существующаго запрещенія не слѣдуетъ распространять на пшеницу, ячмень и пшено, выпускъ коихъ и въ „самое дорогое“ въ Россіи „для хлѣба время“ былъ дозволенъ, „къ тому же рода сего хлѣбъ и не служитъ здѣсь къ пропитанію простого народа [2])“. Что же касается до будущаго „соизволенія“ на выпускъ ржи и ржаной муки изъ с.-петербургскаго, онежскаго и астраханскаго портовъ, то этой милости для хлѣбныхъ экспортеровъ больше уже не послѣдовало въ царствованіе Екатерины II-ой. Въ значительной мѣрѣ это воздержаніе отъ „разрѣшенія“ было реакціей прежнему, либеральному направленію, которое не останавливалось даже предъ выпускомъ хлѣба „за море“ изъ запасныхъ магазиновъ, о чемъ, напр., свидѣтельствуетъ указъ отъ 9-го января 1776 года [3]). Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ предшествовавшей запретительнымъ мѣропріятіямъ „вольности“ хлѣбнаго экспорта было возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи,— тѣмъ болѣе, что практика жизни далеко не всегда согласовалась съ заботами правительства о томъ, чтобы „не сдѣлался у самихъ недостатокъ“, и смѣло выходила за ограничительныя нормы, установленныя закономъ. Въ „Разсужденіи

---

[1]) П. С. З., XXII, 16,444; Семеновъ, цит. соч., ч. II, стр. 16 и 17.
[2]) Арх. госуд. сов., I, 603 и 604.
[3]) П. С. З., XX, 14,416.

о голодѣ въ 1787 году“ кн. Щербатовъ вспоминаетъ о дозволеніи, данномъ губернатору Головцыну — „выпускать до 200,000 четвертей хлѣба, но и то съ тѣмъ, чтобы губернаторъ сего портоваго города учинилъ сперва сношеніе съ казанскимъ губернаторомъ, и ежели тотъ увѣдомитъ, что въ его губерніи есть излишній хлѣбъ, чтобы выпускъ позволилъ. Но что воспослѣдовало?“ спрашиваетъ кн. Щербатовъ. А вотъ что: въ то время (въ 1775 году), когда, вслѣдствіе разоренія отъ пугачевскаго бунта, „народъ съ голоду помиралъ и поля были необсѣяны“, за море было отпущено не только 200,000 четвертей, „но и болѣе“, при чемъ хлѣбъ скупался „у нужныхъ крестьянъ [1])“, т. е. у припертыхъ къ стѣнѣ нуждой въ деньгахъ и, вѣроятно, боязнью новаго разоренія и, конечно, сбывавшихъ хлѣбъ скупщикамъ по той цѣнѣ, какую давали... Далѣе, изъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ было дозволено отпускать за границу только $^1/_5$ часть ежегодно и при томъ лишь тогда, „когда недостатка въ хлѣбѣ не предвидится“, а между тѣмъ Болтинъ въ сочиненіи, изданномъ въ 1788 году, сообщаетъ, что „весь запасный хлѣбъ былъ истощенъ“ въ продолженіе „многихъ годовъ“ недорода „въ самыхъ хлѣбороднѣйшихъ провинціяхъ“, „и цѣна отъ того вдвое возвысилася“. Болтинъ понималъ, что повысившаяся хлѣбная цѣна обладаетъ извѣстною устойчивостью: она не нисходитъ до прежней, хотя бы и миновались обстоятельства, послужившія къ ея возвышенію [2]). Императрица внимательно слѣдила за цѣнами на хлѣбъ и вообще на всякіе жизненные припасы, и какъ только онѣ возвышались, она старалась узнать, отъ чего это происходитъ и какимъ способомъ устранить дороговизну. Екатерина полагала, что виновниками высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ являются перекупщики: „Въ Петер-

---

[1]) Сочиненія, I, 641.

[2]) Примѣч. на исторію древн. и нынѣшн. Россіи г. Леклерка, т. II, 455.

бургѣ", писала она въ 1787 г. (отъ 13-го іюня) „главнокомандующему" въ этой столицѣ, графу Брюсу, „хлѣбомъ торгуютъ лишь 5 или 6 купцовъ, кои суть плуты не послѣдніе". Плутовство ихъ, вѣроятно, заключалось въ томъ, что они, стакнувшись между собой и тѣмъ самымъ образовавъ что то въ родѣ хлѣбнаго синдиката, искусственно поднимали цѣну на хлѣбъ; для того, чтобы не существовало такой олигархіи въ торговлѣ хлѣбомъ, по мнѣнію Екатерины, надлежало „вводить въ хлѣбный торгъ болѣе купцовъ, чтобы вывести сей торгъ изъ рукъ перекупщиковъ". Вообще же императрица обѣщала (письмо отъ 24 іюня 1787 г.), что она не пропуститъ „взять всевозможныя мѣры къ предупрежденію недостатка (въ хлѣбѣ) и къ пониженію цѣнъ.[1])" Само собой понятно, что не въ соглашеніи перекупщиковъ заключалась основная причина чрезвычайнаго возвышенія хлѣбныхъ цѣнъ; перекупщики лишь пользовались благопріятными для нихъ условіями, а таковыми были, разумѣется, недороды и неумѣренный вывозъ хлѣба за границу[2]) даже изъ запасныхъ магазиновъ. Тепловъ въ своемъ проектѣ „о коммерціи", рекомендуя свободный выпускъ за границу хлѣба, мотивировалъ эту „вольность" тѣмъ соображеніемъ, что внутри Россіи хлѣбъ „за безцѣнокъ не будетъ продаваться"; но по разнымъ причинамъ и въ особенности по только что указаннымъ въ Россіи сталъ получаться уже слишкомъ не безцѣнокъ, дороговизна хлѣба, и правительство пришло къ заключенію, что надо, какъ можно осторожнѣе отнестись къ данной отрасли внѣшней торговли и не поощрять ее на счетъ внутренняго

---

[1]) Русск. архивъ, 1865, стр. 1280.

[2]) Такъ, напр., для поправленія 28 архангельскихъ купцовъ, сильно пострадавшихъ отъ одной неудачной операціи по поставкѣ иностранцамъ хлѣба, правительство въ 1772 году разрѣшило усиленный выпускъ хлѣба изъ Архангельска за море, при чемъ купцамъ внушалось, «чтобы на будущее время поступали осторожнѣе» (Огородниковъ, 229).

потребителя... Такъ въ 1791 году (18-го августа) придворный совѣтъ, выслушавъ рапортъ отъ рижскаго и ревельскаго губернатора графа Броуна о великомъ урожаѣ хлѣба, пеньки, льна и плодовъ [1]), однако на этотъ разъ воздержался отъ согласія на выпускъ хлѣба; въ засѣданіи своемъ отъ 20-го ноября (1791 г.) совѣтъ, снова сославшись на рапортъ Броуна и указавъ, что запрещеніе хлѣбнаго выпуска изъ рижской и ревельской губерній было „учинено единственно по причинѣ настоявшей у насъ войны со Шведами“, уже находилъ, что теперь „полезно позволить съ слѣдующаго года выпускать хлѣбъ за море изъ портовъ обѣихъ губерній на такомъ же основаніи, на каковомъ подобный выпускъ оттуда хлѣба существовалъ предъ послѣднею войною со Шведами“; но императрица не согласилась съ этимъ постановленіемъ, собственноручно написавъ на протоколѣ: „въ будущемъ 1792 году хлѣбный выпускъ еще не дозволяется“. [2]) Далѣе въ 1795 году (5-го сентября) было повелѣно остановить отпускъ за границу пшеничной муки отъ с.-петербургскаго порта, „хотя бы оная уже и на купеческіе корабли погружена была“. [3]) Правда, въ этомъ же году, на нѣсколько дней раньше (1-го сентября) минскому, изяславскому и брацлавскому генералъ-губернатору Тутолмину былъ данъ именной указъ о дозволеніи вывозить изъ управляемыхъ имъ губерній хлѣбъ за границу, вслѣдствіе „представленія“ этого администратора и обильнаго урожая въ означенныхъ губерніяхъ; [4]) правда и то, что въ слѣдующемъ году (19 января) выпускъ всякаго хлѣба былъ разрѣшенъ изъ портовъ губерній Рижской, Ревельской и Курляндской, также изъ губерній Виленской и

---

[1]) Броунъ убѣдился въ урожаѣ по личному осмотру многимъ мѣстъ въ Курляндіи и, кромѣ того, ему сообщили объ урожаѣ изъ Митавы.

[2]) Арх. госуд. совѣт., I, стр. 604 и 605.

[3]) П. С. З. XXIII, 17,378.

[4]) Ibid. 17,377.

Слонимской въ области прусскія; [1]) но при всемъ томъ въ 1796 же году (20 мая) было запрещено вывозить хлѣбъ изъ петербургскаго порта въ порты Рижской, Ревельской и Курляндской губерній для заграничнаго отпуска, при чемъ объявлено, что вывозъ хлѣба былъ разрѣшенъ лишь изъ этихъ послѣднихъ губерній „въ уваженіи на обильный прошлаго лѣта урожай“ въ нихъ, а что запрещеніе вывозить хлѣбъ изъ остальныхъ портовъ остается въ силѣ [2]).

Въ общемъ итогѣ политика Екатерины II относительно внѣшней торговли хлѣбомъ можетъ быть названа либеральной, хотя съ 1786 года въ нее вливается сильная струя обратнаго теченія. Результатомъ сейчасъ отмѣченнаго общаго характера разсматриваемой въ этомъ § политики было то, что внѣшняя торговля хлѣбомъ значительно развилась въ царствованіе Екатерины II-ой [3]), чему, конечно, способствовалъ свободный внутренній торгъ этимъ товаромъ [4]). Развитіе внѣшней хлѣбной торговли въ связи съ нерѣдко нерасчетливыми выпусками хлѣба за границу повлекло за собой весьма солидное возвышеніе хлѣбныхъ цѣнъ, „которыя съ 1760-хъ гг. возросли втрое“ [5]).

Однако, принимая во вниманіе авторитетныя указанія современниковъ, нельзя, мнѣ кажется, думать, что высокая

---

[1]) П. С. З. XXIII, 17430; указъ училъ населеніе умѣренности въ продажѣ хлѣба: «чтобы ...поселяне при продажѣ хлѣба своего имѣли въ памяти примѣръ тѣхъ дикихъ американцевъ, которые по утру продавали свои постели, забывая, что въ тотъ же день къ ночи оныя были имъ нужны ко сну».

[2]) Ibid., 17463.

[3]) См., напр., у Болтина въ «Примѣч.» и проч., т. II, 459 и Прилож. 5-е, гдѣ нами напечатаны данныя, извлеченныя изъ бумагъ государственнаго архива.

[4]) Семеновъ, цит. соч., II, 87. См., напр., именной указъ 1767 года (1-го іюня) объ учрежденіи въ Нижнемъ-Новгородѣ торговой компаніи; компанія образовывалась «для покупки разнаго хлѣба» (П. С. З., XVIII, 12,904).

[5]) А. Лаппо-Данилевскій: Очеркъ внутренней политики императрицы Екатерины II, С.-Петербургъ, 1878, стр. 19.

цѣна за хлѣбъ доставалась самимъ его производителямъ. Понятно, въ мѣстностяхъ, близкихъ къ крупнымъ хлѣбнымъ рынкамъ, особенно въ приморскихъ и, разумѣется, прежде всего въ Отзейскомъ краѣ, гдѣ агрономія стояла на гораздо болѣе высокой ступени, чѣмъ въ остальной Россіи, высокими хлѣбными цѣнами не могли не пользоваться и землевладѣльцы, и земледѣльцы; но такихъ мѣстностей въ Россійской имперіи было немного, а главные раіоны, производившіе хлѣбъ, лежали въ глубинѣ страны, далеко отъ пунктовъ заграничнаго хлѣбнаго отпуска — сѣверныхъ портовъ, и поэтому вполнѣ естественно, что въ большинствѣ случаевъ, при тогдашнемъ крайне затруднительномъ и дорогомъ транспортѣ, скупщики предлагали за хлѣбъ невысокую цѣну, высокой же она становилась уже потомъ, когда хлѣбъ попадалъ въ немногія руки. Сверхъ того, надо не забывать о весьма частыхъ, почти хроническихъ, неурожаяхъ въ тѣ времена, сопровождавшихся необходимостью для народа кормиться покупнымъ хлѣбомъ; отсюда для насъ ясна вся невыгодность высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ для земледѣльческой массы: крестьяне, продавая хлѣбъ вообще дешево, то и дѣло были принуждены покупать его дорого. Но эта необходимость не обходила и помѣщиковъ: нужда крестьянъ въ хлѣбѣ заставляла помѣщиковъ помогать своимъ крѣпостнымъ и деньгами и хлѣбомъ [1]). „Экономія“ помѣщиковъ покоилась на матеріальномъ состояніи ихъ крестьянъ; не даромъ въ одномъ указѣ дворцовой канцеляріи императрица говорила, что въ случаѣ отсутствія магазина съ запаснымъ хлѣбомъ помѣщикъ „въ годъ недорода“ „принужденъ“ или „видѣть“ своихъ крестьянъ „совершенно раззоренными“ или „кормить“ ихъ въ теченіе всего года „съ великимъ себѣ убыткомъ [2])“. Далѣе,

[1]) См., напр., у Семевскаго: Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, т. II, 49.

[2]) Ibid., 90.

не слѣдуетъ забывать также и того, что въ царствованіе Екатерины II многіе помѣщики начали заводить въ своихъ деревняхъ фабрики не только съ крѣпостными, но нерѣдко и съ наемными мастерами, расходы на коихъ увеличивались при дорогомъ хлѣбѣ, ни мало не внушая хозяевамъ надежды на увеличеніе доходности ихъ фабрикъ. Отсюда, думаемъ, ясно, почему кн. Щербатовъ, этотъ страстный поборникъ за дворянскіе, помѣщичьи интересы, такъ горячо возсталъ противъ неумѣренной „вольности“ въ русскомъ хлѣбномъ экспортѣ, слѣдовательно — противъ неумѣреннаго возвышенія хлѣбныхъ цѣнъ. Это возвышеніе еще болѣе возбуждало въ скупщикахъ аппетитъ къ хлѣбнымъ спекуляціямъ, отъ которыхъ очень круто приходилось населенію въ голодные года. Вслѣдствіе всего сказаннаго понятно и то, почему „запрещенія“ 1786 года, вызванныя соображеніями момента, въ особенности заботой императрицы о поддержаніи „умѣренной“ цѣны въ Петербургѣ и прилегающемъ къ нему краѣ, [1]) не были отмѣнены до конца царствованія Екатерины II-ой. Эти „запрещенія“ нужны были для „безнужнаго прокормленія“ населенія—не только по мнѣнію императрицы, но и по мнѣнію дворянскихъ публицистовъ, живо сознававшихъ указанную выше матеріальную связь съ крѣпостнымъ крестьянствомъ. Остальной хлѣбъ не имѣлъ такого универсальнаго значенія, какъ рожь, почему на него и не было наложено запрещенія: по отношенію къ остальному хлѣбу Екатерина осталась вѣрна либеральному принципу. Отступить же отъ послѣдняго, ради интересовъ внутренняго потребителя, было для Екатерины тѣмъ легче, что господами во внѣшней торговлѣ хлѣбомъ были иностранные купцы, которые только одни въ 1793 году и хлопотали въ „особенномъ собраніи“ о разрѣ-

---

[1]) П. С. З., XXII, 96,458—указъ 9 ноября 1786 г.

шеніи выпуска хлѣба за границу и хлопотали безуспѣшно. За то, повидимому, успѣшно въ пользу „разрѣшенія“ дѣйствовали ливонцы [1]) и жители вновь присоединенныхъ польскихъ провинцій: тамъ и особенно въ Отзеѣ вывозъ за границу хлѣба съ давнихъ поръ былъ главнымъ торгомъ, въ которомъ самымъ близкимъ образомъ были заинтересованы не только купцы, но и землевладѣльцы, вліятельные „рыцари“ и „паны“.

Привозъ въ Россію иностраннаго хлѣба былъ на весьма льготномъ положеніи въ царствованіе Екатерины II-ой. Въ тарифахъ—общемъ 1766 года и черноморскомъ 1775 г.—всякій привозный хлѣбъ былъ совершенно освобожденъ отъ пошлинъ. Переходъ къ такому положенію отъ тарифа 1757 г. былъ рѣзокъ: по этому тарифу полагалось платить 23 коп. съ четверти ржи и ржаной муки и по 46 коп. съ пшеницы и пшеничной муки—тоже съ четверти. Хотя тарифъ 1782 года и установилъ въ поощреніе русскому земледѣлію умѣренную пошлину на иностранный хлѣбъ (12 к. съ четв. ржи и ржаной муки, 18 коп. съ четв. пшеницы и пшенич. муки), но тѣмъ не менѣе тогда же для Малороссіи и Бѣлоруссіи было сдѣлано исключеніе: указомъ объ изданіи новаго тарифа (27-го сентября 1782 г.) въ числѣ товаровъ, привозимыхъ изъ Польши и освобожденныхъ отъ пошлинъ, помѣщенъ и „всякій хлѣбъ“, а вскорѣ, въ 1784 году, это исключеніе было раздвинуто и на границы Екатеринославскаго намѣстничества и Выборгской губерніи „для ободренія торгу тамошняго“.

---

[1]) Въ придворномъ совѣтѣ 23 августа 1795 г. было «читано донесеніе генералъ-поручика барона фонъ-деръ-Палена изъ Митавы о приносимомъ отъ курляндскаго дворянства и прочихъ жителей прошеніи, чтобъ позволенъ былъ «свободный выпускъ хлѣба за море». Совѣтъ не нашелъ выпуска хлѣба «излишнимъ». 27-го августа 1795 г. было заслушано донесеніе рижскаго губернатора барона Мейндорфа и съ тѣмъ же успѣхомъ. (Арх. госуд. сов., I, 616—618).

Лишь тарифъ 1796 года, имѣвшій въ виду исправленіе торговаго баланса и покровительство національной промышленности, поднялъ противъ тарифа 1782 г. пошлину вдвое на на всякаго рода иностранный хлѣбъ, который могъ конкурировать съ соотвѣтствующимъ русскимъ хлѣбомъ [1]).

§ 3. Другіе „нужные“ или только „полезные“ товары вызывали тоже особую, кромѣ тарифной, регламентацію, а послѣдняя въ общемъ характеризуется тою же основною чертою, съ которою мы уже хорошо знакомы изъ предшествующаго изложенія—балансированьемъ правительства между коммерческимъ либерализмомъ и тѣми или другими, посторонними торговлѣ, соображеніями. Такъ, напр., соленыя мяса и всякій живой скотъ въ 1762 г. (указ. 31-го іюля) было дозволено отпускать за границу отъ с.-петербургскаго и вообще отъ всѣхъ портовъ, но съ извѣстнымъ ограничительнымъ условіемъ—„дабы въ Петербургѣ дороговизны не послѣдовало:“ „съ такою предосторожностью“, когда мясо въ Россіи не болѣе 2 коп. за фунтъ, а въ Сибири—не болѣе 1 коп. Въ портахъ пошлину велѣно было брать съ этого товара половину той, которая была установлена для украйнскихъ пограничныхъ таможенъ. Уменьшеніе пошлины для торговаго отпуска обусловливалось желаніемъ, чтобы львиная часть барышей ($^4/_5$) не оставалась въ Польшѣ, чрезъ которую изъ Малороссіи прогоняли быковъ на западные рынки—въ Бреславль и Данцигъ. Иначе говоря, русское правительство стремилось привлечь этого рода торговлю въ свои порты и тѣмъ самымъ ослабить выгодное для Польши посредничество въ этой торговлѣ. Съ тою же цѣлью въ Новой Сербіи съ привозныхъ и отпускныхъ товаровъ было ве-

---

[1]) П. С. З., XLIV, Книга тариф., стр. 97—101, 234—238; XXI, 15,520; XXII, 16,109; Чулковъ, цит. соч., XV, 504.

лѣно брать „такую же пошлину, какая и вездѣ собирается“ [1]). Въ 1766 г. (27 октября) было подтверждено: съ соли, провозимый изъ Крыма чрезъ Новороссійскую губернію въ Польшу, не брать пошлину по тарифу—10 к. съ пуда,—а собирать только малую пошлину—2 коп. съ пуда. Это распоряженіе было сдѣлано, конечно, не для того, чтобы лишній разъ блеснуть безкорыстіемъ предъ поляками, а потому, что въ противномъ случаѣ, если брать съ крымской соли, везомой въ Польшу, по тарифу, то русскіе „подданные“ отъ этой торговли „принуждены будутъ отстать“, ибо поляки привозятъ прямо изъ Крыма въ Польшу соль совсѣмъ безъ пошлины; значитъ, распоряженіе было сдѣлано въ интересахъ нашей транзитной торговли солью; при этомъ, по обыкновенію, внушалось, кому слѣдуетъ, внимательно „смотрѣть“, чтобы эта съ малою пошлиною крымская соль не проникала въ Малороссію, гдѣ она могла подорвать торговлю солью, оплачиваемой пошлиннымъ сборомъ по тарифу [2]). Что касается до русскаго отпуска, то мы можемъ отмѣтить цѣлый рядъ поощряющихъ и задерживающихъ его указовъ [3]). Такъ, уменьшивъ пошлину для экспортируемаго отъ Архангельска льняного сѣмени почти на половину [4]), именной указъ 1770 г. (13 декабря) пояснилъ: „непомѣрное обложеніе россійскаго сѣмени пошлиною уменьшаетъ онаго выпускъ

---

[1]) П. С. З., XVI, 11,630; Scherer, цит. соч., I, 184 и 185. Все это было постановлено еще Петромъ III въ указѣ отъ 27-го марта 1762 г. и приведено въ исполненіе Екатериной въ силу ея указа 31-го іюля того же года (у Шерера ошибочно напечатано 1662 г.—стр. 185).

[2]) П. С. З., XVII, 12,769.

[3]) XIX, 13,542—13 декабря 1770 г.; ibid.; 14,151—23 мая 1774 г.; XX, 14,304—23 апр. 1775 г.: XXI, 15,441—25 іюня 1782 г., Чулковъ, цит. соч. XII, 701, П. С. З., XXI, 15, 450—28 іюня 1782 г.,

[4]) У Архангельска брали 83 коп., а въ Рижскомъ портѣ съ такого же польскаго сѣмени 43 коп.; у Архангельска было велѣно брать 43 $^1/_4$ коп.

отъ города Архангельскаго, а потому и отвращаетъ земледѣльца отъ размноженія сего продукта, причиняетъ недостатокъ во льнѣ, слѣдовательно и вредъ наноситъ и полотнянымъ фабрикамъ". Лошади, съ которыхъ при прогонѣ ихъ за границу, сначала платили по 10 рублей съ головы [1]), потомъ были освобождены отъ пошлины [2]); но лишь только возникла надобность въ лошадяхъ для арміи, какъ послѣдовалъ именной указъ, данный екатеринославскому и таврическому генералъ-губернатору кн. Потемкину,—о запрещеніи выпускать лошадей за границу впредь до указа [3]). Тоже самое наблюдается и въ отношеніи заграничной продажи русскаго оружія и военныхъ припасовъ. Въ 1782 г. (25 іюня) [4]) былъ разрѣшенъ отпускъ за границу всякаго оружія, воинскихъ снарядовъ, пороха и кремней [5]), но „вольность" въ этой области нашей внѣшней торговли оставалась тоже „до указа". Въ 1788 г. (10 февраля) повелѣно было остановить отпускъ селитры до окончанія войны [6]), а въ 1795 г. (6 февраля) на вывозъ этого товара было наложено новое запрещеніе „впредь до указа" [7]), и въ томъ же году императрица дала Сенату (17 сентября) слѣдующій лаконическій указъ: „Пушекъ и прочихъ воинскихъ снарядовъ повелѣваемъ, впредь до указа нашего, за море не выпускать" [8]).

Отмѣтимъ важнѣйшія распоряженія относительно отпуска лѣса. Мы знаемъ уже, что лѣсной экспортъ нашего Сѣвера

---

[1]) П. С. З. XIX, 14,202—16 октября 1774 г.

[2]) XX 14,304—23 апрѣля 1775 г.

[3]) XXII, 16,118—23 декабря 1784 г.

[4]) Объявленъ во всенародное извѣстіе въ іюлѣ.

[5]) П. С. З. XXI, 15,441.

[6]) XXII, 16,625.

[7]) XXII, 17,304.

[8]) XXIII, 17,386.

былъ оставленъ въ рукахъ англійскаго купца Гомма до 1789 г., т. е. до истеченія того срока, на который этотъ купецъ получилъ право на широкую эксплуатацію русскаго лѣса раньше, въ 1752 г., изъ рукъ гр. П. И. Шувалова. Русскіе купцы, не имѣвшіе возможности отпускать за границу строевыя деревья, принуждены были обратиться къ дровяной торговлѣ въ чужія государства. Купцы и шкипера просили о разрѣшеніи заграничнаго отпуска „березовыхъ и еловыхъ однополенныхъ дровъ“ въ количествѣ, въ какомъ кто „пожелаетъ“ и съ платежомъ пошлинъ по тарифу; коммерцъ-коллегія, со своей стороны, полагала, что такое позволеніе было бы согласно съ государственною и народною пользою, ибо „на дрова лѣсъ употребляется небольшой“ и такового лѣса, „какъ таможня объявляетъ, состоитъ великое множество:“ необходимо только принять предосторожность, чтобы не было излишняго вывоза и слѣдить за цѣной на дрова и какъ только она поднимется выше 50 коп. за однополенную сажень, такъ сейчасъ же выпускъ останавливать. Въ этомъ же смыслѣ Сенатъ представилъ дѣло императрицѣ, и она „апробовала“ данное предложеніе (ук. 4-го ноября 1763 г.) [1]). Стремленіе расширить внѣшнія торговыя связи приводило правительство къ разрѣшенію не одного дровяного, но и другихъ видовъ лѣсного отпуска; такъ, олонецкій купецъ Поповъ подалъ въ коммиссію о коммерціи прошеніе о томъ, что онъ, „имѣя собственный трехмачтовый флейтъ“, желалъ бы нагрузить его для отправки въ Испанію досками и брусьями изъ сосноваго лѣса: брусьевъ, говорилъ Поповъ, имъ заготовлено 1000, досокъ 9000; при этомъ онъ просилъ, чтобы пошлину за этотъ лѣсъ „взять съ него, Попова, противу Нарвскаго и Кольскаго портовъ и противъ того, какъ и при

---

[1]) П. С. З. XVI, 11,960.

С.-Петербургскомъ портѣ съ погруженнаго при желѣзѣ тесу съ купцовъ берется". Коммиссія, принявъ во вниманіе, что испрашиваемый отпускъ по своей количественной незначительности „отнюдь не можетъ причинить возвышенія цѣны на лѣсъ для покупки здѣшнимъ обывателямъ" и что, съ другой стороны, дозволеніе можетъ поощрить „къ заведенію безпосредственной торговли" съ Испаніею, высказалась въ пользу удовлетворенія просьбы Попова: „сіе дозволеніе", присовокупила коммиссія, „тѣмъ кажется полезнѣе, что въ Гишпаніи для произведенія Россійской тамъ коммерціи и консулъ уже отъ В-го В-ва опредѣленъ". Императрица согласилась съ мнѣніемъ коммиссіи (ук. 12-го мая 1766 г.) [1]).

Хотя правительство, благодаря своей въ общемъ либеральной политикѣ въ разсматриваемое время, и благосклонно относилось къ вывозу за границу русскихъ товаровъ, но тѣмъ не менѣе оно никогда не забывало объ осторожности въ эксплуатаціи лѣса, къ чему призывалъ, напр., И. И. Неплюевъ. Вообще тогда очень хорошо понимали, что туземное сырье пригодится для отечественныхъ потребностей и производства. Такъ, напр., коммерцъ-коллегія, высказываясь за дозволеніе дровяного экспорта, была противъ дозволенія отпускать стяги, шесты, весла, ибо эти вещи „дѣлаются не изъ тонкаго и короткаго лѣсу, а изъ такого, который, со временемъ, какъ уростетъ, можетъ годенъ быть въ принадлежащую на строеніе надобность" [2]). Съ этой точки зрѣнія неудивительно, что „нужные товары" поощрялись къ ввозу въ Россію изъ-за границы весьма рѣшительно. Въ 1764 году (17-го декабря) было разрѣшено привозить изъ Польши въ Малороссію лѣсъ и лѣсные товары не однимъ малороссіянамъ, но и всѣмъ обывателямъ,—напр., раскольникамъ, „да и другимъ, кто бъ

---

[1]) П. С. З. XVII, 12,644.
[2]) П. С. З. XVI, 11,960, стр. 410.

не привезъ“: жители отъ того будутъ удовольствованы, поясняла коммерцъ-коллегія, да и лѣсъ въ Малороссіи будетъ сбереженъ, „въ чемъ общая надобность обстоитъ“. Безпошлинному пропуску подлежали, кромѣ лѣса, разные лѣсные „припасы:“ дрова, посуда, лубья и проч., кромѣ однако дегтя, который привозился съ платежемъ пошлины и, по мнѣнію коммерцъ-коллегіи, совершенно правильно: ибо деготь „выжигается въ Польшѣ, а не въ Россіи, и работа и отъ того пропитаніе остается въ Польской сторонѣ“ [1]).

Какъ извѣстно, тарифъ 1782 г. принесъ съ собой новое облегченіе не только для Малороссіи, но и для Бѣлоруссіи; дозволеніе безпошлинно (въ ук. 27-го сент. объ изд. тар.) привозить въ эти области изъ Польши все потребное „для деревенскихъ жителей“, въ томъ числѣ и „деготь“, въ 1784 году было распространено и на границы Екатеринославскаго намѣстничества и Выборгской губерніи [2]), о чемъ уже было упомянуто по поводу ввознаго хлѣба.

Возникъ вопросъ о привозѣ иностранной соли, правительство и къ этому вопросу отнеслось весьма либерально. Дѣло въ томъ, что русская соль, видимо, не отличалась тѣми свойствами, на которыя расчитываютъ, когда солятъ мяса, почему и не предохраняла ихъ отъ порчи во время транспортированья; мяса, заготовлявшіяся „отъ Адмиралтейства“ „въ заморскій вояжъ“, всегда солились иностранною солью; дабы купцы „охотнѣе“ „отпускать могли“ за границу соленыя мяса, Сенатъ и ходатайствовалъ о дозволеніи привозить иностранную соль въ количествѣ до 25,000 пуд. въ годъ къ Архангельскому порту, а къ Петербургскому столько, сколько надо будетъ „для соленія“, съ платежемъ тарифной пошлины

---

[1]) П. С. З. XVI,12, 294. Чулковъ, цит. соч., III, 466.

[2]) П. С. З., XXI, 15,520, пунктъ 12, стр. 680; Чулковъ, цит. соч. XV, 504; П. С. З. XXII, 16,109.

и съ условіемъ продажи этой соли по той же цѣнѣ, по какой „и россійская соль продается“. На этихъ основаніяхъ привозъ иностранной соли былъ разрѣшенъ:[1]) не удобно было оставаться со своей, не слишкомъ соленой, солью, отъ плохого дѣйствія которой могли пострадать не только потребители, но и данная отрасль нашего экспорта. Въ данномъ и подобныхъ случаяхъ нужды домашней промышленности удачно соединялись съ принципомъ коммерческаго либерализма.

§ 4. Переходя теперь къ регламентаціи торговли предметами роскоши, мы прежде всего отмѣтимъ, какъ правительство относилось къ ввозу въ Россію разнаго рода спиртныхъ напитковъ. Изъ этихъ напитковъ особаго вниманія удостоилась французская водка. Этотъ товаръ былъ включенъ въ питейный откупъ вмѣстѣ съ канцелярскими сборами, „только для того, чтобы увеличивать сумму“ съ этого откупа. О своей заботѣ „увеличивать“ ее императрица заявила весьма опредѣленно въ манифестѣ отъ 1-го августа 1765 года, но, видимо, не желая лишать „вольности“ и французскую водку, Екатерина въ томъ же „манифестѣ“ обнародовала, что по истеченіи въ слѣдующемъ, 1766 году, срока виннаго откупа, французская водка должна быть изъ него исключена и обращена въ „такой же товаръ, какъ и всякое виноградное вино“; что же касается до „опасенія“, что французская водка можетъ подрывать „продажу здѣшняго вина“, „опасенія“, которое вмѣстѣ съ означеннымъ привознымъ напиткомъ могутъ раздѣлять вообще „всѣ виноградныя вина“, то, дабы парализовать такую возможность, было велѣно: пошлину на французскую водку „такъ расположить, чтобъ она отнюдь простому хлѣбному вину и пересиживаемымъ изъ онаго вод-

---

[1]) П. С. З., XVI, 11852,—указъ 9-го іюня 1763 г.

камъ подрыва дѣлать не могла“ [1]). Въ силу этого послѣдняго мотива, пошлина на французскую водку въ тарифѣ 1766 г. была возвышена и привозить ее въ Россію было дозволено „черезъ два только единственно—С.-Петербургскій и Архангельскій—порты“ [2]). Въ виду той же самой цѣли пошлина на этотъ „товаръ“ въ 1769 году была еще болѣе увеличина; тогда же послѣдовало повышеніе пошлины и на подслащенныя водки [3]), на ромъ, а въ 1770 году (22 ноября) пошлинные сборы съ французской водки, арака, рома и шрома были отданы на откупъ, причемъ пошлина съ рому, бывшая почти на половину меньше, чѣмъ съ французской водки, была сравнена съ пошлиной на эту послѣднюю, „понеже ромъ никакого различія въ добротѣ своей съ той водкою не имѣетъ“; отдача на откупъ пошлинъ съ поименованныхъ напитковъ мотивировалась, какъ „единственное средство“ къ возвышенію дохода съ этой статьи; а чтобы откупщики пошлинныхъ сборовъ не стали бы выписывать французской водки столько, что это было бы въ ущербъ казенному интересу, правительство поставило ихъ въ нѣкоторыя ограничительныя условія [4]).

Заботясь о томъ, чтобы привозная французская водка не подрывала русской водки [5]), и въ то же время, не со-

---

[1]) П. С. З. XVII, 12,444.

[2]) См. П. С. З., кн. тар., стр. 18 и 19. XVII, 12,807—28 декабря 1766 г., Чулковъ, цит. соч., II, 276.

[3]) Къ 10 р. 74 коп. по тарифу 1766 г. съ анкера на французскую водку было прибавлено 3 руб. съ анк. см. кн. тар., стр. 18 и 19, и ук. 27 ноября 1769 г., П. С. З., XVIII, 13,388; Чулковъ, цит. соч., II, 283; къ 11 руб. 74½ на всякія подслащенныя водки было прибавлено «еще по 3 руб. по 27 к. на анкеръ, да на ромъ къ платимымъ донынѣ 6 рублямъ по 1 рублю 65 коп. на каждый анкеръ»,—ук. 10 дек. 1769 г., П. С. З., XVIII, 13.392.

[4]) П. С. З. XIX. 13,535.

[5]) П. С. З. XIX, 13,562—ук. 31-го января 1771 г., см. таже Чулковъ, XII, 551 и 552.

всѣмъ равнодушно относясь и къ увеличенію дохода съ ея привоза, правительство не могло быть невнимательнымъ къ представленіямъ компаніи, взявшей на откупъ пошлинные сборы съ этого привоза, ибо оно имѣло въ виду дальнѣйшее возвышеніе откупной суммы. Компанейщики „представили“, что нѣкоторые изъ купечества, желая избѣжать высокой пошлины съ французской водки (по 13 руб. 74 к. съ анкерка), придумали наливать ее „въ чужихъ краяхъ“ „на ягоды“, перемѣняя при этомъ ея названіе; однако получающійся отъ того напитокъ „почти равную имѣетъ крѣпость, какъ и водка французская“; компанейщики, сообщая объ этомъ, привели и фактическія доказательства замѣченнаго явленія, при чемъ высказали желаніе, чтобы имъ позволено было брать съ привозимыхъ „таковыхъ наливокъ“ ту же самую пошлину, какая берется и съ французской водки; Сенатъ постановилъ согласно желанію компанейщиковъ, найдя, что привозимыя вишневки и другія наливки—та же самая французская водка, лишь скрытая подъ псевдонимомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ было приказано, въ удовлетвореніе жалобы компанейщиковъ на кронштадтскую таможню, не притѣснять ихъ довѣренныхъ „при осмотрѣ и печатаніи приходящихъ сюда изъ-за моря кораблей и другихъ судовъ“ [1]). Чрезъ 11 лѣтъ послѣ этого сенатскаго распоряженія, въ 1784 году (11 декабря) былъ объявленъ именной указъ, коимъ „въ пресѣченіе разныхъ злоупотребленій, открывшихся въ привозѣ французской водки“, дозволялось привозить этотъ товаръ къ слѣдующимъ портамъ: С.-Петербургскому, Архангельскому, Нарвскому, Выборгскому, Ревельскому, Фридрихсгамскому, Гапсальскому, Перновскому, Аренсбургскому и Рижскому, „собирая при ввозѣ оной установленную по тарифу (1782 г.) пошлину“ [2]); къ черно-

---

[1]) П. С. З. XIX, 14,064—ук. 12 ноября 1773.

[2]) 14 руб. съ анкерка. см. кн. тариф., отд. II стр. 48.

морскимъ портамъ этимъ указомъ, напротивъ, впредь было запрещено привозить французскую водку: это послѣднее распоряженіе было сдѣлано для того, чтобы поощрить южное населеніе имперіи „къ заведенію дѣланія водки на тотъ образъ“, такъ сказать,—во французскомъ вкусѣ; указанное запрещеніе должно было вступить въ силу съ 1-го марта 1785 года, „дабы торгующіе оною (французской водкой) могли взять свои мѣры по даннымъ отъ нихъ коммиссіямъ“ [1]). Но въ 1793 году и остальные порты были сравнены съ черноморскими по отношенію къ французской водкѣ: она попадала подъ запретительный указъ 8-го апрѣля [2]). Что касается до разнаго рода виноградныхъ винъ, то они, конечно, не могли подрывать продажу домашняго хлѣбнаго вина; привозъ ихъ могъ давать хорошій пошлинный доходъ, почему либеральное екатерининское правительство очень долго, до 1793 г., ничего не имѣло противъ болѣе или менѣе легкаго доступа виноградныхъ винъ въ имперію, ибо въ самой Россіи еще только мечтали о „разведеніи виноградовъ“ [3]); такъ, напр., когда, вслѣдствіе войны съ Турціей прекратилась торговля у Темер-

---

[1]) П. С. З. XXII, 16,107; въ тарифѣ 1782 г. къ черноморскимъ портамъ, къ азовскому и на р. Днѣстрѣ учрежденному было запрещено привозить также испанскія, португальскія и вообще всякія изъ винограда сдѣланныя неподслащенныя водки. См. кн. тар., отд. II, стр. 48.

[2]) См. кн. тар.—общ. дополн. къ тар., стр. 41, Арх. госуд. сов., I, 607.

[3]) См. выше, въ перв. «очеркѣ», «планы» о поправленіи коммерціи. Для поощренія винодѣлія въ «Уставѣ о винѣ» (17-го сентября 1781 г.), ст. 59, было предоставлено право всякому «заводить дѣланіе виноградnаго вина и виноградной водки, не требуя на то иного дозволенія (П. С. З., XXI, 15,231). Но и въ 1798 г. экспедиція государственнаго хозяйства находила, что виноградное дѣло въ Астрахани еще не можетъ дать особенно видныхъ результатовъ; эта экспедиція составила проектъ о разведеніи виноградныхъ садовъ близъ Кизляра и Моздока и на кавказской линіи, проектъ, который и былъ утвержденъ 13 февраля того же года (П. С. З. XXV, 18,375).

никовскаго порта, то императрица, согласно докладу коммиссіи о коммерціи, разрѣшила привозить греческія вина къ С.-Петербургскому порту съ платежемъ той же самой пошлины, которую брали у Темерниковскаго: разрѣшеніе должно было имѣть силу до востановленія торговли у этого послѣдняго порта, „разумѣя 6 мѣсяцевъ“ отъ начала возстановленной торговли (ук. 9 октября 1770 г.) [1]). Въ указѣ 1780 г. (22 сентября) „объ уменьшеніи таможенныхъ пошлинъ съ разныхъ продуктовъ и товаровъ“ весьма значительно была понижена пошлина на венгерскія вина—токайское и столовое: вмѣсто 60 рубл. съ антала мѣрою въ 5 ведеръ императрица повелѣла брать 9 рублей россійскими деньгами съ каждаго такого антала, „а болѣе того не собирать и не платить“ [2]). Но поощреніе привоза иностранныхъ виноградныхъ винъ, какъ тогда думали многіе, имѣло и нехорошую сторону: приливъ на русскій рынокъ пріятныхъ иностранныхъ винъ развилъ вкусъ къ нимъ въ достаточныхъ классахъ общества и повелъ къ усиленію мотовства. Спросъ на эти вина сталъ все болѣе и болѣе увеличиваться, а нашъ балансъ задолженности ухудшаться. Роскошь вообще считалась, да и дѣйствительно была (хотя и не въ той степени, какъ тогда думали), вредной для Россіи, а иностранныя вина были, конечно, однимъ изъ самыхъ вредныхъ видовъ роскоши; отсюда вышло отрицательное отношеніе правительства къ этому предмету ввоза. Въ 1795 году (6 февраля) правительство, подтверждая запретительный указъ 8-го апрѣля 1793 г. [3]), имѣло въ виду

---

[1]) П. С, С., XIX, 13,514; Чулковъ, цит. соч., XII, 534 и 535.

[2]) П. С. З., XX, 15,066; съ другихъ венгерскихъ винъ, «столовыхъ ординарныхъ, какъ-то Эрлавскаго, Будскаго, Руста и прочихъ тому подобныхъ» указомъ 1782 г. (28 іюня) было велѣно брать по 4 рубля Россійскими деньгами съ антала. П. С. З., XXI, 15,449.

[3]) П. С. З. XXIII, 17111, см. въ кн. тариф., III—общ. дополн. къ тар., стр. 43 и 44.

„особливо французскія вина“ [1]), спросъ на которыя въ Россіи, вѣроятно, былъ наиболѣе обширенъ. Но разъ правительство обратилось къ запрещеніямъ и стѣсненіямъ, нисколько неудивительно, что оно повысило пошлину и на ромъ и на „гишпанскую водку“ „въ сообразность... возвышенія цѣны на вино, отъ казны продаваемое“ [2]). Принимая все отмѣченное во вниманіе, можно, кажется, сказать, что правительство въ общемъ довольно искусно балансировало между „вольностью“ и „таможнею“ и даже откупомъ въ своихъ мѣропріятіяхъ относительно заграничныхъ спиртныхъ напитковъ разнаго рода; въ концѣ же концовъ, найдя нужнымъ позаботиться о торговомъ балансѣ, оно рѣзко измѣнило свое отношеніе къ ввозимымъ спиртнымъ напиткамъ, какъ къ такимъ предметамъ, которые способны конкурировать внутри имперіи съ россійскимъ виномъ и слишкомъ увеличиваютъ вывозъ денегъ изъ государства.

Обращаемся къ регламентаціи внѣшней торговли табакомъ, когда-то считавшимся не только ненужнымъ, но и богопротивнымъ зеліемъ, за употребленіе коего, по указу царя Михаила и Уложенію царя Алексѣя, полагалась смертная казнь; но Петръ В. самъ началъ курить, и табакъ сдѣлался регаліей, будучи отдаваемъ большею частью на откупъ частнымъ лицамъ; въ 1727 г. табакъ былъ предоставленъ вольнымъ предпринимателямъ, а въ 1748 г. вновь объявленъ регаліей; черезъ 10 лѣтъ, послѣ того (въ 1759 г.), это „зеліе“ попало въ фаворъ у знаменитаго гр. П. И. Шувалова и послѣдній взялъ его въ откупное содержаніе на 20 лѣтъ [3]), изъ какового состоянія табакъ былъ освобожденъ, какъ

---

[1]) П. С. З., XXIII, 17,303.

[2]) П. С. З. XXIII, 17425: вмѣсто 14 руб. было велѣно брать 20 рубл. съ анкерка.

[3]) Толстой, Исторія финансовыхъ учреж., 174.

о томъ сказано выше, Екатериной II въ 1762 г. (31-го іюля). Эта императрица, лишивъ наслѣдниковъ гр. П. И. Шувалова табачнаго откупа, сдѣлала табакъ вольнымъ товаромъ [1]). Однако на этотъ вольный товаръ сейчасъ же возымѣлись нѣкоторые виды... Г. Н. Тепловъ сочинилъ проектъ, въ которомъ, преподавая о томъ, какъ развить табачное производство въ Россіи [2]), конечною цѣлью ставитъ организованіе табачной торговли „въ чужія государства“. Обращая свое вниманіе главнымъ образомъ на Малую Россію, Г. Н. Тепловъ указываетъ, что здѣсь нѣтъ „почти никакого торгу“, „кромѣ пенечнаго“, „почему и во всей Украйнѣ“ нѣтъ „ни единаго“ капиталиста, „который бы купечествомъ знатенъ тамъ учинился“. „Продукты“ Украйны, сообщаетъ далѣе Тепловъ, или „не годятся для выпуску“ или же ихъ количество такъ невелико, что ихъ едва ли хватаетъ на потребности туземнаго населенія. Малороссы, по мнѣнію этого автора, не стремятся къ развитію промышленности вотъ почему: „положеніе земли ихъ, говоритъ онъ, „удаленное отъ моря и рѣкъ портовыхъ, малая домашняя консомація и границы, тяжелымъ тарифомъ затворенныя, послѣдній духъ ихъ къ промысламъ умертвили“. Отсюда весьма плачевные экономическіе результаты: самое земледѣліе въ Украйнѣ „въ небреженіи“, а что касается до „фабрикъ и рукодѣлій“, то ихъ нѣтъ и слѣда; такимъ образомъ и выходитъ, что „въ благословенной плодородіемъ странѣ люди бѣдны, наги, а часто и голодны“. Въ числѣ продуктовъ этой страны имѣется „съ нѣкотораго времени“ и табакъ, но онъ, будучи невысокаго качества и низкой цѣны, „служилъ только въ употребленіе простому народу“; о заведеніи же плантацій добраго табаку и оптовой торговли имъ за границу никто въ Малороссіи „не по-

[1]) П. С. З. XVI, 11,630, стр. 38.
[2]) Ibid., 11,777, стр. 178—189.

мышлялъ". Такое дѣло задумалъ гр. П. И. Шуваловъ „на свою собственную корысть"; „подъ видомъ прибыли государственной", этотъ предприниматель получилъ на торговлю табакомъ монополію, которая, подавивъ и то табачное производство, которое существовало въ Украйнѣ, не повела однако къ установленію нашей заграничной табачной торговли, съ самаго начала скомпрометировавшей себя во Франціи „негодностью товара" и подлогами въ вѣсѣ и потому потерявшей тамъ кредитъ. Теперь настало другое время: „благополучно царствующая государыня" „отрѣшила" „вредныя монополіи", и „табакъ малороссійскій въ свободной продажѣ"! Вотъ теперь-то, по мнѣнію Теплова, и наступила, наконецъ, пора „помыслить, какимъ бы образомъ оную вольную торговлю, т. е. куплю и продажу табаку, добровольною покупкою у земледѣльцевъ и промышленниковъ, обратить на пользу государственную". Тепловъ „помыслилъ", и плодомъ его коммерческихъ размышленій явилась слѣдующая организація, въ которую онъ намѣревался заключить русскую табачную торговлю. Во главѣ всей табачной торговли въ Россіи должны быть поставлены „двѣ конторы купеческихъ и на купеческомъ основаніи и порядкахъ, а не на канцелярскихъ обыкновенныхъ обрядахъ": одна въ Малороссіи, въ г. Ромнѣ, другая въ С.-Петербургѣ; первая контора будетъ вѣдать подряды табаку въ магазины и разными поощрительными способами стремиться къ размноженію табачныхъ плантацій, вторая и „главная", „имѣя капиталъ денежный въ своихъ рукахъ", будетъ „учреждать" въ Россіи табачныя фабрики, расплачиваться казенными деньгами за поставленный по подрядамъ табакъ, заключать съ чужестранными купцами контракты и „содержать всю коммерцію и балансъ въ торговлѣ", т. е. ближайшимъ образомъ будетъ руководить движеніемъ всей табачной торговли. Означенныя конторы должны быть подчинены „главному директору, ни у кого по сему дѣлу въ командѣ

не состоящему“: этотъ „директоръ“ никому и отчета не отдаетъ, кромѣ того лица или мѣста, которому сама императрица своимъ указомъ „повелитъ“ „свидѣтельствовать счеты“; всѣ служители въ обѣихъ конторахъ назначаются „главнымъ директоромъ“. Какъ изъ этихъ, такъ и изъ другихъ чертъ тепловскаго табачнаго проекта, видно, что здѣсь имѣлось въ виду сосредоточенье всей крупной торговли табакомъ въ рукахъ главнаго табачнаго директора, управляющаго этою торговлею при помощи своей петербургской конторы: содержа табачныя лавки, эта контора „дѣлаетъ продажу внутреннюю по городамъ“ и она же „мѣняетъ на товары привозный табакъ и въ томъ свой барышъ спискиваетъ, словомъ она содержитъ весь балансъ сего торгу“. А такъ какъ члены этой конторы, равно какъ и малороссійской, вполнѣ зависятъ отъ главнаго директора, то ясно, что во всѣхъ предоставленныхъ конторамъ операціяхъ онъ—все, а конторы лишь органы его управленія. Этотъ главнокомандующій табачною частью въ Россіи, по проекту Теплова, долженъ слѣдить за успѣхами имѣющихъ быть учрежденными петербургскою конторою табачныхъ фабрикъ, и когда онѣ „совершенные опыты покажутъ своихъ успѣховъ“, тогда главный директоръ долженъ испросить у Ея Имп. В-ва запрещеніе ввоза въ Россію всякаго иностраннаго табака: чтобы здѣсь „довольствовалйсь“ „Россійскимъ“; однако при этомъ главный директоръ долженъ также „дать обязательство“, что онъ въ своихъ лавкахъ будетъ содержать не только то количество табаку, которое до запрещенія привозилось изъ-за границы, но и бо́льшее „для выпуска въ чужія государства“. „Симъ образомъ“, заключаетъ Тепловъ, „жители малороссійскіе будутъ богатѣть, золото и серебро то, которое теперь платится за табакъ заморскій, въ государствѣ останется, казна прибыль будетъ получать изъ отпуска простого и дѣланнаго табаку за море и изъ продаваемаго внутрь государства, и сіе все время отъ времени

будетъ возрастать, только бы смотрѣніе и добрая дирекція не ослабѣвали". Императрица, ознакомившись съ обширнымъ тепловскимъ проектомъ, апробовала (1763 г.) его и повелѣла Сенату „хранить оный въ секретѣ", а самому Теплову, получившему со своего проекта точную копію, было „препоручено главное сего дѣла правленіе"; при этомъ императрица, поставивъ весь табачный промыселъ подъ свое „собственное вѣдѣнье и протекцію", повелѣла „имѣть" казенную печать „по сему промыслу" и службу при немъ „въ командѣ" у Теплова „вмѣнять" въ государственную службу [1]). Не трудно видѣть, что придуманная Тепловымъ организація табачнаго промысла являлась замаскированной правительственной монополіей на крупную табачную торговлю, особенно на заграничную: очевидно намѣревались „вольность" производства табаку" въ Малороссіи и поставокъ его въ табачныя лавки соединить съ казеннымъ барышемъ отъ оптовой торговли табакомъ, ведомой, хотя и „на купеческомъ основаніи", но особо довѣреннымъ правительственнымъ лицомъ, подъ вѣдѣніемъ и протекціей императрицы, чрезъ конторы, составленныя изъ прикащиковъ—чиновниковъ [2]). Теперь для читателя еще болѣе уясняется то, раньше отмѣченное, обстоятельство, почему Тепловъ отнесся отрицательно къ поставленному въ коммерческій „планъ" вопросу о казенныхъ товарахъ: (см. выше, стр. 77 и 78) обсуждать его не представлялось надобности, такъ какъ рѣзко-опредѣленно

---

[1]) П. С. З., XVI, 11,777—при манифестѣ 14-го марта 1763 г. А «чтобы россійскому табаку подрыву не было, на китайскій табакъ шаръ въ 1763 г. была наложена пошлина съ каждаго фунта по 10 коп. Чулковъ, VII, 330 и 331.

[2]) См. о поощреніи выпуска изъ Россіи табаку за границу въ указахъ 1774 г. (24 февраля) и 1778 г. (25 апрѣля и 8 мая) П. С. З XIX, 14,129; XX, 14, 737. См. также кн. тариф., отдѣл, I, 94 и 95; отдѣл. II, 218 и 220.

его не желали ставить. Тепловъ, какъ и Екатерина, не былъ послѣдовательнымъ сторонникомъ свободой торговли. На правительственную иниціативу, опеку и регламентацію въ дѣлѣ развитія торговли этотъ дѣятель возлагалъ большую надежду. „Не довольно того“, говоритъ онъ въ своемъ проектѣ „о коммерціи“, „что надобно стараться искать новыхъ источниковъ въ коммерціи, *но и весьма полезно и на то законы сдѣлать*, чтобъ наши товары выходили въ чужія государства съ такою обдѣлкою и вырабатываньемъ, дабы расходъ на оные лучшій былъ и нашимъ бы продуктамъ и матеріаламъ тамъ преимущество отдавали, а отъ того и торгъ таковыхъ долговѣчнѣе въ рукахъ нашихъ оставаться будетъ. *Такимъ же образомъ о табакѣ уже распоряженіе сдѣлано*; а много еще подобныхъ тому продуктовъ есть, о которыхъ по коммерціи нашей выправиться должно“ [1]). Если мы примемъ во вниманіе мысль устроить русскую торговлю такъ, какъ „о табакѣ учрежденіе сдѣлано“, и припомнимъ „Меморіалъ Россійской Коммерціи“ (см. выше, стр. 39), то мы невольно придемъ къ заключенію о томъ, что именно такого рода desiderata имѣлъ въ виду неизвѣстный авторъ этого послѣдняго произведенія, когда говорилъ, что цѣль проектированной своекорыстными прожектерами „коммиссіонерской конторы или генеральныхъ прикащиковъ“ сдѣлаться „генеральными хозяевами“ русской торговли (см. выше, стр. 40 и 41). Такого „учрежденія“ однако не было сдѣлано, и русская торговля, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя, въ ея цѣломъ пользовалась при Екатеринѣ II-ой „вольностью“, возвѣщенной словами французскаго публициста въ Наказѣ и вполнѣ гармонировавшей съ той свободой, которая была установлена императрицей для фабрично-заводской промышленности [2]).

---

[1]) С.-Петербургскія Вѣдом. 1872 г., № 92; Рукоп. Имп. Пуб. Биб., отдѣл. II, № 55.

[2]) Нисселовичъ: Исторія заводско-фабричнаго законодательства Россійской Имперіи, ч. II, стр. 89, 91—96.

Поощряя свободную конкуренцію въ дѣлѣ заведенія фабрикъ, Екатерина однако не забывала и опекать ихъ путемъ казенныхъ ссудъ и другихъ поощрительныхъ мѣръ [1]). Въ 1763 году (6-го іюня) компанейщикамъ плащильной фабрики было дозволено выписывать изъ-за границы потребное имъ золото и серебро, каковые металлы разрѣшалось отпускать имъ и съ монетнаго двора [2]). Дозволеніе на полученіе изъ-за границы иностраннаго золота и серебра являлось исключеніемъ [3]), ибо еще въ 1762 году (20 августа) было объявлено запрещеніе выписывать парчи „по причинѣ“, поясняла императрица, „что черезъ годъ отъ моей коронаціи заказано будетъ золото, серебро и кружева носить“ [4]).

Екатерина, подобно многимъ ея современникамъ, была убѣждена во вредѣ „роскоши“ для государства и общества, почему даже въ либеральную пору царствованія этой императрицы мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ указовъ, запрещающихъ или отягощающихъ ввозъ въ Россіи различныхъ „ненужныхъ“ предметовъ, какъ-то: крашенныхъ мѣховъ, каретъ, игорныхъ

---

[1]) Ibid., 90 стр.; П. С. З., XVI, 11,622—указъ 19 іюля 1762 г.—о наложеніи пошлинъ на привозъ шелковыхъ чулковъ по 6 р. ефимками и о недозволеніи въ теченіи 5 лѣтъ вновь заводить фабрики—покровительство фабрикѣ Ягужинскаго; XIX, 13,878—ук. 9 окт. 1772 г.

[2]) П. С. З., XVI, 11,848.

[3]) Равно какъ дозволеніе (30 апрѣля 1763 г.) азіатскимъ купцамъ продавать въ Оренбургѣ (но не внутри Россіи) разные товары и между ними—золото, серебро и алмазные вещи повольными цѣнами; объ алмазахъ и др. драгоцѣнныхъ камняхъ «отмѣнной величины или чрезвычайной доброты» было велѣно (оренбургской губерниск. канцеляріи) представлять въ Сенатъ (XVI, 11,807).

[4]) П. С. З., XVI, 11,649.

картъ и пр. [1]). Попадающіяся исключенія изъ этого общаго правила не имѣютъ серьезнаго значенія [2]).

Развитіе контрабанды, вторженіе къ намъ преимущественно удобныхъ для нея „роскошныхъ“ товаровъ, ухудшеніе баланса и вексельнаго курса заставили правительство, послѣ либеральнаго тарифа 1782 года, рѣзко измѣнить направленіе торговой политики. Указъ 1789 г. (26 іюня), запрещавшій ввозить въ Россію иностранные товары чрезъ сухопутную западную границу, прекращеніе торговыхъ сношеній съ Франціей и запретительный указъ 1793 г. были наиболѣе важными коммерческими мѣропріятіями, въ которыхъ проявилось возродившееся старое отношеніе къ внѣшней торговлѣ, имѣвшее цѣлью уменьшить контрабанду, поправить балансъ и вексельный курсъ. Какъ упоминалось выше, запретительный апрѣльскій указъ 1793 г. устранялъ изъ сферы иностраннаго ввоза въ Россію главнымъ образомъ такіе то-

---

[1]) П. С. З. XVII, 12,374—12 апр. 1765 г.: именной, объявленный изъ Сената о запрещеніи носить и ввозить въ Россію крашенные мѣха, кромѣ черныхъ и бѣлыхъ; XVII, 12,462—31 августа 1765 г.: по докладу гр. Миниха, императрица повелѣла брать пошлину со старыхъ каретъ и колясокъ; на таковыя въ тарифѣ пошлины не положено и «подъ видомъ старыхъ» стали ввозить новыя литъ со старыми или только немного поѣзженными колесами; XVII, 12,530—21 декабря 1765 г.—сенатскій по Высочайше утвержденному докладу коммиссіи о коммерціи: объ увеличеніи пошлины на привозныя игорныя карты, о клейменіи оныхъ и о запрещіи употреблять неклейменыя; XIX, 13,411—8 февраля 1770 г. именной, объявленный Сенату сенаторомъ Елагинымъ: о невывозѣ изъ-за границы золотыхъ и серебряныхъ парчей и тому подобныхъ матерій—въ повтореніе прежнихъ указовъ.

[2]) П. С. З., XX, 14,256—въ указѣ 18 февраля 1775 г. о нетребованіи пошлинъ съ привозимыхъ къ аманатамъ вещей для ихъ собственнаго употребленія; XVIII, 12,887—высоч. резолюція на докладъ коммиссіи о коммерціи 28 апрѣля 1767 г.: о дозволеніи рижской крамерной компаніи выписывать карты для отпуска въ Польшу, Литву и Курляндію безъ клейма, съ платежемъ прежней пошлины.

вары, которые съ точки зрѣнія тогдашнихъ протекціонистовъ были „ненужными“, излишними для Россіи [1]).

VI.

Регламентація торговли на отдѣльныхъ путяхъ. Чрезъ моря: Балтійское, Бѣлое, Азовское, Черное и Средиземное, Каспійское. На дальній Востокъ.

§ 1. Въ 1788 году коммиссія о коммерціи свидѣтельствовала, что петербургская торговля „составляетъ болѣе нежели $^2/_3$ всего торга въ государствѣ“. Во всякомъ случаѣ, С.-Петербургскій портъ по величинѣ заграничнаго торговаго оборота значительно превосходилъ не только балтійскіе же, но и всѣ остальные порты Россіи екатерининской эпохи [2]). Съ открытіемъ еще при Петрѣ В. Вышневолоцкаго канала, въ Петербургъ пошли произведенія Поволжья, Покамья и Сибири, а также и „восточные товары“ изъ-за Каспія. Товарное движеніе по Вышневолоцкому каналу по направленію къ Петербургу веселило взоръ Ради-

---

[1]) Отмѣтимъ еще именной указъ, объявленный генералъ-прокуроромъ, 7-го декабря 1794 г.: «о невывозѣ пряжекъ и тарлатана изъ-за границы» (П. С. З., XXIII, 17,275). Съ другой стороны, въ разрѣшеніи сбывать за границу то, что было запрещено продавать въ Россіи, разумѣется, слѣдуетъ видѣть не одно «милосердіе» монархини, но и все ту же заботу о поправленіи баланса, приводившую къ запрещенію ввоза «ненужныхъ» товаровъ. Такъ напр., фабрика Лелюхина, на которой выдѣлывался кунцевскій бальзамъ, должна была бы прекратить свое существованіе, такъ какъ приготовленіе этого снадобья было дозволено только аптекамъ; но Екатерина снизошла къ просьбѣ Лелюхина, дозволила ему продолжать производство бальзама на его фабрикѣ, лишь не для внутренняго сбыта, а для отпуска за море (П. С. З. XXIII, 17,487, ук. 16-го іюля 1796 г.).

[2]) См. Прилож. 6-е

щева [1]). Однако своимъ выдающимся положеніемъ въ торговлѣ С.-Петербургскій портъ былъ обязанъ не только каналу, соединившему Востокъ съ Западомъ, и не только своему мѣсту при императорской резиденціи, но и тому обстоятельству, что, начиная съ Петра В., торговля означеннаго порта пользовалась таможеннымъ поощреніемъ въ ущербъ другимъ портамъ [2]). Екатерина II-я, наблюдая, чтобы другіе порты не подрывали торговли Петербургскаго, равнымъ образомъ начала заботиться и о томъ, чтобы торговля по возможности безпрепятственно развивалась и въ другихъ портахъ. Такъ, внявъ представленію рижскаго генералъ-губернатора Броуна и мнѣнію коммиссіи о коммерціи, что торговый упадокъ г. Пернова произошелъ отъ запрещенія лѣсной торговли и что слѣдуетъ разрѣшить этотъ „главный“ здѣсь „торгъ“, императрица, согласно съ мнѣніемъ коммерческой коммиссіи, дозволила торгъ дровами и лѣсомъ въ Перновѣ и лѣсной отпускъ отсюда за границу (ук. 3 августа 1764 г.) [3]). Попеченія прилагались и къ нарвской [4]) и къ ревельской [5]), и къ рижской торговлѣ [6]). Не повторяя здѣсь сказаннаго выше объ

---

[1]) Шторхъ свидѣтельствуетъ, что большая часть товаровъ изъ внутреннихъ областей прибываетъ въ Петербургъ чрезъ Вышневолоцкій каналъ (Cours d'économie politique, изд. 1815 г., VI, 101 и 102).

[2]) Семеновъ, Изученіе историч свѣд. о россійской внѣшней торговлѣ, I, 144—146.

[3]) П. С. З. XVI, 12,221.

[4]) Ibid., XVIII, 12,912—ук. 13 іюня 1767 г.

[5]) Ibid., XVII, 12,622—ук. 12 апр. 1766 г.; XVIII, 12,888—Высоч. утвержд. докл. съ приложеніемъ инструкціи для поправленія ревельской коммерціи—28 апр. 1767 г.

[6]) Ibid., XVII, 12,620,—10-го апрѣля 1766 года; 12,635—ук. 4-го мая 1766 г.; Чулковъ, цит. соч., XIV, см. въ Уставѣ о рижск. коммерціи (1765 г.), напр., пунктъ 1) «Лифляндскія сырыя кожи, мяса и пряжу безпрепятственно за море отпускать дозволяется», стр. 349; II. С. З., XVII, 12,518; Чулковъ, II т., стр. 469: въ 1766 г. треску, ввозъ которой въ Россію изъ-за границы былъ не дозволенъ, было разрѣшено привозить въ Ригу и пропускать внутрь Лифляндіи. Поощрялось и заведеніе своихъ кораблей, указъ 25 янв. 1767 г., XVIII, 12,826.

уравненіи отзейскаго тарифа съ общимъ, мы отмѣтимъ лишь тотъ фактъ, что среди портовъ собственно балтійскаго побережья особаго вниманія государственной власти удостоилась рижская торговля; такъ екатерининское правительство, напр., заботилось о безпрепятственномъ транзитѣ товаровъ изъ Петербурга за границу и обратно чрезъ Ригу, повидимому, ради выгодъ этого порта желая заграничную торговлю петербургскаго порта направить чрезъ рижскій [1]). Весьма серьезно также было облегчено товарное движеніе между Ригой и сосѣдями Лифляндіи (поляками, литовцами и курляндцами) [2]), а потомъ между Ригой и присоединенными отъ Польши провинціями [3]). Это тѣмъ болѣе было кстати, что именно къ Ригѣ направлялось главное торговое движеніе того края— изъ мѣстностей, иногда и довольно отдаленныхъ. Въ зимнюю пору на саняхъ везли сюда свои продукты всякіе отзейцы и даже русскіе крестьяне [4]); поэтому Рига была самымъ оживленнымъ торговымъ городомъ отзейскаго края; вѣроятно, потому Риги и не упоминаетъ Клингштетъ въ своемъ „планѣ“, когда замѣчаетъ объ упадкѣ торговли въ прибалтійскихъ городахъ, а въ коммиссіонномъ „планѣ“ вообще вся Лифляндія исключается изъ „разсмотрѣнія“ вопроса „о поправленіи“ торговли въ городахъ завоеванныхъ провинцій. Рижская тор-

---

[1]) П. С. З., XVIII, 13,312—ук. 9 іюня 1769 г.; XIX, 13,878,—9 октября 1772 г.—Высоч. утвержденный докладъ коммиссіи о коммерціи о безпошлинномъ пропускѣ входящаго изъ Европы въ С.-Петербургъ чрезъ Ригу шелка и всѣхъ тѣхъ вещей, привозъ коихъ въ Россію по тарифу положенъ безпошлинный, со взиманіемъ только по одному проценту въ пользу города Риги.

[2]) Уставъ о рижской коммерціи 1765 г., Чулковъ, XIV, 346; П. С. З., XVII, 12,518.

[3]) П. С. З., XIX, 13,948—ук. 14 февраля 1773 г.; Чулковъ XIV, 315—346.

[4]) Scherer, Histoire raisonnée du commerce de la Russie, I, 204.

говля была не въ дурномъ состояніи и, по уравненіи тарифа, можно было надѣяться на ея дальнѣйшее развитіе. Шереръ въ извѣстной своей книгѣ (изд. 1788 г.) свидѣтельствуетъ, что торговля Риги находилась въ довольно (assez) цвѣтущемъ состояніи, что предметы, которыми Рига торговала, какъ-то: пенька, ленъ, воскъ, зерновой хлѣбъ, лѣсъ, давали этому городу болѣе милліона рубл. въ годъ, что число купеческихъ кораблей, которые ежегодно входили въ рижскій портъ, достигало 500 и болѣе [1]). За то стремленіе правительства поправить торговлю въ другихъ отзейскихъ городахъ слѣдуетъ трактовать несомнѣнно, какъ попытку посильно разрѣшить тотъ относящійся сюда вопросъ, который поставленъ въ „планахъ“ объ улучшеніи Россійской коммерціи [2])...

§ 2. Главный портъ Бѣлаго моря при Архангельскѣ со времени Петра В. находился въ опалѣ у нашей таможенной политики; этотъ портъ былъ безъ вины виноватъ,—только тѣмъ, что онъ былъ старшимъ и наиболѣе сильнымъ дѣтищемъ русской внѣшней торговли, способнымъ мѣшать развитію новыхъ, изъ коихъ нѣкоторые были искусственно вызваны къ жизни и потому нуждались въ исключительной опекѣ: таковъ сперва петербургскій, таковы потомъ черноморскіе порты. Екатерина II-я въ самомъ началѣ своего царствованія сняла съ Архангельска таможенную опалу и уравняла его въ правахъ на торговлю съ петербургскимъ портомъ и остальными, кромѣ Риги и Нарвы, оставленными пока на особомъ положеніи. „Портъ города Архангельскаго“, говорилось въ указѣ 31-го іюля 1762 г., „всѣми тѣми преимуществами и выгодностями снабдить, какими Санктпетербургскій пользуется, и всякихъ товаровъ привозъ и отпускъ безпрепятственно поз-

---

[1]) Цит. соч., ч. I, 203.

[2]) См. выше, въ 1-мъ «Очеркѣ» стр. 65, 66 и 76.

воляемъ, съ равною противъ Санктпетербургскаго и прочихъ портовъ свободою и пошлиною, какъ и по публикованному въ 1755 году новому таможенному уставу велѣно, возить въ Санктпетербургъ и къ городу все невозбранно“ [1]). Едва ли надо прибавлять, что такое вниманіе Екатерины II къ архангельскому порту было вполнѣ цѣлесообразно. Только, при указанномъ таможенномъ уравненіи, и можно было ожидать хорошаго развитія торговли изъ этого порта, а также и экономическаго преуспѣянія всего обширнаго, тянувшаго къ Архангельску, края. Къ тому же здѣсь, въ весьма рѣдкомъ населеніи нашего Сѣвера, имѣлись на лицо элементы, способные къ крупному промышленному и торговому дѣлу. Правда, эти элементы были въ меньшинствѣ, но тѣмъ не менѣе и они довольно замѣтны. Такъ извѣстный Крестининъ сообщаетъ о чрезвычайно быстромъ разбогатѣніи городка Тотьмы, отличавшагося „трудолюбіемъ и братолюбіемъ“ жителей: они въ торгахъ своихъ помогали другъ другу, „подкрѣпляли и возобновляли добровольнымъ складствомъ торги своихъ согражданъ въ Сибири“, приведенныхъ „несчастіями въ разореніе“. Вслѣдствіе крайне рѣдкой въ средѣ русскаго купечества солидарности въ торговыхъ интересахъ, тотемскіе купцы сколотили себѣ значительные капиталы [2]). Отдѣльные капитальные купцы не переводились въ Архангельскѣ; бывали случаи и торговой предпріимчивости „за море“: гораздо раньше екатерининскаго царствованія изъ Архангельска была начата непосредственная коммерція съ Амстердамомъ и Гамбургомъ [3]). Значитъ, правительство Екатерины II-ой имѣло извѣстное основаніе ожидать, что, при лучшихъ внѣшнихъ усвовіяхъ, архангельское купечество сумѣетъ расширить торговые обороты и поставить русскую внѣшнюю торговлю

---

[1]) П. С. З., XVI, 11,630; Семеновъ, цит. соч., ч. II, 12.
[2]) Крестининъ, Краткая истор. о городѣ Арх., 96.
[3]) Ibid., 14 и 15.

своего города на твердую почву. То, въ чемъ не только крупные архангельскіе купцы, но и вообще всѣ торгово-промышленные люди нашего Сѣвера, большіе и малые, сходились между собою, это—отрицательное отношеніе ихъ къ той „привилегіи“, которою и въ 60-хъ годахъ (XVIII ст.) продолжали пользоваться въ сферѣ промысловъ и отпускной торговли Бѣломорья наслѣдники гр. П. И. Шувалова. Какъ извѣстно, срокъ шуваловской „привилегіи“ кончался въ 1768 году, и для архангельскаго купечества возникалъ весьма существенный вопросъ, какимъ образомъ будутъ поставлены сальные промыслы Бѣломорья? Узнавъ, что архангельскій губернаторъ Головцынъ рѣшилъ этотъ вопросъ въ пользу казенной монополіи на сало морскихъ звѣрей, отправивъ въ такомъ именно смыслѣ представленіе въ Петербургъ, архангельское купечество со своей стороны постаралось, чтобы этотъ товаръ изъ шуваловской конторы не прошолъ мимо него въ правительственную канцелярію: въ Петербургъ отъ посадскихъ людей была послана на Высочайшее имя челобитная, въ коей испрашивалось „объ исключеніи сала морскихъ звѣрей изъ числа казенныхъ товаровъ въ пользу торговли изнуреннаго Архангелогородскаго посада“. Эта челобитная, привезенная въ Петербургъ городскимъ депутатомъ Свѣшниковымъ, была подана императрицѣ чрезъ Г. Н. Теплова [1]). Прежде чѣмъ быть рѣшеннымъ здѣсь, въ высшей инстанціи, вопросъ о сальныхъ промыслахъ разсматривался, по приказанію Екатерины, въ соединенномъ собраніи коммерцъ-коллегіи и коммиссіи о коммерціи; тамъ пришли къ тому общему заключенію, что какъ для государственныхъ интересовъ, такъ и для „распространенія“ самаго торга, было бы гораздо полезнѣе, если бы сальный промыселъ былъ отданъ въ „торговлю вольную, т. е. чтобъ сами промышленники и

---

[1]) Крестининъ, цит. соч., 34.

всѣ тамошніе обыватели, имѣющіе пропитаніе свое отъ ловли морскихъ звѣрей и сальнаго промысла, свободно и безпрепятственно продавать могли сало, кожи морскихъ звѣрей, моржовыя зубья, треску, рыбу и все то, на что по то время гр. Шуваловъ исключительную имѣлъ привилегію для внутренняго расхода и торгу, кому только они продать пожелаютъ"; но это—лишь одна часть заключенія соединеннаго собранія, а другая состоитъ въ томъ, что отпускъ за море (чего не сказано, но, очевидно, всего перечисленнаго выше) долженъ быть предоставленъ только мѣщанамъ и купцамъ архангельскаго посада, каковымъ и слѣдуетъ даровать исключительное право на покупку у рыбныхъ и звѣриныхъ промышленниковъ товаровъ для заграничнаго отпуска; это послѣднее предложеніе мотивировалось тѣмъ, что архангельское купечество „не имѣетъ" „никакихъ почти уже другихъ товаровъ свойственныхъ сему мѣсту для торгу своего за море" [1]). 1-го іюля 1768 г. состоялся именной указъ, которымъ на всѣ перечисленные выше товары устанавливалась вольная купля и продажа для промышленниковъ Архангельской губерніи и всѣхъ тамошнихъ обывателей и монополія для архангельскаго купечества на отпускъ за границу сала; соединенное собраніе коллегіи и коммиссіи рекомендовало, ради опыта, ограничить срокъ означенной монополіи 5-ю годами, но императрица пожаловала болѣе щедро—на 10 лѣтъ [2]). Это было великою милостью для архангельскаго купечества, и оно поспѣшило отправить императрицѣ „благодарственное письмо", принятое ею весьма благосклонно; не удовольствовавшись этимъ, купечество свою радость по поводу полученія имъ „привилегіи" ознаменовало тѣмъ, что устроило двухдневное празднество съ „пированьемъ" и маскарадомъ въ магистратѣ,

---

[1]) Чулковъ, цит. соч., II, 471 и 472, см. также стр. 487.

[2]) П. С. З. XVIII, 13,141: печ. во всенар. извѣстіе 11-го августа; Чулковъ, II, 172, 174; XII, 505; Крестининъ, цит. соч., 35.

съ фейерверкомъ и иллюминаціей [1]). Но солидарности у архангельскаго купечества, повидимому, хватило только на хлопоты и „торжествованіе“. Когда же рѣчь зашла о самостоятельномъ пользованіи „привилегіей“, то опять между архангельскими купцами встала старинная розпь. Предложилъ было одинъ изъ первостепенныхъ купцовъ Семенъ Бусиновъ „себѣ подобнымъ богачамъ“ Антону Бармину и Никитѣ Крылову „скупить“ все сало у нѣмцевъ на наличныя деньги и отпустить его за границу „на собственный счетъ“, но изъ этого предложенія ничего не вышло, ибо Барминъ вошелъ въ соглашеніе съ иностранцами и отпустилъ за своимъ именемъ, но на „счетъ иностранныхъ купцовъ“ „нѣсколько тысячъ пудовъ звѣринаго сала“, т. е. иначе говоря, продалъ свое имя иностранцамъ, не получившимъ права на сальный экспортъ; примѣру Бармина послѣдовали и остальные купцы: „каждый“, сообщаетъ Крестининъ, началъ „по своей дорогѣ искать и ловить за продажу своего имени частную прибыль отъ иностранныхъ по 5 коп. съ пуда за отпускъ сала за море на счетъ иностранныхъ“. Эти послѣдніе такимъ образомъ дѣлались истинными экспортерами сала и другихъ, причисленныхъ сюда, товаровъ; иностранцы и стали получать львиную долю барышей отъ полученной архангельскимъ купечествомъ монополіи на заграничный сальный отпускъ,—точнѣе говоря, иностранцы оставили за собой первенствующую роль въ заграничной торговлѣ изъ Архангельска [2]). Разумѣется, архангельское купечество, не сумѣвъ пріобрѣсти самостоятельности во внѣшней торговлѣ даже при такомъ

---

[1]) Крестининъ, цит. соч., 36 и 37.

[2]) Крестининъ, цит. соч., 39—42; Огородниковъ: Очеркъ исторіи гор. Архангельска, 227 и 228, 230; о преобладаніи иностранцевъ въ заграничномъ торговомъ оборотѣ изъ Архангельска до дарованія архангельскому купечеству извѣстной привилегіи см. у Крестинина, цит. соч., стр. 251 и 252.

привилегированномъ положеніи, въ какое оно было поставлено указомъ 1-го іюля (11 августа) 1768 г., лишній разъ проявило тѣ отрицательныя свойства, которыя отмѣчены выше (см. первый очеркъ, глава II-я) и о искорененіи которыхъ путемъ коммерческаго и общаго образованія мечтали лучшіе люди изъ самой „купецкой“ среды. Такимъ образомъ, архангельское купечество воспользовалось дарованной ему монополіей лишь для того, чтобы обложить иностранный экспортъ въ сферѣ этой монополіи особымъ налогомъ въ свою пользу за свое имя, получившее столь важное значеніе въ архангельскомъ отпускѣ съ обнародованья именного указа 1768 года (11-го августа). При всемъ томъ нельзя не отмѣтить, что отпускная торговля саломъ и другими товарами звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ именно съ этого времени стала давать гораздо лучшіе результаты для казны и края, чѣмъ она давала при шуваловской монополіи на означенные промыслы; въ этомъ смыслѣ, опираясь на цыфры, по истеченіи 10 лѣтняго срока купеческой сальной привилегіи, категорично высказалась коммерцъ-коллегія, а Сенатъ, основываясь на ея докладѣ, ходатайствовалъ предъ императрицей о продленіи срока привилегіи для архангельскаго купечества на сальный отпускъ, „на сколько времени Ея В-ву благоугодно будетъ“. Императрицѣ оказалось благоугодно продолжить этотъ срокъ еще на 10 лѣтъ [1]). Да вообще съ самаго начала царствованія Екатерины, уничтожившей или ослабившей монополіи предшествующаго времени, торговля при Архангельскомъ портѣ стала оживляться, что, по свидѣтельству Крестинина, доказывалось „множествомъ приходящихъ иностранныхъ кораблей предъ прежними годами“, а также увеличеніемъ пошлинныхъ и питейныхъ казенныхъ сборовъ [2]). Тѣмъ болѣе внѣш-

---

[1]) Чулковъ, цит. соч., II, 312 и 313; Крестининъ, цит. соч., 62—64, 120, 124.

[2]) Крестининъ, цит. соч., 118.

няя торговля изъ Архангельска, конечно, расширилась послѣ того, когда съ прекращеніемъ шуваловской монополіи явился гораздо большій просторъ для частной предпріимчивости, ибо монополія архангельскаго купечества по отношенію къ отпуску сала оказалась въ значительной степени фиктивной: эта монополія не составила особой помѣхи для предпріимчивыхъ иностранныхъ купцовъ [1]). Не забудемъ также и о поощреніи торговаго мореплаванья изъ Архангельскаго порта [2]), какъ объ одномъ изъ „средствъ“ оживленія заграничной торли. Для вящаго развитія торговаго движенія сѣвернымъ морскимъ путемъ правительство заботилось и о другомъ—Онежскомъ портѣ—на томъ же морѣ [3]).

§ 3. Но ни одинъ торговый путь въ царствованіе Екатерины не удостоился со стороны правительства и раздѣлявшихъ его стремленія немногихъ лицъ изъ общества такого настойчиваго, можно сказать, страстнаго вниманія и даже болѣе или менѣе смѣлыхъ мечтаній,—какъ путь чрезъ Черное

---

[1]) Самые морскіе промыслы на нашемъ Сѣверѣ правительство старалось поощрить; такъ по указу 1780 г. (28 іюня—печ. 1-го іюля) въ Колѣ былъ отмѣненъ сборъ съ морскихъ промышленныхъ судовъ, приходящихъ въ Кольскій острогъ на Мурманскій россійскій берегъ и отходящихъ въ датскіе заливы для «сальнаго и рыбнаго промысловъ», а также съ работныхъ людей на этихъ судахъ. П. С. З. XX, 15024.

[2]) По тарифу 1766 г. положено не брать пошлинъ съ лѣсовъ, употребляемыхъ на починку кораблей; въ тарифѣ же 1782 г. объ этомъ «ничего не объяснено», въ силу чего потребовался указъ, которымъ и повелѣно невзимать пошлинъ съ лѣсовъ, имѣющихъ вышеозначенное назначеніе П. С. З., XXI, 15,803.

[3]) П. С. З., XXI, 15,132,—имен. указъ 11-го марта 1781 г. (объявленъ отъ Сената во всенародное извѣстіе 29-го марта): отпускать изъ Онежскаго порта и привозить сюда товары «съ пошлиною, каковая собирается въ г. Архангельскѣ»; еще въ 1766 г. (21 февраля) было повелѣно платить здѣсь пошлины по тарифу, т. е. тѣже, что и въ другихъ портахъ П. С. З. XVII, 12,580.

и Средиземное моря. Мы видѣли, что самый вліятельный оффиціальный прожектеръ 60-хъ годовъ (Тепловъ) подчеркивалъ необходимость развивать внѣшнюю торговлю „чрезъ Черное море“, разумѣется, для того, чтобы получить возможность сбыта произведеніямъ нашего благодатнаго Юга. Вопросъ объ этомъ пути былъ на очереди, но поставленъ онъ былъ раньше, и до Екатерины II-ой уже приступали къ его практическому разрѣшенію, но еще не пришли къ сколько-нибудь прочнымъ дѣйствительнымъ результатамъ. Прожектеръ 90-хъ годовъ полагаетъ, что изъ прежнихъ попытокъ основать торговлю чрезъ Черное море имѣла нѣкоторое значеніе привилегированная компанія Хостатова съ товарищами, образованная въ 1757 году для торга изъ Темерниковскаго порта въ Константинополь, но прибавляетъ, что „при всемъ томъ“ торговыя операціи этой компаніи на Черномъ морѣ представляли „одну только тѣнь прямой коммерціи“ [1]). Очевидно, для заведенія русской торговли на Черномъ морѣ еще не пришло время: на немъ Россія тогда еще не стояла твердою ногой и его надо было завоевать, прежде чѣмъ строить надежды на хорошее движеніе русской коммерціи этимъ путемъ. А между тѣмъ желаніе установить непосредственныя торговыя сношенія съ южными странами было очень сильно у русскаго правительства, полагавшаго, что эта торговля можетъ дать большія выгоды даже государственной казнѣ, и вотъ, не дожидаясь того вождѣленнаго момента, когда Россія будетъ имѣть свои порты на Черномъ морѣ и твердое основаніе для организованія своей торговли, какъ здѣсь, такъ и далѣе, въ Средиземное море, правительство сдѣлало опытъ двинуть въ послѣднее русскіе товары отъ Петербургскаго порта, и такимъ об-

[1]) Госуд. арх., XIX, № 287. По мнѣнію Шерера коммерція при Темерниковскомъ портѣ, ведомая компаніею Хостатова, лишь повреждала коммерцію балтійскую, будучи сама тормозима послѣднею. Histoire raisonnée du commerce de la Russie, I, 224 и 225.

разомъ этою другою сѣверо-западною дорогою установить русскую непосредственную торговлю съ портами Средиземнаго моря. По правительственному плану для торга въ это море была составлена компанія, въ которой приняли участіе тульскіе купцы Иванъ Володимировъ, Ларіонъ Лугининъ, Михайла Пастуховъ и Михайла Грибановъ, а сверхъ того, статскій дѣйствительный совѣтникъ Г. Н. Тепловъ и сама Екатерина II-я. Это товарищество было основано на акціяхъ, „считая каждую по 500 рубл.“, при чемъ Володимировъ взялъ 100 акцій, Лугининъ 30, Пастуховъ 20, Грибановъ 10, Тепловъ 20 и Екатерина 20. Компанія, во главѣ которой по вложенному въ дѣло капиталу стоялъ купецъ Володимировъ, была поставлена подъ „единственное вѣдѣнье“ императрицы; при чемъ Тепловъ получилъ полномочіе докладывать государынѣ о нуждахъ компаніи. Одному изъ членовъ адмиралтейской коллегіи тоже было поручено „опекунство“ надъ компаніей: такой „персоной“ явился адмиралъ Мордвиновъ, который и былъ обязанъ вѣдать нужды компаніи, поскольку онѣ будутъ касаться адмиралтейской коллегіи. Учреждая компанію, Екатерина, сама ея пайщица, надѣлила ее весьма многимъ, широко удовлетворивъ всѣ ея „прошенія“. Такъ компанія просила, чтобы правительство нарочно построило для нея фрегатъ,—императрица согласилась на пожалованіе фрегатомъ, прибавивъ:„ а когда мало, то и два“, согласилась на военную команду для фрегата, содержаніе со всѣмъ экипажемъ было принято на казенный счетъ; пошлины съ товаровъ, имѣющихъ быть отправленными на этомъ фрегатѣ въ Средиземное море, были значительно уменьшены [1]), а гишпанскую соль, на привозъ которой въ Петербургъ компанія расчитывала на случай недостаточнаго

[1]) «Пошлины съ товаровъ отвозныхъ и привозныхъ платить четвертую часть по тарифу, а ластовыхъ и огневыхъ въ полы противъ чужестранныхъ».

количества „средиземныхъ“ товаровъ, было велѣно „принять въ казну и заплатить за нее, во что самимъ обойдется, „не требуя“ съ нея пошлинъ по тарифу. Словомъ, компанія была поставлена очень удобно для нея въ именномъ указѣ объ ея учрежденіи 29 сентября 1763 года; правда, дарованныя льготы предостовлялись для „перваго опыта“ [1]). Если бы мы пожелали окрестить эту компанію терминомъ изъ современнаго торговаго права, то мы были бы поставлены въ большое затрудненіе, ибо она не представляетъ, не говоря уже о полномъ, ни коммандитнаго, ни акціонернаго товарищества, хотя и заключаетъ въ себѣ черты того и другого. Компанія, образованная по иниціативѣ Екатерины для средиземно-морской русской торговли,—своеобразное явленіе того времени, плодъ того компромисса, который мы нерѣдко отмѣчали въ сферѣ отношеній къ торговлѣ на предшествующихъ страницахъ; это какое-то довольно странное соединеніе неполнаго, т. е. коммандитнаго товарищества съ неполнымъ казеннымъ „содержаніемъ“, допущеннымъ, вслѣдствіе участія въ товариществѣ самой императрицы и ея придворнаго и наиболѣе вліятельнаго коммерческаго совѣтника на правахъ яко бы частныхъ лицъ. Само собой понятно, что лишь участіемъ Екатерины въ товариществѣ тульскаго купца Володимирова можно реально объяснить то чрезвычайное вниманіе, которымъ императрица почтила компанію, давъ по поводу ея учрежденія залпомъ 4-ре указа—Сенату [2]), двумъ коллегіямъ—адмиралтей-

---

[1]) II. С. З., XVI, 11,938; Scherer, цит. соч. I, 160—164; Семеновъ, цит. соч., ч. II, 41.

[2]) Сенату было заявлено: «На какомъ основаніи Володимировъ съ компаніею торгъ свой для опыту на будущій годъ въ Средиземное море зачать отъ насъ дозволенія всеподданѣйше просили и какими мы снабдили оную компанію снисхожденіями для поощренія сего полезнаго дѣла, съ того при семъ прилагаемъ копію для вѣдома и что по тому къ Сенату принадлежитъ для исполненія. О чемъ дать знать и въ коммерцъ-коллегію, а

ской и иностранной—и вице-адмиралу Мордвинову. Въ указѣ адмиралтейской коллегіи Екатерина говорила: „Вслѣдствіе предписаннаго нами плана о учрежденіи торгу изъ С.-Петербурга въ Средиземное море, повелѣваемъ коллегіи рачительно стараться дабы оная изготовила къ нагрузкѣ товаровъ, которые Володимировъ съ компаніей отправить имѣетъ будущею весною въ Гишпанію, Францію и Италію, фрегатъ до двухъ сотъ пятидесяти ластовъ о тридцати пушкахъ со всѣмъ къ нему принадлежащимъ экипажемъ и съ добрыми надежными и искусными морскими офицерами, а къ тому для безопасности отъ морскихъ на Средиземномъ морѣ разбойниковъ и приличною военною командою“; но такъ какъ, продолжала императрица, военный корабль не можетъ поднять такого груза, какого „теперь компанія требуетъ“, то и „въ семъ случаѣ мы повелѣваемъ.... наиусерднѣйше постараться, дабы сіе дѣло не остановилося какою либо невозможностью, но всѣ бы способы придуманы были къ отвращенію затрудненія“; Екатерина категорично заявила адмиралтейской коллегіи, чтобы товары компаніи были отправлены въ море „неотмѣнно“ въ будущемъ маѣ или іюнѣ „на фрегатѣ... надежномъ и нарочно къ тому времени построенномъ“ [1]). Указомъ иностранной коллегіи было предписано „заготовить“ „особливые рескрипты“ къ русскимъ „министрамъ“ при иностранныхъ дворахъ, дабы представители Россійской имперіи исходатайствовали у соотвѣтствующихъ иностранныхъ прави-

---

въ коллегіи иностранную и адмиралтейскую особливые, что до ихъ принадлежитъ, по сему дѣлу дали мы указы за нашимъ подписаніемъ. Екатерина». 29-го сентября 1763 г. Госуд. арх., XIX, № 305. П. С. З. XVI, 11,938.

[1]) «На какомъ же основаніи своимъ содержаніемъ и протчими обстоятельствами оный фрегатъ компаніи нами для сего торгу отданъ, о томъ коллегія отъ нихъ самихъ о нашихъ резолюціяхъ освѣдомиться можетъ и по тому все распоряжать и поступать. Екатерина». 29-го сентября 1763 г. (Г. арх., XIX, № 305).

тельствъ „свободный фрегату въѣздъ“ „во всѣ испанскіе, французскіе и итальянскіе порты“, „какъ для отдохновенія, такъ и для безпрепятственнаго торга“ [1]). Вице-адмиралъ получилъ указъ...—„дѣлать помянутой компаніи вспоможеніе и стараться, дабы требованія ихъ (компанейщиковъ) были удовлетворяемы поспѣшнѣе“ [2]).

Какъ видимъ, въ организаціи русской торговли въ Средиземное море Екатерина далеко не послѣдовала императору Ѳеофилу, на котораго, по Монтескьё, она ссылалась въ своемъ „Наказѣ“, какъ на образецъ отношенія осударя къ торговымъ операціямъ. Екатерина и сама приняла участіе въ торговой компаніи, снабдивъ ее казеннымъ кораблемъ съ полнымъ вооруженіемъ, командой и содержаніемъ на казенный счетъ, и допустила (даже оффиціально) къ участію въ этой компаніи оффиціальнаго дѣльца главнымъ образомъ въ сферѣ коммерческихъ вопросовъ. Теплову хорошо были извѣстны не только идеальныя, но и реальныя стремленія императрицы и, соображаясь съ ними, онъ велъ „производство дѣла“ не только коммиссіи о коммерціи, но и самой коммерціи. Въ 60-хъ годахъ коммерціею въ Средиземное море Екатерина была особенно заинтересована, а за нею явились и другіе „интересенты“. То, что Екатерина близко къ сердцу приняла судьбу заводимаго здѣсь русскаго торга, сейчасъ же смѣтили въ Италіи и тамъ даже нашелся венеціанскій купецъ, незамедлившій предложить „русскому двору“ свою поддержку въ установленіи непосредственныхъ торговыхъ сношеній послѣдняго съ Венеціей. Это-нѣкто Ронцони, который написалъ письмо съ такимъ предложеніемъ фактору петербургской компаніи Пономареву, жившему въ Ливорно [3]). По-

---

[1]) 29-го сентября 1763 г. Ibid.

[2]) Ibid.

[3]) П. С. З., XVI, 11,938, пунктъ 10.

номаревъ узналъ отъ Ронцони, что тотъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ видѣлъ московскій военный корабль, и что ему сообщили,— что этотъ корабль съ дорогимъ грузомъ изъ русскихъ продуктовъ былъ присланъ въ вѣдѣнье его, Пономарева, отъ компаніи знатныхъ особъ и министровъ, которые остались очень довольны барышемъ на полученномъ ими отъ государыни освобожденіи ихъ товара отъ вывозныхъ и привозныхъ пошлинъ [1]). Если Ронцони въ Венеціи сообщили вѣрно, то оказывается, что въ компаніи изъ знатныхъ „персонъ“ участвовали не только поименованные въ указѣ объ учрежденіи торга въ Средиземное море: рѣчь идетъ не объ одномъ министрѣ, а о министрахъ. „Если“, писалъ Ронцони далѣе Пономареву, переходя къ своему предложенію, „можно было бы склонить Ея В-во къ продолженію благоволенія своего къ министрамъ“, то онъ, Ронцони готовъ былъ бы, со своей стороны, похлопотать предъ венеціанскимъ правительствомъ о нѣкоторыхъ пошлинныхъ выгодахъ для такой компаніи; Ронцони только желалъ бы, чтобы въ Венецію отъ министровъ состоялась отправка одного или нѣсколькихъ кораблей съ товарами, здѣсь нужными, которые венеціанскимъ купцомъ и означаются,—съ воловыми кожами (юфть), называемыми въ Венеціи болгарскими (ихъ и объявлять слѣдуетъ подъ этимъ именемъ), съ икрою, льномъ, съ драгоцѣнною и недорогою мягкою рухлядью. Заявляя все это и сообщая при томъ, что онъ по поводу своего предложенія уже имѣлъ разговоръ съ нѣ-

---

[1]) «Dans le mois d'Avril passé j'ai eu l'occasion de voir le vaisseau de guerre Moscovite; et il me fut dit, que le meme vaisseau etoit recommandé à vous avec son riche chargement de produits de la Russie d'une Compagnie formée de personnes distinguées et Ministres de la Cour, qui ont eu lieu d'être contents de profit recherché pour la sortie et l'entrée, qu'ils ont obtenu par les exemptions rapportées de la souveraine» (изъ письма Ронцони, перев. съ итальянскаго).

которыми венеціанскими дворянами, принимающими участіе въ самыхъ важныхъ дѣлахъ республики, а также выражая удовольствіе по поводу своего извѣщенія, Ронцони просилъ Пономарева сохранить все это въ секретѣ и разсмотрѣть изложенное съ извѣстною ему, Ронцони, пономаревскою проницательностью. Въ будущемъ этотъ венеціанскій купецъ обѣщаетъ изъяснить Пономареву многое и другое, касающееся до пошлинъ, вѣсу, мѣры и цѣны: „и еще больше“, прибавляетъ онъ „чѣмъ вы у меня можете требовать“, но не раньше однако, какъ онъ, Ронцони, узнаетъ мнѣнія Пономарева; въ случаѣ благопріятности этихъ „мнѣній“, „я, говорилъ Ронцони, „вамъ открою все, въ чемъ простираются мои знанія“. Можно догадываться, что такъ обихаживая компанейскаго фактора, этотъ доброхотный корреспондентъ изъ Венеціи самъ стремился пристроиться къ привилегированной компаніи въ качествѣ ея руководителя на своей родинѣ и, по всей вѣроятности, коммиссіонера. И одно время Ронцони могъ думать, что его дѣло какъ будто бы налаживается. По крайней мѣрѣ, изъ другого письма Ронцони къ Пономареву отъ 24-го мая 1766 г. (на первомъ нѣтъ даты) видно, что съ венеціанскимъ благодѣтелемъ завязалась переписка, какъ съ человѣкомъ не менѣе нужнымъ для компаніи, чѣмъ ея товары для Венеціи. Ронцони пишетъ, что онъ изъ письма къ нему Пономарева отъ 2-го мая (1766 г.) усмотрѣлъ, что россійская компанія вознамѣрилась прислать въ Венецію отечественные товары подъ его личное руководство, и что товары эти — юфть, ленъ, желѣзо, икра, воскъ, олонецкій холстъ, канаты и веревки. Пономаревъ венеціанскому руководителю писалъ и о томъ, что петербургская компанія желаетъ узнать отъ него объ особенностяхъ производства торговли съ Венеціей, на каковой запросъ Ронцони и отвѣчалъ Пономареву, какъ въ сейчасъ упомянутомъ письмѣ, такъ и еще въ третьемъ,—напол-

ненныхъ разными техническими указаніями, полезными для торговыхъ сдѣлокъ на венеціанскомъ рынкѣ. Неизвѣстно, получился ли какой дѣйствительный толкъ отъ посредничества венеціанскаго купца въ проектированной имъ „безпосредственной торговлѣ“ русскаго двора съ Венеціей; но извѣстно, что факторъ Пономаревъ копіи со своихъ писемъ къ Ронцони отослалъ нашему полномочному министру въ Вѣнѣ—кн. Дмитрію Михайловичу Голицыну, который, въ свою очередь, переслалъ ихъ въ Петербургъ своему брату вице-канцлеру кн. Александру Михайловичу, отправивъ при семъ къ нему и „особливое письмо“. Въ этомъ письмѣ, сообщая о предложеніи Ронцони, сдѣланномъ Пономареву, кн. Дм. М. Голицынъ замѣчаетъ, что, по словамъ ливорнскаго компанейскаго фактора, Ронцони „самъ собою отозвался письмомъ“ о предлагаемомъ имъ содѣйствіи петербургскому товариществу, если „дворъ нашъ согласится присылать къ венеціанскому порту одинъ или нѣсколько кораблей съ россійскими продуктами и въ возвратный путь брать оттуда тамошніе собственные и привозные товары“. Кн. Дм. М. Голицынъ, по его словамъ, „отвѣтствовалъ“ Пономареву: „дабы онъ къ тому купцу партикулярно отписалъ отъ себя... и спросилъ его самъ собою и неинако какъ партикулярнымъ образомъ, въ чемъ бы состояли тѣ выгоды,... не упоминая однакожъ нимало, что сіе освѣдомленіе дѣлаетъ онъ съ моего вѣдома или по моему совѣту“. Обо всемъ этомъ кн. А. М. Голицынъ доложилъ императрицѣ. Послѣ того Пономаревъ переслалъ кн. Дм. М. Голицыну копіи и съ писемъ Ронцони, а нашъ резидентъ при австрійскомъ дворѣ сообщилъ ихъ, по прежнему, своему брату вице-канцлеру, „въ томъ намѣреньи“, говоритъ посланникъ, „что можетъ быть вы заблагоразсудите учинить имъ какое-либо употребленіе“; со своей стороны кн. Дм. Михайл. полагаетъ, что содержаніе писемъ Ронцони таково, что если проектъ его и не будетъ принятъ въ уваженіе,

то свѣдѣнья, излагаемыя имъ въ тѣхъ письмахъ, о разныхъ обстоятельствахъ, касающихся до венеціанской торговли, заслуживаютъ любопытства и вниманія въ Россіи тѣхъ, которые „упражняются въ коммерціи“: ибо Ронцони сообщаетъ о цѣнахъ въ Венеціи на русскіе товары, даетъ понятіе о венеціанскихъ вѣсахъ, мѣрахъ, мануфактурахъ и торгахъ, говоритъ, какіе товары легко можно продавать тамъ и какіе не такъ легко могутъ сойти съ рукъ и т. под. (изъ Вѣны (9-го августа) 29 іюля). Письма Ронцони къ Пономареву Екатерина повелѣла кн. А. М. Голицыну представить въ коммиссію о коммерціи чрезъ Теплова, что тотъ и исполнилъ. Копіи съ писемъ Ронцони были переданы Тепловымъ въ коммерческую коммиссію 12 сентября 1766 г.; нѣсколько раньше (28 іюля) тѣмъ же лицомъ туда былъ переданъ чей-то [1]) проектъ „учрежденія купеческой компаніи для торгу въ Средиземное море“, при чемъ въ особомъ письменномъ заявленіи отъ Теплова коммиссіи предлагалось разсмотрѣть этотъ проектъ и представить свое мнѣніе о немъ. Этотъ новый проектъ заключался въ слѣдующемъ. Прежде всего необходимо собрать охотниковъ во всемъ государствѣ, которые согласились бы вступить въ компанію для означеннаго торга и число которыхъ желательно такое, чтобы интересенты могли своими акціями (по 100 рублей акція) составить капиталъ до 500,000 рубл. „Интересентами“ въ компанію „допускаются всякаго чина и достойнства люди во всемъ государствѣ“ и всякаго происхожденія, но однако въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ, послѣ воззванія къ охотникамъ, преимущество должно быть дано купечеству: прежде всего именно изъ его среды слѣдуетъ поджидать „охотниковъ“ на составленіе всего капитала; но далѣе, если въ назначенный срокъ купеческими „интересентами“ не бу-

[1]) Кажется, фактора Пономарева, намѣчавшаго контрагентства русской торговли, кромѣ Венеціи и Ливорно, въ Лиссабонѣ, Кадиксѣ и Марсели.

детъ „собрана“ вся сумма, то опредѣляется другой срокъ, въ который поджидаются „интересенты“ и изъ дворянства, а въ случаѣ, если и послѣ того „суммы не достанетъ“, то допускается „все общество“ къ выдѣленію изъ себя желающихъ пріобрѣтать акціи учреждаемой компаніи. Вообще изъ 5000 акцій, положенныхъ въ кассу, каждому должно быть дозволено брать „столько, сколько кто пожелаетъ, хотябъ кто одну только взялъ“ или и въ складчину съ кѣмъ-либо „по половинѣ и меньше“. Компанія должна пользоваться правомъ „вывозить изъ государства“, кромѣ запрещенныхъ указами, всякіе товары, „какіе она заблагоразсудитъ“, но болѣе желательно, чтобы она „старалась всегда больше выпускать мануфактурные и фабричные товары:— тогда „государство не только за сырые и суровые продукты“ будетъ „выигрывать“. На 10 лѣтъ компаніи должна быть дарована „привилегія“, подъ коей, конечно, надо разумѣть монополію въ торгѣ на данномъ пути. Относительно внутренней организаціи этой компаніи въ проектѣ были сдѣланы вотъ какія главнѣйшія указанія: „дирекція“ должна „состоять“ „по меньшей мѣрѣ“ изъ „четырехъ персонъ“, изъ коихъ двое—природные Россіяне и двое—иноземцы, имѣющіе осѣдлость и торговлю при Петербургскомъ портѣ; никто не можетъ быть директоромъ, не положивъ въ компанію двухсотъ акцій и никто не можетъ войти въ число главныхъ акціонеровъ, не положивъ въ компанію ста акцій; всѣ акты компанейскіе подписываются по меньшей мѣрѣ тремя директорами, а письма однимъ; никто изъ „интересентовъ“, не исключая и ихъ наслѣдниковъ, не имѣетъ права вынимать свой капиталъ изъ оборота компаніи до окончанія срока привилегіи; по отношенію къ государству компанія должна пользоваться въ предѣлахъ общихъ законодательныхъ нормъ безопасностью и независимостью: такъ, акціи компаніи никогда и ни за какіе казенные или партикулярные долги не конфискуются никакими правительствами; директоры конторы

имѣютъ „власть совершенную и никогда, кромѣ главныхъ акціонеровъ, никѣмъ не оспариваемую“; директоры имѣютъ полное право употреблять капиталъ въ торгѣ на Средиземномъ морѣ въ такія предпріятія, въ какія захотятъ, но въ случаѣ неудачи въ торговыхъ операціяхъ съ какимъ-либо товаромъ они обязаны „доказать истинную тому причину по купеческому обряду“, казенныя же мѣста, не исключая и коммерцъ-коллегіи не вмѣшиваются въ ихъ дѣла, „понеже сія компанія ничего отъ казны не заимствуетъ“; вмѣшательство возможно развѣ только въ томъ случаѣ, когда „коллегія усмотритъ, что компанія производитъ незаконный торгъ“, не дозволенный предоставленной ей привилегіею. Въ проектѣ средиземно-морской компаніи намѣчается возможность развитія въ будущемъ торговаго флота: „Компанія единственно на первый годъ только построить должна четыре торговыхъ своихъ корабля; а ежели изъ перваго своего года найдетъ свой щотъ къ прибавленію своего флота, то построить имѣетъ сколько хочетъ такихъ же, которые не прежде вытти въ море со вторымъ грузомъ должны, какъ по увѣдомленіи ассекураціи, что первый грузъ благополучно изъ чужихъ мѣстъ въ Россію отправился“... Значитъ, станутъ расширяться торговыя операціи компаніи—дается полный просторъ и для развитія торговаго флота [1]). Въ силу одного изъ пунктовъ проекта, было необходимо пріискать четырехъ человѣкъ, которые подали бы императрицѣ прошеніе о дозволеніи имъ учредить сію компанію и быть ея директорами. Не объясняетъ ли этотъ пунктъ, какимъ путемъ раньше явилось на свѣтъ прошеніе 4-хъ прежнихъ компанейщиковъ—Володимирова съ товарищами? Предъ нами несомнѣнно компанія акціонерная, предположенная преимущественно для купечества и при томъ безъ различія національности. Эти особенности проекта, а также опредѣленіе

[1]) Шкипера и контрагенты были обязаны помѣщать на каждое компанейское судно по два купеческихъ сына для коммерческой практики за границей.

въ немъ громаднаго по тому времени капитала для компаніи указываютъ, что послѣ „перваго опыта“ возникло стремленіе расширить торговыя операціи въ Средиземномъ морѣ главнымъ образомъ на счетъ купеческихъ, русскихъ и иностранныхъ, капиталовъ. Однако изъ этого стремленія ничего не вышло. 13-го января 1767 г. означенный проектъ былъ заслушанъ въ коммерческой коммиссіи, которая съ нѣкоторыми важными пунктами его оказалась несогласна. Такъ коммиссія была противъ преимущества въ срокѣ для купечества, полагая, что слѣдуетъ „допустить интересентами... всякаго чина, званія, націи и обоего пола людей, не давая однимъ преимущества предъ другими“; относительно купечества это мнѣніе мотивировалось тѣмъ, что можно „упустить“ удобное время, если въ теченіе извѣстнаго срока поджидать желающихъ купцовъ, а между тѣмъ изъ этого слоя можетъ и не найтись „довольнаго числа охотниковъ“. Затѣмъ коммиссія находила, что привилегію компаніи слѣдуетъ дать, не на 10, а на 30 лѣтъ, что предлагаемая въ проектѣ регламентація, касающаяся до экипажа и величины кораблей, совершенно не нужна, „а пушекъ коммиссія не отмѣняетъ“, чтобы корабли компаніи „имѣли собственную свою оборону“, и пр. Приведемъ здѣсь еще одинъ пунктъ проекта, такъ какъ къ нему коммиссія рекомендовала сдѣлать добавленіе. Этотъ пунктъ гласитъ: „Въ первые годы, пока искусные изъ Россійскихъ природныхъ купцовъ не найдутся, посадить шкиперовъ и матрозовъ изъ чужестранныхъ, прибавя къ нимъ 3-ю долю россійскихъ природныхъ подданныхъ. А всѣ бы отъ старшаго до младшаго были люди въ практикѣ искусные“; коммиссія заявила: „въ концѣ сего пункта коммиссія думаетъ надобно прибавить: ежели найтися могутъ русскіе люди довольно искусные, а когда найтися не могутъ, то и безъ того въ первые годы можно обойтися“. Въ общемъ же коммиссія, разсмотря проектъ „со всѣми обстоятельствами“, находила его „весьма полезнымъ для распространенія россійской ком-

мерціи и выгоднымъ для купечества“—со сдѣланными въ коммиссіи исправленіями. Что касается до „пріисканія“ просителей объ учрежденіи проектируемой компаніи, ея будущихъ директоровъ, то починъ въ этомъ дѣлѣ коммиссія предоставляла императрицѣ: „не соизволите ли“, говорилось въ коммиссіонномъ докладѣ, „Высочайше назначить одну или двухъ повѣренныхъ особъ“. 20-го января, при подписаніи „присутствующими“ въ коммиссіи ея опредѣленія (отъ 13-го января) и доклада государынѣ о проектѣ учрежденія купеческой компаніи въ Средиземное море, случилось происшествіе: Г. Н. Тепловъ не подписалъ этихъ документовъ, объявивъ, „что онъ самъ всеподданнѣйше донесетъ Ея И-му В-ву о причинѣ“, почему онъ ихъ „не подписалъ“ [1]). На докладъ коммиссіи не послѣдовало никакого законодательнаго акта. Такимъ образомъ проектъ, не смотря на лестное мнѣніе о немъ коммерческой коммиссіи, не былъ осуществленъ и вмѣстѣ съ докладомъ можетъ служить лишь нелишнею иллюстраціею того вниманія, какимъ пользовалась тогда въ Россіи мысль о заведеніи непосредственной торговли въ Средиземное море. Самое сочиненіе проекта, разсмотрѣніе и признаніе его въ коммиссіи, кажется, могутъ быть объясняемы, какъ новая попытка установить эту торговлю, сдѣлать ее постоянной, регулярной, послѣ, повидимому, не совсѣмъ удачнаго перваго опыта съ компаніей Володимирова, хотя послѣднюю „Ея И. В-во щедрымъ приданіемъ многихъ акцій всемилостивѣйше подкрѣпить соизволила“ [2]). Барыши „министровъ“ отъ уменьшенія пошлинъ тоже, видимо, не укрѣпили этого торга.

---

[1]) На «подлинномъ» подписались: гр. Эрн. Минихъ, Николай Муравьевъ, Тимофей фонъ Клингштетъ, коллежск. ассесоръ Долинскій, секретарь Ефимъ Рознатовскій. Докладъ коммиссіи для представл. императрицѣ былъ вручент гр. Эрн. Миниху 22 янв. 1767 г. Арх. департ. там. сбор., д. к. о ком., № арх. 387, св. 22, № кат. 290; Госуд. арх., XIX, № 305.

[2]) Госуд. арх., XIX, № 287.

Между тѣмъ заботы русскаго правительства о развитіи торговли чрезъ Азовское и Черное моря шли своимъ чередомъ [1]). Особенно усилились эти заботы послѣ того, какъ не удалось установить торговли въ Средиземное море изъ Петербургскаго порта. Малороссія (равно какъ соприкасающіяся съ ней великорусскія и бѣлорусскія мѣста) была очень богата разными продуктами преимущественно земледѣльческой, лѣсной и рѣчной промышленности [2]); но товары этого, изобильнаго дарами природы, края не имѣли свободнаго выхода южными морями, почему и вывозились къ портамъ Балтійскаго моря или чрезъ западную границу [3]). Этого было недостаточно, тѣмъ болѣе, что наше южное купечество торгу къ Балтійскимъ портамъ предпочитало торгъ чрезъ сухопутную границу на западъ и юго-западъ, въ Лейпцигъ, Венгрію, Трансильванію, Валахію и Молдавію. Въ коммиссіи Новаго Уложенія депутатомъ отъ г. Харькова было высказано категоричное мнѣніе, „что торговый путь чрезъ одно только Балтійское море недостаточенъ для всей Россійской имперіи“ [4]). Купеческіе депутаты вообще защищали торговый путь чрезъ сухопутную границу, повинную въ развитой контрабандѣ, возражая противъ предложеннаго запрещенія этого пути и говоря, что окольный путь Балтійскимъ моремъ далеко не привлечетъ къ себѣ той торговли, какая велась между русскими южными областями и ближайшими къ нимъ западно—европейскими странами, и такимъ образомъ не возмѣститъ казенныхъ убытковъ, которые

---

[1]) П. С. З., XVII, 12, 466—ук. 6 сентября 1765 г. о несбираніи положенныхъ по тарифу 1757 г. при Темерниковскомъ портѣ ластовыхъ денегъ; Чулковъ, цит. соч., III, 473. Г. Н. Тепловъ высказалъ мнѣніе о привлеченіи купечества въ крѣпость св. Дмитрія Ростовскаго (нынѣшн. Ростовъ на Дону, см. у Замысловскаго: Объясненія къ учебн. атласу по Русск. исторіи, С.-Петерб., 1887 г., стр. 77) въ интересахъ плохо налаживавшейся здѣсь торговли. См. Прилож. 7-е.

[2]) Чулковъ, цит. соч., III, 11 и 12; Scherer, цит. соч., I, 177.

[3]) Чулковъ, III, 10—12, Scherer, I, 179.

[4]) Сб. Русск. Ист. Общ., 8 т., 52 стр.

получатся „въ сухопутныхъ таможняхъ“, „ибо“, говорилъ депутатъ отъ г. Кіева, „никто не пожелаетъ объѣзжать вокругъ свѣта“ [1]). Было ясно, что необходимо проторять торговый путь на югъ, чрезъ Азовское и чрезъ Черное моря. Плодомъ этой, ощущаемой краемъ и правительствомъ необходимости, и явилось учрежденіе въ 1772 г. (18 октября) воронежской торговой компаніи. Эта компанія собиралась торговать хлѣбомъ „въ Крымъ и другія татарскія мѣста“, но императрица опредѣлила: „торговать ей чѣмъ и куда заблагоразсудитъ“. Очевидно, Екатерина не желала стѣснять товарищества, но изъ резолюцій ея не менѣе ясно и то, что она вполнѣ одобряла и торговую спеціальность компаніи, и намѣченный торговый путь. Какъ архангельское купечество въ 1770 году, компанія получила право безпошлиннаго отпуска за море хлѣба (пшеницы) въ теченіи 5 лѣтъ „и не болѣе 200,000 четвертей на годъ“, но въ монополіи на хлѣбную заграничную торговлю компаніи было отказано весьма внушительно, „ибо торгъ есть дѣло вольное, и компанія... не должна препятствовать никому торговать“ [2]). Въ этомъ случаѣ Екатерина осталась вѣрна себѣ и даже не признала возможнымъ принимать оставшійся компанейскій хлѣбъ въ казенные магазины на очень выгодныхъ условіяхъ для компаніи, но невыгодныхъ для казны. Ни сама императрица, ни ея „министры“ не были „интересентами“ воронежской компаніи.

Въ Петербургѣ, не увлекаясь иными мечтаніями [3]), хорошо понимали, что русская торговля съ Дона и Азовскаго моря не могла имѣть будущности на Черномъ морѣ и тѣмъ менѣе чрезъ него на Средиземномъ при отсутствіи у Россіи портовъ на Черномъ морѣ, при отсутствіи гарантіи на свободный выходъ изъ послѣдняго. Отсюда главнымъ образомъ и вытекали на-

---

[1]) Сб. Р. Ист. Общ., 8 т., стр. 54 и 55.
[2]) П. С. З., XIX, 13,886.
[3]) См. выше, стр. 46.

ши, хорошо извѣстныя, политическія отношенія къ Крыму и Турціи. Ведя первую турецкую войну, Екатерина стремилась добиться выгодъ для нашей торговли. Эту коммерческую цѣль войны отлично разглядѣли съ запада, и прекрасный знатокъ и наблюдатель современныхъ ему дипломатическихъ настроеній прусскій король Фридрихъ II въ 1774 г. отмѣтилъ зависть Англіи и Франціи касательно торговли, которую Россія желаетъ завести на Черномъ морѣ [1]). Но если съ одной стороны политика Екатерины II по отношенію къ Турціи имѣла въ виду насущные интересы русской торговли, то съ другой сама коммерція въ глазахъ русской императрицы могла бы явиться благовиднымъ предлогомъ для чисто политическихъ операцій въ области „восточнаго вопроса“. Такъ однажды Екатерина въ письмѣ къ гр. А. Г. Орлову (1770 г.) высказалась въ томъ смыслѣ, что недурно бы пріобрѣсти въ Архипелагѣ портъ, который и могъ бы послужить, какъ опорный пунктъ нашему политическому значенію въ южныхъ моряхъ: „подъ видомъ... коммерціи“, писала Екатерина, онъ (портъ) „всегда будетъ имѣть сообщеніе съ нужными народами во время мира, и тѣмъ конечно сила наша не умалится въ тамошнемъ краю“ [2]). Порта въ Архипелагѣ пріобрѣтено не было, но за то по Кучукъ-Кайнарджійскому миру цѣлый рядъ портовъ отошелъ къ Россіи на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Прочно здѣсь утвердившись, Екатерина обезпечивала за собой право русскимъ судамъ переходить Босфоръ и тѣмъ самымъ открывала себѣ путь въ Средиземное море [3]). Съ этого времени поощреніе черноморской торговли усиливается. Прежде всего оно выражается въ изданіи особаго

---

[1]) Сб. Им. Русск. Ист. Общ., т. 72, стр. 525.

[2]) Сб. И. Р. И. О., т. I, стр. 32.

[3]) Cons: Précis d'histoire du commerce, II, 23.

льготнаго тарифа для черноморскихъ портовъ (1775 г.), [1]) а потомъ и въ дальнѣйшихъ пошлинныхъ облегченіяхъ для черноморской торговли [2]). Въ указѣ, изданномъ при общемъ тарифѣ 1782 года для портовъ Азовскаго и Чернаго морей, пошлина была умепьшена „четвертою долею“ „въ пользу подданныхъ и тѣхъ пародовъ, съ которыми будутъ сдѣланы точныя постановленія, въ замѣну пріобрѣтаемыхъ отъ нихъ выгодъ и облегченій для россійской торговли“.

Уничтоженіе Запорожской Сѣчи (1775 г.) въ весьма солидной мѣрѣ зависѣло отъ соображеній объ интересахъ черноморской торговли. Недаромъ вскорѣ послѣ этого событія ликовали, что наступило время безопаснаго проѣзда съ товарами къ Черному морю, тогда какъ прежде вся степь по пути къ Крыму была наполнена татарами и запорожцами, „въ варварствѣ татарамъ ни мало не уступающими“, и въ ту пору купцы подвергались великой опасности со стороны грабителей и даже платили въ Запорожскую Сѣчь пошлины [3]), такимъ образомъ откупаясь отъ этого полурыцарскаго, полуразбойническаго товарищества. Предъ правительствомъ и южными окраинами Россіи стали теперь открываться широкія перспективы организованной торговли въ Константинополь, Малую Азію, Италію [4]). Мечтали о томъ, что посредствомъ заведенной русскими чрезъ Черное море левантской

---

[1]) О тарифѣ для черноморскихъ портовъ см. выше, стр. 212, примѣч.

[2]) Чулковъ, цит. соч., III, 494 и 495; напр. вмѣсто 22 коп. съ пуда велѣно было брать 5 к. съ пуда россійскими деньгами, «а болѣе того не собирать и не платить;» съ быковъ и коровъ живыхъ, отпускаемыхъ въ чужіе края, вмѣсто 17 р. 46½ к., было велѣно брать съ каждаго живого быка или коровы по 85 коп. россійск. же деньгами и пр. П. С. З., XX, 15,066, имен., данный Сенату 22-го сентября (объявленъ во всенародн. извѣстіе 24-го сент.) 1780 г. и кн. тариф., Отд. I, стр. 12 и 13, 52 и 53 и пр.

[3]) Чулковъ, цит. соч., III, 516.

[4]) Чулковъ, цит. соч, III, 517—542.

или турецкой коммерціи можно будетъ отвратить англійскую компанію отъ торговли въ Средиземное море, а ходъ иностранныхъ товаровъ въ Черное направить не чрезъ Средиземное, а чрезъ Балтійское и далѣе чрезъ Россію; чрезъ Черное море, въ Турцію, де, пойдетъ только часть этихъ товаровъ, а другая часть, прокатившись по русскимъ рѣкамъ, пойдетъ въ Персію; чрезъ Средиземное же море изъ Западной Европы ходъ неудобенъ, ибо очень великъ фрахтовый расходъ: товаръ обходить вокругъ „почти всей Европы“ и къ тому же далеко не безъ риску въ виду весьма возможнаго нападенія африканскихъ каперовъ и пр. [1]).

Въ 1780 и 1781 гг. опять былъ поднятъ вопросъ о русской торговлѣ въ Средиземное море. Этотъ вопросъ на сей разъ возникъ и обсуждался на дипломатической почвѣ [2]). Англія въ лицѣ своего посланника обѣщала пожаловать Россіи „владѣніе“ на Средиземномъ морѣ. Екатерина однако не соблазнилась предлагаемой „уступкой“ острова Минорки и, не смотря на якобы сочувствіе этому предложенію со стороны Потемкина, оставила англійскій кабинетъ въ тѣхъ затруднительныхъ политическихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ тогда находился и изъ которыхъ онъ, вѣроятно, надѣялся выйти при помощи упомянутаго дипломатическаго „хода“ въ область коммерческихъ заботъ и мечтаній русскаго правительства. Но за то въ 1782 г. новороссійскій генералъ-губернаторъ кн. Потемкинъ получилъ право выдавать россійскіе флаги на торговыя суда, плавающія по Черному морю и изъ него въ Средиземное [3]). Это право было далеко нелишнимъ, ибо, какъ извѣстно, въ 1783 г. былъ при-

---

[1]) Чулковъ, цит. соч., III, 522.

[2]) Русск. арх., 1874, № 8, 436—440; № 11, 790.

[3]) П. С. З., XXI, 15,487, имен. ук., данный адмиралтейской коллегіи (3-го августа). Въ томъ-же году (1782 г.), 5-го сентября былъ изданъ тарифъ, «постановленный между Россіею и Турціей» (П. С. З. XXI, 15,506).

соединенъ къ Россіи Крымъ, и для развитія русской торговли въ южныхъ моряхъ открылось еще болѣе широкое поприще [1]). „Попеченіе наше“, говорила Екатерина въ манифестѣ 1784 г., „о распространеніи торговли подданныхъ нашихъ и другихъ съ ними народовъ чрезъ Черное и Средиземное моря достигло желаемыхъ успѣховъ, когда посредствомъ торговаго договора съ Портою Оттоманскою въ 10 день іюня 1783 г. заключеннаго, изъяты всѣ трудности и препятствія, кои по образу правленія Турецкаго встрѣчалися на каждомъ шагу торговли, тамъ токмо водворяющейся и цвѣтущей, гдѣ законы ей покровительствуютъ и гдѣ во всѣхъ ея видахъ и оборотахъ совершенная свобода предводительствуетъ“. Императрица полагаетъ, что многіе указы и установленія, изданные относительно торговли въ ея царствованіе, доказываютъ, что она слѣдовала принципу „неограниченной свободы“ въ торговлѣ. Отмѣчая удобство и безопасность для торговыхъ оборотовъ, вслѣдствіе „вступленія“ подъ русскую „державу“ „области Таврической съ прочими землями, къ ней принадлежащими“, „съ разными пристанями морскими“, указывая на „воздвигнутый“ въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ [2]) недалеко отъ устья Днѣпра г. Херсонъ, Екатерина повелѣваетъ „сей городъ“, а также Севастополь, „одаренный превосходною морскою пристанью“, и Ѳеодосію „открыть для всѣхъ народовъ, въ дружбѣ пребывающихъ“ съ Россіею. „Въ слѣдствіе чего“, говоритъ императрица, „симъ торжественно объявляемъ, что всѣ помянутые народы на собственныхъ ихъ или наемныхъ судахъ подъ флагами ихъ могутъ свободно, безопасно и безпрепятственно къ тѣмъ городамъ приплывать или сухимъ путемъ пріѣзжать, нагружать суда ихъ и оттуда отплывать или отъѣзжать по своему произволенію, поступая, что до платежа пошлины за

[1]) Сменовъ, II, 73—75.

[2]) Въ томъ же, 1784 г., въ этомъ намѣстничествѣ былъ учрежденъ губернскій городъ Екатеринославль (ук. 22-го января) П. С. З. XXII, 15,910.

привозимые и вывозимые товары касается, по тарифамъ и установленіямъ таможеннымъ“ [1]). Екатерина лично была въ высшей степени заинтересована „ободреніемъ торга на Черномъ морѣ“ [2]), и нисколько неудивительно, что этотъ интересъ монархини къ черноморской торговлѣ приняли очень близко къ сердцу въ россійской академіи наукъ: тамъ еще въ 1780-мъ году одинъ изъ почтенныхъ членовъ этого учрежденія Гильденштедтъ, въ присутствіи весьма почетнаго гостя—австрійскаго императора Іосифа II, произнесъ разсужденіе „о торговлѣ, какая можетъ быть вновь открыта между Россіею и Германіею по Дунаю и Черному морю“ [3]). Спору нѣтъ, что со 2-ой пол. 70-хъ годовъ (XVIII в.) черноморская торговля сдѣлала извѣстные успѣхи [4]), что сдѣлало нѣкоторый успѣхъ и наше черноморское мореходство; [5]) но нельзя не согласиться

---

[1]) П. С. З. XXII, 15.935, ук. 22 февраля; Чулковъ, цит. соч., III, 496—499.

[2]) П. С. З. XXII, 15,938.

[3]) Чулковъ, цит. соч., III, 542—554. По мнѣнію Гильденштедта, эту торговлю можно производить со стороны Россіи отъ Таганрога и Херсона, а со стороны Австріи изъ Семлина и Вѣны; изъ этихъ городовъ всего удобнѣе переводить деньги векселями во всѣ главные европейскіе и азіатскіе города (551 стр.). Авторъ полагалъ, что эту торговлю ожидаетъ весьма хорошій успѣхъ, если только не воспрепятствуютъ ей тяжелые сборы и налоги, «возбраняющіе торговлѣ германской равняться съ торговлей другихъ народовъ». См. также у митроп. Евгенія въ «Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей, I, 125 и 126, и у Шторха: Historisch—statistisches Gemälde des Russischen Reichs, Лейпцигъ, 1801 г., VI, 171 и 172.

[4]) Чулковъ, цит. соч., III, стр 543; Scherer, цит. соч., II, 33 и 34, 37 и 38; Cons, цит. соч., II, 23.

[5]) См., напр., статью г. Маркевича: «Возобновленіе русскаго торговаго судоходства на Черномъ морѣ въ концѣ XVIII в.» Здѣсь приводится указъ Потемкина (во исполненіе указа императрицы о порученіи Потемкину раздавать флаги на торговыя суда) о дозволеніи «титулярному совѣтнику Георгію Кромидѣ, торгъ въ помянутыхъ моряхъ (Черномъ и Средиземномъ) производить желающему,—поднять флагъ россійскій на собственномъ его двумачтовомъ суднѣ, именуемомъ Симферополь, подъемлющемъ девяносто пять ластовъ, дабы такимъ образомъ могъ онъ свободное имѣть по тѣмъ

и съ тѣмъ, что вообще черноморская торговля Россіи въ тѣ времена развивалась медленно [1]) и на дѣлѣ она, а тѣмъ менѣе средиземно-морская торговля далеко не соотвѣтствовала надеждамъ, на нее возлагавшимся. Приходилось и въ 90-хъ годахъ лишь надѣяться на лучшее будущее черноморской, а тѣмъ болѣе тѣсно связанной съ ней средиземно-морской торговли Россіи, въ каковомъ смыслѣ и высказывались прожектеры этого времени [2]).

§ 4. О заведеніи организованной торговли чрезъ Каспійское море съ давнихъ поръ хлопотало русское правительство; большія надежды при этомъ возлагались на иностранцевъ: сначала на армянъ [3]), потомъ на англичанъ, пожалованныхъ привилегіями [4]), но ни тѣ, ни другіе не дали гостепріимной Россіи той выгоды, которая отъ нихъ ожидалась. Привилегиро-

---

водамъ плаванье и безпрепятственно отправлять торговлю, пользуясь всѣми тѣми выгодами и преимуществами, каковыя по силѣ учиненныхъ между имперіею Россійскою, блистательною портою Оттоманскою и прочими державами трактатовъ россійскому флагу принадлежатъ» (13-е дек., 1787 г.). Извѣстія таврической ученой архивн. ком., 1899 г., № 29, 53—54.

[1]) Лодыженскій, цит. соч., 136, примѣч.

[2]) Госуд. арх., XIX, № 287; см. также указанія по вопросу о черноморской торговлѣ въ «особенномъ собраніи» 1793 года (очеркъ втор., гл. IV). Шереръ со своей стороны указываетъ, что иные купцы, при заведеніи тогда торговли на югѣ—въ Черное и Средиземное моря, мѣшкали, опасаясь издержекъ на перевозку товаровъ, на вексельномъ курсѣ и пр., что самый внимательный и наиболѣе освѣдомленный изъ купцовъ прибылъ къ херсонской заставѣ безъ яснаго пониманія той торговли, которую онъ хлопоталъ основать (цит. соч., II, 30). И это вполнѣ понятно: черноморская торговля была дѣломъ новымъ—по Шницлеру, она существуетъ только съ открытія порта Херсона въ 1778 году и взятія Очакова въ 1788 г. (Statistique et itinéraire de la Russie, I, 145).

[3]) Scherer, цит. соч., I, 248 и слѣд.; мое сочин.: Торговопромышл. комп. въ 1-ю пол. XVIII ст., 35.

[4]) Привилегіи порождали лишь то, что англичане, такъ сказать, зазнавались и переходили всякія границы въ своихъ требованіяхъ, а это послѣднее обстоятельство, въ свою очередь, вело къ разнымъ осложненіямъ и опасеніямъ. См. Приложен. 8-е.

ванной компаніи, основанной въ 1758 году для торговли съ Персіею, тоже не удалось поставить на ноги этотъ торгъ [1]), столько разъ возбуждавшій жадные аппетиты разныхъ искателей легкой добычи. Екатерина, объявившая персидскую торговлю (а также въ Хиву и Бухару) доступной для всѣхъ, а не для однихъ компаній, какъ это было раньше, [2]) застала ее въ состояніи слабости; [3]) но съ такимъ положеніемъ дѣла эта императрица, какъ и ея предшественники, мириться не хотѣла. Въ 1769 г. Екатерина поручила гр. Н. И. Панину, чтобы онъ заставилъ гр. Редерна составить проектъ персидской коммерціи, того самого гр. Редерна, проектъ котораго о морской компаніи съ чрезвычайными привилегіями императрица въ той же запискѣ къ Панину назвала „бѣшеннымъ“ [4]). Но Екатерина не желала быть неосвѣдомленной во всемъ томъ, что касается до персидской торговли; вслѣдствіе этого для нея академикомъ Гмелинымъ (Самуиломъ Готтлибомъ Георгомъ, послѣ личнаго въ 1770 и 1771 гг. его ознакомленія съ пристанями Каспійскаго моря и съ прилегающими къ нему персидскими провинціями) [5]) была составлена о каспійскомъ торгѣ обширная записка, въ которой были преподаны, какъ историческія, такъ и современныя свѣдѣнья, а также и совѣты относительно персидской торговли. Считая истиннымъ основателемъ „торга изъ Россіи чрезъ Каспійское море“ Петра В., Гмелинъ указываетъ, что впослѣдствіи этотъ торгъ, получившій было значеніе, [6]) былъ разстроенъ армянами и ан-

---

[1]) Госуд. арх., № 287.

[2]) П. С. З. XVI, II, 630, пунктъ 16.

[3]) Scherer, цит. соч., I, 255.

[4]) Сб. Р. И. Общ., 10 т., стр. 360; см. въ этомъ сочин. выше, стр. 30.

[5]) Митр. Евгеній: Словарь русск. свѣтск. пис., I, 140. Storch, Historisch-statistisches Gemälde, VI, 200.

[6]) Особенно при Аннѣ Ивановнѣ, когда русскіе торговали до Индіи

гличанами [1]). Первыхъ Гмелинъ считаетъ весьма способными къ персидской торговлѣ, но вмѣсто того, чтобы весь пріобрѣтаемый ими шелкъ ввозить въ Россію, какъ это слѣдовало въ силу условій, на которыхъ армяне получили торговыя права отъ Петра В., они посылали большую часть шелка въ Турцію и лишь остатокъ въ розницу продавали въ Россіи. Англичане же прямо получили позволеніе на торгъ съ Персіею чрезъ Россію, и русскимъ купцамъ естественно было не подъ силу въ транзитной торговлѣ тягаться съ ними, равно какъ раньше съ армянской компаніей [2]). Въ этомъ особомъ положеніи, какое раньше занимали въ персидской торговлѣ армяне и англичане, Гмелинъ и видитъ главную причину дурного состоянія означенной торговли, въ какомъ она находилась въ то время, когда Гмелинъ составлялъ свою записку [3]). Застой въ персидской торговлѣ зависѣлъ, по мнѣнію Гмелина, также и отъ плачевнаго состоянія Персіи послѣ шаха Надира [4]), погрязшей въ постоянныхъ внутреннихъ смятеніяхъ. Послѣ того, сообщаетъ Гмелинъ, какъ у англичанъ русскимъ правительствомъ было отнято право вести чрезъ Россію торговлю съ Персіей, персидскій торгъ раздѣлили между собой русскіе и армянскіе купцы [5]). И, вѣроятно, послѣдніе въ торговлѣ имѣли перевѣсъ надъ первыми, торгуя персидскими товарами, особенно шелкомъ, внутри Россіи и чрезъ Россію съ западной Европой: недаромъ въ коммиссіи Нова-

---

безъ спасенія, не платясь никакими убытками (Scherer, цит. соч., I, 264 и 265).

[1]) Scherer, цит. соч. I, 265. Ар. д. т. сб., д. н. о ком. № 905, св. 50, № кат. Кайдан.—25.

[2]) Scherer, цит. соч., 266—271; мое сочин., Русск. торгово-пром. комп., 30, 48, 247.

[3]) Scherer, цит. соч. I, 265, 280.

[4]) Ibid., 247.

[5]) Ibid.

го Уложенія русскіе купцы просили, чтобы иностраннымъ купцамъ, паче же азіатцамъ, не записавшимся „въ вѣчное въ Россіи подданство“, было разрѣшено торговать „только при портахъ и пограничныхъ мѣстахъ“, „во внутреннихъ“ же городахъ было бы запрещено, „дабы россійскимъ купцамъ подрыву и помѣшательства въ торгахъ не было“ [1]). Для того, чтобы дурное состояніе персидской торговли превратить въ цвѣтущее, Гмелинъ прежде всего считаетъ необходимымъ учрежденіе торговой компаніи, „имѣющей по примѣру голландской и англійской опредѣленныхъ своихъ директоровъ“. Эти послѣдніе, отъ коихъ зависятъ „факторы и бухгалтеры“, должны быть именно „люди опредѣленные“, т. е. извѣстные за хорошихъ знатоковъ коммерціи и Персіи, за людей „честнаго поведенія и благородныхъ мыслей“; директоровъ назначаетъ правительство или коммерцъ-коллегія и не перемѣняетъ ихъ „безъ крайней нужды“. „Почитаю за полезное“, говоритъ Гмелинъ, „чтобы пребывающій въ Персіи консулъ былъ одинъ изъ числа директоровъ и имѣлъ бы въ компаніи самой участіе“; для доказательства же цѣлесообразности такого соединенія консульской должности съ купеческой профессіей Гмелинъ ссылается на „европейскія націи“, гдѣ „въ знатнѣйшихъ городахъ“ консулами сдѣланы „дѣйствительные купцы“. „Дирекція компаніи“, говоритъ Гмелинъ далѣе, „составляетъ весь планъ къ распоряженію, по апробаціи и конфирмаціи коего надлежитъ разсмотрѣть и опредѣлить всѣ обстоятельства уваженія достойныя“; директоры также обязаны „современемъ стараться о томъ, какой планъ съ обстоятельствами компаніи сходственнѣе и къ произведенію въ дѣйствіе надежнѣе“; „по окончаніи каждаго года“ разсматривается „съ точностью состояніе компаніи и о

[1]) Сборн. Им. Р. И. Об., 93 т., 104, 311 (вмѣсто «паче», «также» азіатскимъ купцамъ).

томъ увѣдомляется куда падлежитъ“.... Что касается суммы складочнаго капитала, то ее Гмелинъ не опредѣляетъ, равно какъ и номинальную цѣну акцій компаніи: „по количеству суммы“, говоритъ онъ, „назначать и акціи, кои всякъ въ компаніи имѣетъ“. Далѣе, по мнѣнію этого прожектера, компанія должна получить „право отвозить европейскіе товары въ Персію и вывозить обратно персидскіе продукты въ Россію“; пріемъ въ компанію не ограничивается ни числомъ, ни національностями, но требуется организація дѣла такая, чтобы „положенный въ компанію капиталъ располагаемъ былъ не по произволу“ компанейщиковъ, а „по силѣ правилъ“, компаніямъ „предписанныхъ“, и „никто бы“ изъ членовъ товарищества „самъ собою не торговалъ, но компанія вообще“ [1]).

Компанія, рекомендованная Гмелинымъ, представляетъ, какъ и большая часть проектируемыхъ компаній того времени, смѣшаный типъ торговыхъ организацій. Въ данномъ случаѣ предъ нами, разумѣется, акціонерное товарищество, но оно довольно таки своеобразно. Замѣтно, что, при составленіи своего проекта, авторъ не остался вполнѣ чуждъ воспоминаніямъ о казенномъ „содержаніи“: это выразилось въ предложеніи назначать директоровъ правительственною властью (а не избирать ихъ въ собраніи акціонеровъ) и вообще поставить операціи компаніи подъ правительственный контроль. Сверхъ того, въ проектѣ чувствуется нѣкоторое тяготѣніе къ интересамъ „азіатцевъ“, торгующихъ въ Россіи. „Съ

---

[1]) И далѣе: «Въ компанію россійскую принимать можно каждаго, .. лишь только повиноваться долженъ законамъ, предписаннымъ компаніи, и не почиталъ бы себя купцамъ частнымъ, но яко членомъ той цѣпи, съ которою онъ сопряженъ посредствомъ своего капитала. Слѣдовательно, тѣ исключаются, кто не положитъ въ компанію извѣстной суммы, велика или мала она будетъ».

одной стороны", вѣщаетъ Гмелинъ, „справедливо, чтобы никого отъ каспійскаго торга не исключать, съ другой же полезно и нужно, чтобы восточные народы вообще пребывающіе въ Астрахани и въ прочихъ россійскихъ городахъ для приведенія сего торга въ цвѣтущее состояніе наипаче получили отъ россійскаго двора дозволеніе селиться домами"; кромѣ того желательно, чтобы восточнымъ людямъ была „дана нѣкоторая свобода, каковой россійскіе подданные не имѣютъ". Итакъ, не смотря на высказанное Гмелинымъ мнѣніе о допущеніи всѣхъ въ будущую компанію каспійскаго торга, безъ различія національности, членъ россійской академіи наукъ, по происхожденію и воспитанію тюбингенецъ, отдавалъ въ этомъ торгѣ извѣстное преимущество восточнымъ людямъ, что, впрочемъ, соотвѣтствовало другому мнѣнію Гмелина объ особыхъ способностяхъ армянъ къ персидской, каспійской тожъ, коммерціи. Гмелинъ вообще былъ убѣжденъ, что торгъ по Каспійскому морю сдѣлается весьма выгоденъ для Россіи тогда, когда онъ будетъ „соединенъ съ нашими (т. е. русскими) мануфактурами, для коихъ можетъ быть чрезъ краткое время наступитъ счастливая эпоха". Вотъ для такого-то соединенія русскихъ мануфактуръ съ персидской торговлей, по мнѣнію Гмелина, и надо учредить „одно непремѣнное для купечества мѣсто" [1]), т. е. пользующуюся монополіей компанію, каковую онъ и рекомендуетъ, какъ главнѣйшее средство для преуспѣянія каспійскаго торга, присовокупивъ къ этому, что „всѣ прочіе артикулы, подъ какими

---

[1]) ...«коего директоры по установленному единожды и непремѣнно наблюдаемому узаконенію привилегированной компаніи стараться будутъ о продажѣ европейскихъ товаровъ и о закупкѣ шелку и хлопчатой бумаги, ибо сіи то сырыя произращенія доставляютъ Россіи выгоду».

бы наименованіями они ни были", онъ „почитаетъ побочными" [1]). Ратуя за привозъ въ Россію сырыхъ произведеній для обработки ихъ на русскихъ фабрикахъ, Гмелинъ не останавливается и предъ возможной перспективой пріобрѣтенія „невыдѣланныхъ" продуктовъ на наличныя деньги: „не предвижу я", говоритъ онъ, „для чего бы оныя жалѣть въ такомъ случаѣ, когда чрезъ поощреніе къ прилежанію изобрѣтаются новые источники къ богатству?" [2]) Записка Гмелина датирована 1772 годомъ (6-мъ августа) [3]), а въ 1773 году (20 іюня) императрица повелѣла коммиссіи о коммерціи обнародовать переданный ею въ это учрежденіе проектъ объ основаніи „торговой компаніи въ Персію и во всѣ чужестранныя области, лежащія по берегамъ Каспійскаго моря"; „обнародовать" проектъ было приказано для того, чтобы „желающіе вступить въ сію компанію или имѣющіе дальнѣйшія свѣдѣнья о семъ торгѣ" могли бы прислать въ коммиссію о коммерціи „свои примѣчанія" на этотъ проектъ „до истеченія сего 1773 года". Такое распоряженіе было результатомъ „намѣренья" государыни поставить на твердую почву и на путь процвѣтанія, „къ вящему обогащенію государственному и народному", торговлю между Россіей и Персіею чрезъ Каспійское море, торговлю, „многократно доселѣ и отъ многихъ лѣтъ начинавшуюся безъ успѣха". Компанія, объ „установленіи" которой трактовалъ проектъ, рекомендовалась акціонерная, „она состоять должна на собственномъ акціоперовъ капиталѣ

---

[1]) Гмелинъ полагалъ также, что такая компанія будетъ въ состояніи установить опредѣленныя умѣренныя цѣны на товары, вмѣсто страшно колеблющихся цѣнъ, на русско—персидскомъ рынкѣ.

[2]) Арх. д. т. сбор., д. к. о к., № 905, связка 50, № по катал. Кайданова—25; Scherer, цит. соч., I, 262—263, 265, 280—282, 287 и 288 и др.

[3]) Scherer, цит. соч., I, 256.

тѣхъ, кто пожелаетъ въ оную компанію вступить, безъ требованія денежнаго отъ короны вспоможенія, каждая акція должна быть по 200 рубл.“, а всѣхъ акцій должно быть 1250 и пока „не собрано будетъ“ это количество, „что составляетъ 250.000 руб.“, до тѣхъ поръ компанія не можетъ начать своихъ операцій; допускаются въ компанію всѣ безъ различія націй, состоянія и пола, но иностранцамъ предоставляется 4-я часть акцій [1]), одно лицо не можетъ брать „болѣе двадцатой части всего капитала“; денегъ своихъ „интересенты“ „ни подъ какимъ видомъ“ не берутъ обратно „до окончанія компаніи“, но „невозбранно“ могутъ продавать свои акціи „охочимъ людямъ“; компанія управляется директорами, избранными акціонерами, которые получаютъ и отчетъ о прибыли и убыткѣ компаніи и пр. Однако и этотъ проектъ не обошелся безъ „знатной особы при дворѣ“, которая, правда, по желанію собранія акціонеровъ, могла бы явиться попечителемъ надъ компаніей „на срокъ, пока обѣимъ сторонамъ угодно будетъ“,—это, разумѣется, для того, чтобы представлять императрицѣ „о нечаянно случившихся нуждахъ“ компаніи „именемъ“ послѣдней. При всемъ томъ эта компанія должна быть „подъ особливымъ покровительствомъ“ монархини, и, какъ таковая, освобождается отъ вмѣшательства всякихъ другихъ властей въ ея торговыя операціи; что касается самаго права торговли, то проектъ считаетъ необходимымъ дать компаніи монополію на 15 лѣтъ. Таковы важнѣйшія особенности проектируемой компаніи подъ фирмой: „торговая Каспійскаго моря и персидская компанія“ [2]).

---

[1]) Если же эта часть останется неразобранной, то можно брать и ее россійскимъ подданнымъ.

[2]) Чулковъ, цит. соч., т. IV, 409—414 и слѣд., 418—419 и слѣд.

Не касаясь вопроса о томъ, кому принадлежитъ этотъ анонимный проектъ, мы должны сказать, что всѣ отмѣченныя заботы о персидской коммерціи очень мало имѣли практическаго значенія. Впрочемъ, процитированная выше записка Гмелина о каспійскомъ торгѣ, повидимому, не осталась совсѣмъ безъ вліянія на отношеніе императрицы къ этому торгу. Предпочтеніе, какимъ удостоилъ Гмелинъ восточныхъ людей въ своемъ проектѣ, какъ бы нашло извѣстный откликъ въ именномъ указѣ 1776 г. (19 декабря), даровавшемъ бывшему бухарскому посланнику Ирназару Максютову право производить по Каспійскому морю торговлю на 60,000 рубл. безпошлинно въ теченіе 5 лѣтъ [1]).

Въ 1779 г. (8-го мая) въ коммиссіи о коммерціи было слушано дѣло объ учрежденіи компаніи по прошенію ростовскаго купца Василія Милютина. Василій Милютинъ просилъ о позволеніи ему учредить „русско-персидскую компанію питейныхъ и съѣстныхъ продуктовъ“; при этомъ ростовскій купецъ объявлялъ и о томъ, что онъ „намѣренъ“ завести за Каспіемъ водочное изъ персидскаго винограда производство по иностраннымъ образцамъ: „выписанными изъ чужихъ краевъ мастерами дѣлать въ Персіи изъ тамошняго винограда водки на подобіе французской и гданской вейновой, также шромъ, аракъ, ликеры, всякія наливки“ и пр. По поводу этого прошенія астраханскій губернаторъ Якобій представилъ, что онъ вообще считаетъ очень полезнымъ разрѣшеніе ввоза виноградныхъ винъ изъ Персіи: отъ нихъ „не токмо ни малаго не будетъ подрыва въ продажѣ казеннаго чихиря, но большаго еще ожидать должно отъ пошлиннаго сбору по астраханскому тарифу приращенія“; но не такъ губернаторъ отнесся собственно къ прошенію Милютина: Якобій высказался противъ отдачи оз-

[1]) П. С. З., XX, 14,550; Чулковъ, цит. соч., V, 264.

наченнаго промысла „въ однѣ руки“ милютинской компаніи, „которая повидимому во отягощеніе и притѣсненіе многихъ домогается совсѣмъ другихъ выгодъ“... Съ этимъ мнѣніемъ согласился и „астраханскій государевъ намѣстникъ“ (генералъ-губернаторъ) кн. Г. А. Потемкинъ. Неудивительно, что съ этимъ мнѣніемъ, по выслушаніи дѣла съ приложенными къ нему заключеніями Якобія и Потемкина, согласилась и коммиссія о коммерціи. Представляя на усмотрѣніе императрицы свое заключеніе о томъ, что полезно разрѣшить привозъ виноградныхъ винъ изъ Персіи въ Астрахань съ платежемъ пошлины, коммиссія о коммерціи пояснила: „отъ таковаго разрѣшенія“ „подрыва въ продажѣ казеннаго чихиря „не произойдетъ, потому что чихирь „по худобѣ своей“ употребляется только простымъ народомъ; таможенный же доходъ „ежегодно возрастать станетъ“, такъ какъ „торгъ астраханскій съ Персіею чрезъ оные вина увеличится“; будетъ благо и для „жителей“ „отмѣннаго состоянія“: таковые, привыкнувъ къ тому роду жизни, при которомъ уже не могутъ обойтись безъ виноградныхъ винъ, „почувствуютъ великое облегченіе, получая ихъ и впредь ближе и дешевлѣе и лучшей доброты, нежели иные европейскіе завезенные туда испорченныя уже вина“ [1]). 3-го іюля (1779 г.) былъ подписанъ именной указъ о дозволеніи свободнаго ввоза виноградныхъ винъ изъ Персіи въ Астрахань съ платежемъ пошлинъ по 6 руб. съ каждаго 18-ти ведернаго оксофта [2]): такимъ образомъ ростовскій купецъ Милютинъ, преслѣдовавшій свои особыя выгоды, своимъ прошеніемъ какъ бы нечаянно вызвалъ общую либеральную мѣру,

---

[1]) Арх., д. т. сб., д. к. о ком., № 522, связка 31, № кат. Кайданова—333. Подъ этимъ докладомъ коммиссіи о коммерціи подписались: гр. Эрнстъ Минихъ, гр. Александръ Воронцовъ, гр. Христоферъ Минихъ, Тимофей фонъ Клингштетъ, Матвѣй Красильниковъ, коллежскій асессоръ и директоръ коммиссіонной канцеляріи Долинскій.

[2]) П. С. З. XX, 14,893; Чулковъ, IV, 408 и 409.

имѣвшую въ виду пользу отъ развитія данной отрасли торговли въ сферѣ плохо преуспѣвавшаго русско-персидскаго коммерческаго оборота. А что этотъ оборотъ находился далеко не въ блестящемъ положеніи, объ этомъ мы имѣемъ, кромѣ уже извѣстныхъ намъ указаній, достаточно также вѣское свидѣтельство въ инструкціи, данной „отъ государственной коммерцъ—коллегіи опредѣленному въ Персію консуломъ, совѣтнику посольства, Георгію Мерку“, въ инструкціи относительно того, какія онъ долженъ собирать свѣдѣнія, касающіяся до русско-персидской торговли, до ея улучшенія: „нельзя не признать“, читаемъ мы, между прочимъ, въ означенномъ документѣ, „что торгъ Россійской въ Персіи не въ томъ положеніи, въ которомъ по существу его быть бы ему надлежало, и естлибъ знатные капиталисты изъ Россійскаго купечества, имѣющіе при томъ свѣдѣнія о торговлѣ, въ оной торгъ прямо взошли: то съ вѣроятностью можно полагать, что транзитный торгъ черезъ Россію былъ бы весьма знатной, отъ чего бъ и воспослѣдовала какъ государственная, такъ и польза частно тамъ торгующихъ“ [1]). Кн. Щербатовъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій („состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба, въ началѣ 1788 года“...)—тоже не высокаго мнѣнія о персидской торговлѣ, которая и не могла развиваться при тѣхъ политическихъ, экономическихъ и финансовыхъ условіяхъ, въ которыхъ въ тѣ времена находилась Персія: „Персія,“ говоритъ этотъ авторъ, „раздѣлясь подъ власть многихъ хановъ, давное время въ безпокойствѣ, междоусобной войнѣ и разореніи пребываетъ, и не токмо чтобъ могла за товары наши платить серебромъ, сама жадна получить наши изъ нечистаго серебра и легковѣсные рублевики“ [2]). Отсюда ясно, что и всѣ благія намѣренья, всѣ проекты, имѣвшіе своей задачей по-

[1]) Чулковъ, IV, 439.
[2]) Сочин., I, 695.

мочь Екатеринѣ въ ея заботахъ о развитіи персидской торговли, оставались, говоря по старинному, „втунѣ“. Нѣкоторые изъ прожектеровъ смотрѣли слишкомъ оптимистично на ближайшее будущее этой торговли, полагая, что только стоитъ правительству принять ихъ указанія о компанейской организаціи или даже о способностяхъ „восточныхъ народовъ“ для персидской торговли, какъ послѣдняя въ скоромъ времени придетъ въ цвѣтущее состояніе. А между тѣмъ состояніе самой Персіи было никуда негоднымъ и въ политическомъ и соціальномъ отношеніяхъ. Бывшій въ Персіи русскій консулъ Михаилъ Суляковъ въ своихъ замѣчаніяхъ на записку Гмелина именно въ такомъ смыслѣ и аттестовалъ это государство, гибнувшее отъ „самовластія хановъ“: „...ханы, сообщаетъ Суляковъ, „разоряя подлый народъ, богатятся; а подвластные ихъ чрезъ то время отъ времени приходятъ въ крайнее изнеможеніе и нищету; отъ чего многіе, не стерпя такого притѣсненія, изъ своихъ жилищъ въ другія мѣста убѣгаютъ, и селятся кочевьемъ, гдѣ имъ за способно признается“; вотъ въ этомъ-то состояніи Персіи Суляковъ и склоненъ видѣть причину, почему персидская торговля „крайне подрыву подвержена“ и почему „никакъ не уповательно“, чтобы она могла быть приведена „въ цвѣтущее состояніе“ [1]). Чрезъ Каспійское море можно было торговать не только въ Персію, но и въ Хиву, и въ Бухару, и въ Индію. За Каспій въ эти страны зорко всматривался еще самъ величайшій изъ радѣтелей о русско-персидской коммерціи Петръ Великій [2]). И послѣ перваго императора не мало трактовалось о

---

[1]) Чулковъ, IV, 624 и 625.

[2]) Ibid., V, 12—14; Ч. О. И. и Д. Р., 1863, 58 стр. въ позднѣйшемъ (1787) письмѣ «о распространеніи торга съ областями хивинскою, бухарскою индѣйскими».

торговлѣ въ этомъ направленіи, какъ отъ Каспійскаго моря [1]), такъ и чрезъ Оренбургъ [2]), гдѣ при И. И. Неплюевѣ начался „знатный торгъ“ [3]), потомъ совсѣмъ упавшій по свидѣтельству Рычкова [4]). Екатерина II-я несомнѣнно тоже имѣла въ виду интересы этой давно заманчивой для русскаго правительства коммерціи въ среднюю Азію и Индію отъ стороны Каспійскаго моря, когда давала извѣстную уже намъ торговую привилегію бывшему бухарскому посланнику. Не помышляя ни о какихъ завоеваніяхъ въ Индіи, (ибо „la Russie a assez de terres et de produits pour n'avoir pas besoin d'aller faire des conquêtes aux Indes“ [5]), эта императрица однако желала того, чтобы развивалась русская торговля въ Индію и въ прилегающія къ ней области. Недаромъ въ инструкціи русскому консулу въ Персіи было предписано хлопотать о томъ, чтобы тѣмъ „россійскимъ подданнымъ“, которые захотятъ „чрезъ земли персидскія“ отправиться „въ Индію и другія земли“, былъ позволенъ свободный и безпошлинный проѣздъ съ товарами и деньгами, какъ сухимъ путемъ, такъ и моремъ, чтобы этимъ торговцамъ были выданы „охранительные листы для свободнаго и безопаснаго вездѣ проѣзда“ [6]) и проч. При всемъ томъ, не смотря даже на успѣхи, которые дѣлали, по свидѣтельству той же

---

[1]) Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1861 г., I: «Примѣчанія о невыгодной торговлѣ съ Бухаріей, писанныя въ 1730 году Пьеромъ Куки», 120—134.

[2]) Чулковъ, V, 43 и слѣд.

[3]) См. мою статью: «Политическое и финансовое значеніе колонизаціонной дѣятельности И. И. Неплюева“ (въ сборн.: „Двухсотлѣтней памяти И. И. Неплюева“ стр. 46—48). Изъ Оренбурга считалось „за способное“ „въ Бухарію принадлежащіе товары отпускать Яикомъ до Гурьева городка“, а отсюда на морскихъ судахъ подлѣ восточнаго берега Каспія до залива Красноводскаго (Чулк., V, 50 и 51).

[4]) См. выше, стр. 65.

[5]) Такъ выразилась Екатерина по поводу увлеченія гр. Редерна въ его проектѣ компаніи «du grand commerce maritime...» С. Р. И. О., 10 т., 358.

[6]) Чулковъ, IV, 424 и 425.

инструкціи, сами индѣйскіе купцы, проживая въ Астрахани и становясь здѣсь великими богачами [1]), русская торговля чрезъ Каспійское море и чрезъ Персію въ „Индію и другія земли“ продолжала оставаться всё на томъ же положеніи спорадическихъ поѣздокъ, едва ли много ушедшихъ впередъ по своимъ коммерческимъ результатамъ со временъ перваго русскаго, да и европейскаго путешественника въ Индію— тверского купца Афанасія Никитина.

§ 5. Завести торговлю въ Индію стремились и съ другихъ сторонъ. Мы не стали бы упоминать о сѣверномъ морскомъ пути, которымъ когда-то, при Иванѣ Грозномъ, пытались проникнуть въ Индію англичане, если бы у этихъ древнихъ мореплавателей не нашелся платоническій подражатель въ XVIII ст. — одинъ голландскій прожектеръ. Въ 1762 г. нашъ посланникъ сообщилъ изъ Гааги въ Петербургъ проектъ нѣкоего голландца о торговлѣ отъ Архангельска въ Восточную Индію; но, увы, проектъ былъ признанъ „неосновательнымъ“ [2]). Другой сѣверный путь былъ чрезъ Сибирь. Еще Петру В. лейтенантомъ Соймоновымъ было доложено, „что чрезъ Сибирь до Японіи и до Индіи короткой и способнѣйшій путь“, но преобразователь на это отвѣтилъ: „не нынѣ, да и далеко; а способнѣе отъ Астрабата до бухарскаго города Балха на верблюдахъ, не больше 12 дней ходу“ [3]); къ Астрабату же, конечно, предстоялъ путь чрезъ Каспійское море, о каковомъ пути было уже говорено и каковымъ путемъ послѣ Петра В. главнымъ образомъ и стремились установить торговлю съ Индіей, мечтая объ отвореніи пути „до самаго Индостана, т. е. до Восточной Индіи“ [4]). Чрезъ Сибирь же

---

[1]) Ibid., 459.
[2]) Ibid, II, 224 и повтореніе того же въ V-мъ томѣ, стр. 249.
[3]) Ibid. V, 12.
[4]) Idid. 48.

русское правительство пыталось установить торговлю преимущественно съ Китаемъ. По указу 31-то іюля 1762 г. такъ называемый китайскій караванъ (т. е. казенный караванный торгъ) былъ отданъ „въ вольную торговлю“ [1]). Дѣло въ томъ, что въ самомъ началѣ царствованія Екатерины II было предложено желающимъ составить компанію на акціяхъ для торговли съ Китаемъ, и этой компаніи была бы уступлена привилегія (монополія) казенныхъ каравановъ; но этотъ проектъ не нашелъ предпринимателей [2]). Китайская коммерція, въ общемъ занимавшая „видное мѣсто въ торговлѣ Россіи“, [3]) въ 60-хъ годахъ (XVIII) всетаки не удовлетворяла русскихъ государственныхъ людей своими результатами... Клингштетъ, мы знаемъ, ставилъ вопросъ о томъ, „какимъ образомъ сдѣлать болѣе полезнымъ для Россіи торгъ китайскій“ (равно какъ и другіе азіатскіе торги), и этотъ вопросъ не былъ разрѣшенъ сколько нибудь удовлетворительно и къ 90-мъ годамъ того вѣка. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, что въ „особенномъ собраніи“ 1793 г. крупное петербургское купечество отъ лица городскаго головы Рѣзваго указало на необходимость „распространять русскую торговлю съ китайцами“. Очевидно, „весьма нужное“ дѣло шло не такъ, какъ было бы желательно, и не только вслѣдствіе недостатка у русскихъ купцовъ предпріимчивости, но и потому, что съ китайцами не было согласія, неизбѣжнаго условія для установленія вполнѣ правильныхъ торговыхъ сношеній [4]). „Китайскій торгъ“, писалъ

---

[1]) ...„позволить всѣмъ, кто бы ни пожелалъ, какъ на границѣ торговать, такъ и въ самый Пекинъ съ платежемъ пошлинъ по тарифу ...товары свои... отправлять по примѣру прежде посылаемыхъ казенныхъ каравановъ“ XVI, 11,630, пунктъ 12.

[2]) Послѣднее обстоятельство Шереръ приписываетъ умственной и нравственной отсталости русскаго народа и рабству, которое портитъ породу (Histoire raisonnée du com. de la Russie, II, 19 и 20).

[3]) Х. Трусевичъ. Посольскія и торговыя сношенія Россіи съ Китаемъ, Москва, 1882, стр. 213 и слѣд.

[4]) Мартенсъ: Россія и Китай, С.-Петербургъ, 1881 г., 30—33.

кн. Щербатовъ, „...сталъ рушенъ отъ несогласія нашего съ китайцами“ [1]). Въ 1792 г. (8-го февраля) между россійскимъ и китайскимъ купечествомъ торгъ былъ возстановленъ [2]) и китайская коммерція снова сдѣлалась доступнымъ для всѣхъ желающихъ промысломъ [3]).

Нѣсколько раньше предъ тѣмъ, въ 1791 году, русскимъ правительствомъ была сдѣлана попытка завести торговыя сношенія съ Японіей. Поводомъ къ этому шагу послужило случайное происшествіе. Японское торговое судно потерпѣло аварію у Алеутскихъ острововъ, и на одинъ изъ нихъ, „по разбитіи судна“, спаслись японскіе купцы; отсюда, по призрѣніи ихъ тамошними промышленниками, они были доставлены въ Иркутскъ, „гдѣ и содержаны были нѣкоторое время на казенномъ содержаніи“. Всё это разсказывается въ именномъ указѣ отъ 13-го сентября (1791 г.), данномъ иркутскому и колыванскому генералъ-губернатору Пилю. „Случай возвращенія сихъ японцевъ въ ихъ отечество“, продолжаетъ указъ, „открываетъ надежду завести съ онымъ торговыя связи,

---

[1]) Сочиненія, I, 695: „Состояніе Россіи... въ нач. 1788 г.“ и пр.

[2]) П. С. З. XXIII, 17,037, ук. 22 апр.

[3]) Въ «Разсужденіи о посольствѣ въ Китай, сочиненномъ» еще въ 1764 г. «коллежскимъ совѣтникомъ и профессоромъ Миллеромъ, главными товарами торговли Россіи съ Китаемъ, «чинимой почти одною только промѣной», названы «съ китайской стороны»—китайка («по которой оцѣниваются на Кяхтѣ всѣ прочіе товары»), китайскія шелковыя матеріи, чай («необходимая вещь въ китайскомъ торгу, потому что мы къ нему привыкли и отъ него отстать трудно»), китайскій табакъ шаръ (въ прежнія времена былъ «нужнымъ товаромъ» для сибирскихъ инородцевъ, а «нынѣ уже привыкли они употреблять черкасскій табакъ, что россійскому интересу гораздо прибыльнѣе»), съ россійской стороны—сибирскіе мѣха (занимаютъ первое мѣсто), юфть, также сукна китайцами и мунгалами почитаются «пріятнымъ товаромъ, и пользы отъ него для Россіи было бы «еще больше», «еслибъ въ Россіи было больше суконныхъ фабрикъ» (Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россійскимъ и Китайскимъ государствами съ 1619 по 1792 г.. составленное по документамъ, хран. въ московскомъ архивѣ государств. коллегіи иностран. дѣлъ, въ 1792—1803 Николаемъ Бантышъ Каменскимъ; изданіе В. М. Флоринскаго, Казань, 1882 г., стр. 403—405).

тѣмъ паче, что никакому европейскому народу нѣтъ столько удобностей къ тому, какъ россійскому въ разсужденіи ближайшаго къ морю разстоянія и самаго сосѣдства". По плану проф. Лаксмана, ген. губ. Пилю было повелѣно снарядить на казенный счетъ экспедицію въ Японію; эта экспедиція и должна была подъ предлогомъ возвращенія въ отечество потерпѣвшихъ кораблекрушеніе обласкать японское правительство обѣщаніями и подарками, внушивъ черезъ то ему довѣріе къ великодушію, безкорыстію и щедрости русскаго правительства, а главнымъ образомъ къ желанію „всегда имѣть сношенія и торговыя связи съ японскимъ государствомъ". А чтобы не раздражить китайцевъ,—вопреки плану проф. Лаксмана, экспедиціи было запрещено производить изысканія новаго пути по рѣкѣ Амуру: это, хотя и стояло въ планѣ, было признано неудобнымъ, дабы такимъ „движеніемъ не возбудить" „большого вниманія" „въ китайскомъ правительствѣ и въ переговорахъ объ открытіи взаимнаго торга (между Россіей и Китаемъ) не подать поводъ къ новымъ затрудненіямъ" [1]). Нечего и прибавлять, что этотъ первый опытъ установить чрезъ потерпѣвшихъ аварію и ученаго Лаксмана постоянную торговлю съ Японіей не увѣнчался, да и не могъ увѣнчаться успѣхомъ въ то время, когда наши торги и на другихъ, старинныхъ путяхъ въ азіатской торговлѣ—въ Китай, даже въ Персію, были непрочны и, хотя на азіатскіе торги очень расчитывали прожектеры [2]), они, по разнымъ причинамъ, развивались медленно [3]). Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ отмѣтить, что починъ къ коммерческому сближенію съ Японіей, правда, пока платоническій, былъ сдѣланъ въ царствованіе Екатерины

---

[1]) П. С. З., XXIII, 16,985.

[2]) См. выше, стр. 54.

[3]) Для того, чтобы не препятствовать развитію азіатскихъ торговъ Россіи—китайскаго, персидкаго и турецкаго, на нихъ не было распространено дѣйствіе запретительнаго указа 1793 г. (П. С. З., 17,120, ук. 2 мая).

ѣ-ой. Болѣе существенный для русской „коммерціи“ починъ производили наши пушные промышленники въ сѣверо-восточной Азіи—на Камчаткѣ, а отсюда по берегамъ Сѣверной Америки, постепенно заводя здѣсь крупное промысловое и торговое дѣло и, наконецъ, уже въ царствованіе Павла, учредивъ въ Иркутскѣ торговую американскую компанію, принятую подъ покровительство императоромъ подъ названіемъ „Россійско-американской компаніи“ и затмившую своимъ складочнымъ капиталомъ (компанія акціонерная), полученными отъ правительства преимуществами и ходомъ дѣла всѣ прежнія компаніи XVIII вѣка [1]).

VII

Регламентація коммерціи съ отдѣльными государствами въ торговыхъ трактатахъ: съ Англіей, Польшей, Даніей, Турціей, Курляндіей, Австріей, Франціей, королевствомъ обѣихъ Сицилій и Португаліей.

Торговые трактаты, заключая въ себѣ извѣстныя начала и нормы международнаго права, въ тоже время и главнымъ образомъ являются фактами внѣшней торговой политики. По этимъ трактатамъ или по отсутствію ихъ мы можемъ судить о политическихъ и экономическихъ, въ частности торговыхъ отношеніяхъ между отдѣльными государствами. Обращаясь къ торговымъ трактатамъ Екатерины II, мы постараемся представить важнѣйшія черты отношенія русскаго правительства къ торговлѣ къ каждымъ изъ тѣхъ государствъ, съ коими тогда состоялись означенные трактаты. Такимъ образомъ мы взглянемъ на эти трактаты съ точки зрѣнія русской торговой политики той эпохи.

---

[1]) Семеновъ, цит. соч. II, 39—40; 43—45.

Въ 1763 году анонимный прожектеръ въ своей запискѣ, составленной для императрицы, поставилъ вопросъ: „не лучше ли не имѣть никакого купечественнаго трактата съ кѣмъ бы то ни было?“ и тутъ же вообще высказался противъ такихъ трактатовъ, дѣлая исключеніе лишь для крайней необходимости: Россія же особенно, по его мнѣнію, не должна связывать себѣ руки. Въ 1765 году въ „планѣ“ коммиссіи о коммерціи тоже, какъ извѣстію, былъ поставленъ вопросъ о торговыхъ трактатахъ, но уже не въ подсказывающей отвѣтъ формѣ. Жизнь въ концѣ концовъ рѣшила этотъ вопросъ въ пользу торговыхъ договоровъ, но далеко не сразу; не мало прошло лѣтъ замѣчательной сдержанности въ практическомъ рѣшеніи даннаго вопроса, въ чемъ, пожалуй, можно видѣть нѣкоторое вліяніе процитированнаго изъ анонимной записки мнѣнія, свойственнаго тогда не одному этому автору... Что касается самой Екатерины, то она, мы знаемъ, въ теоретическихъ сужденіяхъ придерживалась того, усвоеннаго ею „правила“, что вообще не слѣдуетъ исключать никакого народа изъ своей торговли безъ весьма важныхъ причинъ, хотя лучше имѣть дѣло съ тѣмъ, отъ каковаго можно ждать больше разныхъ выгодъ... И если всмотрѣться, то эта благоразумная теорія весьма гармонируетъ съ либеральнымъ эгоизмомъ анонимнаго мнѣнія. Своими торговыми интересами Россія всего больше была связана съ Англіей, ибо большая часть нашей внѣшней торговли находилась въ рукахъ англійскихъ купцовъ [1]).

Поэтому торговый трактатъ Россіи съ Англіей и занимаетъ первенствующее мѣсто среди другихъ трактатовъ русскаго правительства въ царствованіе Екатерины II-й. Заключенъ былъ этотъ трактатъ, какъ извѣстно, въ 1766 г. и онъ въ общемъ подтверждалъ трактатъ 1734 года; также, какъ и тогда, въ 1766 году дозволялись совершенно свободная „навигація и

---

[1]) Въ такомъ положеніи было дѣло и послѣ Екатерины II, даже въ XIX стол. см. Schnitzler, Statistique et itinéraire de la Russie, 145.

купечество“ во всѣхъ европейскихъ областяхъ обѣихъ государствъ, при томъ такъ, чтобы „корабли, какъ великобританскіе, такъ и россійскіе, какъ наилучше фаворизованные народы трактованы были“. „Такожъ соизволено великобританскимъ подданнымъ“ во всѣ или въ какую нибудь одну россійскую провинцію, гдѣ другимъ націямъ „купечество“ разрѣшено, привозить водою и сухимъ путемъ всякіе товары и вещи, которыхъ привозъ и вывозъ и купечество не запрещено, а также и вывозить отсюда: равнымъ образомъ тѣмъ же самымъ правомъ пользуются и „россійскіе подданные“ въ англійской торговлѣ: и они могутъ привозить въ Великобританію всякіе товары, въ томъ числѣ и азіатскіе, если это не запрещено англійскими, „нынѣ уже учиненными“, законами,—могутъ и вывозить изъ Англіи всякіе товары, „а особливо золото и серебро, въ дѣлѣ и не въ дѣлѣ, кромѣ монеты, сдѣланной въ Великобританскихъ областяхъ“. Подданнымъ обѣихъ сторонъ было также дозволено не прекращать торговли съ державой, находящейся въ войнѣ съ однимъ изъ договаривающихся государствъ, лишь бы не привозились „воинскіе амуниціи и припасы“ [1]) и лишь бы торговля не касалась „тѣхъ мѣстъ, которые дѣйствительно моремъ или на сухомъ пути въ блокадѣ или въ осадѣ обрѣтаются“ и проч. Но при подтвержденіи общихъ договорныхъ постановленій 1734 года, въ трактатѣ 1766 г. было сдѣлано два серьезныхъ частныхъ измѣненія противъ трактата 1734 г.: таково новое постановленіе о томъ, что „каждая... сторона себѣ предоставляетъ свободу дѣлать внутри своихъ областей такія особли-

[1]) Это: «всѣ пушки, мортиры, огненное ружье, пистолеты, бомбы, гранаты, зажигательныя и иныя къ стрѣльбѣ употребляемыя ядра, фузеи, кремни фузейные, фитиль, порохъ, селитра, сѣра горючая, латы, пики, шпаги, портупеи, патронныя сумы, сѣдла и узды» (арт. 11). Это—«заповѣдные» товары, коими было запрещено торговать, какъ русскимъ такъ и англійскимъ «подданнымъ».

выя учрежденія, каковыя она за благо изобрѣтетъ къ одобренію и распространенію своего собственнаго мореплаванья"; такова отмѣна транзитнаго англійскаго торга чрезъ Россію въ Персію. Не трудно видѣть, что если первое постановленіе расширяло сферу коммерческой свободы, то второе ограничивало господство англичанъ въ русской торговлѣ. Не смотря однако на это послѣднее ограниченіе, договоръ 1766 года былъ гораздо болѣе полезенъ для Англіи, чѣмъ для Россіи, ибо уже при равныхъ договорныхъ условіяхъ первая, благодаря своимъ оборотамъ и широко развитому мореходству, неизбѣжно должна была имѣть значительный перевѣсъ надъ второй, не имѣвшей ни хорошихъ капиталовъ, ни торговаго флота. Между тѣмъ трактатъ 1766 г., слѣдуя за предшествующимъ, доставлялъ англійской торговлѣ и большія преимущества. Такъ въ немъ были опредѣлены постоянныя и при томъ уменьшеныя пошлины на англійскія сукна и на фланели [1]), что̀ на долгое время (трактатъ былъ заключенъ на 20 лѣтъ) обезпечивало льготность и, такъ сказать, закономѣрность одной изъ важнѣйшихъ статей англійскаго ввоза въ Россію и что̀ такъ не гармонировало съ сочувствіемъ Екатерины, (правда съ чужого голоса) — неопредѣленности и чрезвычайной эластичности пошлинныхъ постановленій самой Англіи [2]). „И вовсемъ", читаемъ мы въ пунктѣ объ этой льготѣ, (артикулъ 24) „что касается до налоговъ и пошлинъ, плати-

---

[1]) Съ солдатскихъ и съ толстыхъ іорскаго графства суконъ по 2 коп. съ аршина ефимками, съ широкихъ фланелей по 1-й коп. съ арш., съ узкихъ по $^3/_4$ к. съ арш. Шереръ сообщаетъ, что торговля сукнами и фланелью для одежды Россіянъ перешла въ руки англичанъ, основавшихся въ Петербургѣ Histoire raisonnée de commerce II, 69 и 70. Первенствуя въ русской морской торговлѣ, англичане стремились въ ней все къ большимъ и большимъ удобствамъ, что видно, напр., изъ сохранившагося въ архивныхъ бумагахъ «примѣчанія секретаря англійской компаніи, торгующей въ Россіи,—Форстера; см. Приложеніе 9-е.

[2]) См. выше, стр. 28.

тимыхъ съ привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ генерально, великобританскіе подданные уважаемы и поступаемо съ ними быть имѣетъ какъ наилучше фаворизованными народами". Особенно же англичане были фаворизованы тѣмъ, что имъ было дозволено „въ случаѣ неимѣнія ефимковъ для платежа пошлинъ" въ Россіи платить ихъ русскими деньгами (артикулъ 5): это, какъ о томъ упоминалось уже выше, большая привилегія, фактически дѣлавшая англичанъ монополистами во внѣшней торговлѣ нашего отечества [1]), монополистами, несомнѣнно привыкшими смотрѣть на Россію, какъ на удобную арену для своихъ коммерческихъ подвиговъ. Словомъ, трактатъ 1766 года уясняетъ, что Россія, пытаясь гарантировать себѣ бо́льшую возможность развивать внѣшнюю торговлю своего купечества и въ тоже время не будучи въ состояніи освободиться отъ той громадной зависимости, въ какой по торговлѣ находилась отъ Англіи, принуждена была поневолѣ благосклонно отнестись къ послѣдней, что и выразилось въ только-что отмѣченныхъ артикулахъ [2]). Поэтому, когда русская императрица рѣшила издать декларацію о вооруженномъ нейтралитетѣ по поводу войны между Англіей съ одной стороны и Франціей и Испаніей съ другой, то лондонскій кабинетъ былъ пораженъ этимъ самостоятельнымъ и смѣлымъ шагомъ нашего правительства. Англійскій посланникъ при русскомъ дворѣ за взятку какому-то довѣренному у Потемкина лицу вывѣдывалъ подробности, относящіяся къ этой декларації, и, между прочимъ, узналъ, что она „была собственнымъ произведеніемъ" императрицы, что „сначала" Екатерина „по давнему своему расположенію склонялась въ пользу" Англіи; но что „вслѣдъ затѣмъ внушенія ея министровъ и лесть окружающая ее со

---

[1]) О борьбѣ съ этой привилегіей тоже говорилось раньше и сказаннаго нѣтъ основаній повторять здѣсь.

[2]) П. С. З. XVII, 12, 682; Семеновъ цит. соч., I 203—206; II, 70 и 71 Чулковъ, цит. соч. XII, 330 и слѣд.

всѣхъ сторонъ превозмогли ея предпочтенія и она, кажется, рѣшилась сохранять полный нейтралитетъ, хотя бы то оказалось вреднымъ Англіи“ [1]). Въ то время (въ 1780 г.) англійскій кабинетъ, еще такъ недавно (въ 1778 г.) потерпѣвшій неудачу въ своей попыткѣ заключить союзъ съ Россіей [2]), усиленно домогался политическаго вмѣшательства Екатерины въ англійскія дѣла, чтобы поскорѣе окончить означенную войну „ради интересовъ всей Европы“, какъ говорилъ англійскій посланникъ [3]), и въ пользу Англіи, какъ это было понятно всѣмъ, въ томъ числѣ, конечно, и русскому правительству; ясно, что декларація Екатерины свалилась на лондонскій кабинетъ, какъ снѣгъ на голову, и доставивъ посланнику туманнаго Альбіона не мало безпокойныхъ и непріятныхъ въ Петербургѣ минутъ, всетаки была вручена воюющимъ державамъ [4]) и явилась, по справедливому мнѣнію французскаго историка торговли, „великимъ шагомъ къ свободѣ на моряхъ, замѣчательной страницей въ исторіи торговли“ [5]). Срокъ русско-англійскаго торговаго трактата кончился въ 1787 г., послѣ чего прошло 5 лѣтъ, въ теченіе которыхъ Россія и Англія обходидились безъ торговаго договора. Лишь въ 1793 г. между этими государствами была заключена конвенція всего на 6 лѣтъ,—срокъ, который былъ признанъ вполнѣ достаточнымъ для того, чтобы „окончательно“ условиться „о всѣхъ постановленіяхъ“ новаго торговаго трактата. Эта конвенція, подтверждая условія предшествовавшаго трактата, сверхъ того, распро-

---

[1]) Русск. Арх., 1874 г., 8 вып. 383—385.

[2]) Ibid., 1866 г., 585—592.

[3]) Ibid., 1874, 8 в., 356 и слѣд.

[4]) Ibid., 1874 г. 8 вып. 363 и слѣд. 381 и слѣд., 426 и слѣд.,

[5]) Cons: Précis d'histoire du commerce, II, 17. П. С. З. XX, 15,014; 15,016: Высочайше утвержд. инструкція адмир. коллегіи командующимъ эскадрами о защищеніи торговли и нейтральнаго плаванія: «приготовить три эскадры, чтобы по первому Ея В—ва повелѣнію въ море слѣдовать могли».

страняла извѣстную намъ статью объ уменьшеніи пошлинъ (указа, изданнаго при общемъ тарифѣ 1782 г.) при черноморскихъ портахъ и на англійскихъ подданныхъ [1]). Заключенія новаго торговаго трактата съ Англіей Екатерина не дождалась.

80-е годы XVIII в.—это въ исторіи нашей торговой политики время заключенія торговыхъ договоровъ по преимуществу. Сначала царствованія Екатерины II и до начала 80-хъ годовъ Россія заключила лишь два договора—съ Англіей и еще въ 1775 году съ Польшей—договоръ, подтверждавшій свободную торговлю между „жителями“ обоихъ государствъ [2]). Да въ союзномъ договорѣ Россіи съ Пруссіей (отъ $\frac{11\text{ апрѣля}}{31\text{ марта}}$) 1764 г., подтверждавшемъ оборонительный союзъ 1762 г. (8-го іюня), предоставлялось торговлю между этими „государствами, областями и подданными обоихъ дворовъ“ „производить свободно и безпрепятственно“ [3]). Въ двадцатилѣтній періодъ отъ воцаренія Екатерины до заключенія торговаго трактата съ Даніей, какъ бы осуществи-

---

[1]) П. С. З. XXIII, 17,109 ук. 29 марта.

[2]) «Желая поощрить и покровительствовать торговлю между жителями обоихъ государствъ», читаемъ мы въ «актахъ, учиненныхъ съ Польскимъ королевствомъ, вслѣдствіе трактата 18 октября 1773 г.», высокія договаривающіяся стороны... подтверждаютъ все», что было постановлено раньше (въ 1686 и 1768 г.г.) «Судовой ходъ въ Ригу и изъ сего города» былъ освобожденъ «отъ всякихъ поборовъ для той и другой стороны, а торговля, производимая великимъ княжествомъ Литовскимъ съ городомъ Ригою»,—«отъ сбора податей съ привозимыхъ польскихъ произращеній, также и съ отвозимыхъ товаровъ, получаемыхъ изъ рѣченнаго города на обмѣнъ»—13 марта. П. С. З., XX, 14,271; Семеновъ, цит. соч.. II, 69. Русская торговля въ Польшу притѣснялась поляками, какъ это видно изъ одной записки, пересланной въ 1772 г. изъ Россіи въ Пруссію посланникомъ Сольмсомъ (Сборн. И. Р. И. Общ. т. 72, стр. 155—159); но это не помѣшало Екатеринѣ давать коммерческія льготы полякамъ для «распространенія торга на Черномъ морѣ»: и для поляковъ въ русскихъ портахъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ пошлина была уменьшена «$^1/_4$ долею» (см. ук. 18 ноября 1784 г., II С. З., XXII, 16093).

[3]) П. С. З., XV, 11,566; XVI, 12, 119; Семеновъ, II, 70.

лось на дѣлѣ то отрицательное отношеніе къ торговымъ трактатамъ, которое было высказано русской монархинѣ уполномоченнымъ ею лицомъ въ 1763 году. Но съ начала 80-хъ годовъ это отношеніе изъ отрицательнаго превращается въ положительное. Декларація Екатерины о вооруженномъ нейтралитетѣ сначала повлекла за собой конвенціи „для охраненія нейтральнаго торговаго кораблеплаванья“ [1]), а потомъ и торговые трактаты. Вскорѣ послѣ морской конвенціи съ Даніей (1780 г.), Россія заключила съ ней на 12 лѣтъ [2]) трактатъ о дружбѣ и торговлѣ (октября $^{9}/_{19}$—1782 г.). „На основаніи“ этого трактата подданнымъ союзныхъ державъ было дозволено, конечно, „свободное плаванье, покупка, продажа и провозъ товаровъ“ „водою и сухимъ путемъ во всѣ пристани, города и рейды, куда входъ и выходъ не запрещенъ, съ заплатою пошлинъ и налоговъ“ и проч., но „на основаніи“ того же трактата это дозволеніе не распространялось на черноморскія и каспійскія пристани и „другія азіатскія владѣнія“ Россіи, а также на американскія и другія, внѣ Европы находящіяся, владѣнія Даніи. Этимъ трактатомъ была дарована датскимъ подданнымъ весьмая важная льгота, та самая, которою до тѣхъ поръ пользовались одни англича-

---

[1]) П. С. З. XX, 15.023 (іюня 28, іюля 9) 1780 г.—морская конвенція съ Даніей. Здѣсь, между прочимъ было заявлено, что вниманіе русской императрицы къ сохраненію общихъ народныхъ правъ бывъ принято съ удовольствіемъ отъ всѣхъ нейтральныхъ націй, соединило ихъ въ дѣлѣ, касающемся до защищенія ихъ драгоцѣнѣйшихъ интересовъ. «Принципіямъ, почерпнутымъ въ первообразномъ всѣхъ націй правѣ», послѣдовалъ датскій король и тоже, какъ и Екатерина, «вручилъ» воюющимъ державамъ декларацію «сходственно съ россійскою деклараціею (послѣдн. отъ 28 февраля). Подробн. см. также у Семенова, цит. соч. II, 76—79. П. С. З., XXI, 15,155—8 мая 1781 г. съ Пруссіей; XXI, 15,466—13 іюля 1782 г. съ Португаліей. Равнымъ образомъ конвенціи о вооруженномъ нейтралитетѣ были заключены со Швеціей и Нидерландами (XX, 15103) и въ эту же систему охраны морской торговли, въ силу торговыхъ договоровъ, вступили Австрія, Неаполь и Франція.

[2]) Статья 36; у Семенова ошибочво сказано на 20 лѣтъ, цит. соч. II., 79.

не: теперь датчане тоже получили „право платить пошлину ходячею россійскою монетою, а не ефимками, считая за ефимокъ 1 р. 25 к. ходячихъ россійскихъ денегъ“; но и это право было дано съ нѣкоторымъ ограниченіемъ: порты Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи исключались изъ сего „освобожденія“. „Во взаимство выгодъ“, предоставленныхъ Екатериной датскимъ купцамъ, и датское правительство облегчило торговлю „россійскихъ подданныхъ“ въ своихъ областяхъ: такъ были уменьшены пошлины на нѣкоторые русскіе товары (листовой табакъ, рижскія бревна, смольчугъ) и сдѣланы разныя другія таможенныя облегченія (6 ст., пункт. 1—4; стат. 8—11); съ товаровъ, не поименованныхъ въ датскомъ тарифѣ, для россійскихъ подданныхъ, „наравнѣ съ народами наиболѣе въ Даніи пріятствуемыми“, было установлено платить не выше $1^0/_0$ (ст. 7). Въ этомъ трактатѣ также, какъ и съ Англіей въ 1766 г., были поимянно перечислены „вещи“, коими договаривающіяся державы взаимно обязывались не торговать и считать контрабандой, подлежащей конфискаціи [1]). Въ слѣдующемъ 1783 году (10 іюня) съ Турціей въ Константинополѣ былъ заключенъ торговый трактатъ, въ силу коего русскимъ купцамъ Оттоманская Порта дала тѣ же самыя „привилегіи, вольности, льготы и преимущества, какими“ пользовались тамъ купцы французскіе, англійскіе и другихъ народовъ. Русскимъ подданнымъ „блистательная Порта“ позволила совершенно свободно „навигацію и торги свои отправлять во всѣхъ областяхъ ея, какъ на сухомъ пути, такъ и на моряхъ, водахъ и рѣкою Дунаемъ и вездѣ“, гдѣ будетъ удобно. А такъ какъ Порта на основаніи мирнаго трактата (1774 г.—10 іюля) и „конвенціи“ (1779 г.—10 марта) [2]) обязалась предоставить русскимъ въ торговлѣ тѣ же выгоды, „коими

[1]) Какъ и раньше, «исключая только количество нужное оборонѣ судна и людей, экипажъ его составляющихъ». Ст. 21. П. С. 3. XXI, 15,537.

[2]) «Изъяснительная конвенція» между Россіей и Турціей къ трактату, заключ. «въ Канарджѣ» и открывшему русск. торговлѣ доступъ въ Средиз. море. П. С. 3. XX, 14,851.

пользуются французы и англичане, яко дружественныя и наиболѣе фаворизованныя ею націи", то отсюда и вытекало обязательство Турціи—„не требовать" съ русскаго купечества другихъ пошлинъ, кромѣ тѣхъ, которые платятъ „сіи двѣ націи" (Франція и Англія) [1]); „взаимно же и подданные Порты" въ Россіи должны платить „ту же самую пошлину, какую платятъ дружественныя съ Россіею наиболѣе фаворизованныя ею націи" (ст. 1, 20 и др.) [2]). За мѣсяцъ предъ этимъ трактатомъ между россійскою императрицею съ одной стороны и герцогомъ и чинами герцогства Курляндскаго и Семигальскаго—съ другой была заключена (10-го мая) конвенція о торговлѣ и границахъ, конвенція, которой, между прочимъ, отрицалось „такъ называемое береговое право, древній... варварскій обычай, толь часто уже законами и конституціями запрещенный"; этотъ обычай, съ силу конвенціи, долженъ „въ Курляндіи вовсе прекратится". „Никакому кораблю или судну", говорится здѣсь, „въ россійскую императорскую гавань или оттуда плывущему, въ случаѣ кораблекрушенія, или же опасности онаго, не должно насильно навязывать помощь, которой судно не требуетъ". Оберегая купцовъ, ведущихъ морскую торговлю, конвенція устанавливала свободный и безпрепятственный торгъ россійскихъ купцовъ и въ городахъ Курляндіи. Сверхъ того, императрица „по человѣколюбію своему" подтверждала для гаваней Либавской и Виндавской „полную свободу вывоза и ввоза", но, впрочемъ, „съ изъятіемъ, чтобъ на курляндскихъ берегахъ никакія новыя гавани, кромѣ помянутыхъ Либавской и Виндав-

---

[1])... «а именно 3%».

[2]) П. С. З., XXI, 15,757; см. также XXI, 15,901—актъ 1783 г. (28 декабря), заключенный въ Константинополѣ между Россіею и Турціею о мирѣ, торговлѣ и границахъ. Торговый трактатъ 1783 г. былъ подтвержденъ мирнымъ договоромъ въ Яссахъ (1791 г.,—29 декабря). П. С. З. XXIII, 17,023.

ской, учреждаемы не были“ [1]).

Пріобрѣтеніе Екатериной Крыма повлекло за собой заключеніе ею торговаго трактата съ „римскимъ“ императоромъ. Въ 1785 г. (1 ноября) былъ изданъ „манифестъ“ объ „открытіи торговли“ между Россіею и Австріею. „Простирая всегдашнія и неутомимыя попеченія Наши“, такъ начинается этотъ „манифестъ“, „на все, что служитъ къ добру государства нашего и ко благополучію вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, признали мы за способствующее тому открыть между имперіею нашею и областьми Австрійской монархіи безпосредственную торговлю и даровать ей для сего разныя ободренія и льготы удобныя не токмо къ доставленію ей нужной силы, но и къ приведенію ея чрезъ краткое время въ вящшую дѣятельность и цвѣтущее состояніе“. Конечно, въ одной изъ первыхъ статей манифеста трактовалось о „невозбранныхъ“ „плаваніи и торговлѣ“ съ платежемъ пошлинъ по тарифамъ „настоящимъ или будущимъ“ (ст. 4); потомъ слѣдовали болѣе существенныя „ободренія и льготы“: дозволеніе „платить пошлины „россійскими деньгами“ всюду въ Россіи, кромѣ Риги, „гдѣ по указамъ“ и „собственные подданные платятъ пошлину ефимками“, уменьшеніе пошлинъ съ венгерскихъ винъ [2]), со всѣхъ товаровъ, привозимыхъ и вывозимыхъ австрійцами чрезъ черноморскіе порты (Херсонъ, Севастополь, Ѳеодосію) (ст. 5—9), и другія льготы; „во взаимство“, по манифесту римскаго императора, для русскихъ подданныхъ были сбавлены на $^1/_4$ долю пошлины съ товаровъ, привозимыхъ прямо изъ черноморскихъ портовъ въ порты Тріестскій и

---

[1]) П. С. З. XXI, 15,731; 15,738—имен. ук. 16-го мая 1783 г.—о распространеніи акта о торговлѣ и границахъ, постановленнаго съ герцогомъ и правительствомъ курляндскимъ, на Пильтенской округъ, независимый отъ курляндскаго правительства.

[2]) Съ «Ерлаускаго, Будскаго, Руста и прочихъ подобнаго качества не болѣе 4 рубл. 50 коп. съ оксофта въ 6 анкеровъ, а съ Венгерскихъ, Токайскихъ или всякихъ ликерныхъ по 9 руб. съ оксофта».

Фіумскій; равнымъ образомъ и съ товаровъ, вывозимыхъ русскими купцами къ черноморскимъ портамъ, также „при ввозѣ или отпускѣ прямо по Дунаю“. Кромѣ того, сбавлена была пошлина при ввозѣ „съ кожъ россійскихъ, извѣстныхъ подъ названіемъ юфти“ [1]), „равномѣрно“ было повелѣно, съ пушныхъ товаровъ, „привозимыхъ изъ Россіи на счетъ австрійскихъ или россійскихъ хозяевъ“, не брать пошлины болѣе 10%, а съ икры не болѣе 5% (ст. 4—9). Контрабандными товарами были объявлены тѣ же, что и въ предшествующихъ трактатахъ (16 ст. русск. ман.). „Манифесты“ должны были дѣйствовать въ теченіе 12 лѣтъ (ст. 28 русск. ман. и 30 австр. ман.) [2]). Столь внимательное отношеніе со стороны обоихъ правительствъ къ интересамъ внѣшней торговли своихъ подданныхъ, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовало тѣмъ чувствамъ политической дружбы, которыя возникли между Екатериной II и Іосифомъ II со времени посѣщенія послѣднимъ Петербурга въ 1780-мъ году. Сближеніе Россіи съ Австріей для борьбы съ Турціей, для осуществленія греческаго проекта, созданнаго при русскомъ дворѣ и завладѣвшаго помыслами Потемкина и Екатерины [3]), это такое обстоятельство, котораго тоже нельзя упускать изъ вида при оцѣнкѣ импульсовъ къ заключенію между означенными государствами столь льготнаго торговаго трактата. Въ немъ реализировалась надежда на „защищеніе вольности торговли и промысловъ“, та надежда, которую Гильденштедтъ высказалъ въ извѣстномъ намъ „разсужденіи“; „откровенное краснорѣчіе“ этого академика „проникло“ „до слуха тѣхъ, кои располагаютъ судьбою народовъ“ и „произвело“ въ услышавшихъ „мысленное удостовѣреніе“, послѣ чего явилось и „самое исполненіе“ [4]), тѣмъ

[1]) Платить впредь «не болѣе 6 гульденовъ 40 крейцеровъ съ центнера, составляющаго около 137 фунтовъ россійскихъ».

[2]) П. С. З. XXII, 16,284; Семеновъ, II, 80 и 81.

[3]) Русск. арх., 1874 г., в. 7, стр. 154 и 155.

[4]) Чулковъ, III, 553 и 554.

болѣе легкое, что вершители судебъ Россіи и Австріи весьма того желали. Политическаго оттѣнка въ данномъ вопросѣ и потому нельзя игнорировать, что съ другой нѣмецкой державой—съ Пруссіей не было заключено подобнаго торговаго трактата, какой былъ заключенъ съ Австріей, и по отношенію къ торговлѣ между Фридрихомъ II и Екатериной II заключенъ былъ лишь „актъ для охраненія торговли и мореплаванья нейтральныхъ народовъ“ [1]). Недаромъ англійскій посланникъ, сообщивъ объ отъѣздѣ Іосифа II изъ Петербурга, увѣдомилъ свое правительство также и о томъ, что „римскій императоръ навсегда пошатнулъ вліяніе (при петербургскомъ дворѣ) короля прусскаго, нанеся ему ударъ столь сильный, что, кажется, король отъ него не оправится“ [2]). За то съ Франціей, естественной соперницей Пруссіи, Россія въ 1786 г. (31 декабря) заключила „трактатъ о дружбѣ, торговлѣ и мореплаваніи“. Этотъ трактатъ тоже былъ заключенъ на 12 лѣтъ и составленъ по тому же самому шаблону, какъ и вышеотмѣченные трактаты. Французы получили право платить пошлины русскою ходячею монетою, уменьшеніе „$^1/_4$ долею“ пошлинъ въ азовскихъ и черноморскихъ портахъ на основаніи указа при тарифѣ 1782 г., сбавку пошлинъ на всѣ французскія вина [3]), кромѣ бургонскихъ и шампанскихъ [4]), при чемъ вина, привозимыя къ черноморскимъ портамъ, пользуются въ пошлинномъ сборѣ еще большей уступкой „въ ободре-

---

[1]) П. С. З., XXI, 15,155.

[2]) Русск. арх., 1874, в. 8-й, стр. 398.

[3]) Сбавка въ портахъ Балтійскаго и Бѣлаго морей «трехъ рублей пошлинъ съ привоза, такъ-что вмѣсто 15 рубл., платимыхъ до сего по общему тарифу съ оксофта сихъ винъ (240 бутыл.), будутъ впредь платить только 12 рублей».

[4]) «Шампанскія и бургонскія вина будутъ пользоваться уменьшеніемъ 10 коп. съ бутылки въ пошлинѣ съ привоза въ портахъ Балтійскаго и Бѣлаго морей» и пр. Сверхъ того, съ этихъ винъ будетъ сдѣлана уступка 25% со ста въ Черноморскихъ портахъ.

ніе“ черноморской торговли [1]), получили также сбавку пошлины на мыло марсельское. „Во взаимство“ русскіе были освобождены французскимъ правительствомъ отъ пошлинъ съ фрахта, взимаемыхъ во Франціи съ иностранныхъ судовъ [2]), и еще получили пошлинныя льготы: съѣстные припасы и товары, привозимые изъ черноморскихъ портовъ, были освобождены отъ пошлинъ [3]); затѣмъ пошлины были уменьшены съ привоза сала въ кринкахъ, воска желтаго и бѣлаго въ кадкахъ и сотахъ [4]), и было установлено поощрительное отношеніе къ русскому полосному и сортовому желѣзу—брать съ него пошлинъ не болѣе, чѣмъ сколько „взимаютъ или будутъ взиматься съ желѣза наиболѣе пріятствуемаго народа“ (ст. X—XI). Контрабанда—та же (ст. XXIX) [5]).

Этотъ договоръ, заключенный Екатериной съ Людовикомъ XVI, русская императрица не сочла для себя обязательнымъ послѣ казни этого короля, прекративъ въ 1793 г. (ук. 8 февраля), какъ „дѣйствіе торговаго договора“ 1786 г., такъ и вообще всякія сношенія съ революціонной Франціей впредь до возстановленія въ ней „порядка и власти законной“ [6]).

---

[1]) Уступка въ 25% со ста.

[2]) «Развѣ суда россійскія нагрузятся французскими товарами во французскомъ портѣ для перевозу ихъ въ другой портъ того же государства и оные тамъ выгрузятъ, въ которомъ случаѣ реченныя суда должны будутъ платить ту пошлину до тѣхъ поръ, пока другіе народы къ платежу оныя будутъ обязаны».

[3]) „«платимой по 20 со ста и 10 су съ ливра, что составляетъ вмѣстѣ 30 со ста, кои обязаны платить съ привозимыхъ или левантскихъ товаровъ».

[4]) «Уменьшить 20% со ста».

[5]) П. С. З. XXII, 16,489; Семеновъ, II, 81 и 82. Въ дѣлѣ заключенія этого торговаго трактата замѣтную роль сыгралъ французскій посланникъ гр. Сегюръ, бывшій «у Екатерины II и Потемкина, persona gratissima» (L. Скальковскій: Дипломатическія сношенія между Россіей и Франціей, Новое Время, 1902 г., № 9463, 1—статья, составленная на основаніи 13-го тома «Собранія трактатовъ и конвенцій, заключен. Россіею съ иностран. державами», Ф. Мартенса. С. Петерб. 1902 г.).

[6]) П. С. З. XXIII, 17.101.

Мы уже указывали, что въ данномъ случаѣ этотъ политическій мотивъ былъ скорѣе предлогомъ, чѣмъ настоящей причиной означеннаго распоряженія. На такое заключеніе наводитъ и обсужденіе вопроса о запрещеніи французскихъ товаровъ въ придворномъ совѣтѣ наканунѣ (7-го февраля) подписанія Екатериной сейчасъ протицированнаго указа; совѣтъ проявилъ заботу о дѣйствительномъ недопущеніи въ Россію французскихъ товаровъ [1]), хотя бы таковые привозились и не французами; значитъ тутъ дѣло шло не столько о политическихъ чувствахъ, сколько объ экономическихъ соображеніяхъ, хотя, конечно, вполнѣ отрицать значенія за этими чувствами не слѣдуетъ.

Обращаясь къ продолженію обзора торговыхъ трактатовъ (вызванныхъ гл. образ. пріобрѣтеніемъ Крыма), мы должны отмѣтить два таковыхъ, заключенныхъ Россіей въ 1787 г.—одинъ съ королевствомъ обѣихъ Сицилій, а другой съ Португаліей. Оба договора были заключены на 12 лѣтъ. Сначала о первомъ (6-го января). Неаполитанскіе подданные получили право платить пошлину русскою ходячею монетою („исключая Риги“), и сверхъ того для нихъ, а „во взаимство“ и для русскихъ были уменьшены пошлины. Сбавка послѣдовала на вина „произращенія обѣихъ Сицилій“ [2]), при ввозѣ этихъ винъ въ Россію, какъ неаполитанцами, такъ и русскими,—съ тѣмъ, чтобы послѣдніе въ областяхъ обѣихъ Сицилій платили съ вывоза вина столько же, сколько платятъ и неаполитанцы; въ черноморскихъ портахъ (Херсонскомъ, Севастопольскомъ и Таврическихъ) подданнымъ неаполитанскаго короля предоставлялась та же льгота, какъ и другимъ дружественнымъ націямъ — сбавка $^1/_4$ части пошлины на ос-

[1]) Арх. госуд. сов., I, 605: «ибо иначе», рѣшили въ совѣтѣ, «хотя безпосредственная съ Франціей торговля и прекратится, но товары французскіе тѣмъ не менѣе здѣсь продаваться будутъ съ вящею только для государства тягостью, переходя сюда чрезъ третьи руки».

[2]) ...«впредъ съ сихъ винъ взимаемо будетъ только по 4 р. 50 к. съ оксофта мѣрою въ 6 анкерковъ.

нованіи извѣстнаго указа (при общ. тарифѣ 1782 г.); но за эту льготу и русскимъ такая же въ портахъ обѣихъ Сицилій для всѣхъ товаровъ, которые привозимы будутъ туда „непосредственно изъ портовъ земель лежащихъ при Черномъ морѣ“; пошлины были уменьшены также „съ кожъ россійскихъ, извѣстныхъ подъ названіемъ юфти, съ сала въ свѣчахъ или въ бочкахъ, съ канатовъ, мѣховъ и икры собственнаго россійскаго произведенія и россійскихъ фабрикъ“ [1]); съ полосного или сортоваго желѣза, со всякихъ льняныхъ и пеньковыхъ полотенъ, привозимыхъ въ королевство обѣихъ Сицилій, было поставлено брать пошлинъ „не болѣе“, чѣмъ „платятъ или впредь будутъ платить благопріятствуемые народы“. Всѣ эти льготы—для товаровъ, привозимыхъ или отвозимыхъ на россійскихъ или на неаполитанскихъ судахъ (ст. V—VII). Контрабандные товары—тѣ же, что и въ предшествовавшихъ договорахъ (XXIII статья) [2]).

Торговлей съ Португаліей русское правительство также давно интересовалось, какъ и торговлей въ Италію. Еще въ 1767 году коммиссія о коммерціи весьма благожелательно разрѣшала нѣкоторые „вопросы португальскихъ купцовъ касательно торговли съ Россіей“, и Екатерина утвердила успокоительныя объясненія своего совѣщательнаго по коммерческимъ вопросамъ учрежденія [3]). Въ 1772 г. (4 сентября), по иниціативѣ Теплова, было постановлено съ бразильскаго рульнаго табака брать болѣе льготную пошлину—не съ фунта, а съ пуда, для „поощренія безпосредственной съ Россіею португальской коммерціи“. При этомъ тогда же было отмѣчено, что „безпосредственная навигація“ между Португаліею и С.-Петербургомъ „нѣсколько уже отворилась“ [4]). Вотъ ради развитія этой коммерціи Россія и заключила (декабря $^{9}/_{20}$ 1787 г.) съ Португаліею трактатъ „о взаимной дружбѣ и торгов-

[1]) Сбавка 6% на сто.
[2]) П. С. З. XXII, 16,498; Семеновъ, II; 82 и 83.
[3]) П. С. З., XVIII, 12,975—ук. 24 сентября.
[4]) П. С. З. XIX, 13,860.

лѣ". Условія этого трактата обычныя: разрѣшеніе на ходячую россійскую монету съ прежнимъ ограниченіемъ и взаимное уменьшеніе пошлинъ. Пошлины сбавлены на всѣ вина изъ лозъ Португаліи, острововъ Мадеры и Азорскихъ [1]); на 600 ластовъ португальской соли ежегоднаго привоза (сбавляется половина, а съ привезенной сверхъ означеннаго количества платить сполна); на деревянное масло, бразильское индиго, бразильскій молотый табакъ, также въ руляхъ и листахъ: со всего этого взимается только половинная пошлина, но надо доказать надлежащими формальными свидѣтельствами, что эти товары „дѣйствительно произведенія Португаліи" и привезены „прямо оттуда на россійскихъ или португальскихъ корабляхъ и на счетъ россійскихъ или португальскихъ подданныхъ". Со стороны Португаліи пошлина была сбавлена на половину со слѣдующихъ русскихъ товаровъ: со всякаго рода досокъ и лѣса, годнаго на строеніе кораблей и на мачты, съ „пеньки, сѣмени и масла конопляного и льняного, полосного желѣза всякой величины", включая сюда „желѣзные обручи, якори, даже пушки, ядра и бомбы"; при этомъ было опредѣлено, что сбавка на перечисленные товары не будетъ сдѣлана для другихъ иностранныхъ кораблей, „которые означенные россійскіе товары ввозить будутъ въ Португалію"; на половину же была уменьшена пошлина съ русскихъ „парусныхъ полотенъ, фламскихъ ревендуковъ и каламенокъ... изъ льна", съ тѣмъ, чтобы было засвидѣтельствовано, что эти товары „дѣйствительно произведенія Россіи и оттуда прямо вывезены и пр., какъ и выше. Съ той и съ другой стороны сбавка на половину касается не только до дѣйствующихъ пошлинъ, но и до тѣхъ, которыя могли бы быть установлены впослѣдствіи. Въ частности относительно португальскихъ винъ было постановлено слѣдующее условіе для будущаго: „Если въ продолженіе сего договора, Ея Вѣрнѣйшему Величеству

[1]) «Взимать пошлины только по 4 рубл. 50 коп. съ оксофта въ 6 анкерковъ».

(королевѣ португальской) угодно будетъ сдѣлать сбавку пошлинъ платимыхъ съ вывозимыхъ винъ на корабляхъ какой другой націи, россійскіе корабли будутъ тѣми же выгодами пользоваться, въ разсужденіи винъ, вывозимыхъ въ россійскія пристани“ (ст. VI—VIII) [1]).

Вопросъ объ установленіи непосредственныхъ торговыхъ сношеній Россіи съ Испаніей давно уже стоялъ на очереди; его усердно трактовали и сами иностранцы, представлявшіе всю выгоду для Россіи отъ прямой торговли съ этой страной, свидѣтельствовавшіе о непреодолимой косности русскаго купечества, предлагавшіе хитрые способы, чтобы „нечувствительно“ втянуть русскихъ купцовъ въ испанскую торговлю, и просившіе себѣ права на вывозъ изъ Россіи въ Испанію дорогого товара на много лѣтъ; [2]) но тѣмъ не менѣе торговаго трактата между нашимъ отечествомъ и Испаніей заключено не было... При Екатеринѣ II-ой начались лишь предварительныя работы по этому вопросу, [3]) но законодательнымъ путемъ послѣдній разрѣшенъ не былъ.

Взвѣшивая все изложенное въ настоящей главѣ, мы въ общемъ итогѣ ея должны констатировать, что цѣль, которою руководилась Екатерина, при заключеніи торговыхъ договоровъ съ разными державами, это—поставить нашу, только-что начинавшуюся, торговлю на Черномъ морѣ, въ наилучшія отношенія съ иноземными тарифами и таможнями. Этою, ясно видною въ законодательныхъ актахъ, цѣлью, объясняется съ одной стороны обиліе торговыхъ трактатовъ въ короткій промежутокъ времени (1782—1787) послѣ долгаго воздержанія отъ нихъ: какъ разъ лишь съ 80-хъ годовъ, особенно послѣ пріобрѣтенія Крыма, явилась для русскаго правительства возможность вплотную приняться за установленіе черноморской

[1]) П. С. З., XXII, 16, 594; Семеновъ, II, 83—85.

[2]) Чулковъ, XII, 516—527, 563—565 и слѣд.

[3]) Арх. д. т. сб., д. к. о ком. 1788 года, № 633, связка 37. См. Приложен. 10-е.

торговли и правительство, какъ видимъ, взялось за это дѣло весьма энергично. Съ другой стороны тою же цѣлью можетъ быть объяснено и преимущественное вниманіе Россіи къ государствамъ, имѣющимъ порты на Средиземномъ морѣ, о торговлѣ куда давно мечтала Екатерина и куда теперь, послѣ заключенія договоровъ съ Турціей, можно было „безпрепятственно“ проникать чрезъ Черное море. А чтобы проникнуть въ порты Средиземнаго моря на льготныхъ условіяхъ, пришлось дать равносильныя льготы и „средиземно-морскимъ“ державамъ; отсюда и торговые трактаты съ Австріей, Неаполемъ, Франціей, Португаліей и желаніе заключить таковой же съ Испаніей.

При всемъ томъ, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію и то, что и сейчасъ перечисленные, и остальные, отмѣченные выше, торговые трактаты 80-хъ годовъ, преслѣдуя вообще пользы русской внѣшней торговли, косвенно имѣли въ виду борьбу съ коммерческимъ господствомъ Англіи. Безъ англичанъ мы не могли обойтись во внѣшней торговлѣ, но ихъ исключительно доминирующее положеніе въ этой сферѣ давило, и этотъ гнетъ хотѣлось такъ или иначе ослабить. Противъ безраздѣльнаго господства англичанъ въ русской торговлѣ, мы знаемъ, раздавались авторитетные голоса, и дарованіе права „подданнымъ“ другихъ государствъ платить пошлины русскою ходячею монетою, намъ кажется, слѣдуетъ разсматривать, какъ мѣру противъ монополизаціи внѣшнихъ торговыхъ оборотовъ нашего отечества въ англійскихъ купеческихъ конторахъ. Англійское правительство поняло стремленіе Россіи добиться самостоятельности „на моряхъ“, заволновалось и стало сердиться, когда узнало про декларацію о вооруженномъ нейтралитетѣ, этомъ смѣломъ и умно расчитанномъ маневрѣ Екатерины въ интересахъ обще-европейской и въ особенности русской, зачинавшейся морской торговли.

Заключеніе.

На основаніи всего вышеизложеннаго выясняется то сравнительное значеніе, которое въ царствованіе Екатерины II-ой имѣли правительство и общество въ ихъ отношеніи къ сложному вопросу о внѣшней торговлѣ нашего отечества. Вопросъ этотъ, разумѣется, былъ поставленъ прежде всего самою жизнью.

Въ силу отмѣченныхъ выше (въ первомъ очеркѣ) причинъ, Россія занимала въ европейской торговлѣ крайне зависимое положеніе, а русское крупное купечество не чувствовало особой потребности освободиться отъ иностранныхъ помочей и завести „прямую“ торговлю съ Европой. Имѣя въ виду не развитіе непосредственной торговли, а лишь полученіе непосредственныхъ барышей отъ коммерческихъ сдѣлокъ, помышляя только о ближайшей личной выгодѣ, русскіе купцы вообще довольствовались своимъ пассивнымъ положеніемъ въ европейской торговлѣ, и ихъ не хватало на активную въ ней роль, на установленіе „безпосредственной коммерціи“ съ иноземными государствами. Однако, если наше купечество въ громадномъ большинствѣ своихъ членовъ мирилось съ такимъ положеніемъ внѣшней торговли Россіи, то съ нимъ не желало мириться правительство, быстро растущія потребности коего невольно заставляли его помышлять объ иной, самостоятельной торговлѣ, способной обогатить не только купечество, но и государство. Такъ ставился вопросъ жизнью: государственные, преимущественно финансовые интересы, побуждали правительство обратить серьезное вниманіе на внѣшнюю торговлю и испытать разные „способы“ къ ея улучшенію. И Екатерина не замедлила съ такимъ вниманіемъ: она сейчасъ-же,

по воцареніи, приступила къ выясненію и рѣшенію предстоявшей „коммерческой“ задачи. Это нелегкое дѣло было организовано и поставлено подъ наблюденіе самой императрицы. Воспользовавшись предшествовавшимъ ей примѣромъ, Екатерина учредила особое правительственное „мѣсто“ для обсужденія и предварительнаго рѣшенія разныхъ „коммерческихъ“ вопросовъ, главнымъ образомъ вопроса о внѣшней торговлѣ и о заграничномъ кредитѣ русскаго купечества, при чемъ „разныя лица“, какъ мы уже прочитали въ одномъ проектѣ, „были возбуждены къ составленію плановъ и представленій“. Очевидно Екатерина полагала, что, прежде чѣмъ отвѣчать законодательствомъ на поставленный жизнью вопросъ о немощности русскихъ купцовъ и внѣшней коммерціи, необходимо основательно изучить этотъ вопросъ и уже, на основаніи хорошаго знакомства съ нимъ, намѣчать тѣ или другіе „способы“, пригодные для объявленія ихъ въ регламентахъ и указахъ къ руководству и исполненію. Это „объявленіе“ нерѣдко слѣдовало не прежде, чѣмъ вопросъ проходилъ въ придворномъ совѣтѣ.

Такимъ образомъ не обществу, а правительству принадлежитъ починъ въ изысканіи средствъ для поправленія купечества и торговли.

„Возбужденные“ правительствомъ, высказались о коммерціи и разные члены общества, въ томъ числѣ и нѣкоторые замѣчательные люди эпохи, сливки тогдашней интеллигенціи, высказались и купцы, помыслы коихъ отчетливо представлены и въ иныхъ анонимныхъ проектахъ, а Тепловъ, рекомендуя побуждать знающихъ людей къ составленію проектовъ о пріисканіи новыхъ источниковъ торговли, предлагалъ призывать по временамъ русскихъ и иностранныхъ купцовъ для совѣщанія, ибо, де, отъ нихъ можно получить полезные совѣты для торговли[1]). Съ купцами, какъ извѣстно, совѣщались и отдѣльныя, уполномоченныя для разсмотрѣнія коммерціи, лица, и цѣлыя соб-

[1]) См. въ пер. очеркѣ, 71 и 72 стр., примѣч.

ранія таковыхъ, куда купцы бывали именно „призываемы“. По собственному почину купцы очень рѣдко подавали правительству петиціи о нуждахъ торговли, а когда и подавали, то больше всего расчитывали на правительственнаго банкира, какъ, напр., въ коллективномъ купеческомъ письмѣ къ Сутерланду. Въ 1793 г. петербургское купечество, устами своею головы высказывая мысль о необходимости участія купцовъ въ дѣлѣ искусственнаго поправленія вексельнаго курса, тутъ-же присовокупляло, что это дѣло можно поручить „и вовсе банкиру россійскому“, т. е. обойтись безъ участія купцовъ.

Словомъ, дѣла о поправленіи торговли, купечества и вексельнаго курса въ общемъ велись бюрократическимъ путемъ, на которомъ выдвигалась на первый планъ та или другая, почтенная особымъ довѣріемъ императрицы, „персона“. Довольно долго „вождемъ“ или точнѣе, такъ сказать, —государственнымъ секретаремъ нашей торговли былъ Тепловъ († 30-го марта 1779 г.), [1]) и время „производства“ имъ „всего дѣла“ коммиссіи о коммерціи несомнѣнно слѣдуетъ считать самымъ продуктивнымъ въ дѣятельности этого учрежденія; но преуспѣяніе русской торговли и купечества отъ того не подвигалось впередъ или подвигалось очень плохо, чѣмъ Екатерина была весьма недовольна, полагая, что это зависитъ отъ бездѣятельности коммерческой коммиссіи. Въ 1770 году императрица, узнавъ, что въ Россіи все еще нѣтъ „купеческаго кредита, скораго правосудія и банкротскаго устава“, сдѣлала слѣдующую саркастическую отповѣдь людямъ, обязаннымъ по службѣ печься о русской торговлѣ: „что вы“, написала имъ Екатерина, „дѣлали въ коммиссіи о коммерціи, если о поправленіи торговли не помышляли, а она (т. е. коммиссія) учреждена въ 1763 году, итого 7 лѣтъ—время,

[1]) Митр. Евгеній, Слов. русск. свѣтск. писат., II, 206.

въ которое и Іовъ домомъ завелся“ [1]). Но Іовъ заводился домомъ для себя, а члены коммиссіи должны были работать для русской торговли и купечества: въ этомъ и заключалась существенная разница между древнимъ патріархомъ и екатерининскими коммерческими чиновниками. Недаромъ одинъ изъ послѣднихъ, прослуживъ 16 лѣтъ въ коммерцъ коллегіи, началъ, по его собственному признанію, забывать и то немногое, что онъ раньше зналъ о торговлѣ. Если само купечество было инертно, то какихъ особыхъ результатовъ можно было ожидать отъ дѣятельности канцелярій и ихъ руководителей? Коммиссія о коммерціи съ Тепловымъ и даже коммерцъ-коллегія подъ президентствомъ Н. И. Неплюева и Г. Р. Державина пытались нѣчто сдѣлать для русской торговли и поставили на очередь не мало важныхъ коммерческихъ вопросовъ, но создать купеческій кредитъ Россіи, конечно, было не въ ихъ волѣ, хотя бы они и проявили неизмѣримо большее прилежаніе въ своихъ заботахъ о русской торговлѣ. Въ упрекъ этимъ учрежденіямъ, особенно коммерческой коммиссіи, спеціально обязанной разсматривать торговлю Россійской имперіи, можно поставить то обстоятельство, что они мало возбуждали наше инертное купечество къ совмѣстной съ ними работѣ на пользу этого класса и коммерціи. Въ данномъ направленіи надо было дѣйствовать болѣе энергично и дружно, чѣмъ это было въ дѣйствительности: чаще бесѣдовать съ представителями купечества и не пренебрегать приглашеніемъ ихъ въ общія собранія чиновныхъ совѣтниковъ по коммерческому вѣдомству. Тогда, можетъ быть, результаты дѣятельности коммерческихъ канцелярій были бы болѣе осязательны, и иностранному историку русской торговли, можетъ быть, не пришлось бы удивляться неумѣнію коллегіи и коммиссіи коммерціи придумать что-либо противъ злоупотребленій въ торговлѣ, зависящихъ отъ дурного установленія [2]). Едва ли не вялостью коммерческой коммиссіи

[1]) Огородниковъ, Очеркъ исторіи г. Архангельска, 239.
[2]) Scherer, цит. соч., I, 113.

слѣдуетъ объяснить тотъ фактъ, что въ 1793 году императрица сама повелѣла пригласить „знатнѣйшихъ“ купцовъ для особаго коммерческаго совѣщанія съ назначенными для того сановниками, какъ бы тѣмъ напоминая, что въ области торговли и кредита прійти къ цѣлесообразнымъ заключеніямъ можно всего скорѣе путемъ не изолированныхъ кабинетныхъ или канцелярскихъ „размышленій“, а совмѣстнаго обсужденія вопроса правительственными лицами и представителями крупнаго купечества, какъ русскаго, такъ и иностраннаго, торгующаго съ „россійской стороны“.

Въ концѣ концовъ получается тотъ общій выводъ, что, подъ вліяніемъ внимательнаго отношенія Екатерины къ внѣшней торговлѣ, [1]) обсужденіе относящихся сюда вопросовъ значительно оживилось въ ея царствованіе, съ 70-хъ годовъ будучи сильно подталкиваемо упадкомъ вексельнаго курса, но что въ этомъ обсужденіи представители русскаго купечества играли второстепенную роль, отчасти вслѣдствіе его косности, отчасти вслѣдствіе нѣкоторой бюрократической самонадѣянности учрежденій и лицъ, опекавшихъ коммерцію Россіи. Иностранные, здѣсь торгующіе, купцы не были косны, но не въ ихъ интересахъ было хлопотать объ освобожденіи русскихъ купцовъ отъ иноземной зависимости въ заграничной торговлѣ.

Надо сказать, что Екатерина вообще соглашалась съ указаніями своихъ уполномоченныхъ (учрежденій и лицъ) по коммерческой части и въ извѣстной мѣрѣ старалась считаться съ купеческими мнѣніями, которыхъ, мы знаемъ, не игнорировала и коммиссія о коммерціи, и отдѣльные ея члены; но при всѣмъ томъ въ „производствѣ“ поправленія торговли на первомъ планѣ стоятъ не купцы, а чиновники, дворяне. Этимъ и объясняется отмѣченное выше несоотвѣтствіе между либеральной таможенной политикой и строго протекціонистскими

[1]) На сколько близко къ сердцу принимала Екатерина II-я интересы внѣшней торговли Россіи,—кромѣ всего вышеотмѣченнаго, показываетъ и слѣдующее письмо императрицы къ астраханскому губернатору: «Господинъ губернаторъ Бекетовъ! Извѣстно, что въ Астраханѣ множество родовъ и

взглядами нашего купечества. Будучи убѣждены, что внѣшняя торговля должна находиться подъ бдительнымъ наблюденіемъ со стороны правительства, подъ опекой приставленныхъ къ ней учрежденій и лицъ, наши политики всетаки долго были гораздо либеральнѣе русскихъ экспортеровъ, о которыхъ они такъ заботились. Политики болѣе опирались на новую экономическую доктрину о свободной конкуренціи, чѣмъ на все еще старую русскую коммерческую дѣйствительность, а потому долго лишь однимъ ухомъ выслушивали коммерческія desiderata русскихъ купцовъ, порожденныя не теоріею, а именно этою жалкою дѣйствительностью. Когда же правительство убѣдилось, что въ Россіи для таможеннаго либерализма не настала еще пора, что этому направленію въ торговой политикѣ противорѣчитъ некапитальность русскаго купечества и сравнительная (съ З. Европой) неразвитость русской промышленности, оно начало измѣнять свое либеральное отношеніе и къ „внутреннимъ“ фабрикамъ и заводамъ [1]) (коимъ, т. е. крупному „соединенному“ производству, Екатерина, какъ извѣстно, вообще предпочитала домашнюю, кустарную промышленность, называемую ею „разсѣянной или раздробленной“) [2]), и къ иностранной торговлѣ... Правительство, не вдаваясь въ протекціонисткую крайность купца Самойлова и ему подобныхъ, однако все бо-

---

разными цвѣтами утокъ дикихъ находится, а къ намъ въ Россію давно уже зачали привозить изъ за моря перяные мѣха, которые набираются съ зоба утячьяго. Вы, будучи на мѣстѣ, пріучите охотниковъ такіе же дѣлать. Сіе не только раскупать будутъ у насъ въ Россіи, но и за море излишнее отпускать будетъ можно (отъ 16-го ноября 1765 г., получ. 24 декабря того же года). Русскій архивъ, 1889 г., т. I, стр. 397.

[1]) Писселовичъ, Истор. заводско-фабр. зак. I, 113—115

[2]) ...«Раздробленныя мануфактуры», говорила императрица въ своей запискѣ о мануфактурахъ, «имѣютъ... преимущество въ сравненіи съ большими заводами. Земледѣлецъ, деревенскій работникъ и подобные люди имѣютъ въ году много дней и часовъ, въ которые они не могутъ заниматься земледѣліемъ или обыкновенною своею работою. Естьли такой человѣкъ имѣетъ у себя дома станокъ для дѣланія сукна или холста или другое какое нибудь мелкое ремесло: то онъ остается занятъ, и не теряетъ время въ праздности, безполезно для себя и для государства... (Русск. арх., 1865 г., стр. 1291 и 1292).

лѣе и болѣе стало признавать практическую справедливость тѣхъ взглядовъ, которые въ 1793 году такъ опредѣленно высказали русскіе купцы въ „особенномъ собраніи“, согласившемся съ необходимостью тщательнаго покровительства національной промышленности и не менѣе тщательнаго стѣсненія ввоза въ Россію иностранныхъ товаровъ: тогда стало сглаживаться упомянутое несоотвѣтствіе... Поворотъ въ экономической политикѣ Екатерины въ сторону протекціонизма начался приблизительно съ того времени [1]), когда въ Европѣ, наоборотъ, возникло серьезное движеніе въ пользу либерализма въ этой сферѣ, когда торговый договоръ между Франціей и Англіей (1786 г.), по выраженію новѣйшаго историка торговли, „освятилъ новую торговую политику (une nouvelle politique commerciale), хотя —слѣдуетъ оговориться—и приверженцы меркантильной системы далеко еще не капитулировали [2]). Въ 1793 году распоряженія Екатерины относительно внѣшней торговли рѣшительно приняли протекціонисткое направленіе, что, совпадая съ реакціей во внутренней политикѣ императрицы, обусловливалось ощутительнымъ ухудшеніемъ нашего торговаго баланса въ предшествующіе ближайшіе годы [3]). Указывая эту перемѣну въ экономической политикѣ русскаго правительства, мы не должны забывать, что и въ ея либеральный періодъ дѣлались довольно существенныя отступленія отъ „вольности“ подъ давленіемъ чисто финансовыхъ соображеній: таковы остававшіеся до поры до времени казенные торги [4]), таково участіе са-

[1]) Нисселовичъ, истор. заводско—фабрич. зак., I, 110—116.

[2]) Cons, Précis d'histoire du commerce, II, 13; М. М. Ковалевскій: Происхожденіе современной демократіи, I, 496, 499.

[3]) «Съ 1789 г.,» говоритъ Вирстъ, «по 1793 г. достойнство привоза сдѣлалась гораздо превосходнѣе достойнства вывоза«. И вообще, по мнѣнію Вирста, этотъ «періодъ былъ самый невыгодный для нашей торговли« (Разсужденія о нѣкоторыхъ предметахъ законодательства и управленія финансами и коммерціею», пер. съ нѣмец., С.—Петербургъ., 1807 г., 226 227).

[4]) Отрицательное на словахъ отношеніе Екатерины къ »казенной фабрикѣ» не помѣшало появиться, напр. именному указу отъ 26 апрѣля 1767 г. о назначеніи казенной фарфоровой фабрикѣ на содержаніе 15,000 р. П. С. З. XVIII, 13,885.

мой Екатерины и ея „министровъ“ въ привилегированной компаніи для торга въ Средиземное море; эти отступленія противорѣчили даже тѣмъ взглядамъ, которые императрица занесла въ знаменитый Наказъ; но, вѣдь, извѣстно, логическія противорѣчія, совершенно не примиримыя въ теоріи, худо ли хорошо ли, уживаются вмѣстѣ въ жизни....

Какими совѣтами, такъ или иначе касающимися до внѣшней торговли, воспользовалось правительство для соотвѣтствующихъ мѣропріятій, было показано въ своемъ мѣстѣ, и здѣсь мы не станемъ повторять сказаннаго раньше. Замѣчу только, что коммерческія мѣропріятія Екатерины захватываютъ большинство тѣхъ вопросовъ, которые вошли въ „планъ“ коммиссіи о коммерціи, составленный, какъ извѣстно, для того, чтобы затѣмъ подвергнуть ихъ (вопросы) здѣсь, въ коммиссіи, внимательному обсужденію. Не смотря на это, на сколько можно судить по документамъ коммиссіонной канцеляріи, систематическаго обсужденія поставленныхъ вопросовъ русской коммерціи въ коммиссіи не велось, и она обыкновенно „разсматривала“ торговлю россійскаго государства лишь по какому-нибудь поводу, главнымъ образомъ по поводу упиженія вексельнаго курса. Такимъ образомъ *отчасти* Екатерина, конечно, была права въ своемъ замѣчаніи о бездѣятельности коммиссіи: если тамъ не было полной бездѣятельности, то тамъ не было также систематической, такъ сказать, планомѣрной дѣятельности. Системы въ коммиссіи хватило только на то, чтобы начать „производство дѣла“,—на составленіе „плана“, а въ дальнѣйшемъ работа коммиссіи пошла какими-то скачками, какъ бы конкурируя со скачками вексельнаго курса Россіи, и потому эта работа запечатлена характеромъ случайности. Еще въ бо́льшей степени тотъ же характеръ присущъ обсужденіямъ коммерческихъ вопросовъ въ другихъ, извѣстныхъ намъ, учрежденіяхъ. Случайностью же и разбросанностью этихъ „обсужденій“, кажется, должно быть объяснено то обстоятельство, что къ нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ торговли коммерче-

скіе совѣтники отнеслись не съ достаточнымъ вниманіемъ и мало содѣйствовали рѣшенію ихъ въ законодательномъ порядкѣ: представленія купцовъ въ 1793 году о банкрутскомъ уставѣ, о коммерческомъ кредитѣ и т. под. служатъ вѣскимъ тому доказательствомъ.

Впрочемъ, для русскаго купечества и торговли и сдѣлано было не мало въ царствованіе Екатерины II-ой. По крайней мѣрѣ императрица на этотъ счетъ была очень высокаго мнѣнія: „со времени нашего вступленія на всероссійской престолъ“, говорила Екатерина въ одномъ изъ указовъ 1789 г., „какія пособія и ободренія преподали мы къ распространенію торговли, о томъ извѣстно всему свѣту. Внутренюю освободили мы изъ того утѣсненнаго состоянія, въ которое она вредными монополіями ввержена была; внѣшней доставили мы разныя выгоды коммерческими договорами съ дружественными намъ державами постановленными. Посредствомъ разныхъ облегченій въ пошлинахъ съ россійскихъ произрастеній и рукодѣлій, пособствовали мы какъ общему, такъ и частному въ государствѣ нашемъ обогащенію, проистекающему отъ полезнаго вывоза въ чужіе краи здѣшнихъ продуктовъ“ [1]). Это общая и, конечно, неполная, одноцвѣтная характеристика, но характеристика, имѣющая подъ собой извѣстныя основанія. Ненадо всетаки забывать, что Екатерина горячо отстаивала „коммерцію“ отъ притѣсненій даже со стороны своихъ довѣренныхъ [2]). Говоря въ частности, можно еще разъ подчеркнуть отличительную черту коммерческихъ заботъ екатерининской эпохи: всего болѣе тогда правительство помышляло о черноморской коммерціи и въ Средиземное море, ради чего столько было положено трудовъ и заботъ по пріобрѣтенію и по устройству новыхъ южныхъ окраинъ государства [3]). Установленіе торго-

[1]) П. С. З. XXIII, 16, 781 (ук. 26 іюня).

[2]) Русск. арх., 1884 г., I, 261.

[3]) »Въ заботахъ», говоритъ проф. С. Ѳ. Платоновъ, (екатерининскаго правительства) «о вновь пріобрѣтенныхъ на югѣ земляхъ, о такъ называе-

ваго движенія чрезъ эти моря считалось тогда почти такой же насущной задачей общей и торговой политики Россіи, какъ при Петрѣ В. установленіе русской торговли чрезъ Балтійское море [1]). Первостатейные купцы и другія лица, разсуждавшія о русской коммерціи (напр., маклеръ Пастуховъ въ „особенномъ собраніи“) раздѣляли мнѣніе правительственныхъ сферъ о необходимости развивать торгъ „наипаче чрезъ Черное море“ (Тепловъ). Этимъ путемъ было удобно торговать съ турецкимъ Востокомъ, принять участіе въ такъ называемой левантской коммерціи. „Безпосредственная“ торговля съ азіятскими народами вообще казалась болѣе сподручной для русскаго купечества, немощнаго предъ европейскимъ.

Вопросъ, какіе реальные результаты получились отъ торговой политики Екатерины II-ой, не входитъ въ задачу настоящаго сочиненія, и мы не станемъ здѣсь повторять замѣчаній предшествующихъ изслѣдователей о быстромъ ростѣ въ Россіи національнаго капитала, торговли и промышленности въ XVIII в., въ частности въ царствованіе Екатерины II-ой [2]). Мы со своей стороны считаемъ возможнымъ сдѣлать лишь одно замѣчаніе: не слѣдуетъ преувеличивать этого роста. Спору нѣтъ, что общій оборотъ внѣшней торговли Россіи увеличился, что и „купеческое водоходство“ „приращеніе получило“, [3]) а промышленность

мой Новороссіи сказалась очень большая чуткость и дальновидность, какъ будто уже тогда прозрѣвали всю силу и быстроту экономическаго роста русскаго Юга, разцвѣтающаго на нашихъ глазахъ«. (Столѣтіе кончины импер. Екатерины II-ой. С.—Петербургъ, 1897 г., стр. 13).

[1]) Ср. Шторхъ, Historisch Statistisches Gemälde des Russischen Reichs, VI, 172.

[2]) Шторхъ, Cours d'economie politique, I, 317—319. Вирстъ, Разсужд. о нѣк. предм. закон. и управл., 226 и 227; Шницлеръ, Statistique et etinéraire de la Russie, I, 147—151; Нисселовичъ, Истор. заводско-фабрич. закон., I, 116—117; А. Лаппо-Данилевскій, Очеркъ внутр. политики, 21 и 22. «Коммерція не исчезаетъ, но ежегодно распространяется», писала сама императрица въ запискѣ, съ цитаты изъ коей мы начали это сочиненіе (Русск. арх.. 1865, 478 стр.).

[3]) П. С. З. XXI, 15;176; уставъ купеческаго водоходства, изд. 25 іюня 1781 г.

развилась даже по ремаркамъ на товарной росписи купца Самойлова [1]); но при всемъ томъ въ ту славную эпоху мы не нажили ни коммерческой самостоятельности [2]), ни торговаго флота; [3]) промышленность, при быстромъ увеличеніи количества фабрикъ, [4]) еще очень была неустойчива и сильно нуждалась въ разнаго рода поощреніяхъ; указанія, полученныя „особеннымъ собраніемъ“, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ этомъ отношеніи. „Торговля впала въ презрѣніе“, между прочимъ, писалъ кн. Щербатовъ въ своихъ мемуарахъ „о поврежденіи нравовъ“, подводя общіе итоги царствованію Екатерины II-ой [5]), и мы не имѣемъ права совершенно игнорировать этого замѣчанія. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ, какъ отрицательно взглянулъ на нашу торговлю неизвѣстный прожектеръ 90-хъ годовъ; въ добавленіе къ приведенному раньше изъ его сочиненія мы здѣсь можемъ отмѣтить свидѣтельство этого автора о томъ, что въ XVIII столѣтіи „почти всѣ компаніи“, учрежденныя для заграничной торговли, „исчез-

---

[1]) См. прилож. 2-ое.

[2]) Тотъ же самый Шторхъ, который довольно оптимистично смотрѣлъ на промышленный и коммерческій прогрессъ въ Россіи въ XVIII ст, въ томъ же сочиненіи (изданномъ въ 1815 году) говорилъ: «Dans ce moment la Russie se range encore parmi les nations empruntеuses ou pauvres, parce que son capital ne suffit pas pour faire aller toutes ses entreprises industrielles», хотя тутъ же прибавлялъ успокоительную фразу о не столь далекой экономической независимости Россіи (Cours, I, 319 и 320). Вирстъ тоже полагалъ, что во внѣшней торговлѣ Россія можетъ сдѣлаться самостоятельной «со временемъ» (цит., соч., 186 стр).

[3]) Удивительнаго тутъ, впрочемъ, ничего нѣтъ, когда и въ настоящее время торговый флотъ представляетъ «одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ нашего государственнаго хозяйства» (Скальковскій, авторъ сочин: Русскій торговый флотъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, «Новое Время», 1902 г., № 9355).

[4]) Въ 1779 году въ Россіи насчитывали 502 фабрику, а въ 1796 г.— 2276 фабрикъ (Нисселовичъ, цит. соч., I, 117).

[5]) Изд. 1858 г., стр. 90.

ли"... „почти при самомъ ихъ началѣ" „по причинѣ слабаго ихъ основанія и при томъ худого ихъ директоровъ управленія"; [1]) припомнимъ еще болѣе вѣскія признанія русскихъ купцовъ въ „особенномъ собраніи" и мы должны будемъ согласиться, что по части русскаго капитализма и кредита дѣло обстояло неблагополуно и въ концѣ царствованія Екатерины II-ой. „Особенное собраніе" тѣмъ и важно, что, при помощи купцовъ, авторитетно подтвердило экономическую отсталость Россіи, еще далеко не способной освободиться отъ коммерческаго владычества иностранцевъ. Въ данномъ случаѣ купцы, просившіе о государственномъ покровительствѣ отечественной промышленности, указывали несомнѣнно на реальное, весьма не блестящее, состояніе народнаго и государственнаго хозяйства. Это состояніе сильно противорѣчило быстрому политическому росту страны, откуда и вытекали разныя печальныя финансовыя послѣдствія: внѣшняя задолженность [2]), порча монеты, внутренніе займы съ ихъ форсированьемъ и упадкомъ ассигнаціоннаго курса, колебаніе и прогрессивное паденіе вексельныхъ курсовъ. Указывая на безкапитальность русскаго купечества, на отсутствіе хорошаго для него кредита, на неблагопріятный для Россіи торговый балансъ и на другія „обстоятельства", „унизившія" нашъ вексельный курсъ, и между ними—на многіе казенные переводы за границу, [3])

---

[1]) Госуд. арх., XIX, № 287.

[2]) «При преемникахъ Петра I,» говоритъ г. Шторхъ въ своей обстоятельной, чисто фактической работѣ «о государственномъ долгѣ», «финансовая дѣятельность не могла превозмочь накопленіе долга; хотя доходы возрастали, но ихъ всетаки не хватало на положенныя издержки» (Гражданинъ, 1873, № 29, стр. 799).

[3]) Кн. Щербатовъ еще предъ началомъ 2-ой турецкой войны въ сочиненіи о »состояніи Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба» спрашивалъ «министровъ»: »не помнятъ ли они, что въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны, когда стали деньги переводить въ находящуюся въ Пруссіи армію, тогда курсъ упалъ до 35 штиверовъ? То, что было, не можетъ ли

русское общество въ лицѣ купцовъ и иныхъ лицъ „особеннаго собранія“ косвенно высказалось противъ слишкомъ дорогихъ, непосильныхъ для экономіи и бюджета страны, внѣшнихъ политическихъ предпріятій.

опять случиться, и въ малое число лѣтъ Росссія потеряла бы, что бы и во многія лѣта пріобрѣла, то я не знаю, чтобы на сіе могли отвѣтить вамъ? Дѣйствительно сіе“, продолжалъ кн. Щербатовъ, „воспослѣдовало. Сластолюбіе во всѣхъ частяхъ умножилось. Польскія дѣла, требующія непрестанной посылки денегъ, продолжались, войны возгорѣлись, курсъ упалъ“ и проч. (Сочин., т. I, 693 и 694; Чт, Общ. Ист. и Др. Россійск., 1860, I).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1-ое.

Представленная петербургскимъ головой Рѣзвымъ роспись „товарамъ, на привозъ которыхъ въ Россію должно учинить запрещеніе, сверхъ уже запрещенныхъ для пресѣченія роскоши и въ пользу россійскихъ заводовъ“ [2]).

1) Ситцы
2) Вышивныя товары
3) Хмѣль
4) Часы
5) Чулки шелковыя
6) Чулки валеныя
7) Чулки нитяныя
8) Шеколадъ
9) Водка сладкая
10) Гвозди
11) Мериновъ
12) Кинареекъ и жаворонковъ
13) Алмасъ, хрусталь, томбасъ
14) Кирпичь, черепица
15) Пряники и коврижки
16) Кожи выдѣланныя
17) Вохра
18) Белилы
19) Крупа перловая
20) Лапша и макароны
21) Ленты гладкія
22) Коровье масло
23) Медъ
24) Мыло
25) Мелъ

---

[1]) Орѳографія сохранена, здѣсь и ниже.

26) Мѣха, кромѣ бобровъ и выдръ
27) Мясо всякое
28) Ковры шерстяныя
29) Одѣялы
30) Оружіе
31) Орѣхи кокосовыя, кромѣ аптекъ
32) Бумажныя, гарусныя и нитеныя перчатки
33) Пиво и портеръ
34) Платки набивныя, также шелковыя и полушелковыя
35) Посуда фарфоровая
36) Рыба копченая
37) Сахаръ дѣланной
38) Свинецъ
39) Серебреной и золотой проволоки, фолги, блески
40) Сталь и пилы,
41) Стекла всякія
42) Хрустальная посуда
43) Сургучъ
44) Сиропъ, кромѣ аптекъ
45) Колбасы
46) Сыръ
47) Табакъ всякой
48) Сукна низкихъ доброть
49) Уксусы, кромѣ аптекъ

2-ое.

Роспись товарамъ, „которыхъ ввозъ быть можетъ запрещенъ“, по мнѣнію купца Самойлова и съ его ремарками.

1) Винъ шампанскихъ. . . . . 132.567 р.
„ бургонскихъ . . . . . 18.461 „
„ итальянскихъ и венгерскихъ и ликеровъ. . . . . 10.167 „
(запретить навсегда потребно, ибо безнужны).

2) Водки сладкой со спеціями . . . . . (свои фабрики есть).	19.903 р.
3) Араку рому шрому и спирту. . . . . (по прихоти).	1.966 „
4) Гвоздей . . . . . (свои есть).	5.955 „
5) Деревъ разныхъ сортовъ. . . . . (обойтится можно и разведено со излишкомъ аранжерей переводить дрова).	17.704 „
6) Лошадей для верховой ѣзды . . . . . (позволить однѣ для конскихъ заводовъ).	86.914 „
7) Птицъ . . . . . (невесть къ чему).	17,101 „
8) Каменьевъ пемзы, трипелю корововиковъ (кровавикъ см. кн. тариф., стр. 9)	3.156 „
9) Агату хрусталю и топазовъ . . . . . (въ Сибири своихъ много).	31.854 „
10) Кирпичей, черепицъ и клинкеровъ . . (своихъ со избыткомъ).	20.610 „
11) Каштановъ . . . . . (лакомство и большею частью гнилыя приходятъ).	1.307 „
12) Коврижекъ прянечныхъ, ореховъ, сухарей и кренделей . . . . . (лакомство и свои есть)	965 „
13) Кожъ ехидничьихъ	35.045 „
„ ягнячьихъ, козлиныхъ, кроликовыхъ и прочихъ.	3.225 „
Пумповыхъ подошевъ воловьихъ, телячьихъ и лосиныхъ . . . . . (свои фабрики въ хорошемъ состояніи).	91.213 „
14) Вохры . . . . . (своя есть).	7.270 „
15) Бѣлилъ	12.466 „

(весьма довольно фабрикъ въ Москвѣ; по надобности и болѣе заведутъ).

16) Крупы перловой . . . . . 19.139 р.
(ячменю довольно и дѣлать можно).

17) Крухмалу . . . . . 2.791 „
(свой есть).

18) Лапши и макароновъ . . . . . 11.739 „
(лакомство).

19) Лентъ шелковыхъ и полушелковыхъ. . 23.967 „
„ шерстяныхъ, льняныхъ и нитяныхъ 14.460 „
(гладкія, свои фабрики есть).

20) Масла коровьяго . . . . . — . . 7.764 „
(своего есть много).

21) Меду . . . . . 27.862 „
(свой есть).

22) Вареной медъ . . . . . —
(свой варить можно).

23) Мыла. . . . . 7.439 „
(со излишествомъ своего).

24) Мелу . . . . . 5.165 „
(цѣлыя горы).

25) Всякаго рода мѣховъ скотовъ, медвѣдей, соболи американскія и прочія. . 136.420 „
(своихъ много и лучше добротою, кромѣ бобровъ и выдръ для китайскаго торгу).

26) Мяса говяжьяго копченаго и соленаго витчины и колбасъ . . . . . 15.848 „
(свое есть хорошее и дешевлѣе).

27) Одѣялъ . . . . . 12.115 „
(можно обойтиться и безъ нихъ).

28) Оружія . . . . . 8.689 „
(свое есть).

29) Ореховъ греческихъ, коленыхъ и кокусовыхъ. . . . . 19.971 р.
(лакомство и вредны здоровью).

30 и 31) Перчатокъ валеныхъ, гарусныхъ, бумаж. и нитяныхъ . . . . . 17.205 „
(нитяныя и гарусныя сдѣлаютъ свои; безъ валеныхъ обойтиться можно).

32) Перьевъ . . . . . 2.516 „
(своихъ много).

33) Пива и портеру аглицкаго. . . . . 381.298 „
(по прихоти, а не по достоинству).

34) Платковъ бумажныхъ и полубумажныхъ набивныхъ . . . . . 21.592 „
„ полотняныхъ. . . . . 13.862 „
(свои весьма хорошо набиваются въ Москвѣ).
Платковъ шелковыхъ и полушелковыхъ 7.236 „
(свои фабрики есть).

35) Посуды фарфоровой. . . . . 18.209 „
(свои фабрики есть).

36) Рыбы копченой, соленой и сушеной. . 7.092 „
(со излишествомъ есть нежели надо).

37) Свинцовой руды. . . . . 687 „
(своя есть).

38) Свинцу. . . . . 28.430 „
(очень много и дешевлѣе).

39) Серебра и золота дѣльнаго . . . . . 10.888 „
(своихъ художниковъ много).

40) Серебряной и золотой проволоки, фольги и блестковъ . . . . . 2.371 „
(свое дѣлаютъ).

41) Стали . . . . . 31.309 „
(свое есть и агличанѣ мастера работаютъ лутче всякой иностранной).

42) Стекла . . . . . 26.004 р.
(своего есть много).
43) Стекляной и хрустальной посуды. . . 25.778 „
(свой большой заводъ есть).
44) Сургучу . . . . . 2.093 „
(свой дѣлаютъ и очень хорошъ).
45) Сыропу. . . . . 20.552 „
(на сахарныхъ фабрикахъ и безъ того много).
46) Сыру . . . . . 71.575 „
(лакомство, охотникъ дѣлай дома искусства требуется мало).
47) Табаку испанскаго, брезильскаго и кинастеру . . . . . 2.401 „
Табаку вергинскаго англинскаго и немецкаго. . . . . 32.092 „
Табаку рульнаго и листоваго. . . . . 22.686 „
тертаго. . . . . 44.137 „
(въ Церпѣ дѣлаютъ весьма хорошъ, сей по модѣ покупаютъ, а не по достойнству и надобности).
48) Сукна шленскія, карповыя и тридцатовыя, бреславскія, локтевыя и другихъ фабрикъ ординарныя отъ 1 до $1^{1}/_{2}$ р. 1.575.590 „
(своя фабрика есть и обойтиться можно; для транзитнаго торгу позволить).
49) Ситцу . . . . . 58.287 „
(свои фабрики весьма въ хорошемъ состояніи).
50) Уксусу. . . . . 24.686 „
(свой есть; виноградный въ Астрахани и Кизлярѣ дѣлать можно).
51) Усъ китовыхъ . . . . . 7.510 „
(свои есть у г. Архангельскаго).

52) Каламенки, таберету и драгету, баракану кафу . . . . . 307.677 р.
(нѣтъ ремарки!).
53) Хмели . . . . . 2.803 „
(свой есть).
54) Часовъ. . . . . 18.890 „
(свои фабрики и художники).
55) Чернослив ординарнаго . . . . . 5.896 „
Катеринскаго (черносливъ французскій, см. кн. тар., стр. 230). . . . . 105.828 „
(свой есть сколько угодно и по запрещ. заведутъ еще болѣе).
56) Чулокъ шелковыхъ. . . . . 87.131 „
(свои фабрики есть въ Москвѣ).
57) Чулокъ валеныхъ, шерстяныхъ и гарусныхъ . . . . . 109,498 „
(безъ валеныхъ обойтиться можно своими шерстяными).
58) Бумажныхъ и нитяныхъ. . . . . 48.252 „
(свои есть нитяныя и бумажныя).
59) Шеколаду. . . . . 6.874 „
(лакомство).
60) Яблоковъ и грушъ свежихъ. . . . . 161.982 „
(своихъ много).
61) Яблоковъ сушеныхъ. . . . . 1.360 „
(сихъ еще болѣе)

Всего сумма . . . . 4.144.495 р.

3-е.

Обложить „тяжелыми пошлинами“ Самойловъ рекомендовалъ слѣд. товары и вещи:

1) Анчорфишъ и сардерей [1])
2) Капорцовъ

[1]) Анчофиши (анчоусы) и сардели (кн. тар., отд. I, стр. 2; Отдѣлъ II., стр. 4 и 196).

3) Коринки

4) Лимоны, померанцы, апельсины и протчіе фрукты и съ нихъ корки

5) Лимонный сокъ

6) Посуда сереб. въ дѣлѣ

7) Устрицы и мушели раки

8) Миндальные орехи, финики, винныя, изюмъ, смоква желтая и черная.

9) Бритвы, брюнели и зрительные трубы

10) Бумага карточная, почтовая и протчая

11) Водка унгарская

12) Галантерейныя вещи

13) Горчица

14) Жесть

15) Иглы

16) Музыкальные инструменты

17) Корандаши

18) Квасцы

19) Нотные бумаги

20) Косы сенокосные

21) Кремни фузейные

22) Масло купоросное и спиртъ разное душистое

23) Полотна галанскіе и всякіе немецкіе

24) Посуда фаянсовая

25) Селитра

26) Струны музыкальные

27) Сукна тонкіе аглинскіе и полусукна

28) Серу горючую

29) Вещи изъ зеленой и красной меди къ камоднымъ приборамъ

30) Замки, задвижки, паникадила

31) Железные лакированные вещи

32) Трубки курительные

33) Шилы сапожные буравчики всякаго роду.

(Арх. д. там. сбор., д. ком. о ком., № 657, связка 38, по катал. Кайданова № 42).

4-ое.

Письмо Гомма Теплову:

„Le terme de trois ans, pour le quel les deux jeuns Russiens Swetchnikoff et Bashenin ont été envoyés en Angleterre, par ordre de sa Majesté Imperiale, sous ma direction, etant expiré, et que cela s'est fait par le canal de Votre excellence, je la supplie très humblement de me faire savoir les ordres de sa majestè a leur sujet quant à l'avenir. Mon correspondant a eu soin de fournir, pour l'entretenir et pour l'education de chaqu'un, la somme de trois cent Rubles tous les ans, conforme aux ordres... que j'ai reçu, et, a ce que cet ami me marque, ces jeuns hommes doivent avoir entierement rempli les intentions avec les quelles il a plû a sa Majesté de les envoyer, etant en etât, par moyen des connoissances qu'ils ont acquises, d'entrer dans un comptoir de Negociant et d'y profiter en tout ce que l'on pourroit leur enseigner".

5-ое.

„Вѣдомость сколько въ 1762 по нын. 1775 г. въ каж. году порознь отъ россійск. портовъ, исключ. Лифлянд., Эстляндіи и Финляндіи, во отпуску было за море разнаго званія хлѣба и насколько по цѣнѣ и что со онаго надлежало быть во взятье пошлинъ".

Отъ С.-Петербургскаго порта.

Ржи.	Число и вѣсъ	Стоимость.		Пошлинъ.
		Рубли.	Коп	
Въ 1765 г.	2186 чет.	4481	30	12 руб. 57 1/3 к.
Пшеницы				
Въ 1766 г.	1371 чет.	4863	60	
1767 —	4661 —	18.644	—	
1768 —	7448 —	30.536	80	
1769 —	40.642 —	166.632	20	безъ пошлинъ.
1770 —	21.383 —	85.532		
1771 —	43.129 —	172.516		
1772 —	47.470 —	213.615		
1773 —	35.532 1/2 —	168.778	18 3/4	
1774 —	68.390 —	307.755		

От С.-Петербургскаго порта.		Стоимость		Пошлины.	
Муки ржаной.	Число и вѣсъ	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
Въ 1762 г.	1766 кул.	2825	60	—	—
1765	5373 —	11776	87	62	24½
Муки пшенич.				Безъ пошлинъ	
1766	5073 пуда	2141	93¼		
1768	10 —	6			
1769	7	4	20		
1770	22	13	20		
1771	8161	6528	80		
1772	23	18	40		
1774	475	332	50		
Итого пшенц.	13771 пудъ	9045	3¼		
Крупитчатой					
1762	55 пуд.	30	25		
1764	25 —	22	50	1763 г.	нѣтъ свѣдѣній.
1766	2280	2280		1765 г.	
1768	1510	1359		1767 г.	
1769	3095	3095			
1770	2525 п. 7 ф.	3030	21		
1771	43	55	90		
1772	493 п. 38 ф.	642	13½		
1773	615	799	50		
1774	38	38			
Итого . . .	10680 п. 5 ф.	11.352 р.	49½		

Отъ Архангельска		Стоимость		Пошлины.	
Пшеницы	Число и вѣсъ	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
Въ 1765	1505 чет.	4214	—	—	—
1766	14633 1/2	43465	25	Безъ пошлинъ.	
1767	30115 1/2	91085	25		
1768	30495 3/4	102185	93		
1769	42392 1/4	133585	50		
1770	13066	35435	39 1/2		
1771	23196 1/4	67851	95		
1772	9522 1/4	36094	5 1/4		
1773	39585	133968	50		
1774	52871 1/2	181856	30		
Итого . .	257.383 1/4	829742	12 3/4	—	—
Муки ржаной.					
1765	16000 пуд.	3360	—	77	99 1/2
1766	3796 п. 21 ф.	1124	55	59 ефим. 4 р.	35 86
1767	37	14	6	—	16
1768	100	24	99 1/2	1 еф.	44 1/2
1769	50	12	—	1 еф.	4
1770	2492 п. 29 ф.	720	44 1/4	45 еф	15 3/4
1771	150 п. 20 ф.	66	62 1/2	3 еф.	46 1/2
1772	690 п. 32 ф.	242	—	4 еф.	17
1773	10413 п. 27 ф.	3033	55 3/4	225 еф.	35 3/4
1774	10947 п. 23 ф.	2441	90 1/4	240 еф.	47 1/2
Итого . . .	44678 п. 32 ф.	11040	13 1/4	583 еф. а на рубли: 82 руб.	11 1/2 85 1/2

Отъ Архангельска.		Стоимость		Пошлины.	
Пшеничной	Число и вѣсъ.	Рубли.	Коп	ефимки.	Коп.
Въ 1773 году	150 пуд.	232	52	3 еф.	42 1/2
1774	492 п. 27 ф.	198	83 3/4	12 еф.	29
Итого . . .	642 п. 27 ф.	431	35 3/4	16 еф.	21 1/2
Крупитчатой					
1770	99 п. 37 ф.	71	93 1/4	2 еф.	29 1/4
1773	60	88	50	17 еф.	20
1774	386 п. 36 ф.	314	52	8	24 1/2
Итого . . .	546 п. 33 ф.	474	95 1/4	28 еф.	23 3/4

Отъ Архангельска		Стоимость		Пошлины.
Ржи.	Число и вѣсъ	Рубли.	Коп.	Ефимки.
1762	27469 1/2 чет.	38457	30	2746 еф. 47 1/2 коп.
1763	4804	6725	60	480 еф. 20 коп.
1765	21873	42810	—	2187 еф. 15 коп.
1766	68093	136689	45	5787 еф. 6 1/4 к., а рублей—691 р. 74 к.
1767	1093 1/4	2486	50	109 еф. 16 1/4 коп.
1768	160	280	—	16 еф.
1769	8400	19555	—	839 еф. 49 1/2 коп.
1770	15359	31013	65	1535 еф. 45 коп.

Отъ Архангельска.		Стоимость		Пошлины.
Ржи.	Число и вѣсъ	Рубли.	Коп.	Ефимки.
1771	163533¾	402954	85	16353 еф. 18¾ коп.
1772	235282	667322	38¼	22523 еф 46½ коп.
1773	254442	631305	60¾	23100 еф. 29¾ коп.
1774	154713	308888	—	15471 еф. 15 коп.
Итого ржи	955222½	2288489	34	17447 ефим. 5¼ к.

Отъ Астраханскаго порта.		Стоимость.		Пошлины	
Муки ржаной.	Число и вѣсъ	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
1762	625 мѣш.	339	—	77	91
1763	1268 мѣш.	634	—	145	82
1764	934 пуд.	547	—	125	81
1765	605 мѣш.	452	50	104	7½
1766	130 —	92	—	21	16
1771	610 —	548	—	135	38½
1772	493 —	325	60	80	45
1773	240 —	168	—	41	49¾
Итого . . .	3971 мѣшокъ 934 пуд. или 20789 пудовъ	3106	10	732	16¾

Отъ Астраханскаго порта.		Стоимость		Пошлины.	
Пшеничной	Число и вѣсъ.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
1762	1416 мѣш.	2589	7	294	39¾
1763	2625 —	2559	—	588	57
1764	2000 пуд.	2000	—	460	
1765	180 мѣш.	235	—	54	3
1766	1019	1774	50	Безъ пошлинъ.	
1767	39	78			
1768	350	560			
1769	700	1400			
1770	1200	2600			
1771	443	765	60		
1772	717¼	965	50		
1773	880	1014			
Итого . . . пшеничной	2569 мѣш. 2000 пуд. или 49846 п. 10 ф	16540		1396 р.	99¾

Отъ Темерниковскаго порта	
Пшеницы въ 1773 году—6 четвертей на 7 р. 20 к. Муки пшеничной въ 1773 г. 229 четвертей на 747 р. 50 к. Въ 1774 г. 48 четв.— на 108 руб.	безъ пошлинъ

Итого пшенич. мук. 277 чет.=2493 пуд. на 855 р. 50 к.

Въ нынѣшнемъ 1775 г. по полученнымъ нынѣ рапортамъ значится въ отпуску хлѣба, а именно:

Отъ С.-Петерб. порта пшеницы 27715 кулей на 152.432 руб.

Отъ Арханг. (въ нынѣшнемъ 1775 г.):

Ржи 76394 четв. на 185292 рубля 10 к. и пошлинъ собрано 7639 ефимковъ 22½ к.

Пшеницы 16334 четв. на 63694 р. 11¼ к. безъ пошлинъ.

6-ое.

И на основаніи цыфръ, далеко неточныхъ, обрисовывается весьма
За 11 лѣтъ (1762—1772) отпускъ отъ *всѣхъ* россійскихъ пор
скаго порта онъ=72,313,984 р. [1]) Печатаемъ „вѣдомость“ движенія
хив

	Привозъ.		При С.-Петербургскомъ порт			
	Рубли.	Коп.	Въ отпускѣ изъ Россіи за море.		Диференція сколько отпуску изъ Россіи варовъ противъ возныхъ болѣе по ц	
Въ 1762	4.091.606	4	5.217.006	39¼	1.125.400	
1763	5.042.494	38¼	5.156.943	37¼	114.448	
1764	5.459.522	55½	5.885.243	30	425.720	
1765	5.071.082	35½	6.912.790	12¾	1.841 707	
1766	5.256.521	16¾	5.775.356	61½	518.835	
1767	4.773.017	25¾	6.184.299	94¼	1.411.282	
1768	6.328.143	41¼	6.630.247	89¼	302.104	
1769	6.795.096	25¼	7.640.301	68¼	845 205	
1770	6.378.371	44	7.522 502	39¼	1.144.130	
1771	6.784 572	79¾	8.937.797	74	2.153.224	
1772	7.513.841	23¼	6.451.494	58	1.062.346	
1773	8.548.034	54½	8.867.608	48	319.573	
Итого . . .	72.042.303	43¾	81.181.592	51¾	9.139.289	
Диференція сколько въ провозѣ и въ отпуску и въ сборѣ пошл. въ 1773 году противъ 1762 года болѣе.	4.456.428	50½	3.650.602	8¾	—	

дееся положеніе С.-Петербург. порта во внѣшней торговлѣ Россіи. ялся 148,065,786 р. [2]) и за то же время отъ одного С.-Петербург- ичной торговли при С.-Петербургскомъ портѣ, извлеченную отъ ар- гъ.

о въ сборѣ имѣетъ ъ россійскими деп- гами.		При С.-Петербургскомъ портѣ.
566.344	49¼	(?)
566.344	49¼	(?)
323.602	58¾	Въ 1762 г. ефимочнаго серебра вѣсомъ въ сборѣ было: 736 пуд. 1 ф. 64 золотн.
348.071	21½	А въ 1773 г 520 пуд. 31 ф. 49¾ зол.
633.281	65¼	Диференція менѣе 215 пуд. 10 ф. 14¼ зол.
621.287	14¼	А считая сборные ефимки по тарифному положенію на Россійскія деньги,
691.456	89½	въ 1762 г въ »зборѣ« было: 515.229 р. 16¾ к.
787.121	99¾	въ 1773 г. 364 551 р. 57
758.358	1	Диференція менѣе 150.677 р. 59¾ к.
867.246	88½	Ар. д. т. сб. д. к. о. к. № 884, связа 49.
621.882	72½	
049.259	24¾	
634.257	34¼	
482.914	75½	

[1]) Коп. здѣсь отброшены.

[2]) См. приложен. къ моей статьѣ: Русскія баланс. вѣд., табл. № II.

7-ое.

Изъ мнѣнія Теплова.

„Вмѣсто того, чтобъ по мнѣнію прав. Сената дозволить только записываться въ купечество крѣпости святого Димитрія Ростовскаго тѣмъ купцамъ, которые бы капиталу у себя имѣли не меньше каковыхъ въ купечество записывать въ силу указовъ велѣно, а по уставу магистратскому о купечествѣ повелѣно не меньше пяти сотъ рублей имѣть: то всѣ таковый капиталъ имѣющіе живутъ уже на своихъ мѣстахъ съ домами и хозяйствомъ; и для того неуповательно, чтобъ добровольно въ пустое мѣсто пожелалъ кто изъ нихъ переселиться; а такіе, которые бы хотя малымъ чѣмъ меньше того имѣли, уже допущены не будутъ. Купечествованіе возрастаетъ всегда отъ малаго въ великое и не терпитъ никакого принужденія, то не соизволитъ ли коммиссія такое средство принять въ разсужденіе: Публиковать печатнымъ въ народъ указомъ о всѣхъ выгодахъ купечеству на 10 лѣтъ даваемыхъ въ крѣпости Св. Дмитрія, и чтобъ туда каждый купецъ, какой бы его капиталъ ни былъ, малъ или великъ, власть имѣлъ по произволенію записываться въ посадъ по меньшей мѣрѣ на срокъ дватцатилѣтній, дабы опытъ совершенной имѣть могъ торгу своего съ выгодами чрезъ десять лѣтъ, и въ остальныя безъ выгодъ на отводимыхъ мѣстахъ“... Ар. д. т. сб. д. к. о. к. № 905, связка 50, № катал. Кайданова 25.

8-ое.

Изъ одного доклада.

„Въ прошломъ 1745 году марта 4-го дня въ Сенатъ адмиралтейская коллегія объявила полученной въ ту коллегію того же числа изъ астраханской конторы надъ портомъ подлинной репортъ которымъ между протчимъ показано, что въ полученномъ же въ ту контору изъ оной коллегіи отъ 20 авгу-

ста 1741 года указѣ написано, по опредѣленію той коллегіи и посланнымъ въ казанскую адмиралтейскую контору указомъ велѣно по сообщенію изъ кабинета, а по прошенію британскаго собранія аглинскихъ купцовъ Эрнста Бардевика съ товарищи для особливой имъ угодности... по ихъ желанію на Каспійскомъ морѣ... построить изъ дубовыхъ лѣсовъ судно, которое и построено". Даже не одно, а два. Торговля англичанъ на Каспійскомъ морѣ повлекла за собой не только торговыя, но и политическія, и финансовыя опасенія.

„А нынѣ (1746 г.) вторичнымъ въ тужъ адмиралтейскую коллегію астраханская контора надъ портомъ рапортомъ подтвердила..., что управляющій на персидскомъ кораблѣ командою англичанинъ призвалъ россійскихъ купцовъ прикащиковъ, перво на берегу спрашивалъ, чего ради съ россійскаго судна шахову кораблю чести никакъ не учинили. А потомъ пріѣхалъ къ нимъ на судно равномѣрно же угражывая о томъ же спрашивалъ лоцмана, того ради Сенатъ принужденно себя паходитъ въ томъ В-му П-му В-ву донесть, ибо ежели оный вредъ или паче самое зло тамо далѣе умножится, то конечно тамошній край крайней опасности подверженъ и слѣдовательно необходимо принуждено тамо другой флотъ съ немалымъ казеннымъ убыткомъ содержать будетъ, какимъ же образомъ то зло удержать или вовсе отвратить, о томъ Сенатъ не имѣя о тамошнихъ обстоятельствахъ и конъюктурахъ никакого извѣстія мнѣнія своего представить не можетъ".

Въ числѣ подписей и собствен. подпись графа П. И. Шувалова. Госу. арх., XIX, № 269.

9-ое.

Изъ „примѣчанія" Господина Форстера, секретаря „аглинской въ Россіи торгующей компаніи".

„Я желаю прежде всего предложить коммисіи сіи слѣдующія статьи торговли между Англіею и Россіею, что холстъ

привозимый изъ Россіи есть такого качества, который наиболѣе въ употребленіи для бѣдныхъ однихъ, что недостатокъ онаго не можно дополнить никакою британскою мануфактурою, что привозъ онаго не умножился, но напротивъ того умалился, что мануфактуры великобританскія вывозимыя въ Россію гораздо превосходятъ цѣною россійскихъ мануфактуръ, привозимыхъ въ Британію, что пошлины, платимыя въ Россіи съ провозу шерстяныхъ мануфактуръ туда британскихъ очень низки противу платимыхъ въ Британіи съ привозу Россійскихъ полотенъ, что одни платятъ отъ 17 до 18 на сто съ достойнства ихъ, а другіе отъ 26 до 50 на сто, что прибавка пошлинъ на россійскія полотна вздорожала бы оныя для бѣдныхъ, что вывозы наши въ одинъ Петербургъ простираются до 300,000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, что изъ сей суммы британскія мануфактуры составляютъ 200,000 фунт. стерлинговъ, а необдѣланный продуктъ до 100,000 фунт. стер; что употребляем. нами корабли возятъ 170,000 бочекъ, что привозимъ мы ежегодно отъ 7000 до 8000 бочекъ льну, что купцы наши жительствующіе тамъ имѣютъ отмѣнныя привилегіи.

Доказано уже, что здѣшніе бѣдные могутъ запасаться россійск. холстомъ третью $^1/_3$ дешевле, нежели какими либо домашними: и при томъ и такимъ холстомъ, который, заплатя уже правленію пошлиною по меньшей мѣрѣ треть своего достоинства, помогаетъ нѣкоторымъ образомъ и государственнымъ доходамъ и тѣмъ, которые оной носятъ; а есть ли бы не были они чрезъ то облегчаемы пошлинами съ иностранныхъ привозовъ, то были бы они еще болѣе настоящаго обременены житейскими потребностями; при сихъ обстоятельствахъ, ежели коммиссія удостовѣрена, что привозимыя изъ Россіи полотна полезны бѣднымъ работникамъ, есть ли найдетъ оная, что въ сіи бѣдственныя времена доставляютъ они имъ гораздо дешевѣйшее одѣяніе, нежели могли бы они инако достать ево изъ собственныхъ своихъ мануфактуръ, то изъ того яв-

ствуетъ, что всякая прибавка пошлинъ или всякая препона надлагаемая на привозимый сюда холстъ была бы усугубительнымъ обремененіемъ не на сумасбродныя прихоти великолѣпныхъ, но на нужды всего класса трудолюбивыхъ нашихъ бѣдныхъ".

„Еслибъ мы вздумали вредить россійской полотняной мануфактурѣ, то бы сіе было очевидное, и я увѣренъ дѣйствительное возмездіе, потомучто оное сбавило бы цѣну льну въ Россіи, препятствуя вывозъ онаго и прибавило бы цѣны на наши мануфактуры. Есть ли бы крайняя нужда или внезапное огорченіе возбудило то, что бы воздержало россійское правленіе запретить и вовсе ленъ вывозить? Не однихъ сихъ неудобствъ должно намъ опасаться, есть ли станемъ дѣлать затрудненія льняной россійской мануфактурѣ. Вы увѣдомлены уже однимъ изъ нашихъ свидѣтелей, который жилъ въ Россіи и который говоритъ... что Британія отмѣнно пріятствуемая тамо нація.

По симъ неоднократнымъ опытамъ пріятства явствуетъ, что правленіе Россійское желаетъ жить съ нами въ самой тѣсной дружбѣ".

На эту дружбу авторъ особенно надѣется въ таможенной политикѣ Россіи, равно какъ и на филантропію „Россійскаго правленія"—къ „нашимъ" (т. е. англійскимъ) „подданнымъ работящимъ бѣднымъ земледѣльцамъ и рыбакамъ".

А. д. т. сб., д. к. о к. № 3. 485, связ. 29. Дѣло 24 іюня 1774 г.

10-е.

Къ вопросу о торговомъ трактатѣ съ Испаніей.

1788 года февраля 23 дня въ журналѣ въ коммиссіи о коммерціи записано:

Слушано было письменно объявленное въ 19 день сего февраля отъ члена коммиссіи о коммер., господ. дѣйств. тайн. сов. сенатора и пр графа Александра Романовича Воронцо-

ва высочайшее Ея Им. В. повелѣніе, дабы оная коммиссія разсмотрѣла бумаги до постановленія торговаго трактата съ дворомъ ишпанскимъ касающіяся: 1-е, фундаментальныя начала нашихъ коммерческихъ трактатовъ сообщаемыя отъ господ. посланника Россійскаго Степана Степановича Зиновьева ишпанскому министерству, 2-е, записку отъ онаго министерства въ отвѣтъ на то помянутому посланнику врученную и 3-е, Разсужденіе отъ россійскаго въ Кадиксѣ находящагося консула Бранденбурга представленное о главнѣйшихъ статьяхъ, каковыя потребно стараться исходатайствовать отъ ишпанскаго двора посредствомъ торговаго трактата". Выслушавъ всё это, коммиссія постановила изготовить Ея И—му И—ву докладъ „со мнѣніемъ, на какомъ основаніи оный трактатъ заключить надлежитъ".

«Фундаментальныя правила нашихъ коммерческихъ трактатовъ суть слѣдующія»:

„1-е, Совершенная взаимность, въ сходствіе которой все, что даруется здѣсь чужестранцамъ по силѣ нашихъ коммер. трактат., имѣетъ быть равномѣрно даровано нашимъ подданнымъ во владѣніяхъ той державы, съ которою мы договариваемся, или также соразмѣрныя выгоды, зависящія отъ мѣстнаго положенія каждой изъ договаривающихся державъ. Сіи постановленія должны имѣть основаніемъ, чтобы колико возможно избѣгать всякаго исключительнаго благопріятства, которое водворяя великое неравенство между торгующихъ націй, произвело бъ подрывъ въ совмѣстности при покупкахъ и продажахъ, столь существенный для баланса коммерціи.

2-е, Не налагать себѣ никакихъ обузданій въ способности... благопріятствовать мореплаванію собствен. подданн. Россійскихъ, на такомъ условіи, что оная вольность имѣетъ быть предоставлена той державѣ, съ которою договариваемся, что подданные, какъ одной, такъ и другой державы имѣютъ быть уравнены съ фаворизуемыми націями совершенно.

3-е, Право дарованія особенныхъ выгодъ тѣмъ націямъ, которыя привозятъ къ намъ собственные продукты или товары на собственыхъ судахъ своихъ.

4-е, Не принимать никакого обязательства, могущаго воспрепятствовать намъ производить отмѣненіи въ дѣйствующихъ при постановленіи коммерческаго трактата тарифахъ, поелику благо торговли, а равно и перемѣны, которымъ она подвержена, требуютъ отъ времени до времени нѣкоторыхъ поправленій и другихъ отмѣнъ въ тарифахъ.

5-е, Непремѣнная цѣль способствовать транзитному торгу, выключая тѣхъ провинцій, которыя заповѣданы для другихъ націй и предоставлены для однихъ собственныхъ подданныхъ; уразумѣвая при томъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дозволяется договоривающейся націи означеный переходный торгъ производить, можно принять нужныя предосторожности для воспрепятствованія, дабы тотъ торгъ не превратился въ привозный къ ущербу государства.

6-е, Ограниченіе флага относительно портовъ Чернаго моря, гдѣ три сосѣднія съ симъ моремъ державы, а именно Россія, Порта Оттоманская и ханъ крымскій имѣютъ одни право мореплаваніе производить, чтобы торговля націй, пріемлемыхъ въ сихъ портахъ, отправлялась на нашихъ собствен. судахъ, или на тѣхъ, которымъ нашъ флагъ мы даруемъ, а равно и на судахъ обѣихъ вышеупомянутыхъ державъ.

7-е, Праведная взаимность въ выгодахъ тарифовъ...

8-е, Совершенное равенство въ выгодахъ между нами и тою націею, съ которою мы договариваемся, такъ что если мы уменьшимъ пошлину на какія либо продукты собственнаго произведенія владѣній той державы, то и сія имѣетъ даровать равномѣрное уменьшеніе на наши продукты, о чемъ и согласиться можно.

9-е, Совершенное и неограниченное признаніе началъ о вольности на моряхъ и о купеческой навигаціи нейтральныхъ

націй, каковыя начала Россійскою императрицею постановлены и въ теченіи сея войны подкрѣпляемы были и которыя съ толикимъ успѣхомъ способствовали къ общему благу коммерціи.“

Коммиссія разсмотрѣла всѣ означенныя выше бумаги и, „находя не безполезнымъ утвержденіе безпосредственнаго съ Испаніею торга постановленіемъ торговаго трактата“, выразила свое полное согласіе съ „фундамент. началами нашихъ торговыхъ трактатовъ“, „поволѣ“ Ея Им. В—а „сообщенныхъ“ испанскому министерству, „тѣмъ паче, что и помянутымъ министерствомъ, какъ изъ записки онаго посланнику Зиновьеву врученной явствуетъ, они признаны основаніемъ для будущихъ нашихъ съ упоминаем. дворомъ постановленій“. Коммисс. о ком. совѣтуетъ заключить торговой трактатъ съ Испаніей на такомъ же основаніи (и на 12 лѣтъ), на какомъ заключены трактаты съ датскимъ, вѣнскимъ, французскимъ и неаполитанскимъ дворами. Коммиссія подробнымъ описаніемъ тѣхъ статей, какъ „довольно уже извѣстныхъ“, не утруждаетъ вниманія и—цы. Коммиссія не совѣтуетъ домогаться сбавки пошлинъ на вывозные русскіе товары на томъ основаніи, что избытка ихъ нѣтъ, а между тѣмъ эта сбавка въ чужомъ государствѣ подала бы поводъ „требовать взаимныхъ сбавокъ въ пошлинахъ на привозъ сюда какихъ либо иныхъ товаровъ и продуктовъ безъ всякой для торга нашего пользы, а болѣе съ ущербомъ въ пошлинныхъ здѣсь доходахъ“.

Коммиссія совѣтуетъ поставить на видъ въ торговомъ трактатѣ испанскому правительству, что на испанскія вина существуетъ отъ Россіи „поощреніе“, а также—другую выгоду дозволить испанскому двору: чтобы испанцы, по желанію испаскаго двора, наравнѣ съ датчанами, австрійцами, французами и неаполитанцами платили здѣсь (въ Россіи) пошлину всякою россійск. монетою, а не ефимками; все это для того, чтобы „во взаимность“ получить отъ испанск. двора слѣдующія выгоды:

„1-е, сбавку 10% въ пошлинномъ сборѣ при всѣхъ въ Испаніи имѣющихся портахъ съ русскихъ парусныхъ и мануфактурн. полотенъ, также простыхъ холстовъ и хрящу (котораго наипаче въ Испаніи весьма много расходится и по большой части сколько извѣстно изъ Франціи туда привозится, и сія толстая холстина употребляется на обертываніе товаровъ посылаемыхъ изъ Кадикса въ испанскія американскія селеніи).

2-е, чтобы дозволено было изъ Испаніи выпускать въ Россію ежегодно по одному милліону піастровъ, съ платежемъ за то четырехъ процентной въ королевск. казну пошлины, освобождая оный милліонъ отъ всѣхъ прочихъ поборовъ". Консулъ Бранденбургъ рекомендовалъ добиваться выпуска въ Россію отъ 3 до 4 миліонъ. піастровъ; но комм. о к. этого не нашла полезнымъ, „потому что выписываніе чужестраннаго золота и серебра тогда только прибыточно, когда оное производится отъ избытка по торгу съ чужими областьми; но при вывозѣ сюда 3 или 4 мил. помянутой монеты можетъ конечно потеряться общій торга Россійскаго съ чужими державами балансъ, когда здѣшн. госуд. принуждено будетъ дѣлать по торгу своему какую-либо иностранцамъ переплату или за привозимое серебро изъ Испаніи серебромъ же доплачивать". Да и Испанское правительство но это „отмѣнно великое количество" не согласится „думать надобно"; а если бъ испанскій дворъ „по настоянію и изъявилъ свою на то податливость, то конечно не инако какъ съ требованіемъ разныхъ выгодъ и уступокъ здѣсь на испанскіе продукты и товары", отчего уменьшились бы тамож. дох. и „многія другія открылись бы по торгу неудобности".

3-е, Испанскіе подданные уволены почти отъ всякой пошлины въ Испаніи съ вывознаго испанск. вина; тѣ же сборы должны платить тамъ, т. е. почти не платить, и Русск. подданные, вывозящіе въ Россію всякое испанск. вино на свой счетъ на

россійск., либо испанск. корабляхъ; коммис. о ком. совѣтуетъ сложить пошлинн. сборы и съ русскихъ подд., очевидно, на ввозное вино изъ Испаніи. Выводъ: „россійское купеческое кораблеплаваніе весьма поощрится“.

„Но чтобы тѣ самыя вина при таковомъ выгодномъ оттуда выпускѣ могли Россійскіе подданные отвозить изъ Испаніи прямо и въ другія государства, какъ то консулъ Бранденбургъ въ разсужденіяхъ своихъ весьма прибыльнымъ почитаетъ: то ком. о комерціи не находитъ не только возможности, но и надобности требовать того съ Испанск. двора, какъ потому, что подданные россійскіе конторъ и жительствъ своихъ не только въ Испаніи, но и въ другихъ европейскихъ государствахъ не имѣютъ, и слѣдовательно нѣтъ удобности къ произведенію имъ такового торга, а развѣ одинъ онъ, консулъ Бранденбургъ, по пребыванію своему тамъ восхотѣлъ бы тѣмъ воспользоваться, такъ и по той причинѣ“, (коммиссія не находитъ надобности), „дабы не подать также поводу и испанцамъ во взаимство сего и для себя требовать здѣсь какихъ либо выгодъ“...

На сбавку, просимую испанскимъ правительствомъ пошлинъ на испанск. водки, по мнѣнію ком. о к., „согласиться не можно“, ибо испанская водка стала дѣлать подрывъ русск. водкамъ изъ простого хлѣбнаго вина, „которыя при всей крайне умѣренной добротѣ малымъ чѣмъ дешевле здѣсь противъ привозныхъ несравненно лучшихъ водокъ продаются“.

На сбавку пошлинъ на привозный сахаръ, „кокосывые орѣхи и на кофей, по мнѣнію к. о к., нѣтъ основаніи соглашаться, тѣмъ болѣе, что эти товары и „изъ другихъ земель въ Россію привозятся“. Относительно вооруженнаго нейтралитета коммиссія о коммерціи не разсуждаетъ, ибо начала его „до торговаго трактата не принадлежатъ“. Коммиссія о коммерціи полагаетъ однако, что „по сей матеріи“ „въ будущемъ съ Испаніею можно держаться того же пра-

вила“, какое постановлено въ трактатахъ съ Франціею и неаполитанскимъ дворомъ. Арх. д.—та там. сбор., дѣл. ком. о ком. 1788 года; № арх. 633, связка 37.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе. . . . . I—III.

Очеркъ первый.

Мнѣнія и вопросы объ улучшеніи состоянія русскихъ купцовъ и торговли въ проектахъ и планахъ общаго характера . . . . . 3—85.

I.

Краткая характеристика финансоваго и экономическаго положенія Россіи при воцареніи Екатерины II-ой (3—6). Учрежденіе коммиссіи для разсмотрѣнія торговли Россійскаго государства (6—8). . . . . 3—8.

II.

Отсутствіе солидарности между русскими крупными купцами и ихъ плохое культурное состояніе (8—13). Недостатокъ купеческихъ капиталовъ въ Россіи и причины этого явленія (13—17). Частыя банкротства, какъ послѣдствіе всего этого (17—19). . . . . 8—20.

III.

Общія экономическія воззрѣнія времени (20—23). Взгляды на торговлю и торговую политику въ статьяхъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій, къ пользѣ и увеселенію служащихъ» (23—27). Мнѣнія Екатерины о земледѣліи, торговлѣ и торговой политикѣ (27—29). Отно-

стр.

шеніе императрицы къ казеннымъ торгамъ, откупамъ и монополіямъ (29—31). Отношеніе къ откупамъ и монополіямъ въ русскомъ обществѣ (31—32). Экономическія и въ частности коммерсіальныя воззрѣнія въ литературѣ, значительно оживившейся при Екатеринѣ II (32—38). . . . . 20—38.

IV.

Мнѣнія анонимныхъ прожектеровъ о поправленіи русскаго купечества и коммерціи. . . . . 38—51.

V.

Записка неизвѣстнаго, но уполномоченнаго лица (52—56). Мнѣніе о русской торговлѣ Теплова, (56—58), Клингштета (58) и И. И. Неплюева (59—63). Планъ о приведеніи русской торговли въ лучшее состояніе, составленный Клингштетомъ изъ разныхъ проектовъ и предложенная имъ метода для обсужденія въ коммиссіи о коммерціи вопросовъ о торговлѣ (63—70). Планъ о томъ же отъ коммерческой коммиссіи и редактированье его Тепловымъ (70—78). Участіе коммерцъ коллегіи въ составленіи программъ для улучшенія русской торговли (78—83): мнѣнія Н. И. Неплюева (78—80) Меженинова (80—81) и Фербера (81—83). . . . . 52—85.

Очеркъ второй.

Вопросъ о вексельномъ курсѣ Россіи вмѣстѣ съ сужденіями о внѣшней торговлѣ ея (1774—1793 гг,) . . . . . 86—165.

I.

Вступительныя замѣчанія (86—87). Разсмотрѣніе внѣшней торговли въ 1774 году: письмо придворнаго банкира барона Фридерикса (87—88), записки: генералъ прокурора Сената кн. А. А. Вяземскаго (88—89), членовъ коммиссіи о коммерціи графа Э. Миниха (89—92) и кн. М. М. Щербатова (92—95). . . . 86—96.

стр.

II.

Указъ Сената (1779 г.) коммерческой коммиссіи о разсмотрѣніи вопроса объ упадкѣ вексельнаго курса и о вліяніи на послѣдній русскихъ государственныхъ ассигнацій, присылаемыхъ въ Россію изъ-за границы (96—97). Мнѣнія членовъ этой коммиссіи—гр. Э. Миниха (97—99), гр. А. Р. Воронцова (99—101) и фонъ Клингштета (101—104). Общее заключеніе коммиссіи (104—105) . . . . . 96—105

III.

Обсужденіе вопроса о вексельномъ курсѣ въ 1784 году (106—107). Коллективное прошеніе въ 1788 году русскихъ и иностранныхъ купцовъ придворному банкиру Сутерланду объ изысканіи средствъ къ возвышенію вексельнаго курса (107—109). Письмо бар. Сутерланда о томъ же президенту коммерцъ-коллегіи гр. А. Р. Воронцову (109—110). «Примѣчанія» маклера Меэра (110—112). Докладъ коммерческой коммиссіи по возбужденному вопросу (113—120). Основная тенденція этого доклада (120—123) . . . . . 106—123.

IV.

Новое паденіе вексельнаго курса (123—124). Предложеніе, согласно волѣ императрицы, отъ генералъ-прокурора А. Н. Самойлова кн. Н. Б. Юсупову вновь обсудить вопросъ о вексельномъ курсѣ совмѣстно съ гр. Х. С. Минихомъ и гр. А. И. Воронцовымъ, а также со знатными купцами (124—126). Первое засѣданіе «собранія» вмѣстѣ съ купцами и постановленіе отобрать отъ нихъ письменныя мнѣнія (127). Слѣдующія засѣданія и утвержденіе всеподданнѣйшаго доклада коммиссіи (127—128). Мнѣнія русскихъ купцовъ (128—137), иностранныхъ (137—140) и маклера Пастухова (140—143). Общая характеристика этихъ мнѣній (143—147). Докладъ «особеннаго собранія» (147—156), от-

стр.

ношеніе доклада къ совѣтамъ свѣдущихъ людей и его основныя тенденціи (156—158). . . . . 123—158.

Очеркъ третій.

Распоряженія и законы, касающіеся до внѣшней торговли, въ связи съ мнѣніями и проектами. 166—332.

I.

Распоряженія относительно коммерческаго образованія русскихъ купцовъ . . . . . 166—174.

II.

Распоряженія о таможенномъ управленіи и надзорѣ въ цѣляхъ борьбы съ контрабандой. . . . . 174—192.

III.

Порядокъ дальнѣйшаго изложенія (192—193). Обзоръ постановленій относительно казенныхъ и частныхъ монополій (193—195). Отношеніе правительства къ откупамъ (195—201). Регламентація торговли казенными товарами и переводъ ихъ въ «вольную» торговлю (201—205) . . . . . 192—205.

IV.

Важнѣйшія особенности екатерининскихъ таможенныхъ тарифовъ. . . . . 206—224.

V.

Регламентація торговли отдѣльными товарами (224). Монета и банковыя ассигнаціи (224—227). Хлѣбъ (227—248) и нѣкоторые другіе «нужные» товары (248—254). Предметы роскоши и вообще «ненужные» товары (254—267). . . . . 224—267.

VI.

Регламентація торговли на отдѣльныхъ путяхъ. Чрезъ моря: Балтійское (267—270), Бѣлое (270—276),

стр.

Азовское, Черное и Средиземное (276—297), Каспійское (297—310). На дальній востокъ (310—314) . . . 267—314.

VII.

Регламентація коммерціи съ отдѣльными государствами—въ торговыхъ трактатахъ: съ Англіей (315—320), Польшей (320), Даніей (321—322), Турціей (322—323), Курляндіей (323—324) Австріей (324—326), Франціей (326—328), королевствомъ обѣихъ Сицилій (328—329) и Португаліей (329—331) . . . 314—332.

Заключеніе . . . . . 333—345.

Приложенія. . . . . 346—371.

Замѣченные опечатки и недосмотры.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
6	3 снизу, прим.	№ 247,	№ 207
7	7 снизу, примѣч.	елизаветискаго	елизаветинскаго
13	3 снизу, прим.	Новгороссійскаго	Новороссійскаго
28	4 сверху	не запутывала	не запутывала)
30	6 сверху	караблей	кораблей
32	3 снизу	благорднаго	благороднаго
47	12 сверху	утвердилась	окончательно утвердилась
52	11 снизу	заключилось	заключалось
53	17 сверху	дозволяють	дозволяютъ
57	9 снизу	пря всё	при всемъ
57	12 снизу	минополіи	монополіи
60	12 сверху	приведемъ,	приведемъ
76	3 снизу	о направленіи	о поправленіи
96	8 сверху	гр. А. Т.	гр. А. Р.
98	3 сверху	иностранныя	иностранные
108	9 снизу (прим.)	arrêrer	arrêter
131	9 снизу	32 статьи	33 статьи
132	12 сверху	«какъ прежде»;	«какъ прежде»,
163	4 сверху	впалъ	упалъ
173	3 сверху	граждоне	граждане
197	9 сверху	были лишены,	были лишены
206	8 сверху	правитсльству	правительству
208	2 снизу	ефинковъ	ефимковъ

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*слѣдуетъ:*
231	14 снизу	шлехетству	шляхетству
232	2 снизу, прим.	Польскомъ	Польскимъ
233	1 снизу, прим.	22,623	12,623
244	2 снизу, прим.	внутрерней	внутренней
255	6 сверху	увеличина	увеличена
281	10 сверху	осударя	государя
282	12 сверху	мнистрахъ	министрахъ
292	5 и 6 снизу	Чернаго	Азовскаго и Чернаго
311	1 снизу, прим.	. . . . .	(добавить) и А. Корсакъ: Историко-статистич. обозрѣніе торговыхъ снош. Россіи съ Китаемъ. Казань, 1857 г., стр. 70—72.
317	6 снизу, прим.	de	du
328	6 сверху	протицированнаго	пропитированнаго
337	4 снизу	при всѣмъ	при всемъ
354	4 снизу	Эстяндіи	Эстляндіи

КНИЖНАЯ ЛАВКА ЛИТФОНДА СССР
№ 1474
Цена 40 =
Дата 5/60
2-я ф-ка детской книги. 2260—50 000
С 1. 1. 196[illegible] года
цена 4 0 —к

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
000019446868